

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
2022

STATE
ACADEMIC UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL COURIER

2022 (3)

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN JANUARY, 2019
MOSCOW

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЙ КУРЬЕР

2022 (3)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в январе 2019 года
Москва

Периодическое издание
Рецензируемый научный журнал

Periodical
Peer-reviewed journal

Журнал издается под руководством:
Государственный академический университет
Гуманитарных наук (ГАУГН)
Институт востоковедения Российской академии наук
(ИВ РАН)

The journal is published under the supervision of:
State Academic University for the Humanities
(GAUGN)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(IOS RAS)

E-mail: oriental-courier@jes.su
URL: <https://oriental-courier.ru>

E-mail: oriental-courier@jes.su
URL: <https://oriental-courier.ru>

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии
наук. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

Государственный академический университет
гуманитарных наук. 119049, г. Москва, Мароновский
переулок, 26, комн. 222

State University for the Humanities.
26, Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049,
room 222

Восточный курьер. № 3. — М.: ГАУГН, ИВ РАН, 2022. — 220 с.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ГАУГН, ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Макет и верстка — Н. В. Бусыгин

В оформлении обложки использованы рисунки © Ю. А. Молоканова

На обложке: блюдо из Фаюмского оазиса, Египет. Третья четверть VI — первая четверть VII в. Центр египтологических исследований РАН. Фото: © С. В. Иванов

© ГАУГН, 2022

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

© Редакция журнала «Восточный курьер» (составитель), 2022

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

А. К. Аликберов
В. Я. Белокреницкий
В. В. Наумкин
А. Л. Рябинин
Д. В. Фомин-Нилов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Д. В. Дубровская

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. Г. Актамов
Л. Б. Алаев
А. С. Балахванцев
Е. Ю. Ванина
М. В. Грачев
А. Ю. Другов
Д. Н. Замятин
М. С. Круглова
М. И. Крупянко
В. А. Кузнецов
Е. В. Кузнецова
П. А. Куценков
Д. В. Микульский
А. А. Столяров
Т. Л. Шаумян
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

РЕДАКЦИЯ

А. И. Василенко
(ответственный секретарь)
П. И. Абанина
(научный редактор)

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Alikber K. Alikberov
Vyacheslav Ya. Belokrenitskiy
Vitaly V. Naumkin
Aleksey L. Ryabinin
Denis V. Fomin-Nilov

EDITOR-IN-CHIEF

Dinara V. Dubrovskaya

EDITORIAL BOARD

Innokenty G. Aktamov
Leonid B. Alaeв
Archil S. Balakhvantsev
Evgeniya Yu. Vanina
Maxim V. Grachyov
Alexey Yu. Drugov
Dmitry N. Zamyatin
Maria S. Kruglova
Mikhail I. Krupyanko
Vasily A. Kuznetsov
Evgeniya V. Kuznetsova
Pyotr A. Kutsenkov
Dimitry V. Mikulsky
Alexander A. Stolyarov
Tatiana L. Shaumyan
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

EDITORIAL GROUP

Anastasiya I. Vasilenko
(Executive Editor)
Polina I. Abanina
(Academic Editor)

Содержание

- 10 От редакции:
Что в образе тебе моем?
- ВОСТОК: ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ**
- 11 Христофоров В. С. Объекты культурного наследия
Афганистана: проблема сохранения в условиях
военных конфликтов XX–XXI вв.
- 29 Цвижба Л. И. Использование древних памятников
Абхазии в фальсификации ее истории
- ВОСТОЧНОЕ ЧАЕПИТИЕ**
- 36 Дубровская Д. В., Столяров А. А. К 90-летию
Леонида Борисовича Алаева: о марксизме, общине
и индологии. Часть I
- ВЕСТИ С РАСКОПОВ**
- 50 Ярмолович В. И. Расписное блюдо из российских
раскопок в Фаюмском оазисе (Египет)
- 58 Малых С. Е. FIDE ET DIFFIDE: древнеегипетская
архаическая керамика в собрании ГМИИ
им. А. С. Пушкина, или К вопросу о реатрибуции
музейных предметов

66	Прусаков Д. Б. От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в V тысячелетии до н. э. Часть II
82	Орехов Р. А. Трагедия «маленького человека» (к 120-летию со дня рождения И. М. Лурье)
	ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА
94	Скворцова Е. Л., Луцкий А. Л. Японский мыслитель Като Хироюки о государстве и обществе
	ЧИТАЯ ИСТОЧНИКИ
105	Микульский Д. В. Легендарная египетская царица Клеопатра в <i>Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар</i> ал-Мас'уди (X в.)
113	Прасс В. Д. Историография империи Лю-Сун (420–479 гг.)
123	Сон Сомиа. Речевой этикет в корейском обществе
	ВОСТОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА
130	Писцов К. М. Китайская народная картина и придворная культура
145	Терещенко Т. С. Образы сарацин в средневековом искусстве
159	Победоносцева-Кая А. О. «Советская власть одобряет нашу религию»: езидизм в советском кинематографе
179	Голованова И. В. Технология NFT в Южной Корее: история и тенденции
188	Гутарева Ю. И. Новые формы корейской пейзажной живописи: штрих-кодированный пейзаж О Хёнён
210	Сафонова Н. В. К некоторым аспектам современного искусства Дагестана: художники в поисках собственной идентичности

Contents

10	EDITORIAL: WHAT'S IN AN IMAGE?
	CONTEMPORARY EAST: PRESSING MATTERS
11	KHRISTOFOROV VASILY S. CULTURAL HERITAGE SITES OF AFGHANISTAN: THE PROBLEM OF PRESERVATION IN THE CONDITIONS OF MILITARY CONFLICTS OF THE 20 TH –21 ST CENTURIES
29	TSVIZHBA LARISA I. ANCIENT MONUMENTS OF ABKHAZIA AS A MEANS OF ITS HISTORY'S FALSIFICATION
	ASIAN TEA PARTY
36	DUBROVSKAYA DINARA V., STOLYAROV ALEXANDER A. TO THE 90 TH ANNIVERSARY OF LEONID B. ALAEV: ON MARXISM, COMMUNITY AND INDOLOGY. PART I
	ARCHAEOLOGY NEWS
50	YARMOLOVICH VICTORIA I. THE BOWL WITH PAINTING FROM THE RUSSIAN EXCAVATIONS IN THE FAYUM OASIS (EGYPT)
58	MALYKH SVETLANA E. <i>Fide et diffide</i> : ANCIENT EGYPTIAN ARCHAIC POTTERY IN THE COLLECTION OF THE PUSHKIN

	STATE MUSEUM OF FINE ARTS, OR TO THE QUESTION OF MUSEUM OBJECTS' REATTRIBUTION
66	PROUSSAKOV DIMITRY B. FROM THE DELTA TO THE DELTA: NATURAL CONDITIONS AND SETTLERS ON THE MAIN NILE IN THE FIFTH MILLENNIUM B. C. PART II
82	OREKHOV ROMAN A. "LITTLE MAN'S" TRAGEDY (TO THE 120 TH ANNIVERSARY OF ISIDOR M. LURIE)
	THEORY AND ANALYTICS
94	SKVORTSOVA ELENA L., LUTSKY ALEXANDER L. JAPANESE THINKER KATO HIROYUKI'S VIEWS ON STATE AND SOCIETY
	READING HISTORICAL SOURCES
105	MIKULSKY DIMITRY V. LEGENDARY EGYPTIAN QUEEN CLEOPATRA IN <i>Murudj al-Dhahab wa Ma'adin al-Djawhar</i> BY AL-MAS'UDI (10 TH CENTURY)
113	PRASS VLADISLAV D. HISTORIOGRAPHY OF THE LIU SONG EMPIRE (420-479 AD)
123	SON SOMIA. SPEECH ETIQUETTE IN KOREAN SOCIETY
	ORIENT: AN ARTISTIC VIEW
130	PISTSOV KONSTANTIN M. THE CHINESE FOLK WOODCUT AND COURT CULTURE
145	TERESHCHENKO TATIANA S. IMAGES OF THE SARACENS IN THE MEDIEVAL ART
159	POBEDONOSTSEVA-KAYA ANGELIKA O. "THE SOVIET GOVERNMENT APPROVES OF OUR RELIGION": YEZIDISM IN SOVIET CINEMA
179	GOLOVANOVA IRINA V. NFT TECHNOLOGY IN SOUTH KOREA: HISTORY AND TRENDS
188	GUTAREVA YULIA I. NEW FORMS OF KOREAN LANDSCAPE PAINTING: BARCODED LANDSCAPE BY OH HYUN-YONG
210	SAFONOVA NATALIA V. ON SOME ASPECTS OF CONTEMPORARY ART IN DAGESTAN: IDENTITY SEARCH OF MODERN ARTISTS

ОТ РЕДАКЦИИ:

ЧТО В ОБРАЗЕ ТЕБЕ МОЕМ? (Часть 1)

Рубрика «От редакции» третьего и четвертого номеров «ВК» этого года посвящена иллюстрациям — теме, крайне важной для нашего полноцветного издания.

Трудно поверить, но до XX века в мире было очень мало картинок. Чтобы увидеть что-нибудь красивое, помимо природного ландшафта, человек должен был посетить готический собор (и полюбоваться на алтарный образ Ханса Мемлинга), стать кардиналом (и прийти выбирать Папу Римского в Сикстинскую капеллу), унаследовать титул или богатство где-нибудь в Сассексе (и совершить Grand Tour в Италию). Даже музеи появились достаточно поздно и так и не стали самыми посещаемыми местами general public, хотя чтобы познакомиться с искусством и сделать из Лувра музей, Наполеону пришлось ограбить немало стран Европы и Азии.

Настоящая широкая доступность художественных образов — заслуга тиражной графики, печати и, в частности, журналов. Еще люди поколения главреда «ВК» изучали мировую художественную культуру по репродукциям из журнала «Огонек», а путешествовали по миру при помощи передачи «Клуб кинопутешественников» и журнала «Курьер ЮНЕСКО».

Ныне все изменилось. Каждый день соцсети снабжают нас погонными километрами роскошных фотографий произведений искусства, исторических достопримечательностей, природных красот, дают возможность взглянуть в средневековые ми-

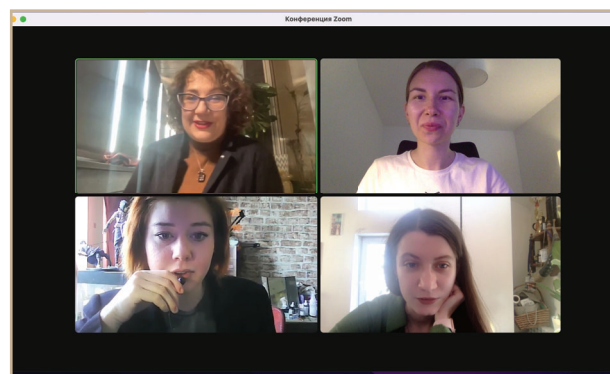
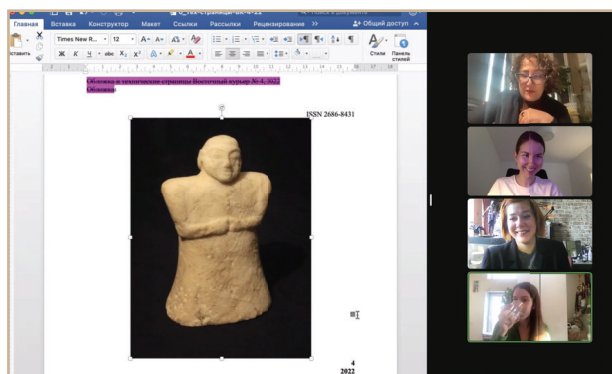
ниатюры и даже снабжают их смешными подписями. Картинок стало так много, что уже и самые тренированные искусствоведы, способные с легкостью провести три-четыре часа в музее, готовы взмолиться: «Сколько можно? Уберите уже эту “Девушку с жемчужной серьгой”, “Крик” Мунка, бесконечные портреты салонных дам, цветастые пейзажи и котиков!» (последнее, конечно, шутка: котиков много не бывает)!

При этом далеко не все из нас относятся к визуалам и нуждаются в картинках: где-то в прохладных темных пещерах, оснащенных пишмашинками, по-прежнему обитают олдскульные научные работницы, создающие статьи и монографии, не требующие иллюстрирования. Этим редким птицам, мэтрам нарратива, достаточно Его величества Слова; им либо просто не нужно ничего визуализировать, либо воображение их столь мощно, что они способны все визуализировать сами, без нашей с вами помощи. Для особо продвинутых в этом «дао воображения» существует даже особый вид деятельности, называемый экфрасис, — когда вы *описываете* визуальный образ в тексте, но не показываете его. Так, многотомный труд основателя истории искусства Джорджо Вазари, по которому весь мир изучал Ренессанс, не был снабжен иллюстрациями. Люди умели читать и видеть.

Что же делать?

Читайте следующий номер!

Ваш Восточный курьер

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АФГАНИСТАНА:

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ XX–XXI вв.

CULTURAL HERITAGE SITES OF AFGHANISTAN:

THE PROBLEM OF PRESERVATION IN THE CONDITIONS
OF MILITARY CONFLICTS OF THE 20TH–21ST CENTURIES

© 2022 **Василий Степанович Христофоров**

член-корреспондент РАН, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой международной
безопасности, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия
xvsarhiv@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3964-1967

Vasily S. Khristoforov

Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of International Security, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia
xvsarhiv@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3964-1967

Объекты культурного наследия Афганистана находятся в зоне риска уже более 40 лет, их умышленно и по неосторожности разрушают, грабят, незаконно вывозят за границу и продают на черном рынке. Отдельные сообщения о разрушениях объектов культурного наследия можно было наблюдать в режиме реального времени, при этом разрушители открыто демонстрировали фотографии и видеорепортажи, подчеркивая свое пренебрежение нормами международного

гуманитарного права, как это было с уничтожением двух гигантских статуй Будды в провинции Бамиан. Точную цифру разрушенных объектов культуры и пропавших ценностей в Афганистане назвать невозможно, так как достоверная информация об этом отсутствует, а доступ наблюдателей сопряжен с риском для жизни. На необходимость сохранения исторических и культурных памятников в Афганистане не один раз обращало внимание международное сообщество и ЮНЕСКО. Однако проблема их сохранения в Афганистане далека от реального решения. В статье дается классификация и периодизация военных конфликтов в Афганистане в период 1978–2021 гг., уточняется состав участников в каждом из рассматриваемых периодов, показаны негативные последствия каждого из периодов конфликта для сохранения объектов культурного наследия страны. Военный конфликт в Афганистане (1978–2021) — это серия гражданских войн, которые велись в том числе с участием иностранных военных контингентов, нанеших существенный, а порой невосполнимый ущерб для афганского общества и памятников культурного наследия страны. Автор выделяет пять основных этапов военного конфликта в Афганистане, когда в стране велись гражданские войны с большим количеством участников. В каждом из этапов военного конфликта велись боевые действия с разной степенью интенсивности, в результате которых был нанесен ущерб музеям, архивам, библиотекам, археологическим объектам. Основными причинами уничтожения и разграбления памятников культуры стали: интенсивные боевые действия в районах расположения музеев, архивов, библиотек, археологических памятников, последствия артиллерийских обстрелов и бомбовых ударов, умышленное уничтожение памятников, деятельность «черных» археологов в отсутствие возможности контролировать местности, где велись раскопки, отсутствие охраны памятников культурного наследия и финансирования для их ремонта, реставрации и поддержания в надлежащем состоянии.

Ключевые слова: Афганистан, талибы, культурное наследие, военный конфликт, Россия, США, ЮНЕСКО

Для цитирования: Христофоров В. С. Объекты культурного наследия Афганистана: проблема сохранения в условиях военных конфликтов XX–XXI вв. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 11–28. DOI: 10.18254/S268684310023712-1

Afghanistan's cultural heritage sites have been at risk for more than 40 years, being deliberately and recklessly destroyed, robbed, illegally exported and sold on the black market. Anecdotal reports of the destruction of cultural heritage sites could be observed in real time, with the destroyers openly displaying photographs and video footage emphasizing their disregard for international humanitarian law, as it was with the destruction of two giant Buddha statues in Bamiyan province. It is impossible to name the exact number of destroyed cultural objects and missing values in Afghanistan, since there is no reliable information about this, and the access of observers is associated with a risk to life. The need to preserve historical and cultural monuments in Afghanistan has repeatedly drawn the attention of the international community and UNESCO. However, the problem of their preservation in Afghanistan is far from real solution. The article gives a classification and periodization of military conflicts in Afghanistan in 1978–2021, clarifies the composition of the participants in each of the periods under consideration, shows the negative consequences of each of the periods of the conflict for the preservation of the country's cultural heritage. The military conflict in Afghanistan (1978–2021) is a series of civil wars that were fought, including the participation of foreign military contingents, which caused significant and sometimes irreparable damage to the Afghan society and the country's cultural heritage. The author identifies five main stages of the military conflict in Afghanistan, when civil wars were fought in the country with many participants. In each of the stages of the military

conflict, hostilities were conducted with varying degrees of intensity, as a result of which damage was inflicted to museums, archives, libraries, and archaeological sites. The main reasons for the destruction and looting of cultural monuments were: Intense hostilities in the areas where museums, archives, libraries, archaeological sites are located, the consequences of artillery shelling and bombing, the deliberate destruction of monuments, the activities of “black” archaeologists in the absence of the ability to control the areas where excavations were carried out, the lack of protection of cultural heritage monuments and funding for their repair, restoration and maintenance.

Keywords: Afghanistan, Taliban, cultural heritage, military conflict, Russia, USA, UNESCO

For citation: Khristoforov Vasily S. Cultural Heritage Sites of Afghanistan: The Problem of Preservation in the Conditions of Military Conflicts of the 20th–21st Centuries. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 11–28. DOI: 10.18254/S268684310023712-1

Материальное наследие Афганистана представляет собой тесное переплетение древнейших культур Центральной Азии и Среднего Востока. В первом тысячелетии до н. э. на северо-востоке Ирана и в сопредельных областях Афганистана и Центральной Азии был широко распространен зороастризм. На сопредельных территориях современных Таджикистана, Узбекистана и Афганистана, между горной цепью Гиндукуш на юге и Ферганской долиной на севере располагалась историческая область Бактрия и примерно 300 лет существовало греко-бактрийское государство. Затем на территории современного Афганистана широкое распространение получил буддизм, появились новые типы культовых построек: ступы, монастыри, храмы. Здесь располагались множество промежуточных центров на древнем Шелковом пути. Утверждение в VIII–IX вв. на афганской территории ислама, оказало существенное влияние на культурное наследие, появились крупные архитектурные ансамбли, мечети, минареты. Находясь на перекрестке цивилизаций, культурное и археологическое наследие Афганистана в религиозном отношении состоит из зороастрийских, буддийских и исламских памятников.

Уникальные коллекции афганских музеев, отражающие историческое и культурное прошлое народов страны, систематически пополнялись в 1920–1970-е гг. предметами разных исторических эпох, найденными французскими и совет-

скими археологами, проводившими изыскания в историко-культурных центрах Афганистана.

Как историческое наследие в целом, так и археологические или исторические факты являются конструктами, которые по-разному и в разные периоды выстраиваются в интересах общества, отдельных социальных групп или государства. Эти конструкты тесно связаны с идентичностью и социальной практикой. Борьба за историческое наследие нередко выходит далеко за научные рамки и затрагивает межэтнические, межконфессиональные, межнациональные и межгосударственные отношения. Эта борьба чревата серьезными конфликтами вплоть до вооруженных. В этом случае историческое культурное наследие (музеи, исторические памятники, места археологических раскопок) подвергается серьезной опасности; ему грозит полное уничтожение. Уничтожение культурных ценностей — это посягательство на культурную самобытность, память, достоинство и будущее целого народа. Согласно международному гуманитарному праву¹, культурные ценности — это объекты движимого или недвижимого имущества, имеющие большое значение для культурного наследия каждого народа. Это могут быть памятники архитектуры или истории, места археологических раскопок, произведения искусства или книги.

Цель нашего небольшого исследования рассмотреть, как сохранялось/разрушалось культурное наследие Афганистана в период вооружен-

1 Защита культурных ценностей: вопросы и ответы. МККК. 30.10.2017. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-kulturnyh-cennostey-voprosy-i-otvety> (accessed 05.10.2022).

ных конфликтов в этой стране, а также ответить на вопрос, что нам может сказать политика движения «Талибан»² в отношении сохранности культурных ценностей и национального строительства?

В американской прессе, в оценках экспертов после повторного прихода талибов к власти в Афганистане в августе 2021 г. звучит сравнение текущей культурной политики талибов с событиями «культурной революции» в Китае, в ходе которой китайские традиции и многие китайские культурные объекты подверглись нападению и были разрушены. Между этими событиями проводятся прямые параллели.

Еще один вопрос связан с тем, что актуальная западная историография, изучающая различные аспекты сохранения культурных и археологических памятников, предлагает выработать новый «деколонизованный язык» для его описания. По мнению некоторых ученых, археология должна отказаться от глобальных построений с их универсальной эволюционной парадигмой и вместо этого создавать локальную теорию и служить локальным общинам.

Современные вооруженные конфликты сопровождаются преднамеренным и непреднамеренным разрушением и расхищением культурных ценностей. В связи с тем, что военный конфликт в Афганистане продолжается уже более 40 лет, вопрос о том, кому принадлежит ценное историческое культурное наследие того или иного региона, — коренному населению, нации или мировому сообществу — почти неактуален.

По мнению экспертов в сфере культуры, в современных условиях культурное наследие стало новой мишенью экстремизма, а главной целью экстремистов является именно уничтожение культурного наследия, и, как следствие, стирание идентичности и культурных маркеров, а не просто разграбление и уничтожение музеев и памятников. В последнее десятилетие активно используется понятие «культурная чистка». Несмотря на то, что «культурная чистка» не имеет устоявшегося определения в международном праве, это понятие широко используется в научных кругах. По мнению И. Боковой³, понятие «культурная чистка» охватывает не только **преднамеренное** уничтожение культурных объектов, но и отдельные нарушения прав человека, например, преследование по этническим или религиозным признакам, нападения на журналистов, разрушение школ⁴.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

По вопросу сохранения культурных ценностей довольно активно разрабатывается историография общего плана: деятельность Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)⁵, общетеоретические вопросы, связанные с сохранением культурного наследия и социальным конструированием, с культурной политикой⁶.

Достаточно много работ, посвященных вопросам сохранения культурных ценностей в период Великой Отечественной войны [Зинич, 2003; Бойцов, Васильева, 1998; Мазурицкий, 2015; Николас, 2001], военных конфликтов в Ираке и Сирии

2 Запрещенная в РФ организация.

3 Ирина Георгиева Бокова (род. 12.07.1952, София, Болгария) — болгарский политический и общественный деятель, дипломат. Генеральный директор ЮНЕСКО (2009–2017).

4 Address by Irina Bokova, Director-General of UNESCO, at the Royal Institute of International Affairs: Cultural Heritage: Extremism's New Target. London, 1 July 2015. *UNESDOC*. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233661> (accessed 25.08.2022).

5 Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения: Доклад Секретариата. 2003. Гл. 4. Ст. 34. *UNESDOC*. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000129554_rus (accessed 10.09.2022); ЮНЕСКО. Во время августовских волнений в Египте из Национального музея Малави в эль-Минье похищены сотни экспонатов. 19.09.2013. *TACC*. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/678838> (accessed 20.08.2022).

6 Атанова С. Культурное наследие — невинная жертва трагических обстоятельств. 20.03.2016. *PCMД*. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31201/?sphrase_id=90973312 (accessed 20.08.2022).

[Джанджугазова, Ассаф, 2016]⁷, в других странах. Вопросы сохранения культурных ценностей Афганистана изучаются археологами, представителями ЮНЕСКО и журналистами. В числе авторов научных трудов по этой теме следует назвать советского археолога В. И. Сарианиди [Сарианиди, 1984] и французского археолога Франсуазу Оливье-Утар [Olivier-Utard, 2003], в работах которых рассматриваются итоги деятельности советской и соответственно французской археологических экспедиций в Афганистане. Однако в них речь идет об относительно благополучном периоде афганской истории до начала 1980-х гг. Научных работ, касающихся современного состояния сохранности культурных ценностей в Афганистане, крайне мало, они ограничиваются несколькими статьями [Мунчаев, Кошеленко, Гаибов, 2012; Манхарт, 2004]⁸ и исследованием, подготовленным коллективом авторов, в котором подробно освещается катастрофа, обрушившаяся на афганские археологические памятники и музейные коллекции в период вооруженных конфликтов, показывается, как крушение государственной инфраструктуры в 1990-е гг. привело к безнаказанному разграблению памятников вначале местными крестьянами, а затем и полевыми командирами, что привело к расцвету рынков нелегально вывезенных древностей. В книге показан тот огромный вред, который нанесла и деятельность талибов, в первый период своего правления (1996–2001) организовавших си-

стематическое уничтожение хранящихся в музеях произведений искусства прошлого [Кошеленко, Мунчаев, Гаибов, 2014].

1978–1989 гг.

Разрушения, повреждения и разграбления объектов культурного наследия Афганистана в период военного конфликта в 1978–1989 гг. в котором с декабря 1979 г. принимали участие и советские войска [Христофоров, 2016], происходило по двум основным причинам. Во-первых, были практически свернуты археологические работы, ведущиеся французскими, советскими и афганскими специалистами, в результате чего древние памятники были разграблены «черными археологами». Во-вторых, объекты культурного наследия, оказавшиеся в зоне ведения боевых действий, ведущихся между советскими войсками и афганской оппозицией, подвергались разрушениям и повреждениям из-за интенсивных артиллерийских и бомбовых ударов. Так, советские истребители-бомбардировщики в 1986–1987 гг. дважды ошибочно нанесли бомбовые удары по городу **Кандагару** [Пластун, 2016, с. 228], в котором находится большое количество памятников культурного наследия и уникальных достопримечательностей⁹ Афганистана.

Во время вооруженного конфликта 1979–1989 гг. Национальный музей Афганистана ра-

7 Чмеленко Ю. Разрушенное наследие Ирака: причины, факты, последствия (ч. 2). 31.10.2013. *Посольский приказ*. URL: <http://www.posprkaz.ru/2013/10/razrushennoe-nasledie-iraka-prichiny-fakty-posledstviya-ch-2/> (accessed 10.10.2022); UNESCO Mission Reports on War Damage to Cultural Heritage in Lebanon. 19.09.2006. *UNESCO*. URL: <http://whc.unesco.org/en/news/283/> (accessed 10.10.2022); Представитель ООН и ЛАГ по Сирии и глава ЮНЕСКО призвали спасти культурное наследие САР. 12.03.2014. *ТАСС*. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1041086> (accessed 10.10.2022); Как сохранить культурное наследие Сирии. 02.05.2016. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15208> (accessed 09.08.2022).

8 Афган, война и медные руды. 24.12.2007. *Коммерсантъ*. URL: https://www.kommersant.ru/doc/838760_ (accessed 10.10.2022); Ахмади Л. Проблемы сохранения всемирного наследия ЮНЕСКО в Афганистане. *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2016. № 2 (06). URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/437> (accessed 10.10.2022); Новые власти пообещали не разрушать памятники Афганистана. 16.08.2021. *МК.ру*. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/08/16/novye-vlasti-poobeshhali-ne-razrushat-pamyatniki-afganistana.html> (accessed 10.10.2022); Варвары XXI века: как религиозные фанатики уничтожают памятники культуры. 26.02.2017. *РТ на русском*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/362792-pamyatniki-unichtozhenie-igil-siriya-afganistan-irak> (accessed 09.08.2022).

9 В XVIII в. произошел расцвет архитектуры в Кандагаре — столице Афганистана. Наиболее значительные сооружения того времени: гробница основателя Афганистана Ахмад Шаха, усыпальница вождя освободительного восстания в Кандагаре (1709) Мир Вайса и др.

ботал практически постоянно и даже пополнялся экспонатами. Это происходило за счет того, что подразделениями Государственного таможенного комитета СССР выявлялись попытки незаконного перемещения через границу изделий, представляющих историческую и художественную ценность. Так, в январе 1987 г. Брестская таможня обнаружила и задержала контейнер, следовавший из Афганистана через СССР в ФРГ, в котором находились предметы старины — изделия афганских и русских мастеров XVIII в. В контейнере было спрятано 443 кремневых и курковых ружей, 134 старинных пистолета, 16 сабель, 168 предметов посуды, изготовленных афганскими ремесленниками. По оценке советских экспертов, все это представляло значительную ценность и являлось национальным достоянием Афганистана. Учитывая, что ценности принадлежали дружественной СССР стране, они были переданы афганским властям и в последующем дополнили коллекции музеев [Пономарев, 1987, с. 4].

1989–1992 гг.

В ходе гражданской войны между правительством и вооруженными отрядами оппозиции ситуация с сохранностью культурных ценностей в Афганистане ухудшилась, но не была столь катастрофической. Так, по указу президента страны Наджибуллы, ожидавшего ухудшения обстановки в стране после вывода советских войск, в феврале 1989 г. был закрыт Национальный музей Афганистана, экспонаты перемещены в надежные места хранения, приняты меры к обеспечению безопасности документов афганского национального архива [Христофоров, 2016, с. 46]. Принятыми мерами удалось сохранить более ста тысяч экспонатов музея, относящихся к периодам от древних времен до XX в. В то же время продолжалось разграбление археологических памятников «черными археологами».

1992–1996 гг.

В период военного конфликта в Афганистане между партиями и организациями бывшей афганской оппозиции, уничтожение и разгра-

бление культурного наследия страны достигло невиданных ранее масштабов. Существенный ущерб был нанесен Национальному музею в Кабуле, в котором хранилась богатейшая коллекция монет (свыше 30 тыс.), золотых украшений, статуэток, предметов домашнего обихода, значительная часть из них была найдена советскими и французскими археологическими экспедициями. Были разграблены и вывезены в другие страны для продажи более 70 % объектов в коллекции Национального музея и 100 % объектов, размещенных в Институте археологии Афганистана. Этот период характеризовался активизацией работы «черных археологов», незаконно поставлявших артефакты на международные черные рынки.

Национальный музей Афганистана с 1969 г. находился в неоклассическом дворце Даруль-Аман, построенном в 1927 г. в Кабуле по проекту архитекторов из Германии и Франции. Как мы отмечали, после вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. Национальный музей по приказу президента страны Наджибуллы был закрыт. Ни в период советского военного присутствия в Афганистане (1979–1989), ни во время гражданской войны 1989–1992 гг. Национальный музей практически не пострадал. После падения режима Наджибуллы и начавшегося нового этапа гражданской войны, длившегося четыре года (1992–1996), здание музея оказалось на линии огня противоборствующих сторон. В мае 1993 г. в ходе активных боевых действий в Кабуле здания Национального музея, Национального архива и Института археологии получили существенные повреждения от артиллерийских обстрелов: крыша была пробита и обрушилась, были повреждены стены, выбиты двери и окна, возникали пожары. Все это привело к гибели части экспонатов, а в результате откровенного грабежа из музея и архива исчезли и оказались проданными за рубежом, в основном в Пакистане, более 10 тысяч единиц хранения [Мунчаев, Кошеленко, Гаиров, 2012].

1996–2001 гг.

Во время гражданской войны в Афганистане в 1996–2001 гг., которая велась между движением «Талибан», пришедшим к власти в Афганистане в 1996 г., и силами «Северного альянса», отношение к сохранности культурных ценностей носило противоречивый характер. Талибы, пришедшие к власти в 1996 г., в первое время демонстрировали заботу об охране объектов культурного наследия, они запретили незаконные археологические раскопки и вывоз из страны предметов, представляющих художественную и историческую ценность. На грант ЮНЕСКО в 1998 г. началась реставрация здания Национального музея. Однако работы не были завершены.

Постепенно политика талибов в отношении сохранения культурных ценностей изменилась, существенно ухудшилась ситуация с сохранностью экспонатов исторических и краеведческих музеев Кабула, Герата, Кандагара, Мазари-Шарифа, документов архивов и археологических памятников, началась борьба с чуждыми культурами и идолопоклонничеством.

В 1998 г. талибы уничтожили Публичную библиотеку в Пули-Хумри, насчитывающую более 19 тысяч древних рукописей¹⁰.

В марте 2001 г. по указу лидера талибов Муллы Омара, вопреки протестам мировой общественности, включая общественность исламских стран, талибы взорвали две крупнейшие в мире статуи Будды, высеченные в скале в VI веке нашей эры в Бамианской долине в центральной части Афганистана¹¹. Предлогом для разрушения статуй стало отнесение их к языческим идолам.

Тогда же в Национальном музее Афганистана были в массовом порядке разбиты на куски около 250 скульптур и рельефов, находившихся на виду.

2001–2021 гг.

Во время военного конфликта между афганской армией, поддерживаемой войсками США и НАТО с одной стороны, и «Талибаном» и другими международными террористическими группировками — с другой, были приняты меры по восстановлению некоторых объектов культурного наследия, возвращению экспонатов в музеи, документов в архивы. Велись реставрационные и восстановительные работы. В целях предотвращения обогащения террористов за счет разграбления афганского наследия, госдепартамент США ограничил ввоз афганских культурно-исторических ценностей: изделий из керамики, стекла, слоновой кости, дерева, старинных тканей и живописи¹².

После свержения режима талибов в 2001 г. и прихода к власти нового афганского правительства, которое находилось у власти в период американского военного присутствия в Афганистане (2001–2021), международное сообщество и правительство Афганистана стали уделять больше внимания сохранению исторических и культурных памятников, велись обсуждения возможности восстановления бамианских статуй Будды. В этот период были обнаружены и переданы в Национальный музей фрагменты исторического памятника, относящегося к периоду правления Газневидов и имевшего 1100-летнюю историю. Кроме ЮНЕСКО, в реализации программ защиты исторических и культурных ценностей Афганистану оказывал помощь Фонд Ага-Хана. Тем не менее проблемы сохранения культурных ценностей Афганистана сохранились, главными среди них были отсутствие средств, профессиональных кадров и экспертов. По оценкам министерства информации и культуры Афганистана (2010), историческое и

10 Destruction of art in Afghanistan. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Destruction_of_art_in_Afghanistan (accessed 12.03.2022).

11 Варвары XXI века: как религиозные фанатики уничтожают памятники культуры. 26.02.2017. *РТ на русском*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/362792-pamyatniki-unichtozhenie-igil-siriya-afganistan-irak> (accessed 09.08.2022).

12 Археологические артефакты датируются с 50 тыс. лет до н. э. по 1747 г., а культурные — по 1920 г. См.: Госдепартамент США ограничил ввоз афганских культурно-исторических ценностей. *Telegram-канал Sputnik Афганистан*. URL: <https://t.me/sputnikaf/9151> (accessed 10.10.2022).

культурное наследие Афганистана находилось под серьезной угрозой: от минаретов Герата до афганской фольклорной музыки, культурного и творческого ремесла¹³.

Несмотря на принимавшиеся меры, продолжалось разрушение объектов культурного наследия, что было связано с продолжавшимися боевыми действиями, ненадлежащей их охраной, деятельностью «черных археологов», а также тотальной коррупцией в афганском правительстве: финансовые средства, выделявшиеся международными организациями, в том числе ЮНЕСКО, в большей части банально расхищались и восстановление объектов культурного наследия не проводилось.

Так, в 2019 г. было принято решение о выделении двух миллионов долларов США на реконструкцию объекта культурного наследия мирового значения — минарета Джам¹⁴ в афганской провинции Гор. Однако работы не были проведены, на что обращали внимание деятели культуры провинции Гор в начале 2022 г., они отмечали, что судьба денег, которые ЮНЕСКО и прежнее правительство Афганистана обещали предоставить для восстановительных работ, неизвестна¹⁵. Минарет Джам был построен в XII в. и является одним из самых необычных старейших сохранившихся архитектурных сооружений в мире в виде глинобитных башен. Однако из-за продолжавшихся военных конфликтов и пренебрежения афганских пра-

вительств вопросами сохранения культурного наследия минарет Джам находится под угрозой разрушения. Более того, после землетрясения, которое произошло в провинции Гор, и обрушения горы в районе долины Бидан и Чаши минарет Джам накренился и находится под угрозой обрушения.

«ТАЛИБАН» И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (2021–2022 гг.)

Повторно придя к власти в Афганистане в августе 2021 г., талибы официально заявили о том, что буддистским памятникам ничего не угрожает¹⁶. Они начали оценивать сохранность исторических памятников и принимать меры к их восстановлению, например мечети Мир-Хазар в Кандагаре, пытаются организовать борьбу с «черными археологами», изымая у них ценнейшие исторические артефакты.

Разрушения талибами статуй Будды сохранились в исторической памяти и находятся в центре внимания части афганской общественности. В марте 2022 г. в афганской газете «8 утра» было опубликовано заявление группы афганских культурных и гражданских активистов в память о событиях в Бамиане: «Активисты зажигали свечи и произносили мемориальные заявления. В их обращении, направленном в прессу, активисты настаивали на гарантии того, что подобные преступления не повторятся»¹⁷.

13 Исторические и культурные памятники Афганистана находятся под угрозой исчезновения. *Афганистан.Ру*. URL: <https://afghanistan.ru/doc/18620.html> (accessed 09.08.2022).

14 Минарет Джам в 2002 г. был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Считается уникальным памятником архитектуры эпохи Гуридов — династии, правившей на территории современного Афганистана в XII–XIII вв. н. э. Минарет был построен в 1194 г. по приказу султана Гияс ад-Дина.

15 ترس از فرو ریختن منار جام؛ دو میلیون دالر بودجه یونسکو کجاست؟ هشت صبح (Страх по поводу разрушения минарета Джам: где два миллиона долларов из бюджета ЮНЕСКО? *Газета «8 утра»*). URL: <https://hashtesubh.com/fear-of-the-collapse-of-the-jam-minaret-where-is-the-2-million-unesco-budget/> (accessed 12.03.2022).

16 В «Талибане» рассказали, что будет с памятниками буддизма в Афганистане 16.08.2021, *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20210816/pamyatniki-1745863464.html> (accessed 12.03.2022).

17 دنريگډن یمضنه نا ازا و دنزاسد وگخسپاډ ار نلاماء ی ناهاج معماج: نایماډ ی گنهر فن لاغف؛ ادوب ی اهامسجم بیرخت زور لاس ن یمکیوتسید (Двадцать первая годовщина разрушения статуй Будды; Культурные активисты Бамиана: международное сообщество должно привлечь виновных к ответственности и дать им гарантии. *Газета «8 утра»*). URL: <https://8am.media/twenty-first-anniversary-of-the-destruction-of-buddha-statues-bamyan-cultural-activists-the-international-community-should-hold-the-perpetrators-accountable-and-guarantee-them/> (accessed 10.10.2022).

Необходимо отметить, что культурные памятники Бамиана привлекают туристов со всего мира и в 2022 г. отмечен рост потока туристов в провинцию Бамиан, большинство из которых афганцы, но появились и иностранцы.

Вторая по значимости проблемная точка по сохранению культурных ценностей Афганистана — Мес-Айнак¹⁸, древние останки которого находятся на промежуточной станции древнего Шелкового пути над медными рудниками с миллиардными запасами полезных ископаемых. В 2007 г. был подготовлен проект разработки Айнакского меднорудного месторождения в Афганистане. Победителем конкурса стал консорциум китайских компаний, который обязался вложить более \$3 млрд в его разработку. Следует отметить, что ранее в 1973–1974 гг. здесь работала советская геологоразведочная миссия, которая подготовила геофизическое описание месторождения Айнак. В 2002 г. Россия предлагала афганскому правительству Хамида Карзая начать обсуждение этого проекта. Однако Кабул предпочел разговаривать с Пекином, а не с Москвой. Позиция Хамида Карзая по отношению к России в период его нахождения у власти в Афганистане (2001–2014) существенно отличалась от его позиции после ухода с поста президента Афганистана.

Таким образом, развитие экономики в Афганистане создает угрозы разрушения Мес-Айнака и сотен других археологических памятников, разбросанных по всей стране, вполне вероятно, что эта тема также становится ареной глобального противостояния США–Китай.

Анализ заявлений талибов и их практических действий в области сохранения культурных ценностей свидетельствует, что их политика на этом направлении работы неоднозначна. С одной стороны, звучат заявления талибов о защите и сохранении афганского культурного

наследия, о поддержке деятельности музеев, о передаче им археологических находок; ведется борьба с черными археологами, а с другой — предпринимают меры, которые способствуют разрушению культурных ценностей (материальных и духовных).

Так, второй вице-премьер правительства талибов Абдул-Салам Ханafi 5 декабря 2021 г., заверил, что исламское право, на которое опираются талибы в государственном строительстве, предусматривает равенство всех групп общества. По его словам, талибы стремятся защитить религиозные и культурные ценности афганцев, обеспечить национальное единство и процветание.

Исполняющий обязанности главы министерства информации и культуры правительства талибов Руми Хайрулла Хайрха в начале марта 2022 г. во время визита в провинцию Гильменд заявил о том, что особое внимание будет уделено национальному единству, развитию исламской культуры и защите культурного наследия.

Пресс-секретарь правительства талибов Забиулла Муджахид в марте 2022 г. отметил, что несмотря на сложные условия, движение «Талибан» сформировало профильный комитет, призванный следить за сохранностью памятников и артефактов, которые талибы считают народным достоянием и выражением его культуры. Однако и здесь мы видим противоречия: талибы уже обещали сохранять буддистское наследие страны, но по-прежнему одобряют действия предшественников, уничтоживших в 2001 г. статуи бамианских Будд.

Талибы принимают конкретные меры по борьбе с черными археологами, периодически изымая у них ценные исторические артефакты. Например, в феврале 2022 г. был изъят древний кувшин, возраст которого, по оценке экспертов

18 Мес-Айнак — древний буддийский город, которому почти 2000 лет, по мнению экспертов, находится под угрозой исчезновения. Археологи раскопали буддийские монастыри, замки, административные здания и дома, а также сотни скульптур, фресок, керамики, монет и рукописей. Талибы подписали контракт на медный рудник Айнак с китайской компанией и есть опасения того, что древний медный город Айнак-Логар может исчезнуть навсегда после добычи меди китайской компанией.

управления культуры и информации «Талибана» по провинции Саманган, составляет тысячу лет. Прекрасно сохранившийся артефакт был найден в районе в районе Хульм, провинция Балх, а контрабандистов задержали уже в Самангане. Кувшин, таким образом, «помнит» времена перехода саманидского северного Афганистана (части Хорасана).

В целях сохранения культурного наследия талибы провели мероприятия, посвященные памяти тюркских поэтов Алишера Навои и Захируддина Мохаммада Бабура.

В марте 2022 г. в Герате в течение трех дней проходила выставка изделий ручной работы: живопись, расписанная посуда, вышивка, одежда и аксессуары. В провинции Логар проведен образовательный конкурс по жизнеописанию Пророка (мира), в котором участвовали все желающие.

Провозглашая политику, направленную на сохранение культурных ценностей, талибы одновременно предпринимают непопулярные шаги. Так, они убрали Ашуру и Ноуруз¹⁹ из перечня праздничных дней. Мохаммад Садик Акиф Мухаджир, официальный представитель Министерства поощрения желательного и запрещения предосудительного, заявил, что Ноуруз — языческий обряд, и он не видит необходимости отмечать его в рамках исламского государства. При этом в 2009 г. ЮНЕСКО включило Ноуруз в список нематериального культурного наследия человечества.

В новом списке праздников, составленном талибами, исчез также Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин (25 ноября), в то же время появились дни учителя, врача, журналиста, инвалидов.

Выходными являются только исламские праздники Курбан-байрам и Ураза-байрам. В список праздников включены: «годовщина просоветской Саурской революции» (27 апреля 1978 г. произошел военный переворот, в результате которого к власти пришло прокоммунистическое правительство); «день освобождения Афганистана от советской оккупации» (15 февраля 1989 г. — завершение вывода советских войск из Афганистана); «день победы афганского народа в джихаде» (28 апреля 1992 г. пал прокоммунистический режим Наджибуллы); «день освобождения Афганистана от американской оккупации» (15 августа), празднуемый как победа над «мощной и высокомерной силой»; «день независимости Афганистана» (19 августа — освобождение Афганистана от британского колониального господства).

Талибы, большинство которых составляют пуштуны, постепенно вытесняют из программы университетов персидскую литературу, заменяя ее предметами исламской культуры (количество часов по ним увеличено втрое).

В г. Газни в музее султана Абдула Раззака, где выставлялись исторические памятники провинции Газни, талибы создали военную базу. Историки называют этот музей крупнейшим учреждением по истории исламского периода и первым музеем провинции Газни.

Сокращение бюджета Министерства сохранения исторических памятников архитектуры привело к тому, что в 2022 г. прекращено техобслуживание исторического здания соборной мечети Герата; разрушается исторический дом Ахмад-Шаха Дуррани в Кандагаре²⁰. В то же время активно работает музей джихада (Герат),

19 Ноуруз — новый год по иранскому календарю, который именуется солнечной хиджрой. 1401 год наступил 21 марта.

20 Ахмад-Шах Дуррани (1722–1772) объединил территории современных Афганистана и Пакистана в рамках Дурранийской империи под властью пуштунов. Организовывал походы в Иран, Индию и Южный Туркестан. При нем в 1764 г. установлены первые дружественные контакты с Россией. Историческому дому Ахмад-Шаха Дуррани в Кандагаре, памятнику архитектуры, более 300 лет. Его реконструкция планировалась при правительстве Гани, но из-за военно-политических потрясений работы не проведены. Ашраф Гани лично обещал реставрировать дом Ахмад-Шаха Дуррани и превратить его в музей.

посвященный противостоянию афганских моджахедов советскому военному вторжению²¹, снимаются кинофильмы о преступлениях американской армии в Афганистане²².

Продолжается «сокрушение идолов», хотя, безусловно, в гораздо меньших масштабах чем ранее. Например, во дворе факультета изящных искусств Кабульского университета находилась статуя, которая вначале была задрапирована, а затем в 2022 г. снята с постамента.

В целом ситуацию с сохранением культурного наследия Афганистана, понесшего необратимые потери и разрушения за последние четыре десятилетия войн, можно назвать катастрофической. На протяжении многих лет ЮНЕСКО, а также неправительственные организации, делали и продолжают делать многое для его защиты.

По мнению Брента Э. Хаффмана²³, ситуация в Афганистане намного хуже «культурной революции» Китая²⁴: «люди, которые занимаются культурным наследием, могут быть убиты талибами, древние памятники могут быть разграблены и уничтожены, а история Афганистана — навсегда утеряна»²⁵.

Культурное наследие Афганистана — важная часть мирового наследия. В список всемирного наследия ЮНЕСКО включены: два объекта — минарет и археологические объекты в Джаме (2002); культурный ландшафт и археологические находки в Бамиане (2003); четыре объекта — в «предварительный список» древний город Герат (V в. до н. э.); археологический комплекс Балх (III в. до н. э.); бирюзовые озера Банд-е Амир (Бамиан) — цепочка из шести бирюзовых озер, расположенных на высоте около 3000 метров в горах Гиндукуш, в центральной части Афганистана, в провинции Бамиан; парковый комплекс Баг-е Бабур (г. Кабул) — парковый комплекс в Афганистане, расположенный неподалеку от города Кабула и названный в честь его владельца Бабур, основателя империи Великих Моголов.

Минарет Джам из обожженного кирпича расположен в 10 км северо-восточнее кишлака Джам (Jam) в афганской провинции Гор. Ущелье окружают непроходимые горные массивы. Крупные населенные пункты в районе отсутствуют. В 1194 г., как гласит надпись на минарете, он был построен гуридским султаном Гияз-ад-Дином.

- 21 Пресс-секретарь талибов Забиулла Муджахид в конце декабря 2021 г., распространил заявление о том, что 25 декабря 1979 г. начался великий джихад мусульман Афганистана против советских оккупантов, завершившийся их «изгнанием». Талибы официально осуждают вторжение СССР в Афганистан и восхваляют джихад против него. Талибы сами не вмешиваются ни в чьи внутренние дела и не позволят никому вмешиваться в свои, а также призывают страны мира и региона установить позитивные отношения, чтобы обеспечить безопасность и решить проблемы, оставшиеся от войн прошлого.
- 22 Талибы сняли документальный фильм о преступлениях США в Афганистане, он посвящен бесчеловечному обращению американцев с их узниками на авиабазе Баграм. Там сидели многие талибы, включая Анаса Хаккани, брата действующего и. о. главы МВД. В 2022 г. сняты четыре документальных ленты, посвященные проводимым талибами работам по восстановлению инфраструктуры, включая трассу через перевал Саланг и мост Компани в Кабуле. В Afghan Film планируют и дальше сосредоточивать усилия на жанре документалистики: исторические ценности, красоты природы, достопримечательности разных провинций, чтобы стимулировать туристическую сферу.
- 23 Брент Эдвард Хаффман (родился 04.09.1979) — американский режиссер, сценарист и оператор документальных фильмов и телевизионных программ, в том числе «Спаси Мес Айнак» (2015) о работе по сохранению 5000-летнего селения со статуями, картинами и другими артефактами Будды.
- 24 «Культурная революция» в Китае — политическая кампания, проводившаяся лидером компартии Мао Цзэдуном в 1966–1976 гг. с целью создания «нового человека». «Новый человек» должен был стать «бескорыстным общественным созданием в свободном от господства социуме, которое то и дело встречается в разных утопиях». Для достижения этой цели Мао призывал уничтожить «четыре пережитка»: старые идеи, старую культуру, старые обычаи, старые привычки. В ходе «культурной революции» китайские традиции и многие китайские культурные объекты подверглись нападению и были разрушены.
- 25 «Талибан» угрожает культурному наследию Афганистана. 26.08.2021. *The Epoch Times*. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/taliban-ugrozhaet-kulturnomu-naslediyu-afganistana-118516/> (accessed 15.08.2022).

Серьезные научные исследования памятника пока не проводились из-за труднодоступности и сохраняющейся нестабильной политической обстановки. Сохранности минарета по-прежнему угрожают наводнения, подмывающие основание, землетрясения, часто бывающие в регионе, и незаконные раскопки искателей ценностей. Разрабатывается план по укреплению береговой линии и реставрации памятников.

Франческо Бандарин, директор Центра культурного наследия ЮНЕСКО, описывает минарет как одно из самых необычных архитектурных сооружений и старейших сохранившихся глинобитных башен в мире. Однако из-за продолжения войны и пренебрежения афганских правительств культурным наследием это огромное здание из самана находится под угрозой разрушения.

В 2013 г. ЮНЕСКО провозгласила афганский город Газни центром исламской культуры в Азии. Наивысшего расцвета город достиг во время правления династии Газневидов (X–XII вв. н. э.), став столицей могущественной империи и торговым и культурным центром региона. Два минарета, построенных в XII веке при газневидских султанах Масуде III и его сыне Бахрам-шахе, сохранились до наших дней.

Двадцатиметровые башни из обожженного кирпича расположены на равнине в окрестностях города на расстоянии 600 метров друг от друга. По данным археологов, ранее их высота достигала более 44 метров, однако со временем верхние ярусы были разрушены. Ученые расходятся во мнении относительно цели их постройки. По одной из версий они являлись частью архитектурного ансамбля при мечети, по другой — построены в честь одержанных военных побед.

Один из минаретов был возведен по приказу султана Масуда III, правившего государством Газневидов с 1099 по 1115 г. Башня насчитывает 16 граней и украшена изысканным терракотовым орнаментом и кораническими надписями. Во время землетрясения 1902 г. верхняя часть минарета обрушилась.

Второй минарет был построен при Бахрам-шахе, сыне Масуда III (правил в 1117–1153 гг.). Его также украшают кирпичная кладка и надписи. Оба сооружения имеют монохромный архитектурный декор. На вершинах башен установлены конические крыши для защиты от снега и дождя. Как и другие древние минареты Афганистана, они находятся под угрозой разрушения из-за природных катаклизмов и нестабильной ситуации с безопасностью в стране. Под воздействием неблагоприятных погодных условий надписи и узоры портятся, в то время как верхушки минаретов нуждаются в дополнительной защите от затопления. Из-за обильных осадков в Газни уже рухнули несколько исторических башен, последний случай — падение башни в июне 2019 г.²⁶

В эпоху расцвета империя Газневидов включала земли современного Афганистана, а также часть территорий Ирана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Пакистана и Индии. Неслучайно Иран считает ряд памятников, находящихся в провинции Газни в Афганистане, наследием не только афганского народа, но населения всего региона и даже исламского мира²⁷. 7 ноября 2021 г. посол Ирана в Кабуле Бахадор Аминян посетил провинцию Газни, где пообещал, что Тегеран позаботится о местных исторических памятниках, окажет помощь в их реконструкции и сохранении²⁸.

26 Минареты Афганистана. Культурное наследие под угрозой разрушения. *Афганистан.Ру*. URL: <https://afghanistan.ru/doc/142566.html> (accessed 07.11.2021).

27 В 961–1186 гг. из Газни правила тюркская династия, основанная Алп-Тегином. В момент своего расцвета империя Газневидов включала земли современного Афганистана, часть территорий Ирана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Пакистана и Индии.

28 Минареты Афганистана. Культурное наследие под угрозой разрушения. *Афганистан.Ру*. URL: <https://afghanistan.ru/doc/142566.html>.

ПРИНИМАЕМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АФГАНИСТАНА

Очередная смена власти в Афганистане, произошедшая 15 августа 2021 г., когда в Кабул вступило движение «Талибан», вызвала тревогу у международного сообщества по поводу сохранения культурных ценностей страны. 17 августа японские ученые, занимающиеся сохранением разрушенных памятников в Бамианской долине и других культурных ценностей в Афганистане, опубликовали экстренное заявление, в котором обратили внимание на то, что культурные ценности Афганистана являются уникальным культурным наследием, принадлежащим всему человечеству. Японские ученые призвали международное сообщество любой ценой избежать дальнейшего кровопролития и предотвратить возможное разрушение культурных ценностей, соединяющих Афганистан с миром, защитить права человека и культурные ценности независимо от того, какая администрация находится у власти в Афганистане²⁹.

ЮНЕСКО, внимательно следившая за событиями, происходящими в Афганистане, 17 августа 2021 г. «призвала международное сообщество защитить объекты культурного наследия на территории страны, имеющие исключительную ценность для всего человечества»³⁰.

Спустя два дня, 19 августа 2021 г., генеральный директор ЮНЕСКО Одрэ Азуле³¹ заявила,

что любая утрата или разрушение культурного наследия, которое является неотъемлемой частью афганской истории, а также истории человечества, будут иметь негативные последствия для перспектив установления прочного мира и оказания гуманитарной помощи народу Афганистана. Она подчеркнула необходимость создания безопасных условий для специалистов, работающих в сфере охраны культурного наследия, поддержания национального единства и социальной структуры Афганистана. Одрэ Азуле обратила внимание на то, что «в Афганистане расположены такие объекты культурного наследия, как древний город Герат, минарет и археологические объекты в Джаме, культурный ландшафт и археологические находки в долине Бамиан, Национальный музей в Кабуле. Все они должны быть защищены и сохранены»³².

В июле 2022 г. по распоряжению ЮНЕСКО были приостановлены все работы в историческом районе Базари-Кохна, расположенном напротив вырубленных в скалах ниш, оставшихся от знаменитых бамианских Будд. Работы были начаты по решению губернатора провинции Бамиан Абдуллы Сархади и начальника бамианского управления культуры и информации Сейфа ар-Рахмана Мохаммади, однако их проект не был согласован с ЮНЕСКО. В августе 2022 г. Бамиан посетила делегация ЮНЕСКО под руководством афганского представительства организации Патрисии МакФиллипс и начальника отдела по культуре Брендона Касара. Они провели осмотр исторических памятников Бамиана, встретились с губернатором Бамиана Абдуллой

ru/doc/142566.html (accessed 07.11.2021).

29 Японские ученые призвали защитить культурные ценности Афганистана. 18.08.2021. *Рамблер*. URL: https://news.rambler.ru/science/47034977/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 09.08.2022).

30 ЮНЕСКО призвала защитить объекты культурного наследия в Афганистане. *Новости Беларуси БЕЛТА*. URL: <https://www.belta.by/world/view/junesko-prizvala-zaschitit-objekty-kulturnogo-nasledija-v-afganistane-455618-2021/> (accessed 09.08.2022).

31 Одрэ Азуле (фр. *Audrey Azoulay*; род. 4 августа 1972 г.) — французский политический и государственный деятель марокканского происхождения. Министр культуры и коммуникаций Франции (2016–2017), генеральный директор ЮНЕСКО с 15.11.2017. 09.11.2021 г. переизбрана на второй срок полномочий.

32 ЮНЕСКО призывает защитить культурное наследие Афганистана. *Новости ООН*. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/08/1408502> (accessed 08.08.2022).

Сархади и обсудили вопрос о возможности возведения стены для защиты ниш бамианских Будд и исторических памятников в н. п. Гольголя и Заххак.

Позиция США. В феврале 2022 г. Госдепартамент США ограничил ввоз афганских культурно-исторических ценностей. Цель — уменьшение стимула для разграбления культурного наследия Афганистана и борьба с прибылью от продажи культурных объектов террористами и преступными организациями. Мотив ограничений: «уменьшение стимула для разграбления культурного наследия Афганистана и борьбы с прибылью от продажи этих культурных объектов террористами и преступными организациями». Решение принято на основании запроса афганского правительства, поданного в апреле 2021 г. Археологические артефакты датируются с 50 тыс. лет до н. э. по 1747 год, а культурные — по 1920 год³³.

Франция занимает в Афганистане традиционно хорошие позиции в сфере археологических изысканий. В 1922 г. по просьбе афганского короля Амануллы хана для начала археологических исследований в Афганистане была создана Французская археологическая экспедиция (делегация) в Афганистане (*La Délégation archéologique française en Afghanistan*, DAFA), работавшая в стране более 60 лет с перерывом в исследованиях на период Второй мировой войны. 15 декабря 1982 г. работы французских археологов были закрыты просоветским афганским правительством и возобновились лишь в 2002 г. по согласованию с афганскими властями. Деятельность DAFA возобновлена под эгидой МИД Франции в рамках франко-афганских археологических исследований в целях расширения знаний об историческом прошлом Афганистана, инвентаризации археологических останков, ведения археологических раскопок в рамках научных программ, прове-

дения мероприятий по спасению культурных ценностей в связи с их интенсивным разграблением. Археологические открытия и находки французской стороной передаются в Национальный музей Афганистана, где пополняют коллекцию артефактов.

Иран, имеющий с Афганистаном совместное культурное наследие, высказывает намерения позаботиться об исторических памятниках, оказать помощь в их реконструкции и сохранении. Современный город Газни в 961–1186 гг. был столицей империя Газневидов, в период расцвета включавшей земли современного Афганистана, часть территорий Ирана, Индии, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. В связи с этим Иран считает ряд памятников, находящихся в провинции Газни, наследием не только афганского народа, но населения всего региона и исламского мира.

В Иране неоднозначное отношение к талибам. Так, Махмуд Ахмадинежад, бывший президент Ирана, в интервью *Aamaj News* в январе 2022 г. заявил о том, что талибы не имеют ни религиозной, ни этнической основы — религия строится на любви, а не на оружии, а пуштуны многократно «Талибан» отвергали. Сами себя талибы видят религиозным движением, призванным покорить весь мир, но не могут привлечь на свою сторону даже афганцев, захватив власть лишь силой, при внешней поддержке. Ахмадинежад полагает, что Иран совершил историческую ошибку позитивными действиями в отношении талибов. Россия и Китай тоже пожалеют об этом, пострадает и Пакистан, предоставлявший им территорию. Будущего у талибов нет, как нет ничего общего с культурой и религией жителей региона.

Позиция России заключается в том, что необходимо не на словах, а на деле уважительное отношение к культурным и религиозным традициям афганского народа³⁴. В сфере культуры,

33 Госдепартамент США ограничил ввоз афганских культурно-исторических ценностей. *Telegram-канал Sputnik Афганистан*. URL: <https://t.me/sputnikaf/9151> (accessed 10.10.2022).

34 О талибах, сопротивлении и афганских соседях: большое интервью Замира Кабулова. 29.12.2021. *Sputnik Таджикистан*. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211229/bolshoe-intervyu-zamir-kabulov-1044512128.html> (accessed 10.10.2022).

науки и образования Россия могла бы занять достойное место в современном Афганистане. Положительным примером могут служить советские археологические экспедиции. Золото Бактрии было обнаружено археологами под руководством сотрудника Института археологии АН СССР В. Сарианиди.

Китай. В 2021–2022 гг. талибы вели переговоры с представителями КНР о начале работ по добычи меди месторождения Мес-Айнак. Кабул заинтересован в скорейшем начале работ по разработке этого медного месторождения в целях стабилизации экономического положения Афганистана. Позиция Китая заключается в том, что они не располагают сведениями из Министерства культуры и информации талибов по вопросу вывоза исторических артефактов с площадки будущих работ.

ВЫВОДЫ

В условиях, когда в Афганистане уже более 40 лет продолжается военный конфликт, в результате которого несколько миллионов афганцев покинули места своего жительства и оказались вынужденными переселенцами или мигрантами, когда страна находится на грани гуманитарной катастрофы, существенно разрушена инфраструктура и сохраняется нестабильность, можно предположить, что сохранение национального культурного наследия отходит на вторые роли, уступая место решению экономических и политических вопросов. Однако культурная идентичность афганцев, их прошлое, история, музеи, архивы, библиотеки, памятники играют такую же существенную роль для установления национального единства, что для раздираемого противоречиями Афганистана имеет первостепенное значение. Международному сообществу необходимо обратить внимание и на эту сторону восстановления Афганистана, хотя его влияние по объективным и субъективным причинам на культурную политику талибов

ограничено. Интересы отдельных глобальных игроков в Афганистане не способствуют сохранению культурных памятников.

Талибы в сфере национального строительства принимают непопулярные меры, которые не поддерживаются национальными меньшинствами страны: проведение пуштунизации (замена наименований университетов, некоторых улиц и площадей с языка дари на язык пушту); принуждение афганского общества жить по понятиям талибских блюстителей шариата (коллективное совершение намаза в мечетях, запрет брить бороды, насаждение «истинно исламской культуры в обществе»)³⁵; продолжение борьбы с идолопоклонничеством, нарушение прав женщин на труд и на получение образования.

Политика унификации этнической и языковой идентичности ослабила основы единства и солидарности и сейчас, вопреки оптимизму, достигла стадии сплошного распада, создала предпосылки для уничтожения культурных ценностей Афганистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бойцов М. А., Васильева Т. А. *Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии 1941–1942*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. — 352 с. [Boitsov M. A., Vasilieva T. A. *Card File “Z” of the Operational Headquarters “Reichsleiter Rosenberg”. Cultural Values in the Occupied Territories of Russia, Ukraine and Belarus 1941–1942*. Moscow: Moscow University Publ., 1998. — 352 p. (in Russian)].

Джанджугазова Е. А., Ассаф Б. Роль ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия Сирии. *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2016. №1. С. 100–112 [Dzhandzhugazova E. A., Assaf B. The Role of UNESCO in the Preservation of the Cultural Heritage of Syria. *Russian Regions: Looking into the Future*. 2016. No. 1. Pp. 110–112 (in Russian)].

35 دستور تازه طالبان در لوگر: نمازهای پنجگانه در جماعت و مسجد ادا شود - روزنامه ۸صبح (Новый порядок талибов в Логаре: пять молитв должны быть совершены в общине и мечети. *Газета «8 утра»*). URL: <https://8am.af/new-taliban-order-in-logar-fifty-prayers-should-be-offered-in-congregation-and-mosque/> (accessed 24.08.2022).

Зинич М. С. *Похищенные сокровища: вывод нацистами российских культурных ценностей*. М., 2003. — 277 с. [Zinich M. S. *Stolen Treasures: The Withdrawal of Russian Cultural Property by the Nazis*. Moscow, 2003. — 277 p. (in Russian)].

Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаилов В. А. *Археология Афганистана в дни мира и дни войны*. М.: ИА РАН, 2014. — 163 с. [Koshelenko G. A., Munchaev R. M., Gaibov V. A. *Archeology of Afghanistan in the Days of Peace and Days of War*. Moscow: IA RAN, 2014. — 163 p. (in Russian)].

Мазурицкий А. М. Спасение и сохранение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. *Вестник МГУКИ*. 2015. № 4 (66) июль–август. С. 194–198 [Mazuritsky A. M. Rescue and Preservation of Cultural Values during the Great Patriotic War. *Vestnik MGUKI*. 2015. No. 4 (66) July–August. Pp. 194–198 (in Russian)].

Манхарт К. Мандат ЮНЕСКО и действия, принимаемые по восстановлению культурного наследия Афганистана. *Международный журнал Красного Креста*. 2004. № 854. С. 103–115 [Manhart C. UNESCO's Mandate and Recent Activities for the Rehabilitation of Afghanistan's Cultural Heritage. *IRRC*. 2004. No. 854. Pp. 103–115].

Мунчаев Р. М., Кошеленко Г. А., Гаилов В. А. *Археология Афганистана в дни мира и в дни войны. Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 8. М., 2012. С. 13–36 [Munchaev R. M., Koshelenko G. A., Gaibov V. A. *Archeology of Afghanistan in the Days of Peace and in the Days of War*. *Bulletin of History, Literature, Art*. Т. 8. Moscow, 2012. Pp. 13–36 (in Russian)].

Николас Л. *Похищение Европы: судьба европейских культурных ценностей в годы нацизма* / пер. с англ. С. А. Червонной. М.: Логос, 2001. — 640 с. [Nicholas L. *Abduction of Europe: The Fate of European Cultural Values during the Years of Nazism*. Transl. from English by S. A. Chervonnaya. Moscow: Logos, 2001. — 640 p. (in Russian)].

Olivier-Utard F. *Politique et Archeologie: Histoire de la Delegation Francoise en Afghanistan, 1922–1982*. Paris: Recherche sur les Civilisations, 2003. — 423 p.

Пластун В. Н. *Изнанка Афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника*. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. — 756 с.: ил. [Plastun V. N. *The Underside of the Afghan War 1979–1989: Diary Entries and Comments from a Participant*. Moscow: IOS RAS, 2016. — 756 p. (in Russian)].

Пономарев В. Достояние республики. *Известия*. 1987. 6 февраля. С. 4 [Ponomarev V. Property of the Republic. *Izvestia*. 1987. February 6. P. 4 (in Russian)].

Сарианиди В. И. *Бактрия сквозь мглу веков*. М.: Мысль, 1984. — 159 с. [Sarianidi V. I. *Bactria through the Mists of Time*. Moscow: Mysl, 1984. — 159 p. (in Russian)].

Христофоров В. С. *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* М.: ИРИ РАН, 2016. — 544 с. [Khristoforov V. S. *Afghanistan: The Military-Political Presence of the USSR 1979–1989*. Moscow: IRI RAN, 2016. — 544 p. (in Russian)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

Атанова С. Культурное наследие — невинная жертва трагических обстоятельств. 20.03.2016. *РСМД* [Atanova S. Cultural Heritage is an Innocent Victim of Tragic Circumstances. 20.03.2016. *RIAC*]. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31201/?sphrase_id=90973312 (accessed 20.08.2022).

Афган, война и медные руды. 24.12.2007. *Коммерсантъ* [Afghanistan, War and Copper Ores. 24.12.2007. *Kommersant* (in Russian)]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/838760> (accessed 10.10.2022).

Ахмади Л. Проблемы сохранения всемирного наследия ЮНЕСКО в Афганистане. *Электр. научн. журнал «edu.e-history.kz»*. 2016. № 2(06) [Ahmadi L. Problems of Conservation of World Heritage in Afghanistan UNESCO. *Electronic academic journal «edu.e-history.kz»*. 2016. No. 2(06) (in Russian)]. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/437> (accessed 10.10.2022).

В «Талибанах» рассказали, что будет с памятниками буддизма в Афганистане. 16.08.2021. *РИА Новости* [The Taliban Told What Will Happen to the Monuments of Buddhism in Afghanistan. 16.08.2021. *RIA Novosti* (in Russian)]. URL: <https://ria.ru/20210816/pamyatniki-1745863464.html> (accessed 12.03.2022).

Варвары XXI века: как религиозные фанатики уничтожают памятники культуры. 26.02.2017. *PT* [Barbarians of the 21st Century: How Religious Fanatics Destroy Cultural Monuments. 26.02.2017. *RT* (in Russian)]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/362792-pamyatniki-unichtozhenie-igil-siriya-afganistan-irak> (accessed 09.08.2022).

Госдепартамент США ограничил ввоз афганских культурно-исторических ценностей. *Telegram-канал Sputnik Афганистан* [The US State Department Has Restricted the Import of Afghan Cultural and Historical Property. *The Telegram Channel Sputnik Afghanistan* (in Russian)]. URL: <https://t.me/sputnikaf/9151> (accessed 10.10.2022).

Защита культурных ценностей: вопросы и ответы. *МККК* [Protection of Cultural Property: Questions and Answers. *ICRC* (in Russian)]. 30.10.2017. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-kulturnyh-cennostey-voprosy-i-otvety> (accessed 05.10.2022).

Исторические и культурные памятники Афганистана находятся под угрозой исчезновения. *Афганистан.Ру*. [The Historical and Cultural Monuments of Afghanistan Are in Danger of Disappearing. *Afghanistan.Ru* (in Russian)]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/18620.html> (accessed 09.08.2022).

Как сохранить культурное наследие Сирии. 02.05.2016. *Международная жизнь* [How to Preserve the Cultural Heritage of Syria. 02.05.2016. *International Affairs* (in Russian)]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15208> (accessed 09.08.2022).

Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения: Доклад Секретариата.

2003. Гл. 4. Ст. 34 [Intergovernmental Committee for Promoting the Return of Cultural Property to its Countries of Origin or its Restitution in Case of Illicit Appropriation: Secretariat report. 2003]. *UNESDOC*. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000129554_rus (accessed 10.09.2022).

Минареты Афганистана. Культурное наследие под угрозой разрушения. *Афганистан.Ру*. [Minarets of Afghanistan. Cultural Heritage under Threat of Destruction. *Afghanistan.Ru* (in Russian)]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/142566.html> (accessed 07.11.2021).

Новые власти пообещали не разрушать памятники Афганистана. 16.08.2021. *МК.ру*. [The New Authorities Promised not to Destroy the Monuments of Afghanistan. 16.08.2021. *MK.ru* (in Russian)]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/08/16/novye-vlasti-poobeshhali-ne-razrushat-pamyatniki-afganistana.html> (accessed 10.10.2022).

О талибах, сопротивлении и афганских соседях: большое интервью Замира Кабулова. 29.12.2021. *Sputnik Таджикистан* [About the Taliban, the Resistance and the Afghan Neighbors: A Big Interview with Zamir Kabulov. 29.12.2021, *Sputnik Tajikistan* (in Russian)]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211229/bolshoe-intervyu-zamir-kabulov-1044512128.html> (accessed 10.10.2022).

Представитель ООН и ЛАГ по Сирии и глава ЮНЕСКО призвали спасти культурное наследие САР. 12.03.2014. *ТАСС*. [The Representative of the UN and the Arab League on Syria and the Head of UNESCO Urged to Save the Cultural Heritage of the SAR. 12.03.2014. *TASS* (in Russian)]. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1041086> (accessed 10.10.2022).

«Талибан» угрожает культурному наследию Афганистана. 26.08.2021. *The Epoch Times* [Taliban Threaten Afghan Cultural Heritage. 26.08.2021. *The Epoch Times* (in Russian)]. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/taliban-ugrozhaet-kulturnomu-naslediyu-afganistana-118516/> (accessed 15.08.2022).

Чмеленко Ю. Разрушенное наследие Ирака: причины, факты, последствия (ч. 2). 31.10.2013. *Посольский приказ* [Chmelenko Yu. The Destroyed Legacy of Iraq: Causes, Facts, Consequences (Pt. 2). 31.10.2013. *Posol'skii Prikaz* (in Russian)]. URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/10/razrushennoe-nasledie-iraka-prichiny-fakty-posledstviya-ch-2/> (accessed 10.10.2022).

ЮНЕСКО: Во время августовских волнений в Египте из Национального музея Малави в Эль-Минье похищены сотни экспонатов. 19.09.2013. TACC [UNESCO: Hundreds of Items Stolen from Malawi's National Museum in El Minya during August Riots in Egypt. 19.09.2013. TASS (in Russian)]. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/678838> (accessed 20.08.2022).

ЮНЕСКО призвала защитить объекты культурного наследия в Афганистане. *Новости Беларуси БЕЛТА*. [UNESCO Called for the Protection of Cultural Heritage Sites in Afghanistan. *Belarus News BELTA* (in Russian)]. URL: <https://www.belta.by/world/view/junesko-prizvala-zaschitit-objekty-kulturnogo-nasledija-v-afganistane-455618-2021/> (accessed 09.08.2022).

ЮНЕСКО призывает защитить культурное наследие Афганистана. *Новости ООН* [UNESCO Calls for the Protection of the Cultural Heritage of Afghanistan. *UN News* (in Russian)]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/08/1408502> (accessed 08.08.2022).

Японские ученые призвали защитить культурные ценности Афганистана. 18.08.2021. *Рамблер* [Japanese Scientists Urged to Protect the Cultural Values of Afghanistan. 18.08.2021. *Rambler* (in Russian)]. URL: https://news.rambler.ru/science/47034977/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 09.08.2022).

Address by Irina Bokova, Director-General of UNESCO, at the Royal Institute of International Affairs: Cultural Heritage: Extremism's New Target. London, 1 July 2015. *UNESDOC*. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233661> (accessed 25.08.2022).

Destruction of Art in Afghanistan. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Destruction_of_art_in_Afghanistan (accessed 12.03.2022).

UNESCO Mission Reports on War Damage to Cultural Heritage in Lebanon. 19.09.2006. *UNESCO*. URL: <http://whc.unesco.org/en/news/283/> (accessed 10.10.2022).

دستور تازه طالبان در لوگر: نمازهای پنجگانه در جماعت و مسجد ادا شود - روزنامه ۸ صبح (Новый порядок таалибов в Логаре: пять молитв должны быть совершены в общине и мечети. *Газета «8 утра»*) [New Taliban Order in Logar: Five Prayers Should be Offered in Congregation and Mosque. *Newspaper "8 am"* (in Persian)]. URL: <https://8am.af/new-taliban-order-in-logar-fifty-prayers-should-be-offered-in-congregation-and-mosque/> (accessed 24.08.2022).

ترس از فرو ریختن منار جام؛ دو میلیون دالر بودجه یونسکو کجاست؟ (Страх по поводу разрушения минарета Джам: где два миллиона долларов из бюджета ЮНЕСКО? *Газета «8 утра»*) [Fear of the Collapse of the Jam Minaret: Where Is the Two Million UNESCO Budget? *Newspaper "8 am"* (in Persian)]. URL: <https://hashtesubh.com/fear-of-the-collapse-of-the-jam-minaret-where-is-the-2-million-unesco-budget/> (accessed 12.03.2022).

بیستویکمین سالروز تخریب مجسمه‌های بودا؛ فعالان فرهنگی بامیان: جامعه جهانی عاملان را پاسخگو سازند و از آنان تضمین بگیرند

هشت صبح (Двадцать первая годовщина разрушения статуй Будды; Культурные активисты Бамиана: международное сообщество должно привлечь виновных к ответственности и дать им гарантии. *Газета «8 утра»*) [Twenty First Anniversary of the Destruction of Buddha Statues; Bamyán Cultural Activists: The International Community Should Hold the Perpetrators Accountable and Guarantee them. *Newspaper "8 am"* (in Persian)]. URL: <https://8am.media/twenty-first-anniversary-of-the-destruction-of-buddha-statues-bamyán-cultural-activists-the-international-community-should-hold-the-perpetrators-accountable-and-guarantee-them/> (accessed 10.10.2022).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ АБХАЗИИ В ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЕЕ ИСТОРИИ

ANCIENT MONUMENTS OF ABKHAZIA AS A MEANS OF ITS HISTORY'S FALSIFICATION

© 2022 **Лариса Исиновна Цвижба**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва, Россия;
laratas@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6085-1964

Larisa I. Tsvizhba

Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, RAS, Moscow, Russia; laratas@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6085-1964

Фактов сознательной фальсификации истории народов в мировой науке достаточно много. Так сложилось, что Абхазия и Грузия соседствуют географически; на определенном этапе своего развития они имели общую историю. В грузинской историографии стало нормой отрицание существования абхазского народа и Абхазии: делаются попытки доказать, что *ансуа* и *абхаз* — это два разных этноса, что *абхаз* и *абхазский язык* в средневековых источниках употребляются в значении *грузин* и *грузинский язык*. Сегодня в Грузии заявляют, что на территории Абхазии есть 1100 грузинских архитектурных памятников, к числу которых относятся древние храмы, в том числе *Успенский храм в с. Лыхны* (X в.), *храм Симона Кананита в Новом Афоне*, *Драндский собор* (VI–VIII вв.) и другие культовые предметы, произведения искусства. Однако эти политические утверждения не соответствуют действительности. В разное время в Грузии оказались храмовые предметы из Абхазии, хранящиеся подобно, например, иконе *Пицундской Божьей Матери* в монастыре *Гелат*, расположенном близ *Кутаиса*; *Золотой чаше* из *Бедийского храма*; *Евангелию*,

принадлежавшему Моквской архиепископской кафедре и находящемуся ныне в Музее искусств Грузии в Тбилиси. Грузия считает эти артефакты своими и не возвращает их Абхазии. Фальсификация коснулась и *Беслетского моста*, одного из древних архитектурных памятников Абхазии, расположенного на р. Басла близ Сухума. По мнению абхазских ученых, дата строительства моста была фальсифицирована в 1935 г. в период проведения грузинскими учеными реставрационных работ. Фальсификации подвергались и биографии известных деятелей науки и культуры Абхазии. Все эти примеры говорят о том, что современной Абхазии предстоит огромная работа по написанию заново истории своего государства.

Ключевые слова: Абхазия, Абхазское царство, храмы, Грузия, фальсификация истории Абхазии

Для цитирования: Цвижба Л. И. Использование древних памятников Абхазии в фальсификации ее истории. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 29–35. DOI: 10.18254/S268684310023755-8

There are a lot of facts of deliberate falsification of history. Abkhazia and Georgia are neighbors geographically having a common history. In Georgian historiography, the denial of the Abkhaz people and Abkhazia's existence became the norm: Attempts are being made to prove that *Apsua* and *Abkhaz* are two different ethnic groups, that *Abkhaz* and *Abkhaz language* in medieval sources were used in the meaning of *Georgian* and *Georgian language*. Nowadays, Georgia claims that there are 1,100 Georgian architectural monuments on the territory of Abkhazia which include such ancient temples as the *Church of Dormition of Lykhnny* of the 10th century, the *Church of St. Simon the Canaanite* (New Athos), the *Dranda Cathedral* (6th–8th centuries), and other religious objects, pieces of art. However, these political statements are not true. At various times, temple objects from Abkhazia surfaced in Georgia, storing the icon of the Pitsunda Mother of God in the Gelat Monastery, located near Kutaisi; the Golden Cup from the Bedia Church; the Gospel which belonged to the Mokva Archbishop's Seat and is held now in the Museum of Art of Georgia in Tbilisi. Georgia considers these artifacts Georgian and refuses to return them to Abkhazia. The falsification also affected the *Besleti Bridge*, one of the ancient architectural monuments of Abkhazia located on the river Basla near Sukhumi. According to Abkhaz scientists, the date of the bridge's construction was falsified in 1935 during the restoration work carried out by Georgian researchers. The biographies of well-known figures of science and culture of Abkhazia were also falsified. All these examples show that modern Abkhazia has a lot of work to do to rewrite its state history.

Keywords: Abkhazia, the Abkhazian Kingdom, temples, Georgia, falsification of Abkhazian history

For citation: Tsvizhba Larisa I. Ancient Monuments of Abkhazia as a Means of Its History's Falsification. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 29–35. DOI: 10.18254/S268684310023755-8

Науке известно немало прецедентов сознательной фальсификации истории стран и народов. Не является исключением и Абхазия, история которой подвергалась и подвергается фальсификации извне. Так сложилось, что народы Абхазии и Грузии соседствуют географически. На определенном этапе своего развития они имели общую историю, которая толкуется искаженно или отрицается вовсе в грузинской историографии. В 1997 г. вышла книга историков Д. Га-

махарии и Б. Гогии «Абхазия — историческая область Грузии (Историография, документы и материалы, комментарии)». В комментариях к документам авторы используют термины «апсуизация», «апсуйская» — производные от слова «апсуа» — абхаз, пытаясь при этом, как практически вся грузинская историография, доказать, что «апсуа» и «абхаз» — это два разных этноса. Авторы отмечают, что «на службу имперских интересов была поставлена, прежде

всего, историческая наука, апсуйская историография, возникшая в Советский период на основе русской шовинистической публицистики XIX–XX вв.» [Гамахария, Гогия, 1997, с. 9]. Они утверждают, что «современные апсуйские историки не очень далеко ушли от С. Броневского, К. Мачавариани, А. Н. Дьячкова-Тарасова, Н. Воробьева, К. Кудрявцева и других при освещении всего комплекса проблем грузино-абхазского (апсуйского) взаимоотношения». По логике Гамахарии и Гогии, племена, проживавшие на территории современной Абхазии и до Кубани, — джиги, абазги, апсилы, являлись западногрузинскими, «но вследствие античных и средневековых набегов» они подверглись ассимиляции [Гамахария, Гогия, 1997, с. 25]. В вольных комментариях к документам авторы постоянно отмечают, что «абхаз» и «абхазский язык» в средневековых источниках употребляются в подлинном значении, т. е. «грузин» и «грузинский язык» [Цвижба, 2011, с. 354–357].

Немного истории

I–III вв. — это период распространения христианства в Абхазии. В конце III – нач. IV в. в Пицунде находилась одна из древнейших христианских общин на Кавказе. Эти были четыре церкви, расположенные внутри Пицундской крепостной стены в форме базилики [Абхазы, 2007, с. 259]. Известный сегодня *Пицундский храм* построен в конце IX-начале X в. и относится к числу лучших памятников местного средневекового зодчества [Пачулия, 1969, с. 168–169]. Пицундский храм появился не на пустом месте. Первоначально это была базилика (сер. VI в.), позже перестроенная в крестово-купольное сооружение. Как считают многие специалисты, Пицундский храм «стал типологическим образцом, определившим дальнейшие пути развития абхазской архитектуры» [Чачхалиа, 2016, с. 5]. В Грузии этот храм считают своим — грузинским!

5 сентября 1847 г. генерал-майор Н. Н. Муравьев, будущий наместник Кавказа и главноко-

мандующий Отдельным Кавказским корпусом, служивший на Кавказе с 1816 г., составил Записку о возможности восстановления православного храма в Пицунде, в которой отмечал: «Прежде всего я должен сказать.. что с участием храма Пицундского неразрывно связана и участия христианства всей Абхазии, в том, кроме воспоминаний исторических, убедился я еще лично из слов самого владельца Абхазского¹, с которым ехал вместе от Тифлиса до пределов его владений. Когда мы посетили знаменитый монастырь Гелат близ Кутаиса, он пожелал видеть там древнюю икону Пицундской Божьей Матери, которая не более как за двести лет перенесена была из Пицунды по смутным обстоятельствам сего края католиками Абхазии. “Когда восстановится церковь в Пицунде, — говорил он мне, — надобно перенести туда опять сию икону, взятую у нас, и тогда опять народ наш станет собираться в сию церковь”. Действительно, требование сие совершенно справедливо, как и слова его, потому что народ абхазский до такой степени уважает место сие, что до нашего владычества и даже еще в первые годы оно все миролюбивые сделки между абхазцами совершались не иначе как в ограде Пицундского храма, ибо никто не смел нарушать данной там клятвы» [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 105. Л. 40–42]. Икона Пицундской Божьей Матери так и не была возвращена Абхазии, вопрос этот актуален и сегодня, но в Грузии икону считают грузинской.

Образование Абхазского царства произошло в 780 г. при Леоне II, в годы императорства в Византии Льва Хазара (775–780), двоюродного брата (по матери) Леона II. Земли Абхазского государства составляли расположенные на территории бывшего Абхазского государства княжества, куда входили земли садзов, убыхов и некоторых этнических подразделений адыгов, Лазика (Эгриси), то есть Западной Грузии: Имерети, Мегрелия, Гурия, Сванетия, Рача-Лечхуми, Аджария). Главной столицей нового государства стал Кутаис, а Анакопии была отведена

1 Михаил Георгиевич Шервашидзе (Хамил-бей; 1806—1866) — Владетельный князь Абхазии (1822–1866).

роль второй столицы. Леон II принял титул «Царь абхазов», который будет использоваться при титуловании правителей Абхазии на протяжении VIII–XI вв. [Абхазы, 2007, с. 67–69]. В этот период в Абхазском царстве активно строятся христианские храмы, такие, как Анухвский, Лыхненский, Симона Кананита, Моквский, Илорский, Бедийский и многих других [Чачхалиа, 2016].

Моквский храм расположен на высоком островке площадью 58 кв. км к востоку от Сухума, он был построен во второй половине X в. абхазским царем Леоном III (957–969) — сыном Георгия II (который и поставил его наместником Картли). В дальнейшем отец и сын совершают военную экспедицию в Кахети и покоряют ее. Со своей стороны Леон III продолжает покорение соседей и доходит до берега р. Арагвы. В центральной Абхазии (в с. Моква) Леон построил храм «Во имя Богоматери» и основал епископат. В этом храме покоятся сам Леон и последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе, умерший в ссылке в Воронеже в 1866 г. и при жизни реставрировавший этот храм. В одном из склепов покоится его сын Георгий, поэт и общественный деятель, скончавшийся в 1918 г. В других склепах похоронены абхазские военные деятели, служившие в русской армии. По описаниям, оставленным реставраторами, храм был «богато убран», «стены украшала редкая по искусству фресковая роспись». Особую ценность представляла икона «Успения Богоматери» [Пачулия, 1969, с. 82–84; Чачхалиа, 1999, с. 28–29]. В 1920 г., во время бесчинств меньшевиков в Абхазии, из Моквского собора было похищено и увезено за границу ценное Евангелие, принадлежавшее Моквской архиепископской кафедре. Это написанное на 328 листах пергамента Евангелие датируется 1300 годом, в нем упоминаются имена Моквских архиепископа Даниила и переписчика книги, автора миниатюр и орнамента инок Ефрема. Евангелие удалось вернуть в Со-

ветский Союз, и ныне оно хранится в рукописном отделе Музея искусств Грузии в Тбилиси. В Грузии этот артефакт также считают своим и не собираются возвращать его Абхазии [Пачулия, 1969, с. 83–84].

С 979 г. на абхазском престоле находился Баграт III (картвел по отцу), его мать Гурандухт была дочерью абхазского царя Георгия II и правила страной в 975–978 гг. в качестве регентши при малолетнем Баграте III, называвшем себя «царем абхазов» и «царем абхазов, картвелов» [Абхазы, 2007, с. 69]. Баграт умер в 1012 г. в Тао, на родине своего отца, но его тело было перевезено в построенный им в честь воцарения его в Абхазии храм в с. *Бедии*. О том, что Гурандухт была соправительницей сына, указывает их совместная надпись на золотой чаше, подаренной Бедийскому храму. Надпись гласит: «Святая мать божья, будь ходатаицей перед Сыном Твоим за Абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандухт, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию святую церковь [Чачхалиа, 1999, с. 31–32]. Чашу украшают рельефные фигуры Христа, Богоматери, апостолов и евангелистов. Она имеет диаметр 14 см и высоту 12,5 см. Сегодня эта реликвия хранится в Музее искусств Грузии в Тбилиси. Исторический артефакт был вывезен из Абхазии в Грузию в 1947 г. Абхазские власти не раз на международном уровне поднимали вопрос о возвращении Бедийской чаши в Абхазию, однако грузинская сторона этому препятствует².

В восточной части Абхазии, в четырех километрах южнее города Очамчира, расположена **Илорская церковь**, построенная в честь Святого Георгия Победоносца в XI в. Эта церковь зального типа окружена каменной оградой. В период господства в Абхазии султанской Турции Илорская церковь, как и многие другие храмы региона, была сожжена. В середине XIX в. ее отремонтировали и покрыли железом [Пачулия, 1969, с. 77], была практически проведена

2 Ардзинба А. Святое место и памятник архитектуры: Бедийский храм в Абхазии. *Всемирный абхазо-абазинский конгресс*. 09.01.2020. URL: <https://abaza.org/svyatoye-mesto-i-pamyatnik-arkhitektury-bediyskiy-khram-v-abkhazii> (accessed 05.04.2022).

консервация храма. Сегодня сюда идут и едут паломники, экскурсионные группы, местные жители. Церковь уникальна как местом расположения, так и своей притягательностью: здесь находилось когда-то одно из абхазских святилищ «Аныха» — «Илыр-Ныха», а в Абхазии и по сей день такие места священны (в них — в том числе и в Илоре — ежегодно проводят обряды).

20 ноября 2010 г. блогер из Грузии под ником «blumgardt» опубликовал следующую запись про Илорский храм: «На грузинской церкви XI в. установлен русский купол. Оккупанты полностью перекрасили внешний фасад с целью стереть грузинский след в соборе Святого Георгия... Восточная сторона, где были грузинские надписи, полностью оштукатурена. В церкви установлены кондиционеры. Опасность угрожает и уникальным фрескам. У главного святилища абхазских и мегрельских владетелей и чудотворного собора стоит российская тяжелая техника»³. Что касается кондиционеров, смею предположить, что это необходимо для поддержания стабильной температуры в маленьком помещении, так как храм ежедневно посещает много людей. А «российская техника» тогда защищала территорию храмового комплекса, так как после признания РФ независимости Абхазии в августе 2008 г. были опасения терактов, тем более что храм расположен у шоссе. Следует обратить внимание на то, что в период грузино-абхазской войны (1992–1993) войска Госсвета Грузии целенаправленно уничтожали в Абхазии памятники архитектуры, культуры, музеи, архивы, библиотеки, и вдруг — такое радение за храм, который не принадлежит Грузии.

Помимо церковных зданий, на которые претендует Грузия, отметим еще **Беслетский мост** — один из древнейших архитектурных памятников Абхазии. Он расположен в окрестностях Сухума и датируется XI–XII вв. В со-

временной Грузии его стали называть «мостом царицы Тамары». Длина моста — 35 метров, ширина почти 5 метров. Этот арочный однопролетный «горбатый» мост со сводом длиной 13,3 метра был построен из известняковых плит квадратной формы. Его грузоподъемность равна 7–8 тоннам. Беслетский мост имел не только военно-стратегическое значение, поскольку связывал Черноморское побережье с Северным Кавказом, но и играл важную роль в торговле. Существует версия, что мост был возведен для переправы через р. Басла в период ее разливов весной и ранним летом. Опоры моста строились в XI в., сам мост — в XII в. [Пачулиа, 1969, с. 44–46]. Во время реставрации в 1935 г. на одной из плит моста была обнаружена надпись заглавными буквами на древнегрузинском языке: «Христос-владыка, всячески... возвеличь в обеих жизнях...», почему-то никем ранее не замеченная и послужившая причиной возникновения подозрений в фальсификации датировки строительства моста. По версии абхазских ученых надпись была сделана в период реставрации моста грузинскими учеными.

Занимавшийся изучением Беслетского моста абхазский историк Ермолай Аджинджал утверждал, что «грузинских надписей на мосту никогда не было и быть не могло, так как к его строительству грузины не могли иметь отношения». Кроме того, историк отмечал, что «подобные надписи не встречаются нигде, кроме как на Беслетском мосту, которому много столетий, а нанесены они были не так давно». И то, что еще до грузино-абхазской войны 1992–1993 г. Беслетский мост грузины стали называть «мостом царицы Тамары», он объясняет тем, что в Грузии «не думали считаться с коренным абхазским народом»⁴.

Таким образом, на примере нескольких рассмотренных исторических объектов видно, что

3 Грузинский чудотворный храм в Абхазии превратили в русскую избушку. *Live Journal*. 20 ноября 2010. URL: <https://andreistp.livejournal.com/542009.html> (accessed 07.06.2022).

4 Авидзба Б. Выбить зубилом историю: откуда грузинские буквы на Беслетском мосту. *Sputnik Абхазия*. 13.11.2017. URL: <https://news.rambler.ru/caucasus/38398535-vybit-zubilom-istoriyu-otkuda-gruzinskie-bukvy-na-besletskom-mostu/> (accessed 15.04.2022).

фальсификация истории Абхазии не прекращается и сегодня. Под лозунгом «Абхазия — это Грузия» в 1992 г. войска Госсвета Грузии вторглись в Абхазию, убивая людей, сжигая письменные свидетельства истории Абхазии (архивы, библиотеки, музеи), разрушая памятники архитектуры, усадьбы, жилые дома и многое другое.

Продолжением фальсификации истории является и то, что «сегодня в Грузии заявляют, что на территории Абхазии имеется 1100 грузинских архитектурных памятников»⁵, среди которых древние храмы, в том числе Лыхненский Успенский храм X в. в с. Лыхны, Симона Кананита в X в. в Новом Афоне, Драндский собор, сооружение которого относится к VI–VIII вв., и многие другие; различные культовые предметы, произведения искусства. Начатая грузинской стороной давным-давно фальсификация истории Абхазии продолжается. В ее рамках переписываются биографии известных абхазов, в том числе, живущих за пределами родины, их представляют принадлежащими Грузии, внося путаницы в их биографии. Наглядный пример — анкета (1952 г.) из личного дела ученого **Зураба Вианоровича Анчабадзе**, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве, куда он приезжал в качестве исследователя. В анкете, куда он вносил паспортные данные, написано: «национальность — абхазец, родился в 1920 г., гор. Гагра Абхазской АССР» [РГВИА. Ф. 800. Оп. 4. Д. 1864. 1852 г.]. В 1920 г. в Абхазии шла борьба за установление Советской власти, карательную политику проводил генерал Мазнишвили, представлявший Демократическую республику Грузия. Абхазия смогла установить Советскую власть в марте 1921 г. в форме «ССР Абхазия». Автономной республикой Абхазия стала в 1931 г., когда ее присоединили к Грузии. Зураб Анчабадзе не мог родиться в Абхазской АССР, но так значится в документе, и это сознательная фальсификация статуса Абхазии и биографических данных абхаза, рожденного в Абхазии.

Другой пример связан с художником, сценографом и искусствоведам **Александром Константиновичем Шервашидзе** (Чачба) (1867–1968), правнуком правителя Абхазского княжества Келешбея Шервашидзе (Чачба). С 1907 по 1918 г. он был сценографом Петербургских императорских театров — Мариинского и Александринского. Работал на равных с такими выдающимися русскими художниками как А. Н. Бенуа, А. Я. Головин, В. А. Серов и Н. А. Рерих и с зарубежными мастерами П. Пикассо, А. Дереном. В дальнейшем, уже за границей, стал работать сценографом в «Русском балете» С. П. Дягелева, который в то время находился в Лондоне [Ацъынцъал, 2017]. Картины этого художника, выставленные незадолго до распада СССР в Тбилиси, так и не вернулись в Абхазию. Грузинские искусствоведы и политики решили, что А. Шервашидзе (Чачба) принадлежит Грузии.

Вольное отношение к истории Абхазии — характерная черта работы многих грузинских ученых. С присоединением Абхазской Советской Социалистической Республики к Грузинской ССР в 1931 г. в статусе Автономной республики начинается целенаправленное переписывание истории Абхазии, переименование абхазских топонимов, переосмысление всего, что представляет и имеет значение для абхазского этноса, его истории, культуры и т. д.

Сегодня перед абхазским научным сообществом стоит большая и сложная задача написать, а не переписать, свою историю, именно ту историю, которую она имела в прошлом и творит сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абхазы. Отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. М.: Наука, 2007. — 547 с. [*Abkhazians*. Ed. by Yu. D. Anchabadze, Yu. G. Argun; Institute of Ethnology and

5 В Тбилиси озабочены ситуацией с грузинскими храмами в Абхазии. 22.11.2010. URL: <https://www.newsru.com/religy/22nov2010/ilori.html> (accessed 07.06.2022).

Anthropology named after N. N. Mikloukh-Maklay, RAS; Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D. I. Gulia. Moscow: Nauka, 2007. — 547 p. (in Russian)].

Ацъынцал Б. М. (Аджинджал Б. М.). *Асахьа-тыхьы Александр Чачба (Художник Александр Чачба)*. Акэа (Сухум): Абгосиздат, 2017. — 208 с. [Adzindzal B. M. *The Artist Alexander Chachba*. Sukhum: Abgosizdat, 2017. — 208 p. (in Abkhaz)].

Гамахария Д., Гогия Б. *Абхазия — историческая область Грузии (Историография, документы и материалы, комментарии). С древнейших времен до 30-х годов XX века*. Тбилиси: Агдгома, 1997. — 894 с. [Gamakharia D., Gogia B. *Abkhazia Is a Historical Region of Georgia (Historiography, Documents, Materials and Commentaries). From Ancient Times to the 30s of the 20th Century*. Tbilisi: Agdgoma, 1997. — 894 p. (in Russian)].

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 38. Оп. 7. Д. 105. Л. 40–42 [RGVIA (Russian State Military Historical Archive). Fund 38. Coll. 7. File 105. Pp. 40–42 (in Russian)].

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 800. Оп. 4. Д. 1864. 1852 г. [RGVIA (Russian State Military Historical Archive). Fund 800. Coll. 4. File 1864. 1852 (in Russian)].

Пачулиа В. *По древней, но вечно молодой Абхазии*. Научно-популярный очерк. Сухуми: Алашара, 1969. — 204 с. [Pachulia V. *Along Ancient, but Eternally Young Abkhazia. Popular Essay*. Sukhumi: Alashara, 1969. — 204 p. (in Russian)].

Цвижба Л. И. *Некоторые размышления о вседозволенности в науке*. CAUCASICA. Труды института политических и социальных исследований черноморско-каспийского региона. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 354–357 [Tsvizhba L. I. Some Reflections on Permissiveness in Science. CAUCASICA. Proceedings of the Institute of Political and Social Studies of the Black Sea-Caspian Region. Vol. 1. Moscow: IVI RAN, 2011. Pp. 354–357 (in Russian)].

Чачхалиа Д. К. *Трехпритворная композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектуру памятников Алании, Руси и Трапезунда*. М.: АКВА-Абаза, 2016. — 200 с.

[Chachkhalia D. K. *The Three-Door Composition of the Temples of Medieval Abkhazia and Its Influence on the Architectonics of the Monuments of Alanya, Rus and Trebizond*. Moscow: AKVA-Abaza, 2016. — 200 p. (in Russian)].

Чачхалиа Д. К. *Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки*. М.: Московский исследовательский центр абхазоведения, 1999. — 162 с. [Chachkhalia D. K. *Chronicle of the Abkhazian Kings. Articles. Notes*. Moscow: Moskovskiy Issledovatel'skiy Tsentri Abkhazovedeniya, 1999. — 162 p. (in Russian)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ /

ELECTRONIC SOURCES

Авидзба Б. Выбить зубилом историю: откуда грузинские буквы на Беслетском мосту. *Sputnik Абхазия*. 13.11.2017 [Avidzba B. To Knock out History with a Chisel: Where Did the Georgian Letters on the Besletsky Bridge Come from. *Sputnik Abkhazia*. 11/13/2017 (in Russian)]. URL: <https://news.rambler.ru/caucasus/38398535-vybit-zubilom-istoriyu-otkuda-gruzinskie-bukvy-na-besletskom-mostu/> (accessed 15.04.2022) .

Ардзинба А. Святое место и памятник архитектуры: Бедийский храм в Абхазии. *Всемирный абхазо-абазинский конгресс*. 09.01.2020 [Ardzinba A. Holy Place and Monument of Architecture: Bedia Temple in Abkhazia. *World Abkhaz-Abaza Congress* (in Russian)]. URL: <https://abaza.org/svyatoye-mesto-i-pamyatnik-arkhitektury-bediyskiy-khram-v-abkhazii> (accessed 05.04.2022).

В Тбилиси озабочены ситуацией с грузинскими храмами в Абхазии. 22.11.2010. *News.ru* [Tbilisi Concerned about Situation with Georgian Churches in Abkhazia. November 22, 2010. *News.ru* (in Russian)]. URL: <https://www.newsru.com/religy/22nov2010/ilori.html> (accessed 07.06.2022).

Грузинский чудотворный храм в Абхазии превратили в русскую избушку. *Live Journal*. 20 ноября 2010 [Georgian Miraculous Temple in Abkhazia Was Turned into a Russian Hut. *Live Journal*. November 20, 2010 (in Russian)]. URL: <https://andreistp.livejournal.com/542009.html> (accessed 07.06.2022).

К 90-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА БОРИСОВИЧА АЛАЕВА: О МАРКСИЗМЕ, ОБЩИНЕ И ИНДОЛОГИИ ЧАСТЬ I

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF LEONID B. ALAEV: ON MARXISM, COMMUNITY AND INDOLOGY PART I

© 2022 **Динара Викторовна Дубровская**

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных исследований (ГАУГН), Москва, Россия; distan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

Dinara V. Dubrovskaya

PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Assistant Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; distan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

© 2022 **Александр Александрович Столяров**

кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
astol007@gattamelata.com; ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Alexander A. Stolyarov

PhD (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; astol007@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Первая часть интервью¹ с известным гуманитарием, историком-востоковедом, индологом и теоретиком профессором Леонидом Борисовичем Алаевым приурочено к его юбилею. Беседа касается основных проблем исследования Л. Б. Алаева — вопросов истории и теории сельской общины, особенностей первобытнообщинного общества в целом, марксистского подхода к гуманитарным наукам и современных поисков закономерностей исторического развития. Интервьюеры интересуются историей семьи Л. Б. Алаева, его жизненным путем до поступления в МГУ, профессиональной подготовкой в Московском университете и оценкой становления и развития индологии как востоковедной специальности.

Ключевые слова: индология, история востоковедения, МГУ, Институт востоковедения РАН, история науки, устная история, интервью, Л. Б. Алаев

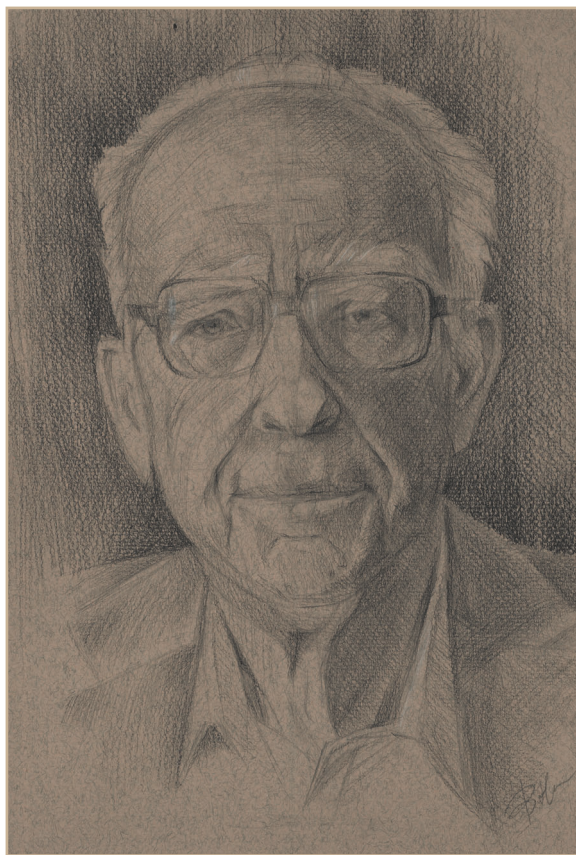
Для цитирования: Дубровская Д. В., Столяров А. А. К 90-летию Леонида Борисовича Алаева: о марксизме, общине и индологии. Часть I. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 36–49. DOI: 10.18254/S268684310023713-2

This first part of the interview with a well-known humanitarian, historian, orientalist, Indologist and theorist professor Leonid Borisovich Alaev is timed to coincide with his anniversary. The conversation touches on the main problems of Leonid B. Alaev's research — questions of the history and theory of the community and primitive communal society, the Marxist approach to the humanities and modern search for patterns of historical development. Interviewers are interested in the history of Leonid B. Alaev's family, his life path before entering Moscow State University and his assessment of the formation and development of Indology as a specialty of larger Oriental studies.

Keywords: Indology, History of Oriental studies, Moscow State University, Institute of Oriental Studies (RAS), history of science, Oral history, interview, Leonid B. Alaev

For citation: Dubrovskaya Dinara V., Stolyarov Alexander A. To the 90th Anniversary of Leonid B. Alaev: On Marxism, Community and Indology. Part I. *Oriental Courier*. 2022. No 3. Pp. 36–49. DOI: 10.18254/S268684310023713-2

1 Редакция искренне благодарит магистрантов программы «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии» Восточного факультета ГАУГН Вадима Владимировича Бачинского, Ульяну Вячеславовну Зыкову и Наталию Сергеевну Кирееву за расшифровку интервью.

**Портрет Леонида Борисовича
Алаева**

© Наталья Владимировна
Винокурова, 2022

**Portrait of Professor Leonid
B. Alaev**

© Natalya V. Vinokurova, 2022

— ДД: Мы в гостях у Леонида Борисовича Алаева² — легендарного индолога, теоретика, историка Востока, мыслителя. Мы часто цитируем вас на лекциях и рассказываем о ваших исследованиях. Спасибо за возможность побеседовать с вами лично!

— ЛА: ... А студенты слушают и восклицают: «Ах, надо же!»

— ДД: Да, молодые востоковеды должны знать своих героев. Что же, Леонид Борисович, начнем с начала? Если можно, расскажите, пожалуйста, немного о своей семье.

1. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

— ЛА: Я произошел, как и все, от отца и матери, но хочется начать с рассказа о них как о

довольно типичных представителях первого поколения советских интеллигентов.

Каждый из них был последним ребенком в своих семьях. Когда умер дед (отец моей матери), ей было меньше двух лет (в 1905 году). Дед был портным, а бабушка занималась хозяйством. Когда дед умер, бабушке тоже пришлось переквалифицироваться в портнихи, и она своим портняжным ремеслом тянула четырех девочек и двух мальчиков. Потом один мальчик погиб — сорвал позвоночник, а один вырос в ярого коммуниста и в 1917 году стал главой администрации Нижнего Новгорода. Старшая сестра стала учительницей в младших классах школы в городке Павлово на Оке. Вторая уже в советское время осталась в Нижнем Новгороде и тоже работала в сфере образования. Следующая по возрасту вы-

2 См.: Алаев, Леонид Борисович. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алаев,_Леонид_Борисович (accessed 20.11.2022).

шла замуж за крестьянского паренька из деревни Саконь Нижегородской губернии Александра Михайловича Самарина, уехала с ним в Москву, где тот получил образование инженера-металлурга и вскоре выдвинулся как талантливый ученый, стал академиком АН СССР. Младшую сестру, будущую мою маму, Веру Константиновну дядя Миша отправил в Москву, поступать на Рабфак. Бабушку Надежду Васильевну дядя Миша тоже перетащил в Нижний Новгород, предварительно в октябре 1917 г. провозгласив советскую власть в Починках³.

Михаил Константинович Сенцов (официальные даты его жизни 1833–1939) был довольно видным членом большевистской партийно-административной верхушки, возглавлял ряд губерний и областей. Ему инкриминировались симпатии к «правому уклону», и он знал, что его взгляды смертельно опасны — и для него, и для окружающих. Своей сестре, мой матери, он говорил: «Если я исчезну, не вздумайте меня искать». После смерти Сталина в Москву приехала жена дяди Миши тетя Матильда. Она была в лагере как ЧСИР («Член семьи изменника Родины»).

Вера Константиновна, моя мать, видимо, окончила Рабфак, но вскоре вышла замуж за работника прокуратуры и уехала с ним по месту его службы в Одессу. Там родился ее сын Энрид, который стал моим наставником в течение всего детства, настоящим старшим братом. Брак оказался неудачным: муж стал пить, и мать развелась с ним и уехала в Москву поступать в химико-технологический институт (тогда еще не университет) им. Д. И. Менделеева⁴.

Мой дед по отцовской линии Сергей Семенович в 1870 году получил разрешение на изго-

товление мягкой мебели и вступил в тогдашний союз мебельщиков в Саратове. Так что один мой корень крепко сидит в Поволжье. Потом дед оказался в Москве, поступил в соответствующую фирму и стал агентом по мебелировке.

— АС: Это уже при советской власти?

— ЛА: Нет, именно что нет. Он был человек широкий, а деньги получал неаккуратно; выполнит какой-нибудь заказ — ему отваливают гонорар. И вот однажды он получил гонорар и обмывал его в «Яре»⁵ на нынешнем Ленинградском проспекте. Отправились с друзьями в ресторан... Дед поехал домой на извозчике (в январе в распахнутой шубе) и простудился, получил воспаление легких, которое тогда еще не умели лечить, и умер. У его вдовы, моей бабушки по отцовской линии, Марии Леонидовны, тоже осталось на руках четыре девочки и один мальчик. А вот у меня самого недавно, 2 июля 2022 года, родился еще один Леонид, правнук. Бабушка-вдова работала акушеркой в Воспитательном доме, который до сих пор стоит на берегу Москвы-реки, большое капитальное здание со шпилем⁶.

— АС: Между Кремлем и Котельнической набережной? Это ныне Академия бронетанковых войск.

— ЛА: Бабушка получила диплом «повиальной бабки с отличием». Так что я родился под ответственным кураторством собственной бабушки. Так вот, она получила компенсацию в связи с потерей кормильца, и на эту компенсацию купила домик в Перхушкове, где семья несколько лет летом и жила, правда, потом она этот домик почему-то продала. Девочек она как-то пристроила. А моему будущему родителю

3 Ныне Починки: село в Нижегородской области. Административный центр Починковского района и Починковского сельсовета.

4 Бывший МХТИ (Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева), ныне РХТУ (Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева).

5 «Яр» — ныне отель «Советский».

6 Московский императорский воспитательный дом на Москворецкой набережной, заложен в 1764 г., крупнейшее здание дореволюционной Москвы. До 2015 г. в зданиях Воспитательного дома базировались Военная академия РВСН и Российская академия медицинских наук. После вывода в 2016 г. Академии РВСН ансамбль пустует. В марте 2021 г. началась реставрация Московского императорского воспитательного дома, территория которого будет открыта для граждан и интегрирована с парком «Зарядье».

А. А. Столяров в гостях у Л. Б. Алаева в августе 2022 г.

Интервью прерывается поисками нужной книги

Фото © Д. Дубровская

Alexander A. Stolyarov visiting Professor Alaev
in August 2022

The interview is interrupted by the search for the right book

Photo © Dinara Dubrovskaya

она решила непременно дать инженерное образование. Статус *инженера* тогда еще высоко котировался. Он поступил в Химико-технологический институт имени Тимирязева.

Мои мама и папа встретились в институте, полюбили друг друга и поженились. Я говорил, что от первого брака у мамы был на тот момент семилетний сын, которого она назвала Энридом. Тогда модно было изобретать красивые имена, желательно с революционными коннотациями. Она мне говорила, что сначала назвала его «Рид», в честь американского журналиста Джона Рида, автора книги «10 дней, которые потрясли мир». Но потом решила, что «Рид» слишком кратко, и прибавила «Эн». Папа усыновил Энрида, дал ему свои фамилию и отчество. Отношения между ними установились замечательные. Не изменились они и после того, как отец ушел из семьи.

Папу и маму распределяли в 1931 году, и они попросили, чтобы их распределили вместе. Их направили на строительство эфиромасличного завода в Натырбово, в Адыгею.

Затем они приехали в Москву, потом их снова отправили — на этот раз в Алексеевку, тогда Воронежской губернии, а сейчас Белгородской области⁷. В Алексеевке я себя уже помню. Отец строил там завод по экстракции эфиромасличных жиров, а мама участвовала в строительстве завода по переработке сахарной свеклы. В 36 году родители уехали оттуда, потому что в Алексеевке стали всех сажать, а им это не понравилось.

2. КВАРТИРА НА СОЛЯНКЕ

В Москве у бабушки была служебная квартира, которую я сейчас вспоминаю с умилением, хотя по всем современным меркам она была ужасной. В коридор выходили шесть дверей. За каждой из них — своя «квартира». В конце коридора — уборная и водопроводный кран. Одни на всех. Как и остальные, наша «квартира» находилась в полуподвале. Но наши соседи имели по одной

⁷ Алексеевка — город (с 1954 г.) в Белгородской области, административный центр Алексеевского района.

узкой комнате с одним окном, а у нас было три окна! Мы считались богатыми. Хотя там просвечивал пол и было видно, что прямо под настилом земля. На зиму в окна вставляли вторые рамы, а весной их снимали и ставили на их место сетки. А там, за окном, прямо люди ходили, ботинками около окна шлепали.

— ДД: А в каком районе была эта квартира, ЛБ.?

— ЛА: Солянка, Устьинский проезд. Архитектор Жилярди⁸ построил этот дом в самом начале XIX века как «окружное здание», то есть здание, окружающее сад Воспитательного дома. В наше время сад уже никому не принадлежал, но нас туда не пускали, даже дверь туда была заколочена. Впрочем, после войны дверь открыли: в саду разместились какие-то рабочие, в том числе пленные немцы, ходившие на Солянку через наш коридор. Позже выяснилось, что квартира обладала еще одним важным достоинством — она располагалась буквально в двух шагах от Исторической библиотеки (в Старосадском переулке), где я проводил много времени: у меня были собственные столик и кресло у окна.

Вернемся к истории нашей семьи, на Солянку в довоенные и послевоенные годы. В социальном отношении семья охватывала несколько слоев: некоторые — унаследованные от прежних эпох, а другие уже порождения или жертвы советской действительности.

Считаю, что в моем формировании сыграл роль еще один корень — **клан Гильдебрандтов**, хотя его «основателя» я уже не застал. Дедушка моей первой жены Александр Леокадьевич Гильдебрандт — *инженер*, как он представляет себя на визитной карточке, работал на заводе «Красный пролетарий», ранее бывшем заводом Братьев Бромлей. Он пользовался большим уважением: дирекция выделила ему особняк рядом с промзоной завода. Потом, правда, его «уплотнили»,

и когда я вселился туда «на площадь жены», у Гильдебрандтов оставались всего две комнаты на первом этаже, правда, большие и с балконом. А на втором этаже жила семья Щегловых, в которой было три красавца-брата. Один из них, Александр Дмитриевич, судя по рассказам и фотографиям, удалой молодец, простой рабочий, с детства любил Тамару Гильдебрандт. Перед войной они поженились. Родились две девочки. Одна из них впоследствии стала моей женой.

Но жизнь сделала крутой вираж. В 1940 г. Александра Леокадьевича арестовали, обвинив в сеянии пораженческих настроений. В беседах с рабочими он говорил, что не надо верить фашистам и договорам с ними: с ними все равно придется воевать. Вот он и сгинул где-то на Соловках. От него остались, помимо двух дочерей, артефакты, очень характерные для дореволюционной интеллигенции: два велосипеда (мужской и женский), теннисная ракетка и скрипка. Мы долго хранили их как реликвии.

Зять Гильдебрандта Александр Дмитриевич Щеглов был уже лейтенантом в армии и даже обрадовался началу войны: «**Повоюем**», — повторял он, потирая руки. Он погиб в сентябре 1942 г. под Старой Руссой в чине подполковника. До недавнего времени, когда еще собирались ветераны его дивизии, о нем обязательно вспоминали. Тамара Александровна Щеглова, моя теща, значилась в списке дивизии, и ее приглашали на такие встречи.

Мой племянник Сергей Пономарев, сын двоюродного брата, внук тети Лены (Елены Константиновны Сенцовой) жил в Горьком, учился там в школе, потом в Горьковском университете, еще студентом увлекся политикой, вошел в кружок, где по-новому изучали историю партии; похожий на кружок Краснопевцева⁹. Сблизились с **академиком Сахаровым**, который в это время находился в ссылке в Горьком. Кружок их

8 По всей видимости, архитектор указанного дома — Джованни Баттиста (Иван Дементьевич) Жилярди (1755–1815).

9 Лев Николаевич Краснопевцев (1930–2021) — историк, советский диссидент. Будучи аспирантом, секретарем комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ, основал и возглавил подпольный марксистский кружок (1956–1957).

раскрыли и всех посадили. Сережа несколько лет отсидел, потом пришел Горбачев, Сахарова вызвали в Москву. Когда племянника освободили, его (ирония судьбы!) «трудоустроили» — назначили смотрителем кабинета-квартиры Сахарова.

Или есть у меня, скажем, родственники — семья моего двоюродного брата, рабочий из Шебекино, почти на границе с Украиной, в Белгородской области. Оказался он там, потому что мой отец руководил строительством завода по производству синтетических жирных кислот, попросту говоря, стирального порошка, который тогда был новинкой и поэтому назывался «Новость». Я там несколько раз бывал, отдыхали всей семьей, и в Украину я ходил пешком от своей дачи два километра до городишки Волчанска, где у своего отца гостил мой друг Алексей Васильевич Райков из Липецка. Сейчас там, где мы запросто «нарушали границу» и ловили раков в Северском Донце, проходит линия фронта.

Этот обзор круга моих близких родственников невольно вызывает в памяти ахматовское: *«Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был»*.

...Вернусь к рассказу о моей довоенной семье, казавшейся мне дружной и благополучной. Кроме полагающихся «по штату» папы и мамы, у меня был еще старший брат. Именно старший, и именно брат. Он учил меня немецкому языку, рисованию, коллекционированию почтовых марок и вообще всему, что надо знать мальчику. Два года мы учились с ним в одной школе — он в 7 и 8 классах, а я в нулевом и во втором. Он был заводила и выдумщик, но часть его славы перепала и мне. Нередко я слышал в коридорах школы обо мне:

— А это кто?

— Это брат Алаева.

Энрид «издавал» газету, писавшуюся от руки в одном экземпляре, и давал ее читать одноклассникам. В 8 классе стал «издавать» журнал «Улыбающаяся жирафа». Один из номеров был посвящен 60-летию юбилею Сталина. На обложке он нарисовал портрет Сталина, но дирекция школы попросила его портрет заклеить,

потому что под заголовком «Улыбающаяся жирафа» Сталин выглядел кощунственно.

Здание нашей с братом школы находилось на улице Воронцово поле. Сейчас в нем Министерство юстиции РФ. Это рядом, буквально через дом от Посольства Республики Индии. Так я впервые «приблизился к Индии», сам того не подозревая.

Семья была крайне политизированной. Отец поступал в партию. Тогда интеллигентов старались в партию не брать, чтобы не уменьшать «пролетарскую прослойку». Отец после работы ходил на курсы, которые назывались «Университетом марксизма-ленинизма» и стал членом партии в мае 1941 г. Мама тоже была яркой большевичкой, но в партию не вступала. Боялась, что, если подаст заявление, то вскрыется, что она сестра *врага народа*, что она тоже ЧСИР!

В доме были и «История ВКП(б). Краткий курс», и сборник Сталина «Вопросы ленинизма». Постоянно шли разговоры о международном положении. Я в мои девять лет знал имена руководителей основных стран, вместе с папой и братом мы следили за тем, что происходит в мире.

У нас на стене висела карта Западной Европы. Я еще тогда удивлялся, почему издали такую карту, почему отделили Западную Европу от Восточной? Не поместилась, что ли? Ну, подумал и забыл. А потом вдруг — не так давно — встретил сообщение, что немцы в 1941 г. отбили под Ленинградом поезд, набитый картами Западной Европы. Так что это неслучайно: наверное, планировалось снабдить каждого офицера Красной армии картами, необходимыми для дальнейшей войны. Да и каждому советскому человеку вскоре могла понадобиться карта Западной Европы. Поэтому и в магазины *выбросили* (тогдашнее словечко) такие карты. Ведь на Востоке воевать не намеревались — только на Западе!

Мы с братом (он уже был большой) закрашивали двумя цветами разные страны. Красным закрашивали пол-Польши, потом Прибалтику, Бессарабию и прочее, а коричневым раскрашивали другие, сопредельные территории. Когда

Муссолини решил аннексировать Албанию, у нас в доме — не знаю, откуда — появилась большая карта Албании, и мы начали на ней отмечать сначала продвижение итальянских войск, а потом их позорное бегство.

Мой брат тоже стал известным ученым; в некоторых энциклопедиях я значусь как «брат известного экономгеографа Э. Б. Алаева». А я вспоминаю, как меня называли в школе...

3. УЧЕБА В МГУ И ПРИХОД В ИНДОЛОГИЮ

— ДД: ЛБ., расскажите о том, как вы пришли в индологию. Интересно, когда вы впервые узнали про Индию.

— Л.А. Вы будете смеяться, но я «узнал про Индию» когда пришел поступать на истфак. Там я узнал, что на истфаке есть Восточное отделение, состоящее из двух кафедр: истории Ближнего и Среднего Востока и истории Дальнего Востока. Там изучают восточные языки и, в связи с этим, отменено изучение латыни. Кроме того, на эти кафедры принимают преимущественно мальчиков, и потому конкурс там меньше. Это для меня имело значение. В школе я учился неплохо, хотя, пожалуй, наоборот, довольно посредственно, но вступительные экзамены сдал отлично: 24 балла из 25 возможных. Когда же меня спросили, историю какой из восточных стран я хотел бы изучать, я ответил: «Конечно, историю Индии».

Почему я тогда был столь решителен, не знаю, но это решение определило всю мою последующую жизнь.

В нашей группе учились индологи Кулланда (Всеволод Романович; мы его звали либо «Пашка», либо «Пахом»), он потом долгое время работал в индийской редакции информагенства «Новости», много лет жил в Индии. Его жена Мария Николаевна Погребова (1931–2015) училась на нашем же курсе, но по кафедре археологии. Ей пришлось переехать «по месту работы мужа» и стать специалистом по археологии Индии. Их сын Сергей до своей безвременной кончины работал в ИВ РАН и обещал стать

редким специалистом. Их дочь Маша работала в Музее Востока.

Кроме того, из нашей группы вышли: Мила Москаленко — дочь маршала Москаленко, которая решила специализироваться на экономике. Она поступила младшим научным сотрудником в ИВ РАН и писала монографию о кооперативном движении в индийских деревнях. Но работу не закончила, вышла замуж, стала Орлеанской и растворилась где-то в советских офисах за границей.

Была в нашей группе и Наташа Иванова, ставшая специалистом по литературе бхакти и профессором ИВЯ.

Неудачна судьба Игоря Баранова, у которого была какая-то «рука» в МИДе. Он не выделялся способностями, но был довольно честолубив. Когда он обнаружил, что урду дается другим легче, он решил вызубрить первый только что вышедший у нас урду-русский словарь, за что мы над ним смеялись. Но следует признать: его занятия языком пошли успешнее! Баранова рекомендовали в аспирантуру, но дали тему по истории династии Гуптов, а он-то хотел изучать современный политический процесс, рабочее и коммунистическое движение, опубликовал даже статью по этой проблематике, что было большой редкостью. Тогда его отправили в годичную командировку в Индию работать над той же ненавистой ему темой о Гуптах, а он стал писать справки для Посольства СССР и генерального консульства в Калькутте. В результате приехал без материалов для диссертации. Работал в ИВ АН лаборантом в библиотеке, дослужился до зав. спецхраном. Когда я стал зав. сектором «Энциклопедия Азии», я по дружбе взял его к себе, но ничего не вышло. Он пристрастился к самому популярному в России напитку и потом куда-то сгинул. Я далек от того, чтобы во всем винить ошибку начальства при распределении мест в аспирантуру. Но свою роль это бездушное начальство сыграло.

Заодно расскажу еще одну историю, не имеющую отношения к нашей академической и языковой группам, но освещающую методы руко-

водства академического начальства «на переднем крае идеологического фронта», как тогда говорили и писали. Напомню, что дело происходит в 1954 году.

Стране срочно нужен специалист по истории Тибета. Приказано взять из китайской группы одного человека и направить его в аспирантуру по теме из истории раннесредневекового Тибета. Надо учить тибетский язык. Но в Москве нет преподавателя тибетского языка. Надо направить аспиранта на три года в Ленинград — пусть учит там тибетский язык. Аспиранту предоставляется место в студенческом общежитии. Решили направить в Ленинград **Васю Богословского**, кончавшего истфак. Мы с ним были друзьями, поэтому я и оказался в курсе всех этих переживаний. Как раз в дни, когда решалась его судьба, Вася женился. С ним-то все было в порядке. Через три года он вернулся в Москву, работал в ИВ АН и Институте китаеведения, защитил кандидатскую, написал несколько книг по темам, связанным с Тибетом. Но семья-то распалась.

А вот совсем уж анекдотический случай: **Эдвина Грантовского**, который еще студентом поражал преподавателей своими знаниями, распределили библиотекарем в Кабинет Востока Исторической библиотеки! И он около года сидел за конторкой и выдавал книги аспирантам, в том числе мне.

Меня в аспирантуру сначала не рекомендовали, но **Игорь Михайлович Рейснер** меня отстоял. Он прочел мою дипломную работу и решил, что такой кадр ему нужен в Отделе Индии в ИВ АН, где он заведовал Сектором истории. Поэтому он помчался на заседание комиссии по распределению и добился рекомендации в аспирантуру для меня.

...Мое знакомство с Индией началось с овладения языком урду. Первые два года его нам

преподавал **Александр Михайлович Осипов**. Потом, на третьем курсе, его сменила **Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская**¹⁰.

— ДД: У вас вели два языка — и хинди, и урду?

— ЛА: Да, почему-то еще со времен царизма считалось, что необходимо знать урду, чтобы прийти освобождать Индию от британского ига. Хинди как-то на втором месте был.

— АС: Его тогда просто не было. В то время эти языки как раз стали расходиться.

— ЛА: У меня крепко убеждение, что для изучения древней и средневековой Индии нужно знать санскрит. Стал ходить на занятия (уроки) **профессора Петерсона** на филологическом факультете МГУ. Когда я поступил в аспирантуру, занимался с **Елизаренковой**¹¹ санскритом. Интересно, что вместе со мной занимался мой научный руководитель, **Александр Михайлович Осипов** — мы были двумя студентами Елизаренковой.

В 1956 г. я стал *м. н. с. б. с.*, то есть «младшим научным сотрудником без степени» в Отделе Индии ИВ АН. Тогда было принято, почти что обязательно, чем-нибудь бесплатно руководить или что-нибудь преподавать. И тогда **Саша Пятигорский**¹², который тоже сидел в нашей комнате, предложил: «в качестве общественной нагрузки я буду преподавать тамильский язык». А я тогда говорю, что в качестве общественной нагрузки буду изучать тамильский язык.

— ДД: Как остроумно!

— АС: А у кого Пятигорский тамильскому обучался? Ни у кого?

— ЛА: Я так понял, что он сам выучился, когда работал в Сталинграде: после окончания вуза его отправили преподавать в школу в Сталинград. Он заинтересовался южноиндийской философией и решил читать тамильские трактаты в оригинале.

10 Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская (1922–1996), выдающийся советский историк-востоковед, индолог.

11 Татьяна Яковлевна Елизаренкова (1929–2007), выдающийся российский лингвист и переводчик, специалист по санскриту.

12 Александр Моисеевич Пятигорский (1929–2009) — советский и британский философ, востоковед, индолог, буддолог, писатель, к. ф. н. Один из основателей Тартуско-московской семиотической школы, автор текстовой модели коммуникации.

**Л. Б. Алаев в первые годы работы
в Институте востоковедения АН СССР**

Фото © из личного архива

Л. Б. Алаева

**Leonid B. Alaev in the first years of his
work at the Institute of Oriental Studies
of the USSR Academy of Sciences**

Photo © from the personal archive
of L. B. Alaev

— АС: *А откуда в Сталинграде тамильский?*

— ДД: *Ну, может, там какой-то тамил жил...*

— ЛА: На тот момент не были готовы ни учебные материалы, ни курсы лекций, ни учебники, ни словари. Саша Пятигорский дал нам с Цыганковым¹³, который решил заниматься Южной Индией и надписями (позже к нам присоединилась еще **Вика Вертоградова**), фотографическую пленку со словарем, который составил в XVIII веке какой-то иезуит. Тогда еще словаря Пятигорского не было. Мы с Цыганковым распечатали эту фотопленку в трех экземплярах и стали «грызть гранит».

4. ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

— ДД: *ЛБ, а в чем важность того, чтобы докопаться до корня проблемы общины на Востоке? Почему вы сконцентрировали свои основные усилия именно на этой теме?*

— ЛА: Действительно, нужно рассказать о сути моей работы над проблемами общины, проблемами истории Южной Индии, что, как вы заметите, в конце концов вывело меня к

переосмыслению истории человечества в целом. Поэтому здесь я перейду к монологу.

В этих сюжетах я намерен быть предельно кратким, остановиться только на результатах моих потуг понять индийскую традиционную общественную ткань. Некоторые мои выводы серьезно противоречат принятым взглядам, но я сейчас не могу приводить фактический материал, на котором мои выводы базируются. Предлагается либо принять мои выводы «не глядя», либо обратиться к моим монографиям и статьям, учитывая при этом, что мои взгляды менялись, надеюсь, — именно развивались и уточнялись, — приближаясь к истине. Конечно, их можно — так же «не глядя» — и отвергнуть, что происходило на протяжении 60 лет. Я не претендую на истину, а только на то, что в течение работы к ней приближался. Список таких работ прилагаю к данной записи.

В 1950-е годы востоковеды решили доказать, что страны Востока накануне колониального порабощения были почти столь же развитыми, как и страны Западной Европы. Стали искать *зачатки капитализма* в Японии, в Китае, даже в Бирме. Понятное дело, и в Индии. В Ин-

13 Юрий Яковлевич Цыганков (1924–2009) — российский санскритолог, долгое время заведовал Мемориальным кабинетом Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения РАН.

дии, нам казалось, основным препятствием для развития товарных отношений, которые и показывают наличие таких «зачатков», была сельская община, которая являлась замкнутым мирком.

Еще когда я был студентом и аспирантом, я начал искать развитие товарных отношений в Южной Индии. Так как мы руководствовались словами К. Маркса, что индийская община опиралась на сочетание земледелия и ремесла, нам казалось, что развитое профессиональное ткачество означает разложение сельской общины. Моя первая исследовательская статья называлась «Развитие индийского ткачества (до проникновения в Индию европейцев)». Статья была направлена против **Коки Антоновой**, которая в это время в одиночку противостояла Рейснеру и его ученикам, не соглашаясь видеть во всем этом «зачатки капитализма».

Тогда чуть ли не весь Отдел Индии в ИВ АН исследовал сельскую общину в позднее средневековье. основополагающая статья самого Рейснера была посвящена общине у маратхов. **Э. Н. Комаров** тщательно изучал общину в Бенгалии. **А. М. Осипов** показал, что община в Северо-Западных провинциях (нынешний Уттар Прадеш) состояла из привилегированных (высококастовых) слоев, а не угнетенных крестьян. **Н. И. Семенова**, изучая государство Ранджит Сингха в Панджабе, пришла к подобным же выводам на материале этого региона. **Л. С. Брегель** (в то время Розенберг) изучила институт

сельской общины в португальском Гоа. Тогда же я написал статью об общине в Раджастанхана. Она была опубликована значительно позднее (см. [Алаев, 2000, с. 41–71]). **Т. Н. Загородникова** изучала общину в Гуджарате, но уже позже того времени, о котором сейчас идет речь, уже под моим руководством. Так получилось, что мне «досталась» только Южная Индия, тем более что к тому времени я уже имел представление о южноиндийской эпиграфике и о том, что она может дать для изучения социального строя.

Вроде бы, индологи накопили достаточно материала для значимых обобщений, но большинство упомянутых авторов исходили из того, что община в принципе одинакова во всех странах и во все времена, если она *сохраняется*, конечно. Она унаследована из далекой первобытной эпохи и характеризуется равенством, сплочением и взаимопомощью. В классовом обществе она начинает разлагаться: общинная собственность на землю заменяется частной собственностью, растет социальное и имущественное расслоение, выделяется общинная эксплуататорская верхушка, которая развивается в государственный аппарат, и община окончательно разлагается. Она нередко продолжает существовать в классовом обществе, но это пережиток, который свидетельствует только о том, что общество это отсталое.

Все это построение — лишь логическая схема, вызванная стремлением человека (ученые не исключение) к упорядочению знаний, к при-

Л. Б. Алаев и А. А. Столяров
на конференции ICANAS
в Будапеште. 1996 г.

Фото © из личного архива
А. А. Столярова
Leonid B. Alaev and Alexander
A. Stolyarov at the ICANAS
Convention in Budapest. 1996
Photo © from the personal
archive of Alexander A. Stolyarov

ведению их в порядок. При этом почти не проводилось изучения функционирования реально существовавших сельских общин — в России, в Индонезии, в Китае, во Вьетнаме, а также в странах, являвшихся объектами востоковедческих исследований: в Древнем Египте и Месопотамии, в Византии, в той же Индии. В Германии и России шли многолюдные дискуссии о том, насколько община выражает *дух* того или иного народа, но участники дискуссий, как правило, не бывали в деревнях и заменяли *знание* деревни своим *мнением* о ней.

Надо сразу же вытащить из-под конструкции под названием *общинная теория* ее «краеугольный камень»: представление о том, будто бы древние германцы жили общинами и лишь потом их общины стали разлагаться. Однако в нашей литературе до сих пор эта теория, выдвинутая Г. Л. Маурером и подхваченная Марксом и Энгельсом, принимается как несомненный факт. Она излагается даже в последних сочинениях Л. С. Васильева, которого принято считать чуть ли не нашим главным антимарксистом.

К этому надо добавить, что взгляды Маркса на Восток в целом, конечно, «*стоявшие на уровне науки того времени*», в наше время воспринимаются как чудовищные. Он относил Восток в целом к первобытной стадии эволюции человечества, предшествовавшей рабовладению.

Что касается сельской общины, то я не сразу понял, что неплохо бы различать общины, возникавшие по инициативе снизу, через осознание необходимости сплочения и упорядоченности быта, и организуемые государственными властями или крупными землевладельцами (при желании последних можно назвать *феодалами*) для упорядочения фискальных или рентных отношений.

А также общины крестьянские, **земледельческие** в собственном смысле слова, угнетаемые частными земельными собственниками и/или государством, и общины землевладельческие, образованные разросшейся семьей, получившей землю в результате дарения или захвата.

Главное для ориентировки в реальности — не выстраивать все сельские соседские общины в

единую лестницу, не принимать существование общины за само собой разумеющийся факт, а искать **причину** ее существования и функционирования в данном обществе. [Alaev, 1982(a); Alaev, 1982(b)].

Я не возражаю против предположения, что территориальная община в той или иной форме существовала во всех странах на всем протяжении древности и средневековья, а в ряде стран — и в Новое время. Но я не считаю, что подобные взгляды базируются на фактах и настаиваю на том, что не так важно, существовала ли она, гораздо важнее — **в каком качестве и в какой форме**. Потому что форма общины **фокусирует** в себе очень многие характеристики общества и накладывает отпечаток на его дальнейшую эволюцию, в какой-то степени **определяет** его судьбу.

— **АС:** Спасибо, ЛБ! Мы готовы выслушать еще ряд монологов — о проблемах феодализма вообще, а в особенности — «феодализма» и концепции Средних веков на Востоке.

— **ДД:** Большое спасибо, ЛБ! До встречи!

**Работы Л. Б. Алаева,
отражающие его концепцию
всемирной истории, взгляды
на роль сельской общины
в социальной жизни разных
стран (народов),
и на загадочность
уникальной индийской
общины каст
(в хронологическом порядке),
отобранные автором**

Алаев Л. Б. Соседская община и кастовая община. *Народы Азии и Африки*. 1972. № 4. С. 79–87 [Alaev L. B. Neighborhood Community and Caste Community. *Narody Azii i Afriki*. 1972. No. 4. Pp. 79–87 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Частная собственность на Святой Руси. *Новое время*. 1991. № 10. С. 37–39 [Alaev L. B. Private Property in Holy Rus. *Novoe Vremya*. 1991. No. 10. Pp. 37–39 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Община в его жизни. *История нескольких научных идей в документах и материа-*

лах. М.: Восточная литература, 2000(a). — 584 с. [Alaev L. B. *Community in His Life. History of Several Academic Ideas in Documents and Materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000(a). — 584 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. Проблема уровня развития Индии к началу Нового времени в советской историографии 50–90-х гг. *Индия и мир. Сборник статей памяти А. И. Чичерова*. С. 65–104. М.: Муравей-Гайд, 2000(b) [Alaev L. B. The Problem of the Level of Development of India by the Beginning of the New Age in Soviet Historiography of the 50s–90s. *India and the World. Collection of Articles in Memory of A. I. Chicherov*. Pp. 65–104. Moscow: Muravei-Guide. 2000(b) (in Russian)].

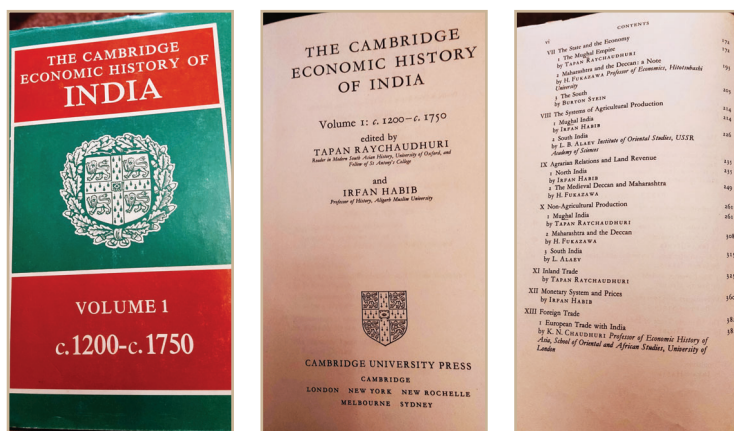
Алаев Л. Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи). *Восток (Oriens)*. 2002. № 4. С. 51–62 [Alaev L. B. According to the Latest Intelligence Data, We Fought with Ourselves (To the Question of the Main Contradiction of Our Era). *Vostok (Oriens)*. 2002. No. 4. Pp. 51–62 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Средневековая Индия*. СПб: Алетейя, 2003. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2018; Изд. 3-е. М.: Ленанд, 2019. — 303 с. [Alaev L. B. *Medieval India*. Saint Petersburg: Aleteiia, 2003. 2nd ed. Moscow: Lenand, 2018; 3rd ed. Moscow: Lenand, 2019. — 303 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Южная Индия: общинно-политический строй VI–XIII вв.* М.: ИВ РАН, 2011. — 712 с. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2018 [Alaev L. B. *South India: Communal and Political System of the 6th–13th Centuries*. Moscow: IOS RAS, 2011. — 712 p. 2nd ed. М.: Lenand, 2018 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность». *История и современность*. 2014. № 2. С. 48–72 [Alaev L. B. What Was the “Russian Community” and What Is the “Russian Communalness”. *History and Modernity*. 2014. No. 2. Pp. 48–72 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Ритуальные основы системы джаджмани в индийской общине. *Восток*. 2017. № 4. С. 14–23 [Alaev L. B. Ritual Foundations of the

Кембриджская экономическая история Индии (1982) и статьи Л. Б. Алаева The Cambridge Economic History of India (1882) with Professor Alaev's Papers

Jajmani System in the Indian Community. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 4. Pp. 14–23 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Марксизм и востоковедение. *Восток (Oriens)*. 2018(a). № 4. С. 162–170 Alaev L. B. Marxism and Oriental Studies. *Vostok (Oriens)*. 2018(a). No. 4. Pp. 162–170 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Проблематика истории Востока*. М.: Ленанд, 2018(b). — 500 с. [Alaev L. B. *Problems of the History of the East*. Moscow: Lenand, 2018(b). — 500 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. Загадка системы джаджмани в марксистской историографии. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 24. М.: ИВ РАН, 2019. С. 20–47 [Alaev L. B. The Enigma of the Jajmani System in Marxist Historiography. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS*. Iss. 24. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 20–47 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs история. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 113–125 [Alaev L. B. Rural Agricultural Neighborhood Communities: Logic vs History. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4, pp. 113–125 (in Russian)].

Алаев Л. Б. История как проблема. *Вестник ИВ РАН*. 2020. № 3. С. 12–19 [Alaev L. B. History as a Problem. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 3. Pp. 12–19 (in Russian)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Alaev L. Non-Agricultural Production. South India. *The Cambridge Economic History of India*. Vol. 1. Eds. T. Raychaudhuri, I. Habib. Pp. 315–324. Cambridge: Cambridge University Press, 1982(a).

Alaev L. Systems of Agricultural Production. South India. *The Cambridge Economic History of India*. Vol. 1. Eds. T. Raychaudhuri, I. Habib. Pp. 226–234. Cambridge: Cambridge University Press, 1982(b).

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

Алаев, Леонид Борисович. *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алаев,_Леонид_Борисович (accessed 20.11.2022) [Alaev, Leonid Borisovitch (in Russian)].

РАСПИСНОЕ БЛЮДО ИЗ РОССИЙСКИХ РАСКОПОК В ФАЮМСКОМ ОАЗИСЕ (ЕГИПЕТ)

THE BOWL WITH PAINTING FROM THE RUSSIAN EXCAVATIONS IN THE FAYUM OASIS (EGYPT)

© 2022 **Виктория Игоревна Ярмолович**

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр
египтологических исследований Российской академии
наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
viktoriya.yarmolovich@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9306-5433

Victoria I. Yarmolovich

PhD (history), Research Fellow, the Centre for
Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
viktoriya.yarmolovich@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9306-5433

Статья посвящена изучению расписного блюда, обнаруженного во время археологических раскопок Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) на памятнике Дейр-эль-Банат в Фаюмском оазисе (Арабская Республика Египет). Памятник находится на юго-восточной окраине оазиса. За годы планомерного изучения Дейр-эль-Баната был локализован некрополь, «монастырь», местонахождения артефактов палеолитического облика. Блюдо, исследуемое в данной статье, происходит с территории «Южного некрополя». Оно имеет широкий горизонтальный отогнутый венчик, переходящий в относительно глубокое тулово и высокий кольцевой поддон. На поддоне сделаны два отверстия, через которые

протянута веревка. Внутренняя поверхность блюда покрыта молочно-белым ангобом, поверх которого нанесена черно-красная роспись. На венчике изображены параллельные черные волнистые линии, чередующиеся с каплевидными элементами черного и красного цветов. По краю венчика проходит широкая черная полоса, сделанная поверх красной. На внутренней поверхности тулова изображены пальмы, некий треугольный объект, заштрихованный внутри, и прямоугольные конструкции со штриховкой и кругами внутри. Аналогичные блюда с нескольких памятников на территории Египта датируются первой третью VI–VIII в. Многие из них — в том числе и блюдо из Дейр-эль-Баната — являются продукцией гончарных мастерских региона Асуан, о чем свидетельствует розовая каолиновая глина, использованная для их формовки (она залегает в этом регионе). Таким образом, суммируя данные изучения морфологических признаков и глиняного теста блюда из российских раскопок можно предположить, что оно было произведено в период между третьей четвертью VI в. и первой четвертью VII в. в гончарных мастерских Асуанского региона, а затем привезено в Фаюмский оазис. Эта датировка коррелирует с временным отрезком, которым датируется керамика на памятнике Дейр-эль-Банат (Птолемеевский период — правление династии Аббасидов). Два отверстия на поддоне указывают на то, что блюдо можно было подвесить — например, для украшения помещения.

Ключевые слова: Византийский период, Египет, керамика, роспись, Фаюмский оазис, каолин, Дейр-эль-Банат, Асуан

Для цитирования: Ярмолович В. И. Расписное блюдо из российских раскопок в Фаюмском оазисе (Египет). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. No. 3. С. 50–57. DOI: 10.18254/S268684310023756-9

The paper focuses on a painted bowl discovered during archaeological excavations of the Centre of Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (CES RAS) on the territory of Deir el-Banat in the Fayum oasis (Egypt). The site is located on the south-eastern edge of the oasis. The excavation on the site yields necropolis, “nunnery”, paleolithic sites. The bowl was found on the territory of the “Southern necropolis”. It has wide, horizontal, everted rim, and high-footed ring base. There are two holes on its base, and there is a rope which had been inserted through them. Inner surface is covered with white slip and painted with black-and-red ornament. There are two bands on the rim, the space between them is filled with black-and-red wavy lines and drop-shaped elements. The black motifs are painted over the red one. The palm tree, triangle with hatching inside, and rectangular constructions with hatching and circles inside. The parallels of the bowl have been discovered on several Egyptian sites. They are dated to the 1st quarter of the 6th c. AD — 8th c. AD. A bulk of them (as well as a bowl from Deir el-Banat) were manufactured in Aswan region pottery workshops, which is indicated by kaolin clays found in said region. The morphological features and clay of the bowl from Deir el-Banat allow to establish the date of its production — between the 3rd quarter of the 6th century and the 1st quarter of the 7th century AD. Possibly, it is a product of Aswan region pottery workshops, brought in the Fayum oasis. This date correlates to the date of the pottery from Deir el-Banat (the Ptolemaic period — the Abbasid dynasty). Two holes and the rope on its base suggest its decorative function.

Keywords: Byzantine period, Egypt, pottery, painting, Fayum oasis, kaolin clays, Deir el-Banat, Aswan

For citation: Yarmolovitch Victoria I. The Bowl with Painting from the Russian Excavations in the Fayum Oasis (Egypt). *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 50–57. DOI: 10.18254/S268684310023756-9

Центр египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) проводит комплексное исследование памятника Дейр-эль-Банат (араб. «Девичий монастырь»; Арабская Республика Египет) под руководством д. и. н. Г. А. Беловой, начиная с 2003 г. Памятник находится на юго-восточной окраине Фаюмского оазиса. За годы проведения планомерных археологических раскопок на памятнике локализован некрополь и т. н. монастырь¹, были найдены местонахождения артефактов палеолитического облика, а также проводятся комплексные исследования различных категорий объектов и письменных источников².

Керамика на памятнике Дейр-эль-Банат датируется достаточно широким хронологическим отрезком: от Птолемеевского периода до правления династии Аббасидов (II в. до н. э. — X в.) [Belova, Ivanov, 2019, p. 19–23; Yarmolovich, 2019; Ярмолович, 2021], что свидетельствует о долгом бытовании этого памятника. Эти данные коррелируют, например, с нумизматическими находками. Во время полевого сезона 2020 г. на территории «монастыря» был обнаружен клад золотых куфических динаров, сделанный не ранее второй четверти X в. [Иванов, Кулешов, 2021].

Блюдо (инв. № DB 06/0020) было найдено на территории «Южного некрополя» в мешанном заполнении могил. Его первоначальный контекст утерян из-за грабительских перекопов, поэтому для его датировки необходимо применить метод датированных аналогий.

Блюдо имеет широкий горизонтальный отогнутый венчик, переходящий в относительно глубокое тулово и высокий кольцевой поддон

(Илл. 1). Край венчика сформован в виде квадратного в сечении выступа. На поддоне сделаны два отверстия, через которые протянута веревка. Внешняя поверхность сосуда покрыта молочно-белым ангобом. На венчик, верхнюю часть тулова и кольцевой поддон с внешней стороны нанесены полосы розового ангоба.

Внутренняя поверхность блюда тоже покрыта молочно-белым ангобом, поверх которой сделана черно-красная роспись (Илл. 2). На венчике изображены параллельные черные волнистые линии, чередующиеся с каплевидными элементами черного и красного цветов. По краю венчика проходит широкая черная полоса, сделанная поверх красной. Узкая полоса, тоже черная, сделана в месте перехода от венчика к тулову. Роспись, украшавшая внутреннюю поверхность, сохранилась не полностью. Часть декора утратила краски и от них остались лишь контуры ангоба. Сохранились изображения пальмы, некоего треугольного объекта, заштрихованного внутри, и прямоугольных конструкций, тоже со штриховкой внутри и черными кругами.

Блюдо выполнено из тонкого плотного глиняного теста, в котором содержится 5 % слюды (размер включений от 0,5 до 1,0 мм)³. Скол имеет однородный красновато-коричневый цвет (5YR 5/6 по Munsell Soil Color Chart).

В Египте блюда аналогичных форм есть и на других памятниках. Так, похожие по типу сосуда⁴ были найдены на соседнем с Дейр-эль-Банатом памятнике — Наклуна [Danys-Lasek, 2012, p. 224, fig. 2 (Nd. 08.395), p. 225]. К. Данис-Лясек по аналогиям датировала их VI–VIII вв. [Danys-Lasek, 2012, p. 225]. Венчик из Наклуна отличается от блюда, обнаруженно-

1 Первоначально интерпретация этого памятника как монастыря была предложена немецким исследователем П. Гроссманом [Grossmann, 1991]. Однако раскопки ЦЕИ РАН, начатые в этой части памятника в 2020 г., пока что не подтвердили, что на территории был монастырь [Иванов, Кулешов, 2021].

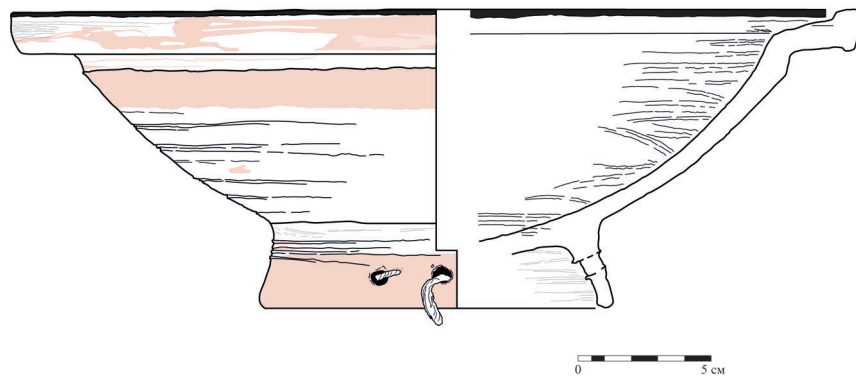
2 Подробнее об изучении памятника Дейр-эль-Банат см. [Belova, Ivanov, 2019; Chepel, 2021; Chepel, 2022; Yarmolovich, 2019; Белова, 2021; Боруцкая, Васильев, 2021; Иванов, 2021; Китова, 2021; Орфинская, 2021; Симоненко, 2021; Чепель, 2021; Ярмолович, 2021].

3 Описание включений формовочной массы сделано по [Orton, Hughes, 2013, p. 282].

4 В статье представлен лишь венчик одного из блюд [Danys-Lasek, 2012, p. 224, fig. 2 (Nd. 08.395), p. 225], хотя упоминаются, судя по инвентарным номерам, два. Поэтому сделан сравнительный анализ морфологических признаков только одного блюда из Наклуна.

DB 06/0020

Илл. 1. Рисунок блюда DB 06/0020 из раскопок ЦЕИ РАН в Дейр-эль-Банате

© Рис. В. И. Ярмолович

Fig. 1. Drawing of dish DB 06/0020 from the excavations of CEI RAS in Deir el-Banat

© Drawing by Victoria I. Yarmolovich

Илл. 2. Фотография внутренней поверхности блюда DB 06/0020

Фото © С. В. Иванов

Fig. 2. Photo of the inner surface of the dish DB 06/0020

Photo © S. V. Ivanov

го российской экспедицией, в первую очередь, своей заостренной формой. Равным образом блюдо из Наклуна предположительно имело менее глубокое тулово, о чем можно судить по направлению стенок тулова [Danys-Lasek, 2012, p. 224, fig. 2 (Nd. 08.395)]. Так же, как и блюдо из российских раскопок, оно покрыто светлым кремовым ангобом, и на его венчике сохранилась роспись черно-красными цветами. Однако мотив росписи отличается от нашего блюда: внутреннюю поверхность венчика украшает орнамент *гильош* [Danys-Lasek, 2012, p. 224, fig. 2 (Nd. 08.395)].

Такие блюда встречаются и на памятниках южнее Фаюмского оазиса: в Телль-эль-Амарне [Faïers, 2013, p. 48 (65–66); p. 89, fig. 2.10 (65–66)] и Элефантине [Gempeler, 1992, s. 104, abb. 45 (8–10), 46 (1–9)].

В публикации, посвященной раскопкам в Телль-эль-Амарне (Ком-эль-Нана), представлено два блюда, близкие к блюду из российских раскопок по форме и способу декорирования [Faïers, 2013, p. 48 (65–66), p. 89, fig. 2.10 (65–66)]. Тем не менее их венчики имеют другую форму, толщина их стенок меньше, чем у блюда из Дейр-эль-Баната [Faïers, 2013, p. 89, fig. 2.10 (65–66)]. У обоих блюд венчики с внутренней стороны расписаны [Faïers, 2013, p. 89, fig. 2.10 (65–66)]. Примечательно блюдо под номером 66 [Faïers, 2013, p. 89, fig. 2.10 (66)]: оно имеет большее сходство в некоторых деталях с блюдом DB 06/0020 (Илл. 1, 2). Его венчик украшен и с внешней стороны, а на поддоне есть отверстие, предположительно, для того чтобы блюдо можно было повесить [Faïers, 2013, p. 48 (65–66), p. 89, fig. 2.10 (66)].

Р. Гемпелер, исследовавший керамику из Элефантины от Римского до раннего Арабского периодов, выделил блюда с такими морфологическими признаками в тип T353, который, в свою очередь, делится на два варианта (a и b) [Gempeler, 1992, s. 104, abb. 45 (8–10), 46 (1–9)]. Критериями для разделения послужили формы венчика и тулова. Блюда *варианта a* имеют острый край у венчика, а стенки их тулов за-

кругленные. *Вариант b* отличается квадратная губа у венчика и более прямые стенки тулова [Gempeler, 1992, s. 104 (T353)]. Диаметр венчиков этого типа керамики варьируется от 28 до 37 см, но Р. Гемпелер указывает, что чаще они имеют диаметр 28–32 см [Gempeler, 1992, s. 104].

Еще одной характерной чертой этого типа сосудов в Элефантине является роспись, выполненная в коричневых или черно-красных цветах [Gempeler, 1992, s. 104]. Декор элефантинских блюд отличается орнаментальными мотивами от росписи сосуда из Дейр-эль-Баната: они украшены гирляндами, волнистыми линиями, орнаментом *гильош*, различными сочетаниями параллельных линий и кругов, изображением птицы [Gempeler, 1992, abb. 45 (8–9), 46, 47 (1–2)]. Они помещены на внутренней части венчиков и внутренней поверхности тулов.

Р. Гемпелер предположил, что прототипами для этих блюд послужила форма 95 «Африканской краснолаковой керамики» (African Red Slip ware) по типологии Дж. Хейса [Gempeler, 1992, s. 104 (T353); Hayes, 1972, p. 13–18, p. 146, fig. 27 (form 95 (3)), p. 149 (form 95)]. Эта форма краснолаковой керамики датируется первой половиной VI в. [Hayes, 1972, p. 149 (form 95)]. В Египте же, согласно датировке керамики из Элефантины, эта форма появляется во второй четверти VI в. и существует до первой четверти VII в., и, возможно, продолжает бытовать и позже [Gempeler, 1992, s. 104 (T353)]. Причем, находки из раскопок в Элефантине позволили установить, что сначала под влиянием «Африканской краснолаковой керамики» в первой трети VI в. появляется вариант T353a, а затем — в третьей четверти VI в. — вариант T353b [Gempeler, 1992, s. 104 (T353)]. Далее оба варианта форм бытуют одновременно до первой четверти VII в. На более поздних блюдах начинают делать черно-красную роспись [Gempeler, 1992, s. 104 (T353)].

С точки зрения морфологии блюдо DB 06/0020 несомненно относится к типу T353. Однако отнести его к одному из вариантов форм, выделенных Р. Гемпелером, достаточно сложно, потому что у него объединены морфологические при-

знаки обоих вариантов. С одной стороны, блюдо из Фаюмского оазиса имеет квадратную губу, что характерно для *варианта b* [Gempeler, 1992, s. 104, abb. 46 (5, 7, 9), abb. 47 (1)], а с другой, достаточно закругленные стенки тулова роднят его с блюдами *варианта a* (ср.: [Gempeler, 1992, abb. 45 (9–10), 46 (1–2)]).

В Элефантине для производства этих блюд использовалась местная каолиновая глина с различными минеральными включениями и примесями. При обжиге она приобретает коричневый, светло-коричневый и бежево-коричневый цвета⁵ [Gempeler, 1992, s. 19–20]. В литературе эти глины называются розовая глина (“pink clay”) или «асуанская розовая глина» (“Aswan pink clay”) [Rodziewicz, 1992; Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016]. Она залегает в области Асуан, где были также локализованы гончарные мастерские [Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016, p. 731; Ballet, Vichy, 1992, p. 113–116; Bourriau, Nicholson, Rose, 2000, p. 122]. Ее начали использовать для производства различных типов сосудов в поздний Птолемеевский период, но более широкое применение она получила в последующие периоды истории Египта — Римский и Византийский [Rodziewicz, 1992; Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016].

Исследователи проводили петрографический анализ асуанской глины, что позволило выявить несколько ее вариантов [Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016]. Они установили, что среди образцов этого глиняного теста есть смеси двух глин — каолиновой и нильской аллювиальной. Эти смеси, по предположению ученых, получились как в результате естественных процессов (например, когда две разные глины залегают рядом), так и были добавлены гончарами одна в другую намеренно — для улучшения свойств глиняного теста [Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016, p. 731–732]. Повторный обжиг образцов, сделанный той же группой ученых, показал,

что асуанские глины при обжиге могут приобрести цвет от розового до коричневого цветов [Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016, p. 732–733].

Сопоставление форм сосудов с данными петрографического исследования глин демонстрирует, что в Элефантине по сравнению с нильской аллювиальной глиной в позднеантичный период широко применялись чистые розовые глины или их смеси с нильской аллювиальной, хотя в Римский период их использование было значительно ниже [Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016, p. 733, p. 734, fig. 3]. Но в то же время смешанные глины больше использовались для производства столовой посуды в раннее римское время [Katzjäger, Peloschek, Rembart, 2016, p. 733]⁶.

Аналогичные блюда из Телль-эль-Амарны сформованы либо из местного египетского теста с включениями слюды (O1), либо из неплотного розового или оранжево-красного теста с «тонкими черными и кварцевыми частицами, слюдой, и более крупными красными частицами» (O1W) [Faïers, 2013, p. 40, 48 (65–66); Rodziewicz, 1976, p. 54].

Глиняное тесто блюда из российских раскопок по своим характеристикам близко к асуанским розовым глинам. Однако свежий скел этого блюда на тон темнее по сравнению с формовочными массами из асуанской области. Самым логичным вариантом кажется предположение о том, что оно было сделано из смеси каолиновой и нильской аллювиальной глины с большим содержанием последней. Сосуды из нее приобретают при обжиге цвета от красного до коричневого, поэтому именно ее присутствие в смеси могло сделать блюдо незначительно темнее элефантинских [Gempeler, 1992, s. 20, 104 (T353)].

Таким образом, расписное блюдо из российских археологических раскопок на памятнике Дейр-эль-Банат в Фаюмском оазисе может быть датировано временным отрезком от третьей

5 Диапазон оттенков по атласу Манселла (Munsell Soil Color Chart): 5YR 7.5/4, 5YR 6/6 и 2.5YR 6/6. См. [Gempeler, 1992, s. 19–20].

6 К сожалению, в статье даются общие категории глин, из которых формовали те или иные сосуды. Поэтому установить, есть ли среди них сосуды, похожие на блюдо из Дейр-эль-Баната, не представляется возможным.

четверти VI в. до первой четверти VII в., но с возможным расширением до VIII в. Доказательством этому служат аналогичные блюда, найденные в Элефантине и опубликованные Р. Гемпелером [Gempeler, 1992, s. 104, abb. 45 (8–10), 46 (1–9)]. Они являются местной продукцией и тоже имеют роспись. В пользу более поздней датировки свидетельствуют не только морфологические признаки сосуда, но и его черно-красная роспись. Можно предположить, что блюдо было привезено в Фаюмский оазис из Асуанского региона — гончарного центра производства, в котором использовали местную каолиновую глину, — не ранее середины VI в. Мотивы, которыми декорировано блюдо из Дейр-эль-Баната, с точки зрения стилистики похожи на характерные для асуанских блюд, но тем не менее пока что не имеют точных аналогий. Два отверстия на поддоне, через которые была протянута веревка, дают возможность предположить, что блюдо можно было подвешивать, например для украшения помещения.

Блюдо DB 06/0020 не единственная находка керамики из Асуана на памятнике Дейр-эль-Банат. На территории «монастыря» в заполнении ямы F077 в 2020 г. было открыто керамическое скопление F077, в котором идентифицировано две миски из розовой асуанской глины (инв. № DB 20/0039/001 и 20/0039/002) [Ярмолович, 2021, с. 135, 137, Илл. 2]. Одна из них датирована второй четвертью / серединой V — началом VIII в., а вторая — серединой VII — началом VIII в. (650–700 гг.) [Ярмолович, 2021, с. 135]. Вместе с блюдом DB 06/0020, они представляют значимыми источниками информации об экономических, торговых контактах и общественных отношениях двух регионов Египта в позднеантичный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белова Г. А. Проблемы хронологии некрополя Дейр-эль-Банат (Фаюмский оазис) и вопросы терминологии. *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 16–34 [Belova G. A. Deir

el-Banat Necropolis (Fayum Oasis): Problems of Chronology and Terminology. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 16–34 (in Russian)].

Боруцкая С. Б., Васильев С. В. Остеологический анализ погребений греко-римского времени некрополя Дейр-эль-Банат (Египет). *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 35–43 [Borutskaya S. B., Vasilyev S. V. Osteological Analysis of Graves of the Greco-Roman Period of the Necropolis Deir El-Banat (Egypt). *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 35–43 (in Russian)].

Иванов С. В. Антропоморфные доски из погребений некрополя Дейр-эль-Банат. *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 44–57 [Ivanov S. V. Anthropomorphic Boards from the Necropolis of Deir el-Banat. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 44–57 (in Russian)].

Иванов С. В., Кулешов В. С. Клад куфических динаров из раскопок поселения Дейр-эль-Банат (Фаюмский оазис, Египет). *21 Всероссийская нумизматическая конференция (тезисы)*. Тверь, 2021. С. 58–59 [Ivanov S. V., Kuleshov V. S. Hoard of Kufic Dinars from the Excavations of the Settlement of Deir el-Banat (Fayoum Oasis, Egypt). *21st All-Russian Numismatic Conference (Abstracts)*. Tver, 2021. Pp. 58–59 (in Russian)].

Китова А. О. Биоархеологические исследования мумифицированных останков из погребений некрополя Дейр-эль-Банат (по материалам полевых сезонов 2014–2017 гг.). *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 58–65 [Kitova A. O. Bioarchaeological Research of Mummified Remains from Burials on Deir el-Banat Necropolis (Based on Materials Obtained in 2014–2017). *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 58–65 (in Russian)].

Орфинская О. В. Анализ подъемного текстильного материала, полученного в ходе работы экспедиции ЦЕИ РАН на памятнике Дейр-эль-Банат. *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 79–108 [Orfinskaya O. V. Surface Textiles Found during Excavations Carried Out by the

Russian Archaeological Mission at Deir el-Banat. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 79–108 (in Russian)].

Симоненко А. А. Палеолитические местонахождения в окрестностях некрополя Дейр-эль-Банат: предварительные результаты исследования. *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 109–125 [Simonenko A. A. Palaeolithic Sites near Deir El-Banat (Fayoum): Preliminary Results of Survey. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 109–125 (in Russian)].

Чепель Е. Ю. Датировка погребения No. 250 на некрополе Дейр-эль-Банат по данным папирусных документов. *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 126–132 [Chepel E. Yu. Dating Grave 250 at the Necropolis of Deir el-Banat According to Papyrus Documents. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 126–132 (in Russian)].

Ярмолович В. И. Изучение керамики из «монастыря» в Дейр-эль-Банате (Фаюмский оазис, Египет): полевой сезон 2020 г. *Египет и сопредельные страны*. 2021. № 1. С. 133–158 [Yarmolovich V. I. Pottery from the 'Convent' in Deir al-Banat (Fayum Oasis, Egypt): Excavations in 2020. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2021. No. 1. Pp. 133–158 (in Russian)].

Ballet P., Vichy M. Artisanat de la ceramique dans l'Egypt hellenistique et romaine. Ateliers du Delta, d'Assouan et de Kharga. *Cahiers de la Céramique Égyptienne 3. Atelier de Potiers et Productions Céramiques en Égypte*. Vol. 3. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1992. Pp. 109–119.

Belova G. A., Ivanov S. V. Preliminary Report on the Work of the CES RAS Archaeological Mission at Deir el-Banat (Fayoum). The 14th Season (March 3 – April 24, 2019). *Egypt and Neighbouring Countries*. 2019. No. 2. Pp. 1–30.

Bourriau J., Nicholson P., Rose P. Pottery. Ed. by P. T. Nicholson, I. Shaw *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 121–171.

Chepel E., Ptolemaic Circular Letter from Deir el-Banat. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*. 2021. No. 66/2. Pp. 313–322.

Chepel E. A New Papyrus Programme for the Theadelphia: Ptolemaic Festival Culture and Dynastic Ideology. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2022. No. 222. Pp. 159–178.

Danys-Lasek K. Pottery from the Refuse Dump under Unit B.26 in Naqlun. *Polish Archaeology in the Mediterranean XXI: Reports 2009*. Warsaw, 2012. Pp. 222–232.

Faiers J. A Second Corpus of Late Roman Pottery from Kom el-Nana. Ed. by J. Faiers. *Late Roman Glassware and Pottery from Amarna and Related Studies*. London, 2013. Pp. 39–180.

Hayes J. W. *Late Roman Pottery*. London: British School at Rome, 1972. — 447 p.

Gempeler R. D. *Elephantine X. Die Keramik römischer bis früh-arabischer Zeit (Elephantine)*. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. — 221 s.

Grossmann P. Dayr al-Banat. Ed. by A. S. Atiya. *The Coptic Encyclopedia II*. New York: Macmillan, 1991. Pp. 788b–789a.

Katzjäger D., Peloschek L., Rembart L. The Multiplicity of Aswan Pink Clay Pottery (Roman Times to Late Antiquity). Synchronising Shape Repertoire, Clay Pastes and Firing Properties. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*. 2016. No. 44. Pp. 731–736.

Orton C., Hughes M. *Pottery in Archaeology. Second Edition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 340 p.

Rodziewicz M. *Alexandrie I. La Céramique Romaine Traditive d'Alexandrie*. Varsovie: Éditions scientifiques de Pologne, 1976. — 72 p.

Rodziewicz M. Field Notes from Elephantine on the Early Aswan Pink Clay Pottery. *Cahiers de la Céramique Égyptienne 3. Atelier de Potiers et Productions Céramiques en Égypte*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1992. Pp. 103–107.

Yarmolovich V. I. An Unusual Storage Jar with a Face from Deir el-Banat. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2019. No. 2. Pp. 57–63.

FIDE ET DIFFIDE¹:

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ АРХАИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА
В СОБРАНИИ ГМИИ им. А. С. Пушкина, или
К ВОПРОСУ О РЕАТТРИБУЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ²

FIDE ET DIFFIDE:

ANCIENT EGYPTIAN ARCHAIC POTTERY IN THE COLLECTION
OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS, OR TO THE
QUESTION OF MUSEUM OBJECTS' REATTRIBUTION

© 2022 Светлана Евгеньевна Малых

кандидат исторических наук; участник научного коллектива по проекту РФ 19-18-00369-П, Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; Москва, Россия malyh2002@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

Svetlana E. Malykh

PhD (History); member of the academic group for the RSF project 19-18-0369-П, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
malyh2002@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

- 1 «Fide et diffide» («Верь и не доверяй») — стандартная латинская надпись на западноевропейских эмблемах Нового времени, см., например: [Vistarini, Cull, 1999, p. 583].
- 2 Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников).
The article was prepared with the support of the grant no. 19-18-00369-П (“The Classical Orient: Culture, worldview, the tradition of studying in Russia (based on materials from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts and archival sources)”) of the Russian Science Foundation.

В статье анализируются три керамические миски, приобретенные В. С. Голенищевым в Египте и входящие в собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Две из них прежде были датированы додинастическим временем, третья — эпохой Нового царства. Однако морфологический и технологический анализ предметов, а также выявление на них идентичных гончарных меток позволяют отнести сосуды к одному погребальному комплексу и датировать их периодом Раннего царства (ок. XXX–XXVIII вв. до н. э.).

Ключевые слова: Древний Египет, Раннее царство, ГМИИ им. А. С. Пушкина, коллекция В. С. Голенищева, древнеегипетская керамика, музейное дело

Для цитирования: Малых С. Е. Fide et diffide: древнеегипетская архаическая керамика в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина, или К вопросу о реатрибуции музейных предметов. *Восточный курьер* / *Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 58–65. DOI: 10.18254/S268684310023758-1

The article analyzes three ceramic bowls purchased by Vladimir S. Golenishev in Egypt and included in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow. Two of them were previously dated to the Predynastic time, the other to the New Kingdom. However, the morphological and technological analysis of the objects, as well as the identification of similar potmarks, makes it possible to attribute the vessels to the same burial complex and date them to the Early Kingdom (c. 30–28 centuries B.C.).

Keywords: Ancient Egypt, Archaic Egypt, Early Kingdom, Pushkin State Museum of Fine Arts, V. S. Golenishev's collection, ancient Egyptian pottery, museology

For citation: Malykh Svetlana E. Fide et diffide: ancient Egyptian Archaic pottery in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, or To the Question of the Reattribution of Museum Objects. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 58–65. DOI: 10.18254/S268684310023758-1

В запасниках Отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится значительное количество древнеегипетских предметов, многие из которых уже были изучены специалистами, а потому новое обращение к ним может показаться вряд ли необходимым. В то же время методы научного познания постоянно совершенствуются, и их применение может дать новые сведения о музейных памятниках, как это хорошо видно на примере трех древнеегипетских керамических сосудов I, 1a 5134, I, 1a 5870 и I, 1a 5891³, внешне, казалось бы, непримечательных.

Эти плоскодонные миски (Илл. 1) были приобретены В. С. Голенищевым в Египте и вошли в его древнеегипетскую коллекцию. В. С. Голенищев присвоил им номера ИГ-3982, ИГ-5865 и

ИГ-5867: разница в номерах первых двух может говорить о неодновременности покупки предметов. Относительно первого в картотеке Голенищева имеется краткая запись на французском: «3982. Terre cuite. Ecuelle ronde» («3982. Терракота. Округлая чаша»). Карточки на второй и третий сосуды были выписаны, судя по почерку, Т. Н. Бороздиной-Козьминой и содержат больше информации: «№ 5865. Блюдо из доистор. погребения в Сильсилэ»; «№ 5867. Черепок блюда из доистор. погребения в Сильсилэ».

Судя по архивным документам, Т. Н. Бороздина-Козьмина, ученица Б. А. Тураева, занималась каталогизацией, в том числе древнеегипетских сосудов, в 1912–1913 гг., еще в бытность ее работы ассистентом в «Отделении египетских и вос-

3 Автор статьи благодарит к. и. н. Ольгу Александровну Васильеву, зав. Отделом Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, к. иск. Ольгу Павловну Дюжеву, с. н. с. Отдела Древнего Востока ГМИИ и к. и. н. Евгению Александровну Анохину, н. с. Отдела Древнего Востока ГМИИ за предоставленную возможность изучить древнеегипетскую керамику из запасников музея, за помощь в работе с инвентарными книгами и картотекой Отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, а также за ценные комментарии.

Илл. 1. Древнеегипетские красноощенные миски I, 1a 5134, I, 1a 5870 и I, 1a 5891 из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве (© фото и рис. С. Е. Малых)

Fig. 1. Ancient Egyptian red-polished bowls I, 1a 5134, I, 1a 5870 and I, 1a 5891 from the collection of the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow (© photo and drawing by Svetlana E. Malykh)

точных древностей Музея Изыщных Искусств имени Императора Александра III» [Томашевич, 2003, с. 128]. В дальнейшем, фактически, став руководителем Отдела Древнего Востока музея [Томашевич, 2003, с. 130], она опубликовала статью «Глиняные сосуды и чаши архаического Египта бывшего собрания В. С. Голенищева», где упомянула один из рассматриваемых в статье сосудов: «Довольно большую и глубокую чашу представляет № 5865; это — чаша, в которой В. С. Голенищев нашел во время раскопок в Гебель-Сильсилэ череп⁴. Чаша покрыта краской, полирована. Работа хорошая» [Бороздина-Козьмина, 1926, с. 11]. Фрагмент миски ИГ-5867 в статье не упомянут.

Сведения о провенансе голенищевских предметов Т. Н. Бороздина-Козьмина получала от своего учителя — Б. А. Тураева, а тот, в свою очередь, от самого В. С. Голенищева. При ней же в 1920-х гг. в музее проводилось составление «Инвентарной книги I, 1a «Памятники искусства древнего Египта»»; этой работой занималась тогда еще практикант Л. В. Крылова [Смоленкова, 2003, с. 287], вероятно, в том числе использовавшая наработки Т. Н. Бороздиной-Козьминой. О миске I, 1a 5870 (ИГ-5865) здесь сообщается следующее: «Сосуд в форме усеченного конуса. С.[охранность] плохая. Архаич. эпоха»⁵. О сосуде I, 1a 5134 (ИГ-3982) информация по-прежнему не-

4 Этот череп также находится в коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № I, 1a 5871 (ИГ-5866).

5 Инвентарная книга I, 1a «Памятники искусства древнего Египта». Т. 3, с. 162. В те годы в архаическую эпоху египетской истории включали как додинастический период, так и Раннее царство (см., например, [Тураев, 1913, с. 165–176]). В настоящее время к архаическому Египту принято относить время правления I–II династий, т. е. только период Раннего царства (ок. XXX–XXVIII вв. до н. э.).

удовлетворительна: «Чаша. Обожжена. Следы сглаживания»⁶.

В дальнейшем эти сосуды привлекли внимание лишь С. И. Ходжаш, многие годы возглавлявшей Отдел Древнего Востока музея и являвшейся хранителем египетской коллекции ГМИИ. В своей англоязычной книге *“Ancient Egyptian Vessels in the State Pushkin Museum of Fine Art, Moscow”*, вышедшей малым тиражом в Балтиморе в 2005 г., она дает краткое описание сосудов без иллюстраций. Миска I, 1a 5870 (ИГ-5865) из «темно-розовой глины» отнесена к додинастическому периоду [Hodjash, 2005, p. 15–16, no. 7]; другая — I, 1a 5134 (ИГ-3982), также «темно-розовая», датирована эпохой Нового царства [Hodjash, 2005, p. 61, no. 182], т. е. на полторы тысячи лет позднее. Третий предмет — фрагмент миски I, 1a 5891 (ИГ-5867) — в каталог С. И. Ходжаш не вошел.

Внимательное изучение предметов, их глины, способа изготовления, особенностей отделки, позволяют пересмотреть атрибуцию С. И. Ходжаш. Три миски относятся к близким морфологическим типам, но отличаются глубиной и формой внутренней части венчика. Миска I, 1a 5870 более крупная и глубокая, ее венчик немного завернут внутрь (диаметр венчика 20,3 см, диаметр донца 6,3 см, высота 9,2–9,3 см); миска I, 1a 5134 немного мельче, с прямым раскрывающимся венчиком (диаметр венчика 19,8 см, диаметр донца 7,8 см, высота 6,3–6,4 см); донца обоих предметов не полностью плоские, а слегка выпуклые. Материал изделий схож: это аллювиальная среднетонкая плотная глина с большим количеством известняка, небольшой примесью слюды, растительных частиц и измельченных костей животных; у I, 1a 5870 цвет глины красно-

коричневый (2.5YR5/6⁷), у I, 1a 5134 — коричневый (5YR5/4). Можно предположить, что, хотя сосуды и не принадлежали к одной гончарной партии, они были сделаны в одной мастерской.

Третья миска I, 1a 5891, сохранившаяся в трех фрагментах, составляющих ее полный профиль, имеет ровное плоское дно, по форме напоминает сосуд I, 1a 5134, но немного глубже (диаметр венчика 20,0 см, диаметр донца 9,5 см, высота 7,5 см). Ее глина в общих чертах схожа, но отличается нюансами: содержание известняка несколько меньше, отсутствует отощитель в виде измельченных костей, а цвет изделия после обжига красный (2.5YR5/6).

Метод изготовления рассматриваемых сосудов идентичен: они были вылеплены вручную, но затем доработаны на некоем поворотном механизме, наподобие поворотного столика — прообразе ручного гончарного круга медленного вращения. Такой комбинированный способ производства керамики существовал в Египте длительное время — от Позднединастического периода (вторая половина IV тыс. до н. э.) до эпохи Среднего царства (середина XXI — начало XVIII вв. до н. э.), а, возможно, и позже [Arnold, Bourriau, 1993, p. 36–37]. Выше мы отмечали, что донца двух мисок немного выпуклые — характерный признак для сосудов эпохи Раннего царства⁸ (ок. XXX–XXVIII вв. до н. э.), вероятно, являвшийся следствием формовки этой части сосудов в неглубокой ямке в земле⁹.

Поверхность московских мисок была покрыта красным ангобом и залощена, причем внешняя сторона изделий достаточно посредственно, а внутренняя более качественно, заметными аккуратными штрихами. Манера лощения

6 Инвентарная книга I, 1a «Памятники искусства древнего Египта». Т. 3, с. 70.

7 Цвет указан по: Munsell Soil-Color Charts. 2009 Edition. Grand Rapids, 2012.

8 См. аналогичные формы донца керамических сосудов открытых и закрытых типов из гробниц протодинастических и раннединастических царей и знати в Абидосе и Саккаре: [Petrie, 1900, pl. XLII.53–54, 57, 60, XLIII.119–122; Emery, 1938, pl. 27.7, 10, 14–16, 18; Emery, 1954, p. 25, 28, 32, 36, 72–76, 165–166, fig. 6.3, 9(6.8), 12.1, 14.4, 98 (E2, E4, F3, J2, J9, J12, J13, K1); Emery, 1958, pl. 31 (E2, E4, J9), 75 (E4, F3, K1), 110 (F1), 123 (E4); Regner, 1998, S. 141–142].

9 Т. н. метод “paddle-and-ground”; подробнее о нем см.: [Arnold, Bourriau, 1993, p. 20–21].

Илл. 2. Гончарные метки на мисках I, 1a 5134 и I, 1a 5870

(фото © ГМИИ им. А. С. Пушкина и С. Е. Малых)

Fig. 2. Pottery marks on bowls I, 1a 5134 and I, 1a 5870

(photo © The Pushkin State Museum of Fine Arts and S. E. Malykh)

внутренних частей сосудов несколько отличается: у I, 1a 5870 и I, 1a 5891 штрихи располагаются перпендикулярно донцу, у I, 1a 5134 — под наклоном, как если бы в процессе лощения чашу вращали по часовой стрелке.

Важной общей чертой двух из трех рассматриваемых сосудов, не отмеченной предыдущими исследователями, является наличие знаков (Илл. 2), прочерченных на внешней

стороне мисок до обжига, по влажной глине. Знаки похожи и просты, представляют собой две параллельных черты: у I, 1a 5134 это две линии в средней части тулова, у I, 1a 5870 две коротких и немного более глубоких линии в придонной части тулова. На внешней стороне миски I, 1a 5891 после обжига был процарапан знак в виде двух треугольников, соединенных вершинами (Илл. 2); была ли на ней метка,

прочерченная до обжига, мы не знаем, так как от сосуда сохранилось меньше половины.

Исходя из того, что нанести знаки на еще необожженный сосуд мог только гончар, их традиционно идентифицировали как метки мастеров, тогда как знаки, процарапанные после обжига, — как метки владельцев [Кинк, 1976, с. 21]. Чаще всего таким способом помечали погребальный инвентарь (см., например: [Petrie, Quibell, 1896, p. 43–44]). В специальной литературе можно встретить и аналоги нашим меткам в виде двух коротких или средней длины параллельных линий, нанесенных как до, так и после обжига, например, на сосудах из додинастических погребений Нагады и Абадии, раннединастических гробниц Абидоса и Саккары, или из поселения эпохи Среднего царства в Кахуне [Petrie, Quibell, 1896, pl. LII.300, 303–304; Petrie, 1900, pl. LVIII (1463–1465); Petrie, 1901b, pl. XXIII.255; Emery, 1954, p. 79, fig. 101, no. 115; Gallorini, 1998, p. 75–76, 115]. Учитывая простоту формы знаков, легкость их нанесения на еще необожженный сосуд и, как следствие, их популярность для маркировки, несомненно стоит согласиться, что подобным образом предмет мог пометить гончар, однако это вовсе не означает, что тем самым он отмечал свою продукцию. Не следует исключать и той возможности, что гончарам могли заказывать сосуды специально для погребения конкретной персоны, и они маркировали партии сосудов заранее известного назначения. В ходе работ Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в некрополе Гиза мы неоднократно сталкивались с керамическими комплексами эпохи Древнего царства, специально изготовленными для погребальных целей [Malykh, 2018, p. 63, fig. 3].

Знак в виде двух соединенных треугольников, процарапанный после обжига на миске I, 1a 5891, мог маркировать принадлежность к конкретному погребению. Как в указанных

выше случаях, знак прост по форме и имеет аналогии в керамике различного времени, как Позднединастического периода и Раннего царства, так и Среднего царства (см. например: [Petrie, 1901b, pl. XXI.80–85, XXXVII.26–28; Emery, 1958, pl. 76 (no. 23–24, 28, 35)]).

Время создания московских мисок можно определить методом датированных аналогий: схожие типы сосудов открытых форм с немного выпуклым донцем известны по раскопкам гробниц знати в Саккаре и относятся ко времени правления I династии¹⁰ (ок. 3032/2982–2853/2803 гг. до н. э.). Кроме того, глубокая миска I, 1a 5870 по форме венчика и тулова напоминает каменные чаши этой же династии¹¹. Плоскодонные варианты, как I, 1a 5891, имеют более широкую датировку — от позднего додинастического периода до Раннего царства [Petrie, Quibell, 1896, pl. XXII.13, 16, 22; Petrie, 1901b, pl. XVIII.17; Petrie, 1921, pl. IX.22b, XLV.17, XLVI.19; Emery, 1954, p. 160, fig. 222 (M1); Emery, 1958, pl. 123 (J1, J3)].

Несмотря на предложения предыдущих исследователей отнести часть московских мисок к додинастическому периоду, мы склоняемся определять датировку рассматриваемой в статье керамической группы временем правления I династии. Более того, вызывает сомнения и указание на происхождение двух из трех сосудов из «доисторического погребения в Сильсиле», записанное Т. Н. Бороздиной-Козьминой со слов Б. А. Тураева. Возможно, вустной передаче произошла ошибка, так как в Гебель эль-Сильсиле, расположенной в 145 км к югу от Луксора, додинастического некрополя не выявлено. Здесь находится каменоломня, где добывался песчаник, преимущественно разрабатывавшаяся в эпоху Нового царства, а также скальные гробницы этого же периода. Конечно, наличие додинастического некрополя здесь можно допустить гипотетически, так как в каменоломнях среди множества граффити обнаружили и додинас-

¹⁰ См., например: [Emery, 1938, pl. 27.14, 18; Emery, 1954, p. 30, 72, 76, fig. 10.2, 98 (J13)].

¹¹ См., например: [Petrie, 1901a, pl. XXXIII, XLVII, LI; Emery, 1954, p. 90, 165, fig. 104, 224; Emery, 1958, pl. 35–36, 77, 112–113].

тические знаки. Также нет сведений о том, что В. С. Голенищев проводил здесь раскопки.

Больше похоже, что три московских сосуда, приобретенных В. С. Голенищевым в Египте, могли происходить из некрополя Диосполиса Парвы — города, расположенного в 50 км к северо-западу от Луксора. В его округе, занимаемой арабскими деревнями Абадия, Семайна и Хиу, обнаружено множество древних кладбищ от додинастического до римского времени. Некоторые предметы из коллекции В. С. Голенищева помечены словом «Семайна», указывающим на место их находки. В 1898–1899 гг. в некрополе Диосполиса Парвы вел раскопки У. М. Ф. Питри, который затем распродал часть своих находок для получения денежных средств на новые исследования. Более того, Питри указывал, что части памятника (погребения к востоку от кладбища N, додинастическое поселение, кладбища А и J) «были полностью разграблены в последние годы торговцами, и являются источником всех объектов, описываемых как из Семайны» [Petrie, 1901b, p. 31–32]. Возможно, именно у этих «торговцев», напрямую или опосредованно, русский коллекционер и приобрел вещи. Так или иначе, семайнское происхождение московских сосудов более вероятно.

Таким образом, на основе комплексного анализа технологических и морфологических признаков две миски в египетской коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина следует датировать эпохой Раннего царства, причем его начальных фаз. Более того, схожесть глиняного теста и гончарных меток, близкая манера отделки поверхности свидетельствуют, что данные предметы первоначально принадлежали одному археологическому комплексу, скорее всего, погребальному, учитывая целостность части предметов (керамика, найденная на поселениях, в подавляющем большинстве случаев сильно фрагментирована). В целом, данный пример работы с музейными предметами показывает, что неоднократное возвращение к их изучению, внимание к деталям и применение современных методик исследования приносит свои плоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бороздина-Козьмина Т. Н. Глиняные сосуды и чаши архаического Египта бывшего собрания В. С. Голенищева. *Памятники ГМИИ*. Вып. 5. М., 1926. С. 7–21 [Borozdina-Kozmina T. N. Clay Vessels and Bowls of Archaic Egypt from the Former Collection of V. S. Golenishchev. *Monuments of the Pushkin State Museum of Fine Arts*. Vol. 5. Moscow, 1926. Pp. 7–21 (in Russian)].

Кинк Х. А. *Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. — 200 с. [Kink H. A. *Artistic Craft of Ancient Egypt and Neighboring Countries*. Moscow: Nauka. Glavnaya Redaktsiya Vostochnoy Literatury, 1976. — 200 p. (in Russian)].

Смоленкова В. В. Людмила Васильевна Крылова. *Памятники и люди*. М.: Восточная литература, 2003. С. 286–291 [Smolenkova V. V. Lyudmila Vasilievna Krylova. *Monuments and People*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Pp. 286–291 (in Russian)].

Томашевич О. В. Т. Н. Козьмина-Бороздина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее изящных искусств. *Памятники и люди*. М.: Восточная литература, 2003. С. 122–141 [Tomashevich O. V. T. N. Kozmina-Borozdina as a Student and Heiress of B. A. Turaev at the Museum of Fine Arts. *Monuments and People*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Pp. 122–141 (in Russian)].

Тураев Б. А. *История древняго Востока*. Ч. I. С.-Пб.: В. Безобразовъ и Ко, 1913. — 370 с. [Turaev B. A. *A History of the Ancient East*. Part I. Saint Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1913. — 370 p. (in Russian)].

Arnold D., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern, 1993. — 190 p.

Emery W. B. *Excavations at Saqqara. The Tomb of Hemaka*. Cairo: Government Press, 1938. — 114 p.

Emery W. B. *Excavations at Saqqara. Great Tombs of the First Dynasty*. T. II. London: Oxford University Press, 1954. — 160 p.

Emery W. B. *Excavations at Saqqara. Great Tombs of the First Dynasty*. T. III. London: Egypt Exploration Society, 1958. — 168 p.

Gallorini C. *Incised Marks on Pottery and Other Objects from Kahun: Systems of Communication in Egypt during the Late Middle Kingdom* (PhD dissertation). London: University College London, 1998. — 281 p.

Hodjash S. *Ancient Egyptian Vessels in the State Pushkin Museum of Fine Art, Moscow*. Baltimore: Halgo, Inc., 2005. — 198 p.

Malykh S. E. Ancient Egyptian Burial Rites of the Vth and VIth Dynasties: The Problem of Rationality and Symbolism. *Chronique d'Égypte*. 2018. XCIII, fasc. 185. Pp. 58–76.

Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the First Dynasty*. 1900. Part I. London: Egypt Exploration Fund, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., B. Quaritch, Asher & Co., 1900. — 128 p.

Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the Earliest Dynasties*. 1901. Part II. London: Egypt

Exploration Fund, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., B. Quaritch, Asher & Co., 1901a. — 134 p.

Petrie W. M. F. *Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadiyeh and Hu*. 1898–9. London: Egypt Exploration Fund, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., B. Quaritch, Asher & Co., 1901b. — 116 p.

Petrie W. M. F. *Corpus of Prehistoric Pottery and Palettes*. London: London: British School of Archaeology in Egypt, Constable & Co., LTD, Bernard Quaritch, 1921. — 66 p.

Petrie W. M. F., Quibell J. E. *Naqada and Ballas*. 1895. London: B. Quaritch, 1896. — 178 p.

Regner C. *Keramik*. (*Bonner Sammlung von Aegyptiaca* 3). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1998. — 325 S.

Vistarini A. B., Cull J. T. *Enciclopedia Akal de Emblemas Españoles Ilustrados*. Madrid: Akal, 1999. — 952 p.

ОТ ДЕЛЬТЫ ДО ДЕЛЬТЫ: О ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЯХ И ПОСЕЛЕНЦАХ НА ГЛАВНОМ НИЛЕ В V ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э. ЧАСТЬ II

FROM THE DELTA TO *The Delta*: NATURAL CONDITIONS AND SETTLERS ON THE MAIN NILE IN THE FIFTH MILLENNIUM BC PART II

© 2022 **Дмитрий Борисович Прусаков**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва, Россия
dmprusakov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

Dmitry B. Proussakov

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of the
Oriental Studies (RAS), Moscow; dmprusakov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

Начальная неолитизация нильского поречья ассоциируется с археологической культурой раннего (так называемого «мезолитического») Хартума, основная масса памятников которой датируется VII–VI тысячелетиями до н. э. и располагается на протяженном отрезке речной долины от Гезиры у слияния Белого и Голубого Нила до 2-го порога Главного Нила у нынешней границы Судана и Египта. При этом «мезолитический» Хартум обнаруживает тенденцию к укрупнению стоянок в южном направлении, что связывают с ростом оседлости ранне-неолитического населения указанного отрезка, по сути, с приближением к Гезире. Последняя в те времена была рассечена впадавшими в Белый Нил палеоруслами «внутриматериковой» дельты Голубого Нила и представляла собой болотистую плодородную аллювиальную равнину, весьма похожую на сформировавшуюся спустя два-три тысячелетия египетскую Дельту. Благоприятные климатические условия африканского влажного периода (около 14,8–5,5 калибр. л. н.) не располагали к массовой миграции на Нил обитателей цветущей Сахары, о чем могут свиде-

тельствовать многочисленные памятники сахарско-суданского неолита в Западной пустыне. Согласно недавней палеоклиматической реконструкции Ш. Крёпелина, широкомасштабный демографический сдвиг от Пустыни к Реке, вызванный резким иссушением североафриканского климата и приведший к эпохальному прогрессу «неолитических общин» в том числе в Египте, имел место начиная с 5300 г. до н. э. Эта модель, однако, противоречит известным естественнонаучным данным и не находит археологического подтверждения. Абсолютное большинство исследований на стыке археологии и палеоэкологии показывает, что похолодание и аридизация, способные вызвать массовое переселение людей из Сахары на берега Нила, получили развитие лишь с завершением большого атлантического оптимума голоцена и в целом африканского влажного периода в IV тысячелетии до н. э. и достигли экстремума около 4500 некалбр. л. н. $\approx$ 3221 г. до н. э. Все более ранние проявления неолитизации на Ниле с точки зрения влияния на нее палеоприродной среды, очевидно, должны объясняться, прежде всего, привлекательностью для «человека хозяйствующего» самой нильской долины или ее отдельных частей и бассейнов, к которым, по-видимому, относилась дельта Гезиры.

Ключевые слова: Египет, Судан, Главный Нил, климат, гидрология, археология, неолит

Для цитирования: Прусаков Д. Б. От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в V тысячелетии до н. э. Часть II. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 66–81. DOI: 10.18254/S268684310023759-2

The primordial neolithization on the banks of the Nile River is associated with the archaeological culture of the Early Khartoum, or Khartoum Mesolithic. The bulk of its monuments date back to the 7th–6th millennia BC and is located on a long stretch of the river valley from the Gezira at the confluence of the White and Blue Nile to the 2nd cataract of the Main Nile at the current border of Sudan and Egypt. Khartoum Mesolithic shows a tendency of enlarging its sites southwards probably connected with a progress of settled way of life of the early Neolithic population of this stretch approaching to the Gezira. The latter at that time was dissected by the paleochannels of the inner Blue Nile delta that discharged into the White Nile and was a swampy fertile alluvial plain, very similar to the Egyptian Delta that was formed two or three millennia later. Favorable climatic conditions of the African Humid Period (about 14.8 — 5.5 cal. yr BP) did not favor the mass migration of the inhabitants of the blooming Sahara to the Nile, as evidenced by numerous sites of the Saharo-Sudanese Neolithic in the Western Desert. According to recent paleoclimatic reconstruction by S. Kröpelin, a large-scale demographic shift from the Desert to the River, caused by abrupt desiccation of the North Africa and resulted in the epoch-making progress of the Neolithic communities on the Nile, including Egypt, took place starting from 5300 BC. This model, however, contradicts the available scientific data and has no archaeological confirmation. An absolute majority of studies at the junction of archeology and paleoecology show that cooling and aridization that could have caused a mass migration of people from the Sahara to the banks of the Nile, developed only with the completion of the Holocene Atlantic optimum and, in general, the African Humid Period in the 4th millennium BC having reached the extremum at about 4500 uncal. yr BP $\approx$ 3221 BC. All earlier manifestations of neolithization on the Nile from the natural point of view should be obviously explained primarily by the attractiveness for people of the Nile Valley itself or of its individual parts and basins, such as the delta of the Gezira.

Keywords: Egypt, Sudan, the Main Nile, climate, hydrology, archaeology, the Neolithic

For citation: Proussakov Dmitry B. From the delta to *The Delta*: Natural Conditions and Settlers on the Main Nile in the Fifth Millennium BC. Part II. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 66–81. DOI: 10.18254/S268684310023759-2

Первая неолитическая культура на Ниле самым своим названием — ранний Хартум¹ — указывает на место ее основного сосредоточения, если не зарождения, в области стрелки (шире — северного угла) Гезиры в Судане, где сегодня сливаются Белый и Голубой Нил [Williams, Adamson, 1982]. Открытое Э. Аркеллом в 1940-е гг. на окраине Хартума, в самой высокой точке города, первобытное поселение (вероятно, сезонное)² изначально находилось на песчаном восточном берегу Голубого Нила, занимало пригорок площадью около 7500 м² (мощность культурного слоя составляла от 1 до 2 м) и функционировало во времена³, когда уровень речных разливов здесь был на 4 м выше (а годовая сумма осадков ориентировочно в три раза больше), чем в период проведения раскопок [Arkell, 1945]. Жилищами (или укрытиями) могли служить недолговечные, плетеные из тростника и обмазанные глиной или илом хижины, хотя следы установки этих конструкций, как и очагов, не зафиксированы⁴. В черте поселения оказалось семнадцать синхронных ему могил с минерализованными фрагментами скелетов очень плохой сохранности, позволившими, однако, распознать людей негроидной расы [Derry, 1949]⁵; трупоположения были сильно скорченные, на одном имелись бусы из скорлупы страусиных яиц. Ранний Хартум отличала керамика простых открытых форм (чаши и др.) с волнистым орнаментом⁶, нанесенным перед

обжигом позвончиком сома синодонтиса (Э. Аркелл допускал, что она предвосхищала посуду с волнистой поверхностью египетской неолитической культуры Бадари⁷). Среди каменных (в большинстве кварцевых⁸) орудий преобладали микролиты (сегменты, пластины с крутой ретушью, скребки, наконечники, проколки и др.), частью напоминавшие изделия верхне-египетской позднепалеолитической индустрии Себиль⁹; найдены каменные кольца диаметром до 10 см «в форме дисковидных наконечников булавы периода Нагада I» [Midant-Reynes, 2000, p. 92]; немногочисленные терочные камни, судя по оставшимся на них следам красителей, предназначались для измельчения косметической охры, а не культивированного зерна: по всем признакам (включая отсутствие вкладышей серпов), ранние хартумцы еще не перешли к земледелию и пребывали на стадии «собираательства диких плодов и речных улиток» [Arkell, 1945, p. 329]. Свидетельства о наличии у них скотоводства также не обнаружены: фаунистический материал раскопок представлен костями буйвола, водяного козла (нильского личи), бородавочника, дикобраза, водяного мангуста, вымершей тростниковой крысы, гиппопотама, крокодила, речной черепахи и т. д. [Bâte, 1949; ср.: Chaïx, 2003] и говорит о том, что Голубой Нил в раннехартумскую эпоху граничил с обильно обводненной саванной и имел болотистое устье [Midant-Reynes, 2000, p. 92; Winchell,

1 См.: [Arkell, 1947; Winchell, 2001].

2 Из-за строившегося рядом гражданского госпиталя этот археологический памятник в западной литературе до сих пор называют “Khartoum Hospital” (см., например: [Zerboni et al., 2021]).

3 «Возможна дата задолго до 5000 г. до н. э.» [Arkell, 1945, p. 331]. По «грубым» оценкам позднейших исследователей, оперировавших радиоуглеродными данными, древнейший культурный слой памятника (содержавшего также меропитские погребения I–II вв. н. э. [Arkell, 1947, p. 172]) мог отложиться к 6550–5800 гг. до н. э. [Dittrich, 2015, p. 38].

4 Дальнейшие раскопки раннехартумских местонахождений выявили как очаги, так и признаки (ямы от опорных столбов кровли и др.) «полуподземных» жилищ размерами до 7×3,5 м [Salvatori, Usai, 2003–2008, p. 87; Salvatori, Usai, Zerboni, 2011, p. 178].

5 Теперь эта антропологическая идентификация считается спорной [Midant-Reynes, 2000, p. 93].

6 “Wavy line”, «первая керамика Старого света», появившаяся в Африке в IX тыс. до н. э. [Kuper, Kröpelin, 2006, p. 805].

7 См.: [Чайлд, 1956, с. 87].

8 Использовался также риолит, ближайшие разработки которого находились у 6-го порога Нила в 80 км от Хартума [Midant-Reynes, 2000, p. 92].

9 См.: [Прусаков, 2022(a), с. 106].

2001, p. 93]. При этом охота на перечисленных животных являлась скорее вспомогательным (сезонным?) промыслом, ибо подавляющая часть костных остатков фауны первобытного Хартума принадлежит различным рыбам, в основном сомам и нильскому окуню; важнейшую роль рыболовства (очевидно, круглогодичного [Peters, 1991])¹⁰ подтверждают находки сотен фрагментов костяных гарпунов с тремя или более зубьями (помимо копья, здешние рыбаки, возможно, использовали лук со стрелами¹¹) и просверленных камней, вероятно, служивших грузилами для сетей и лесок [Arkell, 1949]. Э. Аркелл высказал мысль о распространении «общей рыболовецкой и охотничьей культуры» в Сахаре к западу от Хартума в то далекое время (инструментальными датировками наука пока не располагала), «когда климат настолько отличался от сегодняшнего, что эта территория еще не была пустыней» [Arkell, 1949, p. 112]; приняв ее (прежде всего палеоклиматическую трактовку рассматриваемого культурогенеза), в отношении прародителей раннехартумской традиции уже нельзя «предположить, что постепенно под давлением засухи часть их могла быть оттеснена к долине Нила, откуда они могли попасть одновременно и в Египет, и в Судан» [Чайлд, 1956, с. 89].

Несмотря на развитое производство довольно качественной глиняной посуды, ранний Хартум получил от своего первооткрывателя параллельную дефиницию «мезолитический» [Arkell,

1945, p. 331; Arkell, 1949, p. 15, 26–27, 111; Arkell, 1956, p. 84] (прочно устоявшуюся в профессиональном лексиконе и специальной литературе [Winchell, 2001; D'Ercole, 2021]), однако все же в итоге представители данной культуры — «эти удивительные рыболовы-охотники-гончары, древнейшие обладатели керамики в нильской долине», «жившие более двух тысяч лет¹² у реки, протянувшейся на огромной территории»¹³ — были признаны пионерами *неолитизации* на Ниле [Midant-Reynes, 2000, p. 93, 97]¹⁴. Сейчас известно множество¹⁵ памятников (поселений, кладбищ и мест находок отдельных артефактов) «мезолитического» Хартума на берегах и в окрестностях Главного, Белого и Голубого Нила, включая Гезиру — аллювиальный конус выноса у слияния двух последних [Adamson, Williams, Gillespie, 1982; Blokhuis, 1993, p. 71–80], ближние вадии (Соба, эль-Хаг, эль-Хасиб и др.), куда первобытное поречное население перемещалось в сезон разлива, затапливавшего пойменные равнины [Fernández, Jimeno, Menéndez, 1997; Fernández et al., 2003], и районы устья Атбары [Haaland, 1993; Haaland, Magid, 1991], «колена» Донголы¹⁶ [Hays, 1971; Honegger, 2004; Dittrich, Gessner, Gabriel, 2007] и 2-го порога [Shiner, 1968(a); Shiner, 1968(b); Garcea, 2011]. Радиоуглеродные датировки этого технокомплекса укладываются в приблизительный интервал 9300–6000 некалибр. л. н.¹⁷ [Fernández et al., 2003, p. 238] или, в калиброванном виде, «между, примерно, 8800 и 5000 гг. до н. э.» [Garcea,

10 Последующие палеодиетические реконструкции доказали преобладание в рационе ранних хартумцев рыбы [Trancho, Robledo, 2003].

11 А также верши, «или просто уменьшали содержание кислорода в воде, вздымая ногами донную грязь и тем самым одурманивая рыбу» [Clark, 1989, p. 409].

12 Или «по меньшей мере, 3000 лет» [Salvatori, 2012, p. 399].

13 Usai D. A Picture of Prehistoric Sudan: The Mesolithic and Neolithic Periods. *Oxford Handbooks Online*. 2016. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.56. URL: https://www.researchgate.net/publication/305033571_A_Picture_of_Prehistoric_Sudan_The_Mesolithic_and_Neolithic_Periods (accessed 03.08.2022).

14 Предлагалось также относить их к эппалеолиту, отказавшись от термина «мезолит» в суданской археологии [Sadig, 2010, p. 24–30; Sadig, 2013, p. 28–30].

15 «Тысячи» [Garcea, 2020, p. 50].

16 Изгиб Нила на отрезке 4-го и 3-го порогов («Dongola Reach»).

17 Около 8553–4879 гг. до н. э.

2020, р. 49]. Две древнейшие из них, 9370 ± 110 и 9330 ± 110 некалибр. л. н.¹⁸, дала стоянка Сарураб (раскоп 2) на западном берегу Главного Нила в 45 км от раннехартумского «Госпиталя» [Hakem, Khabir, 1989], хотя некоторые специалисты считали эти цифры «случайными» и «не очень надежными» из-за их возможного несоответствия культурным отложениям¹⁹, тогда как в целом лишь немногие исследованные памятники «мезолитического» Хартума старше даты 8000 некалибр. л. н. (≈ 6925 г. до н. э.), в большинстве же своем они зародились в VII тыс. до н. э. [Hassan, 1986(a), р. 98; Caneva, 1999, р. 33; Midant-Reynes, 2000, р. 94; Fernández, 2003, р. 412; Dittrich, 2015, р. 42]. К ним относятся Шабона в 8 км к востоку от Белого Нила в Гезире, в 110 км южнее Хартума (от 7470 ± 240 до 7050 ± 120 некалибр. л. н.); Эль Хидай 1–3 на западном берегу Белого Нила в 25 км южнее Хартума (от 7980 ± 40 до 6490 ± 40 некалибр. л. н.); Шейх Мустафа 1 в 30–40 км от Хартума восточнее Голубого Нила (от 7930 ± 50 до 7600 ± 80 некалибр. л. н.); Эль Махалаб в Вади Соба в том же районе (от 7705 ± 145 до 6940 ± 85 некалибр. л. н.); Саггай 1 на восточном берегу Главного Нила (на пересохшем древнем речном рукаве) в 40 км севернее Хартума (от 7410 ± 100 до 7230 ± 100 некалибр. л. н.); Абу Дарбейн (от 8640 ± 120 до 7700 ± 140 некалибр. л. н.), Эль Дамер (от 8390 ± 50 до 7260 ± 110 некалибр. л. н.) и Анеибис (от 8230 ± 120 до 6820 ± 170 некалибр. л. н.) при слиянии Атбары с Главным Нилом; семь безымянных местонахождений под полевыми номерами 13, 15, 40, 41, 62, 79 и 92 на левом берегу Нила между 4-м порогом и устьем Вади эль-Мелик (инструментальных датировок нет); Эль Барга в 10–15 км восточнее Нила (у его древнего русла) в области 3-го порога (от 8730 ± 70 до 6605 ± 60 некалибр. л. н.); Абка IX на правом берегу Нила на 2-м пороге близ Вади Хальфа (8260 ± 400 некалибр. л. н.)

и другие археологические объекты [Marks, Hays, de Heinzelin, 1967–1968; Caneva, 1983; Hassan, 1986a; Clark, 1989; Haaland, Magid, 1995; Fernández et al., 2003; Mohammed-Ali, Khabir, 2003; Usai, 2004; Fernández, 2006; Sadig, 2010; Salvatori, 2012; Honegger, Williams, 2015; Usai, Salvatori, 2019; Garcea, 2020; D’Ercole, 2021].

Возникновению и продолжительному бытованию культуры начального неолита на суданском Ниле благоприятствовали природно-климатические условия среднего голоцена в северо-восточной Африке, о которых можно судить по принадлежавшим раннему Хартуму раскопанным остаткам фауны тех же видов (исчисляются десятками [Peters, 1986]), что «до сих пор присутствуют в современном Судане, но при этом сегодня их ареал лежит в 400 км к югу, в более лесистой саванне с годовым количеством осадков 400–800 мм» [Midant-Reynes, 2000, р. 94]. Напомню, что тогда еще не существовало нильской Дельты как плодородной заливной равнины с «веером» больших и малых русел и рукавов, пригодной для жизни скотоводов и земледельцев, и долинный Египет, испытывавший «катастрофические» ландшафтно-экологические последствия эрозионной деятельности «дикого» Нила, по-видимому, отличался редким населением [Прусаков, 2022(a), с. 107]. В географическом средоточии «мезолитического» Хартума в свете имеющихся археологических данных вырисовывается прямо противоположная картина. Регион накануне («в раннем голоцене вплоть до 8000 некалибр. л. н.» [Fernández et al., 2003, р. 208]) и во времена этой культуры характеризовался высокой увлажненностью и флювиальной активностью: так, на участке от стрелки Гезиры до 6-го порога (пункт Гейли на правом берегу в 47 км от Хартума [Marcolongo, Palmieri, 1988]) реконструированы пиковые уровни разливов Главного Нила около 7600–7400 и 6100–5750 гг. до н. э. [Dittrich, 2015, р. 25]; неолитическая

18 Около 8765–8417 гг. до н. э.

19 Изучавшийся ранее участок того же памятника Сарураб 1 датирован 6407 ± 80 некалибр. л. н. (около 5450–5310 гг. до н. э.) [Mohammed-Ali, 1982, р. 173].

стоянка Гейли (5570 ± 100 некалибр. л. н.²⁰) «размещалась на возвышенности, глинистое основание которой было намыто речным потоком в период 9000–6000 некалибр. л. н.» [Прусаков, 2009, с. 64]. «С начала и до конца седьмого тысячелетия до н. э.»²¹ высокие разливы, подпитывавшие здешние «болотистые водоемы», имели место в низовьях Белого Нила, где на сотни километров простиралось постоянное или сезонное озеро²², а «мезолитические» люди заселяли левобережную цепочку холмов в 2,5–4 км от сегодняшней реки между Омдурманом и Гебель-Аулийской плотиной, «совпадавших с положением древней речной террасы» и «поднимавшихся до 4 м над окружающей равниной» [Salvatori, Usai, Zerboni, 2011, p. 181–182, 206, fig. 1–2; Garcea, 2020, p. 55; Woodward et al., 2022, fig. 14.4]; в 5 км западнее Омдурмана в Вадии Хабу Хашем разливалось крупное (до 30 км в длину) ранне- и среднеголоценовое палеозеро²³ [Cremaschi et al., 2006, p. 43, fig. 2; Salvatori, Usai, 2003–2008, fig. 1]; всему этому, возможно, способствовал дополнительный сток в Белый Нил получивших к тому времени развитие палеорусел Голубого Нила в Гезире [Adamson, Williams, Gillespie, 1982, fig. 9.3; Fernández et al., 2003, p. 208]. Вышеупомянутое раннехартумское поселение Шабона на ее территории («очень благоприятное для жизни, изобиловавшее дичью место») находилось «в бывшем речном заливе, на покрытой растительностью дюне» среди болот и озер переувлажненного пространства «между двумя реками» [Clark, 1989, p. 389–390; Garcea, 2020, p. 56]²⁴, что напоминает экологию и топографию появившихся спустя три

тысячелетия нижнеегипетских до-, прото- и раннединастических поселений на песчаных телях («черепашьих спинах») в топких маршах уже окончательно сформировавшейся нильской Дельты [Прусаков, 2009, с. 86]; при этом указанная дюна, вероятно, образовалась из намытого вала, оставленного некогда активным водотоком [Adamson, Williams, Gillespie, 1982, p. 207]. «Ботанические свидетельства» раскопок Шабоны «согласуются с другими признаками влажных условий» в регионе в среднем голоцене²⁵, позволяя специалистам также сделать вывод, что в рацион местных «мезолитических» обитателей входили рогоз *Typha* и сыть папирусная *Cyperus* (в пищу шли корневища), типичные для «классической» египетской Дельты, которую палеогеографы описывают практически в тех же терминах, что и Гезиру раннехартумской эпохи: как болотистые или сильно увлажненные илистые аллювиальные земли, богатые минеральными питательными веществами [Butzer, 1976, p. 23–25; Clark, 1989, p. 407–408; Stanley, Warne, 1993, p. 437–438]. Каменные орудия Шабоны включают изделия (сегменты, проколки, скребки) из риолита, добывавшегося в Шаблукском ущелье на 6-м пороге Нила в 200 км к северу [Clark, 1989, p. 390, 395–400]; «наличие полноводных рек и озер, связывавших удаленные друг от друга районы, значительно облегчало контакты между людьми и приводило к формированию культурного единства на обширных территориях» [Шнирельман, 1980, с. 95]. Археологи допускают демографический рост в ареале культуры «мезолитического» Хартума по мере ее развития²⁶, причем с укрупнением стоянок в юж-

20 Около 4495–4323 гг. до н. э.

21 В целом около 7800–5900 гг. до н. э. [Williams, Adamson, 1980].

22 Его точные размеры и хронология существования в голоцене окончательно не установлены, см.: [Williams, 2009; Williams et al., 2006].

23 По другой версии, «палеоболото» [Salvatori et al. 2014, p. 243, 246, 253, fig. 1].

24 Дж. Кларк приписывал периоду, «когда Шабона была обитаема» (вторая половина VII — первая четверть VI тыс. до н. э.), экстремальные разливы Нила в центральном Судане, однако его оценка их уровней (на 6–10 м выше современного [Clark, 1989, p. 389]) представляется несколько преувеличенной.

25 Как и фаунистические: кости африканского слона, бородавочника, лошадиной антилопы, болотного козла, гиппопотама, нильского варана, крокодила, игольной змеи и др. [Clark, 1989, p. 405–406].

26 Usai D. A Picture of Prehistoric Sudan: The Mesolithic and Neolithic Periods. *Oxford Handbooks Online*. 2016. DOI: 10.1093/

ном направлении (выше впадения Атбары), которое объясняют увеличением оседлости «охотников-собирателей» вверх по Реке, т. е. в области истечения Главного Нила [Usai, 2004, p. 429]²⁷; картину ее освоения человеком дополняют нарисованный черной краской на куске гранитной гальки «набросок» (сохранился только фрагмент) лодки с кормовым веслом из археологического материала Эль Хидай 1, датированного 7980 ± 40 и 7870 ± 40 некалибр. л. н.²⁸, и обломки двух зазубренных костяных гарпунов, найденные около поселка Тагра в Гезире примерно в 60 км южнее Шабоны и привязываемые к радиоуглеродным датам 8700 ± 350 и 8130 ± 225 некалибр. л. н. [Adamson, Clark, Williams, 1974]²⁹. При этом, по расчетам Дж. Кларка, число жителей той же раннехартумской Шабоны, занимавшей площадь до 52 тыс. м², едва ли когда-то составляло «больше 25 человек одновременно» [Clark, 1989, p. 390, 393]; поиск и исследование «мезолитических» стоянок в Гезире продолжают [Fernández et al., 2003, p. 228–230, 238; Brass, Adam, Wellings, 2018].

Новейшие раскопки восточнее Голубого Нила в его низовье обнаружили признаки «постепенного сдвига поселений из вадии к реке к концу мезолитического периода, возможно, под влиянием ухудшения³⁰ климата» [Fernández, 2003, p. 413]; с другой стороны, авторы этого открытия утверждают, что «распространение поселений» рассматриваемой культуры происходило «в оптимальных климатических условиях, которые мы предлагаем называть “мезолитическим

оптимумом»» [Fernández et al., 2003, p. 210]. «Очевидно, что в те времена окружающая среда была значительно благоприятнее для людей и животных, чем сегодня» [Clark, 1989, p. 389]. Например, раннехартумская стоянка Шакадуд³¹ в 40–50 км от Главного Нила «в степях Бутаны» (денудационной равнины, называемой историками «островом Мероэ», между Голубым Нилом и Атбарой [Boozer, 2017, fig. 2]) лежала в небольшом коробчатом каньоне у пруда, вероятно, питавшегося «маленьким водопадом», и «нет оснований полагать», что она представляла собой уникальное явление для данного региона [Marks et al., 1985, p. 264–265, 277; Dittrich, 2015, p. 28]. Памятники среднеголоценовой эпохи, относящиеся к археологическому комплексу сахарско-суданского неолита, усеивают и Западную пустыню (см.: [Camps, 1974; Wendorf, Schild, 1980; Garcea, 1993; Smith, 2001]), свидетельствуя в пользу сравнительно однородных условий жизни на Реке и в ее окрестностях и, соответственно, против массовых миграций населения тогдашней Сахары на Нил [Прусаков, 2009, с. 28]; наоборот, обитатели нильской долины, подвергшейся мощной речной эрозии, могли перемещаться в «саванноподобную» Сахару [Kuper, Kröpelin, 2006, p. 805]. Археология «мезолитического» центрального и северного Судана отмечает «сильное сходство структуры и организации поселений», а также керамического производства и каменной индустрии на Ниле и в «пустыне»³²; например, «вариант»³³ культуры

oxfordhb/9780199935413.013.56. URL: https://www.researchgate.net/publication/305033571_A_Picture_of_Prehistoric_Sudan_The_Mesolithic_and_Neolithic_Periods (accessed 03.08.2022).

- 27 На севере, в нильской долине от Атбары до Вадии Хальфа, «образованию больших людских коллективов и стабильных поселений» могли препятствовать «экосистемные ограничения» (какие именно, цитируемый автор не уточняет) [Usai, 2004, p. 425].
- 28 Usai D., Salvatori S. The Oldest Representation of a Nile Boat. *Antiquity*. 2007. Vol. 81. Fig. 3a, b. URL: https://www.researchgate.net/publication/313611232_The_oldest_representation_of_a_Nile_boat (accessed 07.09.2022).
- 29 Их принадлежность к традиции раннего Хартума, впрочем, некоторыми учеными ставилась под сомнение [Khabir, 1987, p. 378].
- 30 «Общего понижения влажности».
- 31 От 7785 ± 445 до 6893 ± 131 некалибр. л. н. [Marks, 1991, tab. 4.1].
- 32 Usai D. A Picture of Prehistoric Sudan: The Mesolithic and Neolithic Periods. *Oxford Handbooks Online*. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/305033571_A_Picture_of_Prehistoric_Sudan_The_Mesolithic_and_Neolithic_Periods (accessed 03.08.2022).
- 33 См.: [Shiner, 1968b], причем Дж. Шайнер не различал «мезолитический» и неолитический Хартум. По мере даль-

раннего Хартума на участке 2-го порога у Вади Хальфа, представленный памятником Абка IX, образовывал, по сути, общее жизненное пространство с синхронными поселениями³⁴ области Набта Плайа — Бир Кисейба на юге Египта в 120–180 км к северо-западу от Нила [Usai, 2004, fig. 8; Usai, 2005, fig. 2; Gatto, 2006, p. 64–65; Garcea, 2011, p. 140, 148], где в VII тыс. до н. э. рядом с человеческим жильем появились многочисленные ямы для хранения собранных съедобных растений³⁵ (указывающие на «хозяйство с отложенным потреблением»), а в VI тыс. до н. э. завелся domesticiрованный мелкий и крупный³⁶ рогатый скот [Brass, 2018, p. 90–100, tab. 1], и откуда, по одной из гипотез, во второй половине V тыс. до н. э. в египетскую Долину попал субстрат неолитической культуры Бадари [Wendorf, Schild, 1994; ср.: Midant-Reynes, 2000, p. 163–164].

«Начало неолитического периода на среднем Ниле нужно датировать около 5050–4850 гг. до н. э.» [Dittrich, 2015, p. 28]. Немецкий палеоклиматолог Ш. Крёпелин доказывал, что «начало оседлой жизни вдоль Нила» было прямо связано с «массовым исходом населения из египетской Сахары» вследствие иссушения североафриканского климата, которое наступило около 5300 г. до н. э.; этот тезис и дата были подхвачены отдельными учеными с итоговыми выкладками, что «после 6300 некалибр. л. н.³⁷ население долины Нила быстро растет», в ней возникает «культурный континуум» протяженностью от Египта до центрального Судана у Хартума, в Египте «расцветают» первые неолитические общины и т. д. [Kuper, Kröpelin,

2006, p. 803, 805–806; Gaston, 2009–2011, p. 21; Vermeersch, 2010, p. 78]. Между тем в Египте, по данным археологии, в конце VI — начале V тыс. до н. э. неолит с постоянными поселками и производящим хозяйством вдоль нильских пойменных берегов отсутствовал, ограничиваясь в своем зачаточном состоянии такими «периферийными» культурными очагами, как Меримде Бени-Саламе на юго-западной окраине будущей Дельты и Фаюм А в озерной депрессии к западу от нижней Долины³⁸, что противоречит идее о «массовых», «широкомасштабных» и т. п. притоках к Нилу беженцев из окружающих «пустынь». Применительно к тому моменту она звучит как сугубый анахронизм, ибо, согласно сегодняшним палеоклиматическим реконструкциям, длившийся в пределах «около 14,8–5,5 калибр. л. н.» африканский влажный период («когда Сахара покрылась почти сплошной растительностью и многочисленными постоянными озерами») [de Menocal et al., 2000, p. 347, 356, 358, fig. 4] был пока далек от завершения, которому, кроме того, предшествовал большой атлантический оптимум с термическим пиком около 5500 некалибр. л. н.³⁹ [Клименко, 1997, рис. 1; Клименко, Климанов, Федоров, 1996, с. 113], так что еще «в начале IV тыс. до н. э. в Африке не существовало сколько-нибудь значительных пространств, занятых пустынями, похожими на современные», и многие среднеголоценовые охотники-собиратели Сахары «никогда в своей жизни не видели песка» [Клименко, 2009, с. 17, 21]. В тот период в ходе сильного расширения на север зоны действия летнего муссона⁴⁰ образовалось «крупнейшее пресноводное озеро

нейших исследований возникло мнение, что северосуданский «вариант» Хартума являлся отдельной культурной разновидностью, близкой «предскотоводческим комплексам» Сахары в отличие от южного раннего Хартума Гезиры, «в своей основе адаптированного к реке» [Garcea, 2020, p. 49; Garcea, Hildebrand, 2009, p. 306–307].

34 Местонахождения E-79-2 (8130 ± 110 некалибр. л. н.), E-79-5 (8020 ± 190 некалибр. л. н.) и др. [Usai, 2004, p. 421].

35 В частности, дикого сорго [Wasylukowa, Dahlberg, 1999].

36 Английский археолог М. Брасс настаивает, что именно в такой очередности, где последний к тому же генетически восходил к *Bos taurus* региона среднего Евфрата [Brass, 2013; Brass, 2018]; см. также: [Stock, Gifford-Gonzalez, 2013].

37 ~5289 г. до н. э.

38 См.: [Прусаков, 2009, с. 33–59; Прусаков, 2018, с. 77–78].

39 ~4344 г. до н. э.

40 См.: [Прусаков, 2018, с. 76].

Африки и, вероятно, величайшее плювиальное озеро на Земле» Мега-Чад, достигшее 7500–6950 некалибр. л. н.⁴¹ площади $361000 \pm 13000 \text{ км}^2$ при глубине более 173 м и сохранявшее близкие параметры до 5000 некалибр. л. н.⁴² [Drake, Bristow, 2006, p. 901, 903, 909; Armitage, Bristow, Drake, 2015, p. 8543–8544, 8546]⁴³; до высочайших в голоцене уровней, превышавших нынешние более чем на 100 м, поднялись 6500 ± 120 некалибр. л. н.⁴⁴ озера Эфиопского рифта и тектонической котловины Афар (Аббе, Звай-Шала и др.) [Клименко, 2009, с. 23–24; Grove, Street, Goudie, 1975, p. 187, fig. 4; Gasse, 1977, p. 42, fig. 2]; «неолитическое» озеро в Фаюмском оазисе 6500–5100 некалибр. л. н.⁴⁵ флуктуировало в фазе высокой трансгрессии с подъемами до 15–20 м над современным уровнем моря и максимальной площадью более 2000 км^2 [Hassan, 1986b, p. 489–491; Kozłowski, Ginter, 1993, p. 329]⁴⁶; Неонил в Нижней Нубии до его «неолитического спада» около 4500 некалибр. л. н.⁴⁷ был выше исторического Нила на 8–15 м [de Heinzelin, 1968, p. 48; Прусаков, 2020(b), с. 115]⁴⁸. Большинство специалистов придерживается точки зрения, что именно последняя дата подводит черту под «резким» и местами даже «катастрофически быстрым» (наступившим в считанные столетия, а то и десятилетия) похолоданием, завершившим африканский влажный период, который сменился «общим иссушением с установлением около 4500 некалибр. л. н. гипераридных условий», «окончательным высыханием Восточной Сахары» и стремительной и

глубокой регрессией палеозер «от Эфиопии до Ганы», включая распавшийся на три малых водоема Мега-Чад, на рубеже «необратимой перестройки» планетарного климата — «не только собственно термического режима, но и всей глобальной системы атмосферной циркуляции, что повлекло за собой радикальные изменения и в режиме увлажнения» [Клименко, 2009, с. 25; Hoffman, Hamroush, Allen, 1987, p. 10; Damnati, 2000, p. 260–261; de Menocal et al., 2000, p. 355, 358; Midant-Reynes, 2000, p. 232; Nicoll, 2004, p. 572; Brooks, 2006, p. 36; Drake, Bristow, 2006, p. 908–909; Wirtz et al., 2009, p. 296; Nash, Meadows, 2012, p. 101; Armitage, Bristow, Drake, 2015, p. 8546; Brass, 2018, tab. 1]⁴⁹. В пределах этих многотысячелетних трендов акцентированная Ш. Крёпелином дата 5300 г. до н. э., очевидно, относится не к *переломным* точкам реконструируемых природно-климатических процессов, а к одной из «отрицательных» *флуктуаций*, которые фигурируют в различных научных публикациях, например, как «холодное событие» и завершение пика влажности в субтропической Африке 8200 калибр. л. н., «холодный период и аридная фаза» на Ближнем Востоке и в северной Африке с началом около 6200 г. до н. э., «резкий спад озер и повышенная засухливость» в северной Африке 6400–6300 некалибр. л. н., «сильно засухливый эпизод» 6200–5800 некалибр. л. н., «засухливый эпизод» 6100–5900 некалибр. л. н., «холодно-аридный эпизод» около 5900 некалибр. л. н. и т. п. [Gillespie, Street-Perrott, Switsur, 1983, p. 680; Kozłowski, Ginter, 1993,

41 Около 6384–5808 гг. до н. э.

42 ~3775 г. до н. э.

43 Для сравнения, площадь Каспийского моря (без залива Кара-Богаз-Гол) около 372000 км^2 .

44 Около 5554–5349 гг. до н. э.

45 Около 5472–3851 гг. до н. э.

46 Сегодня зеркало его соленого «мелководного остатка» Биркет-Карун имеет площадь 226 км^2 и лежит на 43 м ниже среднего уровня мирового океана [Baïoumy, Kayanne, Tada, 2010, p. 318–319].

47 ~3221 г. до н. э.

48 В начале IV тыс. до н. э. годовой сток Главного Нила в целом превосходил современный на 41–76 %, см.: [Прусаков, 2020a, с. 20].

49 Ср.: «Важно то, что все имеющиеся работы дают согласованную картину сильного похолодания в течение IV тыс. до н. э. до абсолютного минимума около 3200 г. до н. э.» [Клименко, 2009, с. 28]; не менее важно, что об этом писал и сам Ш. Крёпелин [Linstädter, Kröpelin, 2004, p. 775].

р. 333; de Menocal et al., 2000, p. 355; Renssen et al., 2001, p. 1567, 1569; Brooks, 2013, p. 95; Brass, 2018, p. 102]. С подобным «событием» — «аридной фазой пост-Руат-эль-Бакар» 5850–5700 некалибр. л. н.⁵⁰, установленной геоархеологами для района Набта Плая и Бир Кисейбы [Brass, 2018, tab. 1] — коррелирует появление в египетской долине Нила стоянок ранненеолитической культуры Бадари (4500/4400–4000/3700 гг. до н. э.) [Прусаков, 2009, с. 97]; однако лишь в IV тыс. до н. э., в период Нагада, климатически обусловленные демографические сдвиги в полосе Пустыни и Реки приобрели масштаб, необходимый не только для «прогресса» поречных доисторических культур, но и для перехода к нильской цивилизации, возникшей в низовьях Главного Нила в «неолитически отсталом» Египте [Прусаков, 2022b, с. 10–11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Клименко В. В. О главных климатических ритмах голоцена. *Доклады Академии наук*. 1997. Т. 357. С. 399–402 [Klimenko V. V. Principal Climatic Rhythms of the Holocene. *Doklady Akademii Nauk*. 1997. Vol. 357. Pp. 399–402 (in Russian)].
- Клименко В. В. *Климат: непрочитанная глава истории*. М.: Издательский дом МЭИ, 2009. — 408 с. [Klimenko V. V. *Climate: An Unread Chapter of the History*. Moscow: Izdatel'skiy dom MEI, 2009. — 408 p. (in Russian)].
- Клименко В. В., Климанов В. А., Федоров М. В. История средней температуры северного полушария за последние 11000 лет. *Доклады Академии наук*. 1996. Т. 348. С. 111–114 [Klimenko V. V., Klimanov V. A., Fyodorov M. V. History of the North Hemisphere Mean Temperature Over the Past 11000 Years. *Doklady Akademii Nauk*. 1996. Vol. 348. Pp. 111–114 (in Russian)].
- Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции)*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 152 с. [Proussakov D. B. *Ancient Egypt: Soil of the Civilization (an Essay on the Neolithic Revolution)*. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. — 152 p. (in Russian)].
- Прусаков Д. Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 6. С. 72–85 [Proussakov D. B. A “Holocene Sea” in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. No. 6. Pp. 72–85 (in Russian)].
- Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле изливания Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020(a). № 1. С. 12–32 [Proussakov D. B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020(a). No. 1. Pp. 12–32 (in Russian)].
- Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле изливания Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть III. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020(b). № 2. С. 109–127 [Proussakov D. B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part III. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020(b). No. 2. Pp. 109–127 (in Russian)].
- Прусаков Д. Б. От дельты до Дельты: о природных условиях и поселенцах на Главном Ниле в V тысячелетии до н. э. Часть I (вводная). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022(a). № 2. С. 99–114. DOI: 10.18254/S268684310021599-6 [Proussakov D. B. From the Delta to the Delta: Natural Conditions and Settlers on the Main Nile in the Fifth Millennium B C. Part I (Introductory). *Oriental Courier*. 2022(a). No. 2. Pp. 99–114. DOI: 10.18254/S268684310021599-6 (in Russian)].

50 Около 4721–4521 гг. до н. э.

Прусаков Д. Б. О «тупике» в исследованиях додинастического Египта и о возможном направлении выхода из него. *Восток (Oriens)*. 2022(b). № 4. С. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080021192-8 [Proussakov D. B. On a “Dead End” in the Egyptian Predynastic Studies, and on a Possible Direction of the Way Out. *Vostok (Oriens)*. 2022(b). No. 4. Pp. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080021192-8 (in Russian)].

Чайлд Г. *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. — 384 с. [Childe G. *New Light on the Most Ancient East*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1956. — 384 p. (in Russian)].

Шнирельман В. А. *Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема)*. М.: Наука, 1980. — 334 с. [Shnirelman V. A. *Origins of Animal Husbandry*. Moscow: Nauka, 1980. — 334 p. (in Russian)].

Adamson D. A., Clark J. D., Williams M. A. J. Barbed Bone Points from Central Sudan and the Age of the “Early Khartoum” Tradition. *Nature*. 1974. Vol. 249. Pp. 120–123.

Adamson D. A., Williams M. A. J., Gillespie R. Palaeogeography of the Gezira and of the Lower Blue and White Nile Valleys. *A Land Between Two Niles: Quaternary Geology and Biology of the Central Sudan*. Eds. M. A. J. Williams, D. A. Adamson. Rotterdam: Balkema, 1982. Pp. 165–219.

Arkell A. J. The Excavation of an Ancient Site at Khartoum. *Sudan Notes and Records*. 1945. Vol. 26. Pp. 329–331.

Arkell A. J. Early Khartoum. *Antiquity*. 1947. Vol. 21. Pp. 172–181.

Arkell A. J. *Early Khartoum: An Account of the Excavation of an Early Occupation Site Carried Out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944–1945*. London: Oxford University Press, 1949. — 145 p.

Arkell A. J. Some Notes on the Sudanese Neolithic. *Kush. Journal of the Sudan Antiquities Service*. 1956. Vol. 4. Pp. 84–85.

Armitage S. J., Bristow C. S., Drake N. A. West African Monsoon Dynamics Inferred from Abrupt Fluctuations of Lake Mega-Chad. *Proceedings of*

the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. Pp. 8543–8548.

Baioumy H. M., Kayanne H., Tada R. Reconstruction of Lake-Level and Climate Changes in Lake Qarun, Egypt, During the Last 7000 Years. *Journal of Great Lakes Research*. 2010. Vol. 36. Pp. 318–327.

Bâte D. M. A. The vertebrate fauna. *Early Khartoum: An Account of the Excavation of an Early Occupation Site Carried Out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944–1945*. A. J. Arkell. London: Oxford University Press, 1949. — Pp. 16–30.

Blokhuys W. A. *Vertisols in the Central Clay Plain of the Sudan*. Doctoral Thesis, Wageningen. [s. l.: s. n.], 1993. — 418 p.

Boozar A. L. A Historiography of Archaeological Research at Meroë, Sudan. *Ancient West & East*. 2017. Vol. 16. Pp. 209–248.

Brass M. Revisiting a Hoary Chestnut: The Nature of Early Cattle Domestication in North-East Africa. *Sahara*. 2013. Vol. 24. Pp. 7–12.

Brass M. Early North African Cattle Domestication and Its Ecological Setting: A Reassessment. *Journal of World Prehistory*. 2018. Vol. 31. Pp. 81–115.

Brass M., Adam A. H. A., Wellings J. New Data from Jebel Moya and Shaqadud (Central Sudan): Implications for Late Mesolithic Interconnectivity with the Sahara. *Libyan Studies*. 2018. Vol. 49. Pp. 21–49.

Brooks N. Cultural Responses to Aridity in the Middle Holocene and Increased Social Complexity. *Quaternary International*. 2006. Vol. 151. Pp. 29–49.

Brooks N. Beyond Collapse: Climate Change and Causality During the Middle Holocene Climatic Transition, 6400–5000 Years Before Present. *Danish Journal of Geography*. 2013. Vol. 112. Pp. 93–104.

Butzer K. W. *Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. — 134 p.

Camps G. *Les civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara*. Paris: Doin, 1974. — 374 p.

Caneva I. (ed.). Pottery Using Gatherers and Hunters at Saggai 1 (Sudan): Preconditions for Food-Production. *Origini. Preistoria e protostoria delle civiltà antiche*. 1983. Vol. 12. Pp. 7–278.

Caneva I. I pastori del Sudan: Simbiosi e competizione ai margini delle società urbane. *La Ricerca Folklorica*. 1999. No. 40. Pp. 31–36.

Chaix L. La faune des sites mésolithiques et néolithiques de la zone du Nil Bleu (Soudan Central). *Complutum*. 2003. Vol. 14. Pp. 373–396.

Clark J. D. Shabona: An Early Khartoum Settlement on the White Nile. *Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara*. Eds. L. Krzyżaniak, M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 1989. Pp. 387–410.

Cremaschi M., Salvatori S., Usai D., Zerboni A. A Further “Tessera” to the Huge “Mosaic”: Studying the Ancient Settlement Pattern of the El Salha Region (South-West of Omdurman, Central Sudan). *Archaeology of Early Northeastern Africa: In Memory of Lech Krzyżaniak*. Eds. K. Kroeper, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 2006. — Pp. 39–48.

Damnati B. Holocene Lake Records in the Northern Hemisphere of Africa. *Journal of African Earth Sciences*. 2000. Vol. 31. Pp. 253–262.

D’Ercole G. Seventy Years of Pottery Studies in the Archaeology of Mesolithic and Neolithic Sudan. *African Archaeological Review*. 2021. Vol. 38. Pp. 345–372.

Derry D. E. Report on Human Remains. *Early Khartoum: An Account of the Excavation of an Early Occupation Site Carried Out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944–1945*. A. J. Arkell. London: Oxford University Press, 1949. — Pp. 31–36.

Dittrich A. Dating the Neolithisation Process in the Middle Nile Valley: A Critical Approach. *Hunter-Gatherers and Early Food Producing Societies in Northeastern Africa*. Eds. J. Kabaciński, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 2015. — Pp. 15–64.

Dittrich A., Gessner K., Gabriel B. A Mesolithic Occupation Site Near Umm Klait at the Fourth Cataract, Sudan. *Proceedings of the Second*

International Conference on the Archaeology of the Fourth Nile Cataract. Berlin, August 4th – 6th, 2005. Ed. C. Näser, M. Lange. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. — Pp. 43–52.

Drake N. A., Bristow C. S. Shorelines in the Sahara: Geomorphological Evidence for an Enhanced Monsoon from Palaeolake Megachad. *Holocene*. 2006. Vol. 16. Pp. 901–911.

Fernández V. M. Four Thousand Years in the Blue Nile: Paths to Inequality and Ways of Resistance. *Complutum*. 2003. Vol. 14. Pp. 409–425.

Fernández V. M. The Prehistory of the Blue Nile Region (Central Sudan and Western Ethiopia). *Archaeology of Early Northeastern Africa: In Memory of Lech Krzyżaniak*. Eds. K. Kroeper, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 2006. — Pp. 65–98.

Fernández V. M., Jimeno A., Menéndez M. The Spanish Archaeological Work at the Blue Nile (Khartoum Province), 1989–1996. *Kush. Journal of the National Corporation for Antiquities and Museums*. 1997. Vol. 17. Pp. 355–378.

Fernández V. M., Jimeno A., Menéndez M., Lario J. Archaeological Survey in the Blue Nile Area, Central Sudan. *Complutum*. 2003. Vol. 14. Pp. 201–272.

Garcea E. A. A. *Cultural Dynamics in the Saharo-Sudanese Prehistory*. Ghezzano: Gruppo Editoriale Internazionale, 1993. — 248 p.

Garcea E. A. A. Revisiting the Khartoum Variant in Its Environment. *Cahiers de recherches de l’Institut de papyrologie et d’égyptologie de Lille*. 2011. No. 29. Pp. 139–150.

Garcea E. A. A. *The Prehistory of the Sudan*. Cham: Springer, 2020. — 196 p.

Garcea E. A. A., Hildebrand E. A. Shifting Social Networks Along the Nile: Middle Holocene Ceramic Assemblages from Sai Island, Sudan. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2009. Vol. 28. Pp. 304–322.

Gasse F. Evolution of Lake Abhé (Ethiopia and TFAI), from 70000 B. P. *Nature*. 1977. Vol. 265. Pp. 42–45.

Gaston J. L. A Brief Overview of the Cultural Continuity Along the Nile Valley During the 5th

Millennium B.C. *ANKH. Revue d'égyptologie et des civilisations africaines*. 2009–2011. T. 18/19/20. Pp. 21–49.

Gatto M. C. The Khartoum Variant Pottery in Context: Rethinking the Early and Middle Holocene Nubian Sequence. *Archéologie du Nil Moyen*. 2006. Vol. 10. Pp. 57–72.

Gillespie R., Street-Perrott F. A., Switsur R. Post-Glacial Arid Episodes in Ethiopia Have Implications for Climate Prediction. *Nature*. 1983. Vol. 306. Pp. 680–683.

Grove A., Street F., Goudie A. Former Lake Levels and Climatic Change in the Rift Valley of Southern Ethiopia. *The Geographical Journal*. 1975. Vol. 141. Pp. 177–202.

Haaland R. Aqualithic Sites of the Middle Nile. *Azania*. 1993. Vol. 28. Pp. 47–86.

Haaland R., Magid A. A. Atbara Research Project: The Field Seasons of 1985, 1987, 1989, and 1990. *Nyame Akuma*. 1991. Vol. 35. Pp. 36–43.

Haaland R., Magid A. A. (eds.). *Aqualithic Sites Along the Rivers Nile and Atbara, Sudan*. Bergen: Alma Mater, 1995. — 244 p.

Hakem A. M. A., Khabir A. M. Sarourab 2: A New Contribution to the Early Khartoum Tradition from Bauda Site. *Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara*. Eds. L. Krzyżaniak, M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 1989. — Pp. 381–385.

Hassan F. A. Chronology of the Khartoum «Mesolithic and Neolithic» and Related Sites in the Sudan: Statistical Analysis and Comparisons with Egypt. *The African Archaeological Review*. 1986(a). Vol. 4. Pp. 83–102.

Hassan F. A. Holocene Lakes and Prehistoric Settlements of the Western Faiyum, Egypt. *Journal of Archaeological Science*. 1986(b). Vol. 13. Pp. 483–501.

Hays T. R. The Karmakol Industry: Part of the “Khartoum Horizon-Style”. *The Prehistory and Geology of Northern Sudan*. Ed. J. L. Shiner. Arlington: National Science Foundation, 1971. — Pp. 84–153.

Heinzelin J. de. Geological History of the Nile Valley in Nubia. *The Prehistory of Nubia*. Vol. 1.

Ed. F. A. Wendorf. Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press, 1968. — Pp. 19–55.

Hoffman M. A., Hamrroush H. A., Allen R. O. The Environment and Evolution of an Early Egyptian Urban Center: Archaeological and Geochemical Investigations at Hierakonpolis. *Geoarchaeology: An International Journal*. 1987. Vol. 2. Pp. 1–13.

Honegger M. Settlement and Cemeteries of the Mesolithic and Early Neolithic at El-Barga (Kerma Region). *Sudan & Nubia*. 2004. Vol. 8. Pp. 27–32.

Honegger M., Williams M. A. J. Human Occupations and Environmental Changes in the Nile Valley During the Holocene: The Case of Kerma in Upper Nubia (Northern Sudan). *Quaternary Science Reviews*. 2015. Vol. 130. Pp. 141–154.

Khabir A. M. New Radiocarbon Dates for Sarurab 2 and the Age of the Early Khartoum Tradition. *Current Anthropology*. 1987. Vol. 28. Pp. 377–380.

Kozłowski J. K., Ginter B. Holocene Changes in the Fayum: Lake Moeris and the Evolution of Climate in Northeastern Africa. *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B. C.* Eds. L. Krzyżaniak, M. Kobusiewicz, J. A. Alexander. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 1993. — Pp. 327–336.

Kuper R., Kröpelin S. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution. *Science*. 2006. Vol. 313. Pp. 803–807.

Linstädter J., Kröpelin S. Wadi Bakht Revisited: Holocene Climate Change and Prehistoric Occupation in the Gilf Kebir Region of the Eastern Sahara, SW Egypt. *Geoarchaeology: An International Journal*. 2004. Vol. 19. Pp. 753–778.

Marcolongo B., Palmieri A. M. Dynamics of Natural Environment in the Geili Area. *El Geili: The History of a Middle Nile Environment, 7000 B.C. — A.D. 1500*. Ed. I. Caneva. Oxford: British Archaeological Reports, 1988. — Pp. 35–47.

Marks A. E. Shaqadud and the 1981/83 Excavations. *The Late Prehistory of the Eastern Sahel: The Mesolithic and Neolithic of Shaqadud, Sudan*. Eds. A. E. Marks, A. Mohammed-Ali. Dallas: Southern Methodist University Press, 1991. — Pp. 33–63.

Marks A. E., Hays T. R., Heinzelin J. de. Preliminary Report of the Southern Methodist University Expedition in the Dongola Reach. *Kush. Journal of the Sudan Antiquities Service*. 1967–1968. Vol. 15. Pp. 165–192.

Marks A. E., Mohammed-Ali A., Peters J., Robertson R. The Prehistory of the Central Nile Valley as Seen from Its Eastern Hinterlands: Excavations at Shaqadud, Sudan. *Journal of Field Archaeology*. 1985. Vol. 12. Pp. 261–278.

Menoca P. de, Ortiz J., Guilderson T., Adkins J., Sarnthein M., Baker L., Yarusinsky M. Abrupt Onset and Termination of the African Humid Period: Rapid Climate Responses to Gradual Insolation Forcing. *Quaternary Science Reviews*. 2000. Vol. 19. Pp. 347–361.

Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford: Blackwell, 2000. — 328 p.

Mohammed-Ali A. S. *The Neolithic Period in the Sudan, c. 6000–2500 B.C.* Oxford: British Archaeological Reports, 1982. — 239 p.

Mohammed-Ali A. S., Khabir A. R. M. The Wavy Line and Dotted Wavy Line Pottery in the Prehistory of the Central Nile and the Sahara-Sahel Belt. *The African Archaeological Review*. 2003. Vol. 20. Pp. 25–58.

Nash D. J., Meadows M. E. Africa. *Quaternary Environmental Change in the Tropics*. Eds. S. E. Metcalfe, D. J. Nash. Chichester: John Wiley & Sons, 2012. — Pp. 79–150.

Nicoll K. Recent Environmental Change and Prehistoric Human Activity in Egypt and Northern Sudan. *Quaternary Science Reviews*. 2004. Vol. 23. Pp. 561–580.

Peters J. A Revision of the Faunal Remains from Two Central Sudanese Sites: Khartoum Hospital and Esh Shaheinab. *Archaeozoologia. Mélanges publiés à l'occasion du 5e Congrès International*

d'Archéozoologie, Bordeaux, Août 1986. Grenoble: La Pensée sauvage, 1986. — Pp. 11–33.

Peters J. Mesolithic Fishing Along the Central Sudanese Nile and the Lower Atbara. *Sahara*. 1991. Vol. 4. Pp. 33–40.

Renssen H., Goosse H., Fichet T., Campin J.-M. The 8.2 kyr BP Event Simulated by a Global Atmosphere — Sea-Ice — Ocean Model. *Geophysical Research Letters*. 2001. Vol. 28. Pp. 1567–1570.

Sadig A. M. *The Neolithic of the Middle Nile Region: An Archeology of Central Sudan and Nubia*. Kampala: Fountain Publishers, 2010. — 244 p.

Sadig A. M. Reconsidering the “Mesolithic” and “Neolithic” in Sudan. *Neolithisation of Northeastern Africa*. Ed. N. Shirai. Berlin: Ex Oriente, 2013. — Pp. 23–42.

Salvatori S. Disclosing Archaeological Complexity of the Khartoum Mesolithic: New Data at the Site and Regional Level. *African Archaeological Review*. 2012. Vol. 29. Pp. 399–472.

Salvatori S., Usai D. El Salha Project 2005. New Khartoum Mesolithic Sites from Central Sudan. *Kush. Journal of the National Corporation for Antiquities and Museums*. 2003–2008. Vol. 19. Pp. 87–96.

Salvatori S., Usai D., Zerboni A. Mesolithic Site Formation and Palaeoenvironment Along the White Nile (Central Sudan). *African Archaeological Review*. 2011. Vol. 28. Pp. 177–211.

Salvatori S., Usai D., Abdelrahman M. F., Di Matteo A., Iacumin P., Linseele V., Magzoub M. K. Archaeology at el-Khiday: New Insight on the Prehistory and History of Central Sudan. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*. Eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven: Peeters, 2014. — Pp. 243–257.

Shiner J. L. The Cataract Tradition. *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Ed. F. A. Wendorf. Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press, 1968(a). Pp. 535–629.

Shiner J. L. The Khartoum Variant Industry. *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Ed. F. A. Wendorf. Dallas: Fort Burgwin Research Center and

Southern Methodist University Press, 1968(b). Pp. 768–790.

Smith A. Saharo-Sudanese Neolithic. *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 1. Africa. Eds. P. N. Peregrine, M. Ember. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. — Pp. 245–259.

Stanley D. J., Warne A. G. Sea Level and Initiation of Predynastic Culture in the Nile Delta. *Nature*. 1993. Vol. 363. Pp. 435–438.

Stock F., Gifford-Gonzalez D. Genetics and African Cattle Domestication. *African Archaeological Review*. 2013. Vol. 30. Pp. 51–72.

Trancho G. J., Robledo B. Human Skeletal Remains from the Mesolithic Site of Sheikh Mustafa (Central Sudan). An Anthropometric and Palaeodietary Analysis. *Complutum*. 2003. Vol. 14. Pp. 401–408.

Usai D. Early Khartoum and Related Groups. *Nubian Studies 1998. Proceedings of the Ninth Conference of the International Society of Nubian Studies. August 21–26, 1998, Boston, Massachusetts*. Ed. T. Kendall. Boston: Northeastern University, 2004. — Pp. 419–435.

Usai D. Early Holocene Seasonal Movements Between the Desert and the Nile Valley. Details from the Lithic Industry of Some Khartoum Variant and Some Nabta/Kiseiba Sites. *Journal of African Archaeology*. 2005. Vol. 3. Pp. 103–115.

Usai D., Salvatori S. The Mesolithic Period on the White Nile Region and the Al-Khiday Sites. *Azania: Archaeological Research in Africa*. 2019. Vol. 54. Pp. 445–467.

Vermeersch P. M. Middle and Upper Palaeolithic in the Egyptian Nile Valley. *South-Eastern Mediterranean Peoples Between 130,000 and 10,000 Years Ago*. Ed. E. A. A. Garcea. Oxford: Oxbow Books, 2010. — Pp. 66–88.

Wasylikowa K., Dahlberg J. Sorghum in the Economy of the Early Neolithic Nomadic Tribes at Nabta Playa, Southern Egypt. *The Exploitation of Plant Resources in Ancient Africa*. Ed. M. Veen. New York: Springer, 1999. — Pp. 11–31.

Wendorf F. A., Schild R. (eds.). *The Prehistory of the Eastern Sahara*. New York: Academic Press, 1980. — 414 p.

Wendorf F. A., Schild R. Are the Early Holocene Cattle in the Eastern Sahara Domestic or Wild? *Evolutionary Anthropology*. 1994. Vol. 3. Pp. 118–128.

Williams M. A. J. Late Pleistocene and Holocene Environments in the Nile Basin. *Global and Planetary Change*. 2009. Vol. 69. Pp. 1–15.

Williams M. A. J., Adamson D. A. Late Quaternary Depositional History of the Blue and White Nile Rivers in Central Sudan. *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Eds. M. A. J. Williams, H. Faure. Rotterdam: Balkema, 1980. Pp. 281–304.

Williams M. A. J., Adamson D. A. (eds.). *A Land Between Two Niles: Quaternary Geology and Biology of the Central Sudan*. Rotterdam: Balkema, 1982. — 246 p.

Williams M. A. J., Talbot M. R., Aharon P., Salaam Y. A., Williams F. M., Brendeland K. I. Abrupt Return of the Summer Monsoon 15,000 Years Ago: New Supporting Evidence from the Lower White Nile Valley and Lake Albert. *Quaternary Science Reviews*. 2006. Vol. 25. Pp. 2651–2665.

Winchell F. Early Khartoum (Khartoum Mesolithic). *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 1. Africa. Eds. P. N. Peregrine, M. Ember. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. Pp. 86–94.

Wirtz K. W., Bernhardt K., Lohmann G., Lemmen C. Mid-Holocene Regional Reorganization of Climate Variability. *Climate of the Past Discussions*. 2009. Vol. 5. Pp. 287–326.

Woodward J. C., Macklin M. G., Krom M. D., Williams M. A. J. The River Nile: Evolution and Environment. *Large Rivers: Geomorphology and Management*. Ed. A. Gupta. Chichester: John Wiley & Sons, 2022. Pp. 388–432.

Zerboni A., Brandolini F., Mariani G. S., Perego A., Salvatori S., Usai D., Pelfini M., Williams M. A. J. The Khartoum-Omdurman Conurbation: A Growing Megacity at the Confluence of the Blue and White Nile Rivers. *Journal of Maps*. 2021. Vol. 17. Pp. 227–240.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ /
ELECTRONIC SOURCES

Usai D. A Picture of Prehistoric Sudan: The Mesolithic and Neolithic Periods. *Oxford Handbooks Online*. 2016. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.56. URL: [https://www.researchgate.net/publication/305033571_A_](https://www.researchgate.net/publication/305033571_A_Picture_of_Prehistoric_Sudan_The_Mesolithic_and_Neolithic_Periods)

[Picture_of_Prehistoric_Sudan_The_Mesolithic_and_Neolithic_Periods](https://www.researchgate.net/publication/305033571_A_Picture_of_Prehistoric_Sudan_The_Mesolithic_and_Neolithic_Periods) (accessed 03.08.2022).

Usai D., Salvatori S. The Oldest Representation of a Nile Boat. *Antiquity*. 2007. Vol. 81. URL: https://www.researchgate.net/publication/313611232_The_oldest_representation_of_a_Nile_boat (accessed 07.09.2022).

ТРАГЕДИЯ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»

(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. М. ЛУРЬЕ)

“LITTLE MAN’S” TRAGEDY

(TO THE 120TH ANNIVERSARY OF ISIDOR M. LURIE)

© 2022 **Роман Александрович Орехов**

Сотрудник Центра египтологических исследований
РАН, Москва, Россия; ORCID ID: 0000-0003-3840-3529
radamant67@mail.ru

Roman A. Orekhov

Researcher of the Center for Egyptological Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3840-3529
radamant67@mail.ru

В наступающем 2023 году отмечается круглая дата в отечественной востоковедческой науке — 120 лет со дня рождения И. М. Лурье (1903–2023), ленинградского египтолога, историка права и общественных отношений в древнем Египте. В статье, написанной на основе материалов из архива московского египтолога Т. Н. Савельевой (Институт востоковедения РАН), автор задумывается о его наследии и трагической судьбе. Становление Лурье как ученого начиналось в Ленинградском египтологическом кружке. Впоследствии он переходит на работу в Эрмитаж, где трудится вместе со своей супругой М. Э. Матье и видными советскими востоковедами — Н. Д. Флитнер, И. М. Дьяконовым, Б. Б. Пиотровским и др. Особенно теплые отношения связывали его с московскими египтологами Т. Н. Савельевой и Т. В. Степугиной. Лурье принадлежит множество трудов по проблемам древнеегипетского законодательства, совместно с М. Э. Матье он издает хрестоматию по древнеегипетской скорописи. Лурье открыто полемизировал с В. В. Струве, отвергая его теорию рабовладения на древнем Востоке, принимал активное участие в работе над изданием первого тома Всемирной истории (1955). Автор подробно останавливается на последнем трагическом этапе биографии ученого, когда готовилась к публикации монография «Очерки древнеегипетского права». Обстоятельства сложились таким образом, что курирующей организацией стал московский Сектор Института востоковедения АН СССР. Лурье не мог лично принять участие в обсуждении, т. к. на тот момент его здоровье было серьез-

но подорвано. Тем не менее к началу июня 1957 года он успевает сдать окончательный вариант рукописи. Однако резко негативный отзыв, поступивший на его монографию, перечеркнул надежды ученого и привел к его преждевременной смерти. В этой связи автор поднимает в статье вопрос о нравственной позиции ученого.

Ключевые слова: И. М. Лурье, М. Э. Матье, Т. Н. Савельева, Т. В. Степугина, архив Т. Н. Савельевой, российская египтология

Для цитирования: Орехов Р. А. Трагедия «маленького человека» (к 120-летию со дня рождения И. М. Лурье). Восточный курьер / *Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 82–93. DOI: 10.18254/S268684310023715-4

In the coming year 2023, a round date is celebrated in Russian Oriental studies — 120 years since the birth of Isidor M. Lurie (1903–2023), a Leningrad Egyptologist, historian of law and public relations in ancient Egypt. In the article, based on materials from the archives of the Moscow Egyptologist Tatiana N. Savelyeva (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences), the author reflects on the legacy and tragic fate of the scholar. The formation of Lurie as an academic began in the Leningrad Egyptological Circle. Subsequently, he went to work in the Hermitage, where he worked together with his wife Militsa E. Mathieu and prominent Soviet orientologists Nataliia D. Flitner, Igor M. Dyakonov, Boris B. Piotrovsky and others. Especially warm relations connected him with Moscow Egyptologists Tatiana N. Savelyeva and Tatiana V. Stepugina. Lurie wrote many works on the problems of ancient Egyptian legislation, together with Militsa E. Mathieu, he published an anthology in ancient Egyptian cursive writing. Lurie openly argued with Vasily V. Struve, rejecting his theory of slavery in the ancient East, and took an active part in the publication of the first volume of *World History* (1955). The author dwells in detail on the last tragic stage of the scholar's biography, when his monograph "Essays on Ancient Egyptian Law" was being prepared for publication. Circumstances developed in such a way that the Moscow Sector of the Institute of Oriental Studies became the supervising organization of said book. Lurie could not personally take part in the discussion, because at that time his health was seriously undermined. Nevertheless, by the beginning of June 1957, he managed to submit the final version of the manuscript. However, the sharply negative review received by his monograph crossed out the authors' hopes and led to his premature death. In this regard, the author raises the question of the moral position of the scholar.

Keywords: Isidor M. Lurie, Militsa E. Matie, Tatiana N. Savelyeva, Tatiana V. Stepugina, archive of Tatiana N. Savelyeva, Russian Egyptology

For citation: Orekhov Roman A. "Little Man's" Tragedy (To the 120th Anniversary of Isidor M. Lurie). *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 82–93. DOI: 10.18254/S268684310023715-4

Эти заметки о ленинградском египтологе Исидоре Менделевиче Лурье (1903–1958) (*Илл. 1*) были написаны на основе писем из архива московского египтолога Т. Н. Савельевой, которая многие годы дружила как с ним самим, так и с его супругой М. Э. Матье (1899–1966). Заметки ни в коем случае не претендуют на биографическую и историческую полноту. В надежде на то, что научная биография И. М. Лурье будет написана в будущем, эти сведения, безусловно,

помогут сыграть в этом (как хотел бы верить автор) позитивную роль. Задача предлагаемой статьи состоит в попытке задуматься об истинном призвании ученого.

Начать повествование хотелось бы цитатой из работы А. О. Большакова о Ленинградском египтологическом кружке (основан в 1927 г.), в котором происходило становление И. М. Лурье как ученого-египтолога. «Среди гуманитарных наук, отличающихся эгоизмом, неизменно удив-

Илл. 1. **Исидор Менделевич Лурье (1903–1958)**
Фото – Лурье 1960
Fig. 1. **Isidor Mendeleovich Lurie (1903–1958).** Photo – Lurie 1960

ляющим естествоиспытателей, египтологию следует признать одной из наиболее эгоистичных. Причина этого вполне объяснима — изолированность древнего Египта от окружающего мира изначально сделала изучающую его дисциплину замкнутой и мало интересующейся тем, что происходит за ее пределами, а это, в свою очередь, не может не влиять на психологию египтологов. Хуже то, что египтологии уже скоро два века¹, но эта замкнутость, выпячивание своей исключительности и какое-то подчеркнутое дистанцирование от родственных наук все еще далеко не изжиты. Египтологам трудно объединиться в сообщества — этому мешает господствующий дух снобизма и элитарности, а когда они это все-таки делают, эффективность их объединений зачастую оказывается очень низкой»

[Большаков, 2011, с. 5]. И далее, «отечественная египтология в этом не исключение, хотя у нее есть своя специфика. С одной стороны, немногочисленность участников научного процесса делает ее особенно закрытой и заставляет ориентироваться больше на внутривосточные, чем на общенаучные ценности; с другой стороны, она же делает взаимоотношения внутри замкнутого мирка чрезвычайно личными и ведет к бессмысленному и вредному отчуждению друг от друга» [Большаков, 2011, с. 6]. В справедливости данных слов трудно усомниться. Заметим лишь, что уродливые формы, перечисленные ученым, калечат жизни людей, порождая недоверие, а в конечном счете и полное неприятие друг друга.

Я держу в руках черно-белые фотографии древнеегипетских памятников — скульптур,

1 14 сентября 1822 г. Ж. Ф. Шампольон совершил свое бессмертное открытие, найдя ключ к чтению египетских иероглифов. 27 сентября он выступает с докладом в Академии надписей и изящной словесности, а в конце октября 1822 г. этот доклад будет уже напечатан в академической типографии на 44 страницах.

прорисовок рельефов и надписей. Все они отсняты с книжных изданий И. М. Лурье по просьбе Т. Н. Савельевой, одно из писем которой приведено ниже.

«Дорогая Татьяна Николаевна,

только теперь получил от фотографа отпечаток одного из сделанных мной снимков. У меня, к сожалению, нет увеличителя для того формата пленки, которой я в настоящее время пользуюсь, и поэтому вынужден обращаться в мастерскую, которая, пользуясь тем, что теперь сезон, безбожно халтурит и очень небрежно выполняет заказы. Попробую сделать отпечатки в другом месте, где м. б. сде-лают их лучше. Ваш И. Лурье»².

Это одно из самых заурадных, и можно сказать будничных писем. Сейчас в это трудно поверить, но в те теперь уже далекие годы дефицит научной литературы был настолько серьезным, что ученым (особенно египтологам!) порой приходилось ждать некоторых книг месяцами и даже годами по межбиблиотечному абонементу. Некоторых книг или журналов не было в принципе, другие находились в Москве, еще часть находилась в библиотеках Ленинградского университета или Эрмитажа. Стоит ли удивляться, что ученые искренне и порой безвозмездно помогали друг другу. Именно таким образом постепенно закладывались основы доверия и последующей многолетней дружбы.

Вот небольшие штрихи из довольно скупой биографии Лурье, взятые из воспоминаний И. М. Дьяконова: «он был минчанином, сначала подпольщиком-партизаном, а потом учеником Н. М. Никольского (библеиста, давно осевшего в Минске, сына “старика” М. В. Никольского, профессора Духовной академии, издававшего шумерские хозяйственные документы коллекции Н. П. Лихачева). Из Минска И. М. рано переехал в Ленинград, где он учился египетскому то ли у Струве, который его не выносил, то ли у Милицы Эдвиновны. Исидор Михайлович был партийным ортодоксом, несгибаемым (“я

не согласен!”), и твердо верил в генеральную линию партии и в теорию феодализма на древнем Востоке, внушенную ему Н. М. Никольским³. Египтолог он был средний, по образованию самоучка, но очень доброжелательный к людям, — к которым он, впрочем, не совсем относил тех, в ком видел идеологических и классовых врагов. Он тоже очень интересовался моей научной работой, а так как он был принципиальный спорщик, быстро замечавший слабые места собеседника, то говорить с ним, и обсуждать свои работы было очень интересно» [Дьяконов, 1995, с. 421].

И вот к этому казалось несгибаемому «ортодоксу» Татьяна Николаевна сумела найти ключик, впрочем, как и всегда: в силу своих человеческих качеств она находила этот ключ к большинству людей. Лурье относился к Татьяне Николаевне с огромным уважением. Из их взаимной переписки он предстает добрым, отзывчивым, но, что важнее, чрезвычайно благодарным человеком. Вот несколько фрагментов из писем, которые помогают лучше раскрыть и понять его характер.

«Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна, очень признателен Вам за Ваше содействие: книгу Badawi⁴ я получил и с большим интересом знакомлюсь с ней. Я буду очень рад, если смогу быть Вам чем-либо полезен. М. Э. очень благодарит Вас за то, что Вы выполнили ее просьбы, и просит передать Вам свои лучшие пожелания. Очень надеюсь увидеть Вас опять в Л-де. Ваш И. Лурье».

А вот другое письмо.

«Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна...

...Я был бы очень рад, если бы у Вас оказались какие-либо пожелания по отношению к Ленинградским библиотекам, к Эрмитажу или, по ходу Ваших работ, ко мне лично, которые я с удовольствием постарался для Вас выполнить. Милица Эдвиновна просит передать Вам свой большой привет. Ваш И. Лурье».

2 Письмо датировано 02.08.1954 (Архив ЦЕИ РАН).

3 Более подробно к дискуссии о египетском феодализме см.: [Постовская, 1961, с. 79].

4 Речь идет об издании [Badawi, 1948].

Еще одно письмо.

«Дорогая Татьяна Николаевна,

очень мне было жаль, что я не смог перед отъездом лично попрощаться с Вами и выразить Вам свою признательность за то внимание, которое Вы мне уделили: я думал, что уеду поздно вечером и что это время Вы уже будете дома, но билет был взят на более ранний час и поэтому Вас не застал.

Не смог сразу же по приезде навести справки по интересующей Вас гробнице Анххафа⁵ — накопились неотложные дела, которые надо было быстро сделать. Сегодня немного освободился и навел справки. К сожалению, они не очень обильны. На 42 стр. III тома Портер и Мосс (Мемфис) дан план этой гробницы со ссылками на *Boston Museum Bulletin* от июня 1925 г. стр. 28 и октябрь 1927 г., стр. 66. Мне кажется, что этот журнал в Москве есть (в Музее Изобр. Искусств или в Ленинской б-ке), но если Вы его не найдете — напишите мне т. к. в Эрмитаже он имеется. У G. Reisner, «A History of the Giza Nekropolis», т. I я нашел только ссылку на план, в тексте же ничего путного я не нашел (правда я смотрел только по указателю, который весьма плох)⁶. Юнкера и Селим-Гассана у меня под руками нет и посмотреть там не мог. Очень прошу Вас, дорогая Татьяна Николаевна, не стесняясь писать мне по всем вопросам, по которым я мог бы быть Вам полезен, т. к. я с удовольствием сделаю все, что Вам будет нужно. Прошу Вас передать

мой привет всем Вашим товарищам, с которыми я имел удовольствие познакомиться в Москве, а также засвидетельствовать мое уважение Вашей матери, с которой я познакомился по телефону. Милица Эдвиновна просит меня передать Вам ее лучшие пожелания. Ваш И. Лурье⁷.

Но вот что еще заслуживает внимания. Из переписки складывается впечатление, что И. М. Лурье, помимо того, что был очень благодарным человеком, был в чем-то и беззащитен. Следствием этой беззащитности стало то, что на протяжении жизни его опекали сильные и влиятельные женщины, возможно, он и сам стремился под их покровительство. Так, его супруга М. Э. Матье⁸, по наблюдению И. М. Дьяконова, «была человеком незаурядного ума, воли и способностей. Даже Ю. Я. Перепелкин, скептически смотревший на научные возможности большинства своих коллег, признавал ее научные достижения. Она сумела написать и напечатать больше, чем кто-либо из ее сверстников-египтологов (по искусству и религии Египта, по коптскому искусству; вместе с И. М. Лурье издала хрестоматию по египетской скорописи и начальный учебник египтологии). Если бы наши издания доходили бы до заграницы, то, несомненно, она была бы среди видных людей международного востоковедения» [Дьяконов, 1995, с. 420].

Подытоживая характеристику, Дьяконов заключает: «Для того, кто ей нравился и представ-

5 Чрезвычайно заметная фигура эпохи царствования царя Хуфу (2613–2589 гг. до н. э.). Из дневников египтянина Мерера, написанных более 4500 лет назад и обнаруженных на берегу Красного моря в 2013 г., стало известно, что Анххаф, занимая высокие должности «верховного сановника и распорядителя всех царских работ», принимал активное участие в строительстве пирамиды Хуфу (Хеопса). Корабельная команда Мерера работала как раз под началом Анххафа.

6 История некрополя Гизы Э. Д. Райзнера представляет собой развернутый археологический отчет и содержит только предварительные наблюдения об эволюции некрополя. Публикации отдельных гробниц будут осуществляться позже коллегами и учениками этого видного американского египтолога. Поэтому найти исчерпывающую информацию в этом издании было на тот момент невозможно.

7 Письмо датировано 05.07.1954 (Архив ЦЕИ РАН).

8 И. М. Лурье и М. Э. Матье были знакомы еще по Ленинградскому египтологическому кружку, когда Милица Эдвиновна была замужем за Д. А. Ольдерогге и носила сдвоенную фамилию Матье-Ольдерогге [Большаков, 2011; Большаков, 2014]. Как вспоминает И. М. Дьяконов, Милица Эдвиновна вышла замуж за Ольдерогге совсем девочкой, однако брак продлился недолго и прервался по инициативе самой Матье. После этого она вышла замуж за Исидора Михайловича, «который был хоть и поплоче Дмитрия Алексеевича, но все же муж хоть куда» [Дьяконов, 1995, с. 419].

лялся достойным, она не жалела усилий, стараясь всячески помочь; но к тому, кого невзлюбил, была жестка и непреклонна... Жизнь не берегла Милицу от страданий и унижений, — можно понять, что она не считала нужным щадить других...» [Дьяконов, 1995, с. 420].

Когда в 1931 г. М. Э. Матве начала борьбу против В. В. Струве, стремясь занять пост заведующего Отделением древнего Востока в Эрмитаже, часто вместе с ней упоминалась и фигура ее супруга И. М. Лурье. Так, А. О. Большаков в работе о Ленинградском египтологическом кружке характеризует обоих как «предельно честолюбивых и властных» [Большаков, 2011, с. 9]⁹. Б. Б. Пиотровский и И. М. Дьяконов смотрели на это иначе. Для них было очевидно, что честолюбие и властность были характерны именно для Милицы Эдвиновны [Пиотровский, 1995, с. 93]. Именно эта необычная женщина стала для Лурье своего рода ангелом-хранителем, сам же он всегда предпочитал держаться в тени именитой супруги.

В каком-то смысле ангелами-хранителями для Лурье стали и московские востоковеды Т. Н. Савельева и Т. В. Степугина¹⁰. Именно с их именами связан последний и во многом трагический период жизни Лурье, о котором хотелось бы рассказать подробнее.

Предыстория событий такова. К началу 50-х гг. И. М. Лурье закончил работу над рукописью «Очерков древнеегипетского права XVI–X веков до н. э.». По его замыслу монография должна была состоять из двух частей. В первой теоретической части затрагивались проблемы древнеегипетского судопроизводства, организации суда, места в нем фараона и судебных чиновников, отдельно рассматривались судебные функции везира, судебные оракулы и т. д. Во второй части содержались уже непосредственно

переводы египетских юридических документов. Положительную рецензию на рукопись написал сам В. В. Струве! Однако в дальнейшем, в связи с редакторской работой И. М. Лурье над «Всемирной историей» (1955), работа над ней была временно прекращена. От периода работы над этим изданием в архиве Татьяны Николаевны Савельевой сохранилось около десятка писем.

Из этих писем хорошо видно, что к своим обязанностям Лурье относился крайне серьезно и редактирование зачастую отнимало у него все рабочее и свободное время. Дело в том, что разделы «Всемирки» постоянно переписывались с учетом новых рекомендаций и замечаний авторам. Издание курировалось по партийной линии, поэтому партиец Лурье трудился, не разгибая спины. Процесс также осложняли многочисленные конфликты и споры. Так, крайне различные идеологические позиции спровоцировали конфликт между Дьяконовым и Лурье с одной стороны, и автором глав по древнему Египту Ю. Я. Перепелкиным с другой [Орехов, 2021b]. Стоит ли удивляться, что редакторская работа над рукописью продолжалась вплоть до выхода первого тома издания. И если в письме от 17.01.1955 г. Лурье пишет, что конец работы уже виден, то из письма от 06.09.1955 г. становится ясно, что текст еще далек от завершения.

«Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна, получил Ваше письмо. Целиком с Вами согласен и, как и Вы, весьма опасаясь всех улучшений тома, которые делаются на ходу т. к. в таких случаях очень легко сделать ошибки. Все, что смогу сделать, чтобы избежать подобных исправлений охотно сделаю... Ваш И. Лурье»¹¹.

Лурье возвращается к работе над рукописью «Очерков...» только в конце 1956 г. К этому времени серьезно обострилась его сердечная болезнь (очевидно, что здесь сказалась нервная

9 Хотя не следует сбрасывать со счетов, что выбор в пользу М. Э. Матве был обусловлен тем, что И. А. Орбели, начальник Сектора Востока, не ладил с В. В. Струве и вдобавок к этому Милица Эдвиновна вступила в ряды КПСС [Дьяконов, 1995, с. 418].

10 Татьяна Васильевна Степугина (1923–2016) — крупный отечественный китаист, ближайшая подруга Т. Н. Савельевой.

11 Письмо датировано 06.09.1955 (Архив ЦЕИ РАН).

работа над изданием «Всемирки»). По рекомендации врачей он даже бросает курить. Более того, за весь пропущенный период по теме судопроизводства появились новые исследования и, что более важно, новые источники. Наконец, была необходима головная организация, которая после обсуждения утвердит монографию к печати в академическом издательстве «Восточной литературы». С последним обстоятельством были определенные трудности.

Обсуждение монографии в Ленинградском отделении ИВАНА было невозможно по причине того, что на все отделение древнего Востока подобными компетенциями обладал на тот момент только И. М. Дьяконов. Поэтому монография Лурье, благодаря ходатайству Т. Н. Савельевой и Т. В. Степугиной перед заместителем директора Института востоковедения В. И. Авдиевым, включается в план обсуждения в головном московском Секторе.

«Дорогая Татьяна Васильевна, очень благодарен Вам за письмо и внимание. Сообщенное Вами известие о том, что моя работа включена в план текущего года, было для меня приятной неожиданностью. Т. к. я не сомневаюсь в том, что включению моей работы в план я обязан, прежде всего, Вам. Хочу горячо поблагодарить Вас за неоценимую товарищескую помощь. Прошу Вас передать мою благодарность также Татьяне Николаевне, так как думаю, что и она к этому приложила свою руку»¹².

Справедливости ради стоит отметить, что Исидору Михайловичу помогали не только Татьяна Николаевна и Татьяна Васильевна, но и Наталия Михайловна Постовская¹³. Но об этом чуть позже.

К началу весны 1957 г. Лурье дорабатывает первую главу, и продолжает интенсивно работать над переводами новых источников, которые планирует завершить к концу июня. Одно из

его писем хорошо передает обстановку, сложившуюся к моменту обсуждения рукописи.

«Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна, так как Всеволода Игоревича, по-видимому, все еще нет в Москве, свое письмо к нему посылаю Вам с просьбой вручить его ему по приезду. В нем я пишу то, что Вы уже собственно знаете из рассказа Натальи Михайловны. Очень надеюсь, что отсутствие окончательного текста переводов не явится препятствием для обсуждения моей работы. Если оно состоится в мае и в его итоге не потребуются каких-либо коренных изменений работы, то в конце июня я, вероятно, смогу сдать в Издательство весь текст в окончательном виде. Сейчас я вожусь с переводами — правкой старых и переводом новых текстов. Из новых текстов хочу дать: Оракул Амона о назначении писца закровов храма Амона-Ра; письмо, в котором испрашивается оракул; дарственную на землю времени Рамсеса III; черновик записи процесса в возврате имущества; надпись на стеле завещательного характера и некоторые другие¹⁴. Два последних названных текста еще никем не переводились. Не знаю, дам ли перевод указа Харемхеба, — уж очень он дырявый и без восстановлений (в достаточной мере сомнительных) совершенно не понятен.

Наталия Михайловна сообщила мне, что Вы также находите возможным провести обсуждение рукописи без моего участия: я по состоянию здоровья предпочел бы не приезжать теперь в Москву и буду очень рад, если Всеволод Игоревич сочтет это возможным. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, когда намечается обсуждение, может ли оно состояться без меня и какое у Вас и других сотрудников Сектора складывается предварительное впечатление о моей работе. Очень прошу Вас передать мой сердечный привет Татьяне Васильевне и Григорию Федоровичу¹⁵, а также тем из Ваших

12 Письмо датировано 03.02.1957 (Архив ЦЕИ РАН).

13 Н. М. Постовская (1917–1997), советский историк, египтолог. В 1953 г. стала заведующей отделом Древнего Востока Института истории АН СССР и вошла в состав редколлегии журнала «Вестник древней истории».

14 Все эти документы опубликованы в посмертно изданной монографии И. М. Лурье [Лурье, 1960].

15 Ильин Г. Ф. (1914–1985) — крупный советский востоковед, исследовавший институт рабства в древней Индии.

товарищей, которых это может интересовать. М. Э. и я просим Вас принять наши наилучшие пожелания, Ваш И. Лурье»¹⁶.

Первоначально обсуждение рукописи планировалось осуществить в мае 1957 г. Как видно из писем, дело осложнилось тем, что новые переводы не были готовы полностью, поэтому на обсуждение в Секторе предлагалось представить старые, но с тем условием, что к моменту публикации будут готовы и новые. Вдобавок к этому Лурье не смог по причине болезни присутствовать на обсуждении лично и просил в этом для себя исключение. В Москве И. М. Дьяконов при посредничестве Татьяны Николаевны и Татьяны Васильевны договаривается кулуарно с Авдиевым именно о таком порядке обсуждения рукописи. Более того, при посредничестве Постовской он условливается и с издательством «Восточная литература» о последующей публикации монографии почти сразу после обсуждения в Секторе. Работу Лурье на обсуждении должен был представлять Дьяконов. Однако чуть позже Авдиев дает понять через Савельеву, что для обсуждения нужно полностью подготовить и вторую часть. Поэтому все начало июня Лурье вынужден, пренебрегая советами врачей, напряженно работать над переводами.

«Глубокоуважаемые Татьяна, Николаевна и Васильевна!

Все последние дни был занят полностью окончанием работы по переводам. Она занимала все время, когда я мог работать, и только поэтому не ответил на Ваше последнее письмо. Так как Милица Эдвиновна была так добра, что написала Вам вместо меня, очень надеюсь, что Вы не очень на меня сетуете за невежливость. Теперь, когда рукопись отправлена (это я сделал сегодня утром), перед тем как предаться на несколько

дней максимальному безделью (я очень устал) сел за письмо к Вам.

Прежде всего, еще раз очень и очень благодарю Вас за внимание и очень большую помощь, а также ценную для меня моральную поддержку. Не умею подобрать нужных слов для того, чтобы выразить Вам свою благодарность, но надеюсь, что Вы и без них меня поймете... Ваш И. Лурье»¹⁷.

Таким образом, к началу лета ситуация выглядела следующим образом. Вероятнее всего, обсуждение рукописи было перенесено на сентябрь-октябрь по причине летних отпусков. Рукопись к этому времени была полностью готова к печати. Поэтому Авдиев и Дьяконов по взаимной договоренности и, что не менее важно, — для экономии времени, передают ее в Издательство Восточной литературы, надеясь, что итоги обсуждения будут положительными. Им активно помогают Савельева, Степугина и Постовская. Но, как мы увидим ниже, надеждам не суждено было осуществиться.

Перед отъездом в отпуск на лечение Лурье неожиданно узнает от секретаря Авдиева Серкиной, находившейся в тот момент в Ленинграде, что М. А. Коростовцев дал крайне негативный отзыв на рукопись. Эта информация содержится в письме М. Э. Матве, адресованном одновременно Савельевой и Степугиной¹⁸. Серкина также утверждала, что характер замечаний таков, что выносить рукопись на обсуждение не представляется возможным¹⁹. Я не считаю себя вправе публиковать это письмо, так как в нем содержится слишком много боли за дорогого и близкого человека. Скажу только то, что М. Э. Матве очень просила обеих Татьян сделать все возможное, чтобы Лурье не увидел отзыва Коростовцева на рукопись целиком —

Входил в коллектив научных редакторов первого тома «Всемирной истории». Соавтор, совместно с Г. М. Бонгард-Левиним, фундаментальной монографии «Индия в древности» (1985).

16 Письмо датировано 07.05.1957 (Архив ЦЕИ РАН).

17 Письмо датировано 08.06.1957 (Архив ЦЕИ РАН).

18 Письмо датировано 15.10.1957 (Архив ЦЕИ РАН).

19 Вдобавок к этому, кто-то приходил в издательство и, размахивая отзывом, требовал приостановить работу над рукописью. Об этом мы узнаем из письма самого Лурье от 30.11.1957.

«со всеми резкими выражениями». Она прекрасно понимала, чем это может ему грозить, учитывая сердечную болезнь и измотанное состояние в целом. Вероятно, Матье еще надеялась на то, что Исидор Михайлович, поправившись, сможет собраться и дать возражения на отзывы, будет бороться за свою рукопись (как наверняка поступила бы она!). Но этого не случилось. «Убийственная» по словам Дьяконова рецензия [Дьяконов, 1995, с. 419, прим. 1] Коростовцева в буквальном смысле убила Лурье. Таков печальный конец этой истории. В последнем письме Савельевой он написал такие строки: «Дорогая Татьяна Николаевна, большое Вам спасибо за письмо, хотя не могу сказать, что его содержание меня обрадовало. Хотя я и знал, что ничего с напечатанием моей рукописи не получится, так уж устроен человек, что всегда хочет на что-то надеяться»²⁰.

В самом начале этих заметок я упомянул важный фрагмент из статьи А. О. Большакова, основная мысль исследования которого состоит в том, что Ленинградский кружок египтологов смог объединить и спасти египтологическую науку в СССР. С одной стороны, автор, безусловно, прав, — из этого кружка вышли действительно выдающиеся исследователи. Но любую науку делают люди. И успех любого предприятия определяется, в конечном счете, тем, как эти люди взаимодействуют и относятся друг к другу. Ведь отчуждение возникает не на пустом месте. Поэтому мы вправе задаться вопросом, что двигало Коростовцевым, когда он посчитал себя вправе так распорядиться судьбой другого человека?

Конечно, можно сказать, что будущий академик руководствовался чисто благими помыслами, борьбой с халтурой, очковитирательством, выступал за чистоту науки и т. д. Но так ли плоха

была монография Лурье на самом деле? Ученый посвятил работе над ней многие годы. Многие сделанные в ней наблюдения теперь являются общепризнанными в египтологии, например установление роли храмового суда, определение ряда юридических терминов, например, *кенбета*, т. е. центрального суда (большого столичного *кенбета*, *кенбета* округов и городов) и ряд других. Также Лурье в целом наметил путь для восстановления древнеегипетского законодательства [Лурье, 1960, с. 1]. В те годы его книга была даже в чем-то новаторской²¹. Но почему в таком случае она получила столь негативный отзыв? Думаю, проблемы начались раньше описываемых событий.

Вернувшись из заключения в 1954 г. и восстановившись в институте, М. А. Коростовцев стремился завоевать авторитет и уважение коллег, как мог, делал ученую карьеру. На этом пути и произошла его роковая встреча с И. С. Кацнельсоном, членом того самого Египтологического кружка. Последний крайне негативно влиял на будущего академика, используя его авторитет и знания в корыстных целях, для дискредитации своих коллег²². Первые разногласия между Лурье и Кацнельсоном, вероятно, возникли еще в эпоху Кружка. Однако окончательно их рассорила работа над «Всемирной историей».

Дьяконов и Лурье, занимавшиеся редактированием «Всемирки», искренне считали, что для такого фундаментального издания, освещавшего исторические процессы с марксистских позиций, которое в силу данного факта активно курировалось по партийной линии, недобросовестность была невозможна в принципе. И если с Перепелкиным у них были чисто идеологические расхождения (см. выше), то ряд авторов, хотя и шли в фарватере марксистского учения, не брезговали откровенной халтурой или

20 Письмо датировано 30.11.1957 (Архив ЦЕИ РАН).

21 Используя все влияние, М. Э. Матье посчитала своим долгом издать работу в Эрмитаже (по сути, это была первая послевоенная книга по египтологии, изданная в этом издательстве, так как в нем планировалось публиковать только книги по искусству!). Одну из этих книг она подарит Т. Н. Савельевой и подпишет «Дорогой Танечке от Милицы» (Архив ЦЕИ РАН).

22 См. более подробно в [Орехов, 2021a].

плагиатом. Дьяконов такие «произведения» не щадил, заставлял переписывать или брался за написание сам! В одном из его писем в Московский сектор мы находим такие резкие строки:

«В отношении хронологических таблиц от услуг Иткина²³ придется отказаться. Исидор Михайлович тоже находит, что это надо дать кому-то, стоящему ближе к этим вопросам, так как тут возникнут трудные проблемы, которые надо будет разрешить с умом. Но против Каца я категорически возражаю. Хватит с нас Каца. Исидор Михайлович сказал, что если бы он знал, что среди авторов будет Кац, то он отказался бы участвовать в этом деле, и я не хочу новых осложнений». Чуть в стороне на полях была приписка, сделанная собственной рукой Дьяконова: «Кстати, Ис. Мих. и Ю. Я. (Перепелкин. — Р. О.) сократили Кацевскую главу еще раза в четыре»²⁴.

Стоит ли удивляться, что непростые отношения между Лурье и Дьяконовым, с одной стороны, и Кацнельсоном, с другой, позже перерастут в открытое неприятие²⁵. Когда же у Кацнельсона появился в руках козырь в лице дружбы с Коростовцевым, эта борьба вспыхнула с новой силой и Лурье стал жертвой этой борьбы. Но Лурье был далеко не единственным.

В архиве Т. Н. Савельевой находится вырезка из «Советской культуры» № 49 (4745), вторник 18 июня, 1974 год. Она озаглавлена «История в кривом зеркале». Это газетная рубрика «Читатель рецензирует», в которую помещен отзыв на книгу С. И. Ходжаш «Искусство Древнего Востока». Издательство «Изобразительное искусство». Позволю себе привести некоторые цитаты.

«Это очень нужное и удобное наглядное пособие для классных и внеклассных занятий по истории и истории искусства в средней школе и в специальных средних учебных заведениях, особенно там, откуда не близок путь до музеев... Можно соглашаться или не соглашаться с автор-

ским анализом и описанием отдельных произведений живописи, скульптуры и архитектуры. Но совершенно недопустимы элементарные фактические ошибки и неверные определения, переполняющие пояснительный текст».

Чуть далее следует подробный перечень этих ошибок.

«Прежде всего, методологически неприемлемо определение самого понятия Древний Восток, даваемое в альбоме. Марксистско-ленинская историография давно включает в это понятие древние культуры Индии, Китая, Юго-Восточной Азии и т. д., а не только стран Восточного Средиземноморья и прилегающих к нему областей. Такое определение присуще европоцентристским установкам буржуазной историографии. Путано и неверно объяснено автором, что такое “рабовладельческая деспотия”. Во-первых, далеко не всем странам Востока она была присуща в древности. Не было ее, например, в городах-государствах Шумера или Финикии, ограничена она была у хеттов. Во-вторых, отнюдь не на труде одних только рабов основывался социально-экономический строй в странах Востока. Основную массу непосредственных производителей составляло все же свободное население, организованное во многих странах в сельские общины. Правда, они нередко находились на положении рабов, но, тем не менее, это далеко не одно и то же. Наконец, в-третьих, живым воплощением бога на земле считался только фараон в Египте, а не цари и правители повсеместно на всем Древнем Востоке, как утверждает С. Ходжаш.

Зиккурат — это не гробница и не храм или дворец, возведенный для возвеличивания царя, а святилище, посвященное богу или богам.

Никогда, ни в древности, ни в последующее время, колоссы Мемнона к “Семи чудесам света” не причислялись. В Египте находились два “чуда”: пирамиды и маяк Александрийской гавани на острове Фарос. Автор спутал колос-

23 К большому сожалению, информации об этом авторе нет.

24 Письмо датировано 10.01.1955 (Архив ЦЕИ РАН).

25 См. более подробно в [Орехов, 2021a].

сы Мемнона с колоссом Родосским. В шести ступенях пирамиды фараона Джосера в Саккара никаких помещений нет. Все они находятся под пирамидой» и т. д.

А вот и закономерное резюме.

«Подобные описки и ошибки, перечень которых легко продлить, объясняются, очевидно, несчастливym сочетанием недостаточной осведомленности автора в самых элементарных вещах с не менее удивительной его небрежностью. В результате же получается искажение истории. А это уже само по себе недопустимо... Жаль, что хорошо оформленные, интересно задуманные и полезные по идее издания бывают подчас безнадежно испорчены недоброкачественным текстом. Видимо, солидному издательству надо проявлять больше заботы о читателях».

Далее подпись — М. Коростовцев, доктор исторических наук, профессор; И. Кацнельсон, доктор исторических наук²⁶.

Можно ли и в данном случае говорить о борьбе за чистоту науки? Еще Е. С. Богословский в беседе с Т. Н. Савельевой говорил по этому поводу, что каждому, кто в этих делах мало-мальски разбирается, ясно, что статья вызвана не научными, а какими-то иными соображениями²⁷. Евгений Степанович был абсолютно прав. Тираж Советской культуры в 1973 г. составлял 400 тысяч экземпляров. Более того, это печатное издание являлось «газетой Центрального Комитета КПСС»! Следовательно, авторы рецензии очень хотели, чтобы, во-первых, унижение Ходжаш стало явным как можно большему количеству людей, во-вторых, ее хотели просто уничтожить. В свое время, еще при жизни Светланы Измайловны, в середине 90-х, мне удалось ознакомиться с частью ее переписки²⁸, из которой следовало, что Михаил Александрович был влюблен в Светлану Измайловну, просил ее руки, писал стихи, даже дрался из-за нее, но... был отвергнут! Благосклонности вос-

точной красавицы (а Светлана Измайловна, по национальности караимка, была очень красивой женщиной) добивался и Исидор Саввич Кацнельсон. И он также остался не у дел. Но в таком случае, это вовсе не борьба за истину, а месть. Только на этот раз заинтересованность в дискредитации С. И. Ходжаш была обоюдной.

Представляется, что подлинную оценку поступку М. А. Коростовцева и И. С. Кацнельсона в полной мере дал О. Д. Берлев в одном из писем С. И. Ходжаш: «Меня очень встревожили Ваши слова о фальшивых друзьях. Что случилось? Я давно чувствую, что у Вас душа не на месте, но боялся задать вопросы, а узнавать стороной не по мне. В чем дело? Я, конечно, никому ничего не буду говорить, но если хотите, то дайте понять. Что это — отзыв на историю искусств продолжает мучить или еще что-нибудь? Наша наука становится как-то уж слишком бойкой. Это по многому заметно... Что бы то ни было, надо делать то, что Вы должны делать (издание скарабеев самостоятельно, а стел вместе со мной). Работа — наше единственное утешение и единственное убежище от всякой жизненной грязи. Бодритесь, не падайте духом, хотя очень хорошо знаю, как это непросто. Но ведь цель всякой кампании, которую ведут подлецы против честного человека, — деморализовать, вызвать распад личности. Не радуйте этих негодяев»²⁹. Для великих О. Д. Берлева и Е. С. Богословского было абсолютно неприемлемо совершить подобный поступок в отношении женщины, более скромного коллеги (который, как и все, может ошибаться!), да и просто человека.

Когда я писал эти заметки, я постоянно представлял себе образ «маленького человека» из гоголевской «Шинели». Получается, что для М. А. Коростовцева и И. С. Кацнельсона и Лурье, и Ходжаш были просто маленькими людьми, которыми, как они наверняка полагали,

26 Вырезка из «Советской культуры» находилась среди писем Т. Н. Савельевой (Архив ЦЕИ РАН).

27 Устное сообщение.

28 Вся корреспонденция С. И. Ходжаш хранится в Отделе рукописей ГМИИ им А. С. Пушкина.

29 Письмо О. Д. Берлева процитировано по: [Ладынин, Тимофеева, 2014, с. 39, прим. 10].

можно просто пренебречь, вытереть о них ноги и переступить. Поэтому они сломали Лурье и посчитали, что таким же образом можно уничтожить и Ходжаш. Но в последнем они просчитались — Светлана Измайловна пережила их обоих... да и вспоминают о ней только хорошее.

Так кто же в итоге спас отечественную египтологию? Думаю, что это, прежде всего, те ученые, которые, несмотря на свои заслуги и достижения, поступали великодушно и благородно в отношении своих коллег, они и останутся в их и нашей памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Большаков А. О. Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии. *Культурно-антропологические исследования*. 2011. № 2. С. 5–10 [Bolshakov A. O. Leningrad Egyptological Circle: At the Origins of Soviet Egyptology. *Cultural and Anthropological Research*. 2011. No. 2. Pp. 5–10 (in Russian)].

Большаков А. О. Ленинградский египтологический кружок: полгода предыстории. *Aegyptiaca Rossica*. 2014. № 2. С. 48–120 [Bolshakov A. O. Leningrad Egyptological Circle: Six Months of Prehistory. *Aegyptiaca Rossica*. 2014. No. 2. Pp. 48–120 (in Russian)].

Дьяконов И. М. *Книга воспоминаний*. СПб: Европейский дом, 1995. — 764 с. [Dyakonoff I. M. *The Book of Memories*. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom, 1995. — 764 p. (in Russian)].

Ладынин И. А., Тимофеева Н. С. Переписка О. Д. Берлева с С. И. Ходжаш (по материалам Отдела рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина). *Aegyptiaca Rossica*. 2014. № 2. С. 34–47 [Ladynin I. A., Timofeeva N. S. O. D. Berlev's Letters

to S. I. Hodjash in the Manuscripts Department of the Pushkin State Museum of Fine Arts. *Aegyptiaca Rossica*. 2014. No. 2. Pp. 34–47 (in Russian)].

Лурье И. М. *Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н. э. (памятники и исследования)*. Л.: Издательство Гос. Эрмитажа, 1960. — 354 с. [Lurie I. M. *Essays on Ancient Egyptian Law in the 16th–10th Centuries BC (Monuments and Research)*. Leningrad: State Hermitage Publ., 1960. — 354 p. (in Russian)].

Орехов Р. А. Е. С. Богословский: дополнительные штрихи к портрету мастера. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021a. № 3. С. 102–121 [Orekhov R. A. Eugeny S. Bogoslovsky: Additional Strokes to the Portrait of a Master. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2021a. No. 3. Pp. 102–121 (in Russian)].

Орехов Р. А. «Письма из старой конфетницы» (по архивным материалам Т. Н. Савельевой). *Восток (Oriens)*. 2021b. № 3. С. 231–248 [Orekhov R. A. “Letters from an Old Candy Bowl” (Based on Archival Materials by T. N. Savelieva). *Vostok (Oriens)*. 2021b. No. 3. Pp. 231–248 (in Russian)].

Пиотровский Б. Б. *Страницы моей жизни*. СПб: РАН, 1995. — 317 с. [Piotrovskii B. B. *Pages of My Life*. Saint Petersburg: RAN, 1995. — 317 p. (in Russian)].

Постовская Н. М. *Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.)*. М.: Академиздат, 1961. — 440 с. [Postovskaia N. M. *Studying the Ancient History of the Middle East in the Soviet Union (1917–1959)*. Moscow: Academizdat Publ., 1961. — 440 p. (in Russian)].

Badawi Ah. *Memphis als zweite Landeshauptstadt im Neuen Reich*. Le Caire: Imprimerie de L'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1948.

ЯПОНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ
КАТО ХИРОЮКИ
О ГОСУДАРСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ
JAPANESE THINKER KATO HIROYUKI'S
VIEWS ON STATE AND SOCIETY

© 2022 Елена Львовна Скворцова

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; squo0202@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9776-0847

Elena L. Skvortsova

DSc (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; squo0202@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9776-0847

Александр Леонидович Луцкий

кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; squo0202@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7202-9780

Alexander L. Lutsky

PhD (Philology), independent scholar, Moscow, Russia
squo0202@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7202-9780

Статья посвящена японскому мыслителю Като Хироюки, проанализированы взгляды ученого на государство и общество. Авторы подчеркивают, что Като был приверженцем социального эволюционизма и социал-дарвинизма, при этом постулируя необходимость социальной солидарности, в которой нашли отражение и такие традиционные национальные мировоззренческие установки, как идеи синтоизма и конфуцианства. Указывается, что проникновение западной просветительской идеологии в Японию совпало с воздействием на умы местной интеллигенции различных социально-эволюционных школ. Это демонстрирует пример Като Хироюки, плавно перешедшего от усвоения идей французского Просвещения к социальному эволюционизму. В статье делается вывод, что деятели японской социологической науки, в основном складывавшейся в недрах борьбы за «естественные права», были выходцами из умеренно консервативных слоев. С самого начала своего существования японская социология теснейшим образом была связана с правящими кругами страны, по сути, лишь выполняя правительственный социальный заказ.

Ключевые слова: Като Хироюки, Ниси Аманэ, японская социология, социальный эволюционизм, просветительство, неоконфуцианство, гуманизм, социал-дарвинизм, японский национализм

Для цитирования: Скворцова Е. Л., Луцкий А. Л. Японский мыслитель Като Хироюки о государстве и обществе. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 94–104. DOI: 10.18254/S268684310023716-5

The paper focuses on the legacy of the Japanese thinker Kato Hiroyuki. The views of the academics on the state and society are analyzed. The author emphasizes that Kato was an adherent of social evolutionism and social Darwinism while postulating the need for social solidarity, which also reflected such traditional national worldviews as the ideas of Shintoism and Confucianism. It is pointed out that the penetration of Western educational ideology into Japan coincided with the impact of various socio-evolutionary schools on the minds of the local intelligentsia. This is demonstrated by the example of Kato Hiroyuki, who smoothly moved from the assimilation of the ideas of the French Enlightenment to social evolutionism. The article concludes that the leaders of Japanese sociological science, which was mainly formed in the depths of the struggle for “natural rights”, came from moderately conservative strata. From the very beginning of its existence, Japanese sociology has been closely connected with the ruling circles of its country, in fact, simply fulfilling the government’s social order.

Keywords: Kato Hiroyuki, Nishi Amane, Japanese sociology, social evolutionism, enlightenment, neo-Confucianism, humanism, social Darwinism, Japanese nationalism

For citation: Skvortsova Elena L., Lutsky Alexander L. Japanese Thinker Kato Hiroyuki’s Views on State and Society. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 94–104. DOI: 10.18254/S268684310023716-5

Известный социолог, философ и государственный деятель, Като Хироюки (加藤弘之, 1836–1916) принадлежит к поколению японских мыслителей, которые первыми соприкоснулись с западной цивилизацией и приложили немало усилий для приобщения к ней своих соотечественников. Сам Като сыграл значительную роль в становлении и развитии японской социологической науки. Она зарождалась во

многом благодаря заимствованию европейских идей и теорий [Луцкий, Скворцова, 2010; Winston, 1996; Nussbaum, Käthe, 2005, p. 491], которые осваивались и истолковывались в тесной связи со специфическими особенностями японской культуры. Это продемонстрировали и теоретические выкладки Като, стремившегося соединить элементы конфуцианства с идеями западноевропейской философии.

В юношеские годы будущий социолог изучал военную науку Запада и голландский язык, затем поступил в правительственное учебное заведение Бансё сирабэсё¹, где его однокурсником был знаменитый впоследствии чиновник-просветитель, философ и социолог Ниси Аманэ (1829–1897). Здесь Като познакомился с европейскими трудами по философии, социальным наукам, этике, политике, юриспруденции. В условиях жестких феодальных социальных ограничений, господствовавших в Японии того времени, особое впечатление на него произвела теория естественного права и содержащиеся в ней идеи гуманизма. В 1861 г. Като Хироюки написал свое первое произведение «Тонаригуса» (Соседские ростки или записки соседа) [Като, 1972с, с. 309–327; Михайлова, 1991], где обосновывал тезис о необходимости введения в стране конституционной системы управления и превозносил преимущества парламентаризма. По цензурным соображениям автор не решился открыто выступить против сёгуната и выбрал в качестве объекта своего социального анализа не Японию, а цинский Китай.

В отличие от идеологов буржуазии на Западе, подходивших к вопросу о представительной системе правления с позиций теории общественного договора, японские сторонники идей парламентаризма следовали присущей общественной мысли Дальнего востока тенденции ставить интересы государства выше интересов отдельной личности. В парламенте они видели прежде всего средство гармонизации отношений императорской власти и «корней травы», т. е. народа, путем установления правильной социальной иерархии. А в целом — средство усиления государства.

Из «Соседских ростков (Записок соседа)» соотечественники Като впервые получили систематизированное представление о политическом устройстве европейских стран, узнали, как функционирует парламент, как проводятся

выборы и т. д. Однако мысль самого автора развивалась, по существу, в русле конфуцианской традиции, о чем ярко свидетельствуют его постоянные отсылки к «воле Неба» при описании действий А. Линкольна в период американской войны Севера и Юга. Тем не менее ученый, так же, как и его однокурсник Ниси Аманэ, вел постоянную работу, связанную с переводом на японский язык западноевропейских политических терминов, которые в ходе их усвоения японцами зачастую наполнялись конкретным содержанием восточных представлений. При этом для японского социолога главным было обозначить духовные, а не материальные факторы влияния на жизнь общества. Поиск духовной сущности государства, основывающейся прежде всего на особых связях между правителем и его подданными, является характерной чертой общественно-политической мысли Японии той поры.

Принято относить социолога к числу так называемых «просветителей от бюрократии» (*канрё гакуся*), поддерживавших официальную политику правительства. Он занимал ряд важных постов; в том числе был личным наставником императора Мэйдзи в «западных науках» и ректором Токийского университета (1881). Като принимал также участие в создании первых японских социологических журналов и был ярким представителем национально-патриотических консервативных кругов японского общества, стремившихся противопоставить умеренные конструктивные идеи деструктивной радикальной идеологии нарождающейся буржуазии.

Став чиновником, Като постепенно отходит от своих первоначальных взглядов. В «Автобиографии» он объясняет это следующим образом: «Если говорить о причине, в силу которой я изменил свои принципы, то это случилось, потому что, читая произведения большого знатока истории цивилизации Англии — Бокля² я впер-

1 Департамент изучения книг, Государственный научно-исследовательский и педагогический центр по изучению западных наук в Японии. Основан в 1857 г.

2 Бокль Г. Т. (1821–1862), английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии».

вые узнал, что так называемая абстрактная наука является абсурдом, и почувствовал, что если не основываться главным образом на естественных науках, то ничто невозможно всесторонне изучить. Поэтому я стал читать эволюционную теорию Дарвина, эволюционную философию Спенсера³, Геккеля⁴ и других, и мои взгляды на вселенную и человеческую природу совсем изменились» (цит. по: [Окубо, 1958, с. 56]).

На научное становление Като Хироюки оказал глубокое влияние автор концепции надклассовой социальной монархии Лоренц фон Штейн⁵. Кроме того, Като испытал духовное воздействие австрийского историка и этнографа Г. И. Бидермана (1831–1892) и польско-австрийского социолога Л. Гумпловича (1838–1909). Будучи сторонником социального эволюционизма, в качестве своей основной идеи Като Хироюки выдвинул идею национального суверенитета, заимствованную им преимущественно от немецких мыслителей (по мнению известного философа Тосаки Дзюна, японский социолог был последователем немецкого материализма [Тосака, 1982, с. 207]. Так, в 1872 г. ученый писал: «Государство есть как бы большой человек и как таковой должно быть независимым. Должно обладать всей полнотой мощи. Должно занимать наивысшее положение. И должно быть единственным. Должно обязательно иметь в своих руках суверенитет. Поэтому государство — суверенно. Право суверенитета не есть нечто, появившееся до образования государства. Оно не существует и вне государства. Не находится и над государством. Сила государства, его величие и заключены в этой суверенности. Поэтому право государства и есть право суверенитета в целом» (цит. по: [Конрад, 1978, с. 281]).

В важном теоретическом сочинении «Дзинкэн синрон» («Новая теория прав человека») Като Хироюки демонстрирует приверженность

социальному эволюционизму и социал-дарвинизму. По его мнению, права человека не являются прирожденными, но возникают в процессе развития человеческого общества. Ученый утверждает: «Необходимо признать, что наши права рождаются в тот момент, когда образуется государство, рождаются под эгидой сильнейшего, т. е. правителя, обладающего неограниченной верховной властью. Пока нет такого сильнейшего, обладающего неограниченной верховной властью, нет и государства; наши же права устанавливаются неограниченным правителем в тот момент, когда это неизбежно для того, чтобы достичь безопасности как всех вместе, так и каждого в отдельности» (цит. по: [Конрад, 1978, с. 282]). При этом Като постулировал необходимость социальной солидарности как связи людей между собой и императором (*мусуби*), имеющей как синтоистские, так и конфуцианские корни.

С политической точки зрения признание естественного права и требование конституционной системы правления, сформулированные Като Хироюки, были достаточно резки, но отказ от социологических тезисов, постулировавшихся им в ранних произведениях, прозвучал менее радикально. В работе «Кокутай синрон» («Новое учение о государственном теле», 1874), пронизанной идеями свободы и естественного права, японский социолог называл императора «сверхмудрым», «справедливым», «милосердным», и подчеркивал, что только он обладает «космической частицей дэ справедливого Неба или «высшей моралью» [Като, 1972а, с. 461–462]. Ученый отмечал наличие в обществе постоянной борьбы, по принципу «сильный подавляет слабого, высший держит в угнетении низшего» [Като, 1972б, с. 388]. Поэтому, по мнению Като, люди в государстве должны опираться на человека, обладающего харизмой дэ или «высшей

3 Спенсер Г. (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма.

4 Геккель Э. Г. (1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ. Автор терминов «питекантроп», «филогенез» и «онтогенез».

5 Лоренц фон Штейн (1815–1890) — немецкий философ-гегельянец, правовед, историк, экономист, советник японского правительства.

моралью», — т. е. на императора — и просить у него защиты. Здесь он с одной стороны, отдает дань конфуцианству с его идеей, что именно императоры обладают космической частицей *дэ*, с другой — интерпретирует собственно конфуцианство в социал-дарвинистском духе.

В принципе, Като разделял идею о том, что стремление к обладанию свободой относится к числу естественных потребностей человека. Однако проблему соотношения желаний одних индивидуумов с желаниями других он решал иначе, чем западные мыслители. По мнению японского социолога, создав государство, люди должны подчинить свое желание свободы контролю со стороны правительства как наиболее сильного актора, став его послушными подданными. Подобные идеи содержатся уже в ранней работе Като «Синсэй тайи» («Великий смысл истинного правления», 1870). Здесь он, в частности, пишет: «Людам свойственно утрачивать желания исполнять свои обязанности и уважать права других. Слишком легко они дают волю своему желанию неограниченной свободы. В результате сильный побеждает слабого, большой — малого, и, таким образом, этический путь цивилизованного общества исчезает. При исчезновении Пути никто не может достичь счастья и наслаждаться жизнью» [Като, 1928, с. 90].

Проникновение западной просветительской идеологии в Японию совпало с воздействием на умы образованных японцев того времени различных социально-эволюционных школ. В этом смысле характерен пример Като, плавно перешедшего от усвоения идей французского Просвещения к социальному эволюционизму. Ряд философов-просветителей Франции вслед за Гоббсом⁶ разделяли его положение, что возникновению любого общества предшествует «борьба всех против всех», в результате которой выживают наиболее приспособленные. К тако-

му мнению в итоге пришёл и Като Хироюки, создававший социально-эволюционную теорию в духе биоорганических и социал-дарвинистских концепций.

Для биоорганической школы характерны отождествление общества с организмом и стремление объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями. Представители этого направления, такие как А. Шеффле⁷ и П. Ф. Лилиенфельд⁸, полагали, что для того, чтобы общество стало предметом социологического изучения необходимо, чтобы в основании природных явлений и общественной деятельности лежали одни и те же общие законы; чтобы между проявлениями природы и человеческого общества существовала постоянная связь, доступная человеческому наблюдению и пониманию. Что касается социал-дарвинизма, то он провозгласил «борьбу за существование» основным фактором социальной жизни, механически перенеся на общество открытые Чарльзом Дарвином закономерности биологического развития.

Выше было отмечено, что на научные исследования Като Хироюки оказали влияние и социологические идеи Людвига Гумпловича. Как считал последний, социология является философской основой каждой социальной науки. Предметом социологии является исследование социальных групп и происходящие между ними взаимоотношения. Социальные группы трактуются Гумпловичем в духе экстремистского социального реализма. В частности, согласно разрабатываемой этим ученым теории этноцентризма, каждый народ считает себя центром земли, будучи убежденным, что занимает самое высокое место среди всех остальных народов, беспощадно борющихся между собой за социальное господство [Гумплович, 2017, с. 176–208]. Такая позиция нашла живой отклик у националистически-ориентированного Като.

6 Гоббс Т. (1588–1679) — английский мыслитель, один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета.

7 А. Шеффле (1831–1903) — немецкий и австрийский экономист и социолог.

8 П. Лилиенфельд (1829–1903) — российский ученый, социальный биоорганист.

Японский социолог рассматривал социальную эволюцию в качестве продолжения эволюции биологической. Общество выступает у него как часть природы, подчиненная ее всеобщим законам. При этом Като особо выделяет три главные противоречия, существующие в природе [Като, 1972а, с. 417; Jansen, 2000]. Первое состоит в том, что количество органических тел постоянно увеличивается, притом что количество естественных запасов земли остается прежним. Второе — это противоречие между постоянной потребностью животных в пище (которой являются либо сами животные, либо растения) и ее ограниченным количеством на земле. Третье — противоречие между изначальной склонностью организмов к развитию и их реальной способностью развивать свои силы. Следствием подобных противоречий, по мнению Като Хироюки, и выступает всеобщая борьба за существование, которую ученый описывает довольно выразительно: «Начинается взаимная борьба за развитие, сохранение и существование, когда более приспособленный давит на менее приспособленного. И это является законом вселенной. Космос похож на поле кровавой битвы, где выживает сильнейший» [Като, 1972а, с. 417].

Като Хироюки выделяет несколько форм борьбы за жизненное пространство: это борьба за выживание в органическом мире; борьба в общественном пространстве; борьба в рамках государств; борьба между государствами; борьба между группой (коллективом) и индивидуумом; борьба между отдельными индивидуумами. В частности, на это указывает известный исследователь эпохи Мэйдзи историк Цутида Кёсон (1891–1934) [Tsutida, 1927, p. 67–73].

Японский социолог, рассматривая борьбу за существование как основной фактор социальной жизни и сводя закономерности одного уровня реальности к другому, демонстрирует методологический принцип редукционизма, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым. Он видит истоки социального неравенства в биологической наслед-

ственности с одной стороны, и изменчивости человеческой природы, вызванной различными условиями развития индивидуумов, — с другой: «Благодаря наследственности и изменчивости существует различие между сильным и слабым» [Като, 1972а, с. 422].

Като создает собственную эволюционно-националистическую концепцию, в которой утверждает, что борьба наций исторически меняется и приобретает разнообразные формы. Он выделяет период варварства, ознаменовавшийся прямым уничтожением побежденных соперников; период средневековья, отмеченный постоянными столкновениями соперничающих группировок и, наконец, период утверждения христианства, провозгласившего принцип равенства между людьми и нациями, при этом попытавшегося затушевать бесконечную «борьбу всех против всех». По мнению японского социолога, под покровом христианской идеологии эта борьба наций и государств продолжается. В ходе поглощения сильными более слабых должно возникнуть самое мощное и крупное государство, призванное объединить всю вселенную. На роль такого государства может со временем претендовать Япония с императором во главе. Здесь ход мысли Като Хироюки перекликается с теорией перманентной борьбы Гумпловича. Однако, когда сочинения Като Хироюки были переведены на немецкий язык и с ними познакомился Гумплович, тот подверг резкой критике эволюционно-националистическую теорию Като, назвав его концепцию государства, объединяющего всю вселенную, «безосновательным продуктом воображения» [Като, 1928, с. 57].

Японский исследователь середины XX в. Окубо Тосиаки отмечает патерналистские идеи ученого: «Като представлял себе государственный строй Японии как семью, во главе которой стоит отец. Он толковал государство с позиций натурализма, как естественный организм. Поскольку император является духовным центром государства, его единым владыкой, то право управлять государством дано только императору

и не принадлежит ни государству, ни народу. По его мнению, государственный строй Японии, являющийся типичной формой правления по принципу «отец и семья», наиболее соответствует природным инстинктам японцев» [Окубо, 1958, с. 69]. Пытаясь совместить патернализм с эволюционной теорией, Като Хироюки подчеркивает, что борьба за выживание сильнейшего не подрывает основ императорской власти, стройной конструкции «верхов и низов». «Сильнейший человек, наделенный справедливостью и добром, может победить, — читаем в «Новой теории прав человека», — а слабый, потакающий злу и разрушению, попадает в подчинение к первому. Иными словами, борьба за выживание сильнейшего есть борьба добра и зла, борьба между мудрым и глупым» [Като, 1972а, с. 462]. Описывая проблемы борьбы за существование, Като Хироюки уточняет, что такая борьба идет между государствами, которые используют действия конкретных граждан, вынужденных защищать родину прежде всего из-за чувства самосохранения.

Исходя из идеи борьбы за существование, японский социолог рассматривает не только общество в целом, но и конкретно мораль, право и даже христианскую религию, которую критикует с позиций эволюционизма и национализма. Как отмечает историк Дайдо Ясудзиро, Като в работе «Критика иллюзорных представлений о вселенной» задаётся двумя фундаментальными вопросами: а) если космос подобен Богу, а Бог есть совершенство, то почему в мире существуют три вышеупомянутых противоречия? б) если человек христианин, то должен ли он, когда идет война с его отечеством защищать родину или отказаться от её защиты, следуя принципам христианской любви и всепрощения [Дайдо, 1908; Поспелов, 1974].

Последнее обстоятельство делает христианство, по мнению японского социолога, вредным учением. Показательна мысль Като, приведенная Дайдо Ясудзиро: «Государство с момента своего возникновения, является огромным живым организмом, третьей ступенью развития

живой природы. Его существование, как и существование растительного и животного мира, подчинено законам природы. Центральная нервная система есть главный и основной элемент жизнедеятельности организма. Когда же в государстве происходит разделение власти на политическую и религиозную, это ведёт к образованию двух, так сказать, центральных нервных систем. Таким образом, религиозная власть становится помехой в развитии живого организма государства» [Дайдо, 1908, с. 108; Като, 1899]. В данном высказывании ученого ощутимо влияние Г. Спенсера и его последователей, подобно Като, отождествлявших общество с живым организмом

Но если христианство Като полагал фактором, подрывающим основы государства и мешающим плодотворной общественной деятельности, то конфуцианство и синтоизм — моральные нормы которых канонизировались и вошли в плоть и кровь государственной власти Японии — он, наоборот, считал мощной консолидирующей силой. Такой же силой он полагал и японский буддизм, трактуемый в рамках концепции синто-буддийского синкретизма *хондзи-суйдзюку*, сформировавшейся к середине периода Хэйан (794–1185). Согласно этой концепции, японские синтоистские божества *ками* являются временными воплощениями (*суйдзюку*) многочисленных будд и бодхисаттв и извечного Будды (*хондзи*). *Ками* же, по мнению Като Хироюки, заслуживают почитания в качестве истинных родоначальников императорского дома [Като, 1972а, с. 445–446]. Последнее обстоятельство несомненно подчеркивает не просто националистический, но даже ультранационалистический характер воззрений Като [Табата, 1959, с. 150–168].

По оценке академика Н. И. Конрада, национализм Като Хироюки является «в известной степени» охранительным течением: «В известной степени потому, что в противоположность попыткам противопоставить “разрушительным” тенденциям сторонников европейского просвещения явно реакционные, старозаветные идеи

синтоизма он старался действовать орудием, созвучным новой эпохе, орудием европейского же просвещения. Иначе говоря, если он и был представителем охранительных тенденций, то в их модернизированном виде» [Конрад, 1978, с. 282].

Японские просветители хорошо понимали необходимость перестройки менталитета традиционного японца, насаждения духа предприимчивости, а, следовательно, и частичного разрушения феодальной морали. С этой целью они взяли на вооружение среди прочих идеи утилитаризма, рассматривавшего эгоистическую природу человека как стимул для развития буржуазного общества. Один из теоретиков модернизации Японии, испытавший сильное влияние утилитаризма и позитивизма, упоминавшийся выше Ниси Аманэ [Скворцова, Луцкий, 2018] предлагал попытку гармонизации восточных и западных мировоззренческих систем, в 1875 г. в своем небольшом по объему, но весьма значительном труде «Теория трех сокровищ человеческой жизни» (*Дзинсэй самбо сэцу*) [Ниси, 1972].

В названии работы использовано традиционное буддийское понятие *самбо* — «три сокровища», т. е. Будда, закон, монашество. В данном случае оно перекликается с постулируемым Ниси триединством главных сокровищ человеческой жизни — здоровьем, интеллектом и богатством. Эти сокровища следует тщательно хранить так же, как и «три сокровища» буддизма. При этом мыслитель апеллирует к учениям представителей различных буддийских традиций и Конфуция для обоснования западной теории и доказательства ее возможного применения в Японии. Свои «три сокровища» он противопоставил также конфуцианским ценностям покорности, унижения, почтительности, простодушия и свободы от скарденности. Под влиянием идей Дж. Ст. Милля, чью книгу «Утилитаризм» (*Ригаку*) Ниси перевел в 1877 г., японский просветитель предложил частично заместить группово-ориентированную японскую фео-

дальную мораль индивидуалистической этикой утилитаризма.

Как и Ниси Аманэ, Като Хироюки называет главной тенденцией человеческой жизни «эгоизм». Более того, по мнению историка и философа Цутиды Кёсона, понятие «эгоизма» Като выводит из развития всей вселенной [Tsutida, 1927, p. 42]. У Като концепция морали сливается воедино с его философско-социологической теорией, с социальным эволюционизмом. Согласно японскому социологу, все организмы стремятся к сохранению и развитию своей жизни; такое стремление есть «все исключаящая радикальная тенденция, или эгоизм» [Табата, 1959, с. 123]. Тем не менее Като Хироюки, различая понятия «общества» и «живого организма», утверждает, что в обществе существует не только эгоизм, но и альтруизм. Как отмечает историк Табата Синобу, герой нашей статьи выделял три вида альтруизма: эмоциональный, разумный и воспитательный, полагая, что каждый индивидуум и весь человеческий мир движутся от изоляции к ассоциации [Табата, 1959, с. 123].

Выдвигая положение о трех противоречиях и формах борьбы за существование, Като по-разному трактовал и эгоизм. Эгоизм в растительном и животном мире отличается от эгоизма в обществе тем, что последний включает в себя альтруизм. В частности, чувство чистой и бескорыстной любви к государству. А из-за того, что идет борьба за существование между государствами, существует и государственный эгоизм. Еще раз сошлемся на мнение Табаты Синобу, подчеркнувшего, что «теория эгоизма и эволюционизма Като Хироюки не была направлена против конфуцианского принципа *преданности и верности государству*» [Табата, 1959, с. 124]. Последнее характерно для всего японского просвещения. Несмотря на активное использование западных социальных концепций, японские ученые неизменно оставались верными идеям патриотизма. Идеи, считавшиеся на Западе противоположными, вполне мирно уживались в теоретических построениях японских мыслителей.

С другой стороны, западные философы предлагали классическую альтернативу — альтруизм либо эгоизм — как порождение антагонистического капиталистического общества с царящей в нем перманентной борьбой интересов различных индивидуумов и социальных групп. Такая альтернатива не принималась японскими социологами феодальной Японии, где каждый член общества был безраздельно подчинен этому обществу душой и телом. Насаждаемая сверху чжусианская мораль (чжусианство стало ортодоксальной линией неоконфуцианской мысли, поскольку оно хорошо оправдывало социальную иерархию, столь нужную государственной элите) практически сливалась с правом. Однако с приходом капитализма в Страну восходящего солнца проблема противостояния альтруизма и эгоизма начинает все больше занимать умы японских ученых [Jansen, 2000; Keene, 2005, p. 176–177]. Их разработки все больше начинают походить на западные, в частности, появляются концепции «разумного эгоизма», основанные на признании гармонии личных (но при этом разумных) и общественных целей.

Сам Като Хироюки работе «Новая теория прав человека» подверг резкой критике теорию «естественных прав», которой был привержен в начале своего творчества. Теперь она пропагандировалась идеологами «Движения за свободу и народные права» (*Дзию минкэн ундо*), состоявшего преимущественно из представителей либеральной буржуазии, левой интеллигенции и членов крестьянских общин. На протяжении 1874–1884 гг. движение выступало с лозунгами «естественных прав» человека, введения конституции и созыва парламента. Като критиковал идеи движения с позиций своей «эволюционно-националистической» теории — в рамках концепции о «трех главных противоречиях», о «формах борьбы за существование» и об «эгоизме». Согласно Като, право появляется только тогда, когда возникает государство и когда «самый приспособленный человек», которым является император, обладающий абсолютной властью, объединяет

подданных и учреждает право [Като, 1972а, с. 445–448]. По мнению японского социолога, люди должны отказаться от иллюзорных представлений о каких-либо правах и предоставить абсолютно все решать императору.

По мнению Табаты Синобу, исследователя творчества Като Хироюки, концепция японского ученого напоминает теорию абсолютного государства Т. Гоббса [Табата, 1959]. Схожесть взглядов на природу государства можно обнаружить, сравнивая, к примеру, трактовку Гоббса «борьбы всех против всех» в «естественном состоянии» и «борьбу за существование» у Като. Положение о подчинении народа «великой личности», выдвинутое Гоббсом, сходно с утверждением о необходимости всеобщего повиновения императору у Като. Однако если английский философ утверждал наличие «естественного состояния» и «права» как проявления ничем не ограниченного стремления индивидуума к личной выгоде и пользе [Гоббс, 1991], то японский социолог отвергал всякое существование прав до возникновения государства. Согласно Като, право утверждается только императором.

После выхода в свет «Новой теории прав человека» представители различных кругов японской интеллигенции выступили с критикой эволюционно-националистической концепции Като Хироюки. Этики критиковали его за теорию эгоизма, приверженцы христианства — за отрицательное отношение к этой религии, а просветители, сами опирающиеся на эволюционную теорию Г. Спенсера, — за неправильное, с их точки зрения, использование спенсеровских идей. Аргументы, выдвинутые против Като Хироюки, сводились к следующему: а) «природа» и «общество» являются не тождественными понятиями, между социальными и природными феноменами есть значительные различия; б) без верховенства «естественного права» в мире, где существует борьба за выживание сильнейшего, все бы методически уничтожили всех, а этого не произошло; в) «борьба за выживание сильнейшего» гарантируется одинаковыми правами каждого человека.

В это же самое время (70-е гг. XIX в.) независимые просветители-интеллектуалы-*дайя* занимались активной пропагандой западного образа жизни среди населения. Такие публикации-бестселлеры 1872 г., как «Призыв к знаниям» Фукудзавы Юкити и перевод «Самопомощи» шотландского писателя и реформатора С. Смайла, выполненный Накамуры Кэйю, призывали японцев проявлять больше личной инициативы как в деловой активности, так и в овладении передовыми идеями Запада. Они активно дискутировали, определяя такие новые понятия, как «свобода», «право», «суверенитет». Разумеется, независимые просветители занимали более радикальную позицию в отношении реформирования японского общества, чем просветители-бюрократы, но и они в итоге убедились в полезности конфуцианства как основы морального воспитания человека.

К числу просветителей-бюрократов *канрёгакуся*, являвшихся ответственными правительственными чиновниками, принадлежал, как указывалось выше, и Като Хироюки. Они справедливо полагали, что все нововведения в политической жизни страны должны соответствовать историческому и социокультурному контексту эпохи. Идеи «свободы» и «права», воспринятые быстро и некритично, считали они, не могут не поколебать устоев традиционной морали, ее ориентации на долг-ответственность, сыновнюю почтительность и самопожертвование. Потому трактовка социал-дарвинизма у Като Хироюки имеет очевидное целеполагание: укрепление государственных структур в рамках императорского правления, ограниченного парламентом.

Государство и императорская власть неслучайно трактуются им как победители в борьбе за существование. Сильная центральная власть выступает у него как добро в отношении своевольных подданных. По мнению Като, только она, подобно любящему отцу — строгому, но справедливому, способна внести искомую гармонию-*дзинва* в пеструю политическую жизнь реформируемой Японии.

В заключение отметим, что социологическая теория Като Хироюки прямо и непосредственно возникла из политической борьбы, разверну-

шейся вокруг вопроса о естественных правах. В Японии из естественного права выводили требование политических свобод, ведущих к конституционной системе правления. Японская социологическая наука складывалась именно в недрах борьбы за «естественные права», ее основателями стали Ниси Аманэ и Като Хироюки. Социологи Страны восходящего солнца эпохи Мэйдзи, в особенности Като, играли роль идеологов, представляющих умеренно консервативные слои японского общества. Фактически, с самого начала своего существования японская социология теснейшим образом была связана с правящими кругами своей страны, по сути, просто выполняя правительственный социальный заказ. Зародившись во многом благодаря заимствованию западноевропейских идей и теорий, эта наука вполне благополучно прижилась на почве национальной традиции, «подпитываясь» ее духовными установками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гоббс Т. Левиафан. *Избранные сочинения*. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. — 731 с. [Hobbes T. Leviathan. *Selected Works in 2 Vols*. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1999. — 731 p. (in Russian)].

Гумплович Л. *Основы социологии*. М.: Едиториал УРСС, 2017. — 366 с. [Gumplowich L. *The Principles of Sociology*. М.: Editorial URSS, 2017. — 366 p. (in Russian)].

Дайто Язудиро. *Нихон сякайгаку-но кэйсай. Кунин-но кайтакусятати (Из истории развития социологии в Японии. Жизнь и научная деятельность девяти японских социологов)*. Токио: Тикума сёбо, 1968. — 318 с. [Daito Yasujiro (1908). *Fragments from the History of Development of Sociology in Japan. Life and Academic Activity of Nine Japanese Sociologists*. Tokyo: Chikuma chobo, 1968. — 318 p. (in Japanese)].

Като Хироюки. *Гокотай то киристокё (Наша страна и христианство)*. Токио: Минэруба сёбо, 1899. — 359 с. [Kato Hiroyuki. *Our Country and Christianity*. Tokyo: Minerva chobo, 1899. — 359 p. (in Japanese)].

Като Хироюки. Дзинкэн синрон (Новое учение о правах человека). *Нихон-но мэйтё (Знаменитые произведения Японии)*. Т. 34. Токио: Гаккэн, 1972а. — 187-240 с. [Kato Hiroyuki. The New Theory of Human Rights. *Outstanding Works of Japan*. Tokyo: Gakken, 1972а. — 187-240 p. (in Japanese)].

Като Хироюки. Кокутай синрон (Новая теория государственного устройства). *Нихон-но мэйтё (Знаменитые произведения Японии)*. Т. 34. Токио: Тюокоронся, 1972b. — 176-204 с. [Kato Hiroyuki. The New Theory of State Order. *Outstanding Works of Japan*. Tokyo: Minerva chobo, 1972b. — 176-204 p. (in Japanese)].

Като Хироюки. Синсэй тайи (Великий смысл истинного правления). *Мэйдзи бунка дзэнсю (Полное собрание сочинений по культуре периода Мэйдзи)*. Т. 5. Токио, Тюокоронся, 1928. — 304 с. [Kato Hiroyuki. Great Meaning of Right Management. *Complete Writings on Culture, Meiji Period*. Vol. 5. Tokyo: Chuokoronsha, 1928. — 304 p. (in Japanese)].

Като Хироюки. Тонаригуса (Соседские ростки или записки соседа). *Нихон-но мэйтё (Знаменитые произведения Японии)*. Т. 34. Токио: Гаккэн, 1972с. — 309-327с. [Kato Hiroyuki (1972-w). Neighbour's Grass or Neighbour's Notes. *Outstanding Works of Japan*. Tokyo: Gakken, 1972. — 309-327 p. (in Japanese)].

Конрад Н. И. *Избранные труды. Литература и театр*. М.: Наука, 1978. — 462 с. [Konrad N. I. *Selected Works. Literature and Theatre*. М. Nauka, 1978. — 462 p. (in Russian)].

Луцкий А. Л., Сковрцова Е. Л. Предтечи и начала японской социологии. *Социологические исследования*. 2010. № 4. С. 122–129 [Lutsky A. L., Skvortsova E. L. Predecessors and the Beginning of Japanese Sociology. *Sociologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*. 2010. No. 4. Pp. 122–129 (in Russian)].

Михайлова Ю. Д. *Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в.)*. М.: Наука, 1991. — 216 с. [Mikhailova Yu. D. *Socio-Political Thought in Japan (60–80-s of the 19th Century)*. Moscow: Nauka, 1991. — 216 с. (in Russian)].

Ниси Аманэ. Дзинсэй самбо сэцу (Теория трех сокровищ человека). *Нихон-но мэйтё (Зна-*

менитые произведения Японии). Т. 34. Токио: Тюокоронся, 1972. С. 229–257 [Nishi Amane. Theory of Three Treasures of Human Life. *Outstanding Works of Japan*. Tokyo: Chuokoronsha, 1972. Pp. 229–257 (in Japanese)].

Окубо Тосиаки. Като Хироюки. *Современные японские мыслители*. Под ред. Сакисака Ицуро. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 359 с. [Okubo Toshiaki. Kato Hiroyuki. *Modern Japanese Thinkers*. Ed. by Sakisaka Itsuro. Moscow: Izdatelstvo Inostrannoi Literatury, 1958. — 359 p. (in Russian)].

Поспелов Б. В. *Очерки философии и социологии современной Японии*. М.: Наука, 1974. — 302 с. [Pospelov B. V. *Essays on Philosophy and Sociology of Contemporary Japan*. Moscow: Nauka, 1974. — 302 p. (in Russian)].

Скворцова Е. Л., Луцкий А. Л. О воззрениях японского просветителя Ниси Аманэ. *Вопросы философии*. 2018. № 3. С. 176–186 [Skvortsova E. L., Lutsky A. L. On the Views of the Japanese Enlightener Nishi Amane. *Voprosy Filosofii*. 2018. No. 3. Pp. 176–186 (in Russian)].

Табата Синобу. Като Хироюки. *Нихон рэкиси гаккай хэнсю (Сборник публикаций японского исторического общества)*. Токио: Ёсикава кобункан, 1959. — 230 с. [Tabata Shinoby. Kato Hiroyuki. *Collected Works of Japanese Historic Society*. Tokyo: Yoshikawa Kobunkan, 1959. — 230 p. (in Japanese)].

Тосака Дзюн. *Японская идеология*. М.: Прогресс, 1982. — 250 с. [Tosaka Jun. *Japanese Ideology*. Moscow: Progress, 1982. — 250 p. (in Russian)].

Jansen M. B. *The Making of Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. — 932 p.

Keene D. *Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912*. New York: Columbia University Press, 2005. — 957 p.

Nussbaum L.-F., Käthe R. *Japan Encyclopedia*. Cambridge: Harvard University Press, 2005. — 491 p.

Tsutida Kyoson. *Contemporary Philosophy of China and Japan*. New York: Knopf, 1927 — 239 p.

Winston D. *The Moral and Political Naturalism of Baron Katō Hiroyuki*. Berkeley, Calif.: Institute of East Asian Studies, 1996. — 125 p.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЕГИПЕТСКАЯ ЦАРИЦА Клеопатра в *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар ал-Мас'уди* (X в.)

LEGENDARY EGYPTIAN QUEEN CLEOPATRA IN
Murudj al-Dhahab wa Ma'adin al-Djawhar
by *al-Mas'udi* (10TH CENTURY)

© 2022 **Дмитрий Валентинович Миккульский**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
dmitrimikulski@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-3239-1670

Dimitry V. Mikulsky

DSc (History). Principal Research Fellow, Institute of
Oriental Studies, RAS, Moscow; dmitrimikulski@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-3239-1670

Царица Клеопатра (69–30 до н.э.) — последняя государыня (51–30 до н.э.) из династии Птолемеев. Эта династия правила Египтом в IV–I вв. до н. э. Еще в сочинениях античных авторов Клеопатра обрела известность как неотразимая и сладострастная красавица. Однако более всего оказалась она знаменита благодаря тому, что, не желая сделаться добычей первого римского императора Октавиана Августа (63 до н. э. – 14 н. э.; с 31 до н. э. — единоличный властитель Римского государства), мужественно покончила с собой при помощи укуса ядовитой змеи. Судьба египетской властительницы привлекала внимание многих деятелей европейской культуры в разные времена: на заре Нового времени, в эпоху романтизма и в двадцатом столетии. О Клеопатре (Калабатре) было известно и великому арабскому путешественнику, географу, историку и писателю-беллетристу ал-Мас'уди (ум. 956). В главном из дошедших до нас своих сочинений, «Золотых копиях и россыпях самоцветов», он поместил исполненный трагизма рассказ о гибели царственной красавицы. В версии, приводимой арабо-мусульманским автором, справедливость

торжествует: заслуженная кара поражает и жестокого Августа (Угустуса). Публикуя академический перевод рассказа о гибели египетской властительницы, мы надеемся, что он будет интересен как специалистам, так и широкому читателю. В качестве приложения приводится перевод жития Угустуса (Октавиана Августа), почерпнутого из того же труда ал-Мас'уди.

Ключевые слова: ал-Мас'уди, арабо-мусульманская историческая наука, средневековая арабская проза, царица Клеопатра, император Август, античное наследие в арабо-мусульманскую эпоху

Для цитирования: Микульский Д. В. Легендарная египетская царица Клеопатра в Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар ал-Мас'уди (X в.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 105–112. DOI: 10.18254/S268684310023721-1

Cleopatra (69–30 B. C.) is the last of the sovereigns (51–30 B. C.) of the Ptolemaic Dynasty, that was ruling Egypt in the 4th–1st centuries B. C. As early as in the writings of the authors of Antiquity, she acquired fame as an irresistible and voluptuous beauty. But most of all she became famous for having courageously put an end to her life through a bite of a poisonous snake, as she hated to fall prey to the first Roman Emperor Octavian August (63 B. C. – 14 A. D.; since 31 B. C. — the individual ruler of the Roman State). The fate of the Egyptian Queen was inspiring many European creators of culture in different eras: at the dawn of Modern Times, during the epoch of Romanticism and in the 20th century. The great Arab-Muslim traveler, geographer, historian and belletrist al-Mas'udi (d. 956) was informed about Cleopatra. He installed into his main surviving work “The Meadows of Gold and the Mines of Germs” the story of the death of the Royal Beauty, which bears a most tragic character. In the version of al-Mas'udi justice is triumphant, as cruel August (*Ughustus*) suffers due punishment. While publishing the academic translation of the story about the death of the Egyptian Queen the author of the present lines hopes that it would be interesting both for the academic experts and for the general reader. As a supplement the translation of the life of *Ughustus* (Octavian August) is attached, which is made on the basis of the same source.

Keywords: al-Mas'udi, Arab-Muslim science of history, Medieval Arabic prose, the Queen Cleopatra, the Emperor August, the legacy of Antiquity in the Arab-Muslim epoch

For citation: Mikulsky Dmitry V. Legendary Egyptian Queen Cleopatra in Murudj al-Dhahab wa Ma'adin al-Djawhar by al-Mas'udi (10th century). *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 105–112. DOI: 10.18254/S268684310023721-1

Египет находится в Африке и славится издавна пирамидами, сфинксами, разлитием Нила и царицей Клеопатрой.

Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»

Великий арабо-мусульманский путешественник, географ, историк и писатель-беллетрист Абу-л-Хасан 'Али б. ал-Хусайн ал-Мас'уди (ум. 956) знаменит, среди прочего, тем,

что писал не только о близкой и понятной ему и большинству его читателей арабо-мусульманской истории и культуре, но и проявлял значительный интерес как к древним, доисламским, цивилизациям и порожденным этими цивилизациями выдающимся людям, так и к современным ему немусульманским народам. Культуры и образ жизни таких людских сообществ порой коренным образом отличались от того, к чему были привычны подданные Халифата¹.

1 Об ал-Мас'уди и его интересе к немусульманским народам и их культурам см.: [Shboul, 1979]. В связи с этим см. также: [Бейлис, 2021].

Одна из самых запоминающихся персон древности, попавших в поле зрения ал-Мас'уди, — египетская царица Клеопатра (69–30 до н. э.). Образ этой роковой красавицы-царицы прочно укоренен и в западной, и в отечественной культуре (вспомним, среди прочего, «Египетские ночи» А. С. Пушкина)².

У ал-Мас'уди — Клеопатра (наш историк называет ее *Калабатра*) — мудрая, высокообразованная и гордая женщина. Не желая покориться ромейскому (римскому) царю *Угустусу* (императору Октавиану Августу)³, она убивает себя ядом змеи. Судьбе было угодно, чтобы и жестокий *Угустус* был наказан: он поражен параличом от яда змеи, с помощью которой непреклонная *Калабатра* свела счеты с жизнью, и вскоре также отдает Богу душу⁴.

Перевод рассказа о судьбе Клеопатры мы приводим по каирскому изданию главного из сохранившихся сочинений ал-Мас'уди, *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар* [Мурудж... 1973, т. 1, с. 304–307]. Сведения о деяниях знаменитой царицы помещены нашим историком в особом разделе, который он назвал *Зикру мулуки-л-йунанийин ва лума'ин мин ахбарихим ва ма калаху-н-насу фи бад'и ансабихим* («Упоминание о царях греков, о замечательном из известий о них и о том, что сказали люди о начале родословий их») [Мурудж... 1973, т. 1 с. 285–307]. Наш перевод мы сверили по перво-

му изданию «*Мурудж...*», осуществленному в Париже в 1861–1877⁵.

В качестве приложения к переводу рассказа о Клеопатре мы приводим перевод жития Августа. Этот перевод мы также осуществили по каирскому изданию «Золотых копей...», сверив по парижскому [Мурудж... 1973, т. 1, с. 309–310; Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 29–298].

Надеемся, что публикуемые материалы привлекут внимание как всех интересующихся арабо-мусульманской культурой, так и специалистов.

[ЖИТИЕ КАЛАБАТРЫ]

Потом воцарилась⁶ после него дочь его Калабатра⁷. Продолжалось царствование ее двадцать два года. Была она премудрой, занималась философией, приближала [к себе] ученых, почитала мудрецов⁸. Сочинила она книги по медицине, чародейству и иным [отраслям] премудрости. [Книги эти] явлены под именем ее, возведены к ней и известны среди знатоков врачебного искусства. Эта царица — последняя из греческих царей, а затем миновала власть их, прекратились дни их, исчезли следы их и подверглись забвению науки их, кроме того, что сохранилось в распоряжении их мудрецов.

[Связано] с этой царицей удивительное известие о смерти ее и о том, как убила она себя. Был у нее муж по имени Антунийус⁹ сотоварищ ее

2 Краткие сведения о египетской царице и ее образе в культуре см.: [Словарь античности, 1989, с. 270–271].

3 Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э.; единоличный правитель Римского государства с 31 до н. э.) — крупнейший римский государственный деятель; основатель Римской империи [Словарь античности, 1989, с. 8–9].

4 См. об этой истории: [Shboul, 1979, p. 114, 119].

5 [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 285–291]. Об этом издании см. [Микульский, 2006, с. 13]. Помимо того, известный французский арабист Ш. Пелла (1914–1992) подготовил и напечатал издание памятника, в котором учтены разночтения, имеющиеся в прочих печатных его изданиях [Mas'udi, 1966–1974]. Во время подготовки настоящей публикации издание Ш. Пелла было нам недоступно.

6 В [Мурудж... 1973, т. 1, с. 304]: *малакат*; в [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 285]: *малака*.

7 Имеется в виду отец Клеопатры Птолемей XII (или же XIII) Ноф (Незаконнорожденный), прозванный в народе Авлетом (Флейтистом; он правил 80–51 до н. э.). См.: [Любкер, 2005, с. 913]. Ал-Мас'уди называет его Батлимус ал-Хувал (Батлимус Пастушок). См.: [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 200]. Интересно отметить, что в тексте каирского издания памятника упоминание об этом государе отсутствует; он упомянут только в парижском издании [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 285].

8 В оригинале: *му'аззимат ли-л-хукама'*. Этот сегмент имеется только в каирском издании [Мурудж... 1973, т. 1, с. 304].

9 В парижском издании: *Афтунийус* [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 286]. Ясно, что Ш. Пелла, который осуществил научное издание «*Мурудж...*» исправил написание имени возлюбленного и супруга Клеопатры на Антонийус

в управлении Макдаванией¹⁰, и это Страна Египетская, что [охватывает] ал-Искандарийю¹¹ и иные [города]. И вот, двинулся на нее второй из царей ромеев¹², из стран Румии¹³, и это Угустус. Был он первым, кто назвался *Кайсаром*, и от него происходят *ал-Кайасира*, [бывшие] после него¹⁴. Приведем мы известие о нем в разделе о ромейских царях ниже этого места¹⁵. Были у него войны в Сирии и Египте с Калабатрой и мужем ее Антунийусом, пока не убил его [Угустус]. И не было у Калабаты способа отразить Угустуса, царя ромеев, от Царства Египетского. А хотел Угустус устроить уловку, [чтобы захватить Калабатру], ибо знал он о премудрости ее, и дабы поучиться у нее, так как была она последней из греческих мудрецов. Затем [полагал Угустус] после того убить ее¹⁶. Итак, отправил [Угустус] ей

послание, а она узнала о замысле его касательно себя и о том, что причинил он ей ущерб, убив супруга ее и воинов ее. Тогда потребовала она [доставить ей] змею, которая водится между ал-Хиджазом¹⁷ и Египтом. Это такая порода змей, что выслеживает человека. Когда же сумеет [змея] увидеть некую часть из частей [тела] его, прыгнет на [расстояние] многих локтей, [быстрая], словно ветер. Не промахнется она, [поражая] именно эту часть [тела], так что извергает на нее яд. Губит [такая змея человека], а он и не замечает ее, ибо тотчас же умирает. А [прочие] люди полагают, будто он умер скоростижно, от естественной причины.

Видел я разновидность подобных змей в землях Хузистана¹⁸, в области ал-Ахваза¹⁹, [на пути] того, кто устремляется в Фарс²⁰ из Басры²¹. Это

(см. [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 172]). Об историческом Марке Антонии (82–30 до н. э.) см.: [Словарь античности, 1989, с. 38].

- 10 Как отмечает Ш. Пелла, имеется в виду отнюдь не Македония, но та часть Египта, где находилась резиденция египетских царей-фараонов [Mas'udi, 1979, vol. VII, p. 698].
- 11 Ал-Искандарийя — арабское наименование знаменитого города Александрии Египетской, главного порта Египта. Александрия, основанная в IV в. до н. э., расположена на побережье Средиземного моря, в западном углу Дельты Нила [Labib, 1997].
- 12 Так в кайрском издании [Мурудж... 1973, т. 1, с. 304]: *ас-сани мин мулук ар-рум. Ар-рум* — наименование римлян и византийцев в арабо-мусульманской письменной традиции [El Cheich, 1995, vol. VIII]. В парижском издании: *...ас-сани мин мулук Румийа* (... «второй из царей Румии» [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 286]). Румийа — наименование города Рима в арабо-мусульманских географических и исторических трудах, в особенности, в восточной части арабо-мусульманского мира [Shboul, 1979].
- 13 В оригинале: *мин билад Румийа*. Этот пассаж имеется только в кайрском издании [Мурудж... 1973, т. 1, с. 304].
- 14 Наименование римских и византийских государей в арабо-мусульманской письменной традиции [Paret, 1997].
- 15 Комплекс материалов о римских и византийских государях содержится: в парижском издании [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 293–355]; об Угустусе (Августе) упомянуто на с. 296–298. В кайрском издании комплекс этих материалов см. [Мурудж... 1973, т. 1, с. 308–338]; об Угустусу (Августе) упомянуто на с. 309–310 того же издания.
- 16 В парижском издании: *...потом помучить ее и убить ее* [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 287].
- 17 Ал-Хиджаз — горная историческая область в западной части Аравийского полуострова, простирающаяся вдоль побережья Красного моря. В ал-Хиджазе расположены священные города ислама — Мекка и Медина [Rentz, 1986].
- 18 Хузистан (древняя Сузиана) — историческая область, расположенная на юго-западе современного Ирана [Savory, 1986].
- 19 Ал-Ахваз — древний город в иранской провинции Хузистан (Сузиана). Располагается на реке Карун. Был центром торговых путей. Вокруг ал-Ахваза располагались сахарные плантации. Пришел в упадок на значительный промежуток времени после восстания *зинджей*, чернокожих рабов, работавших на плантациях сахарного тростника (IX в.) [Lockhart, 1986].
- 20 Фарс — историческая область на юге Ирана, главным городом которой является Шираз. Фарс считается территорией, где зародился собственно персидский субэтнос [Lockhart, 1991].
- 21 Басра — город в Южном Ираке. Был основан ок. 635 г. как военный лагерь для арабских ополченцев, расселенных по племенному принципу. Играл важную роль в истории и культуре Халифата. Городище исторической Басры находится недалеко от нынешней деревни Зубайр [Yver, 1986].

место, известное как Хан Мардавайх²², между городом Даураком²³ в местности ал-Басйана²⁴ и ал-Фандама²⁵. [Обитают подобные змеи] в воде. Это змеи в пядь длиной²⁶ и называется там *ал-фитриййа*²⁷; она двухголовая, обретается в песке и во внутренности почвы. Когда почует она человека или иное живое существо, подпрыгнет с места своего на много локтей, ударится одной из своих двух голов в [какое-либо] место на [теле] того живого существа и тотчас же приведет его к потере жизни и небытию.

И вот, Калабатра, эта [самая] царица, послала [за пресмыкающейся], и доставили ей змею, из [тех, что] прежде были упомянуты, которые водятся в окраинных местностях ал-Хиджаза. Когда же был день, в который, как она знала, войдет Угустус во дворец царства ее, отдала она приказ одной из своих невольниц, которая желала умереть прежде [госпожи своей], дабы после [гибели] царицы не постигли ее мучения, и та взялась [рукой за змею, находившуюся] в сосуде, и немедленно утасла. После уселась Клеопатра-царица на престоле царствия своего. Водрузила она корону свою на голову свою, а на ней [самой] облачения ее и украшения царствия ее. Усеяла она покой свой и [пространство] перед престолом своим разнородными душистыми растениями, цветами, плодами и благовониями, из тех, что совокупно имеются в Египте, и прочим, о чем мы [прежде] упоминали. Сделала она распоряжения касательно потребных ей

дел и распустила свиту свою, [что пребывала] вокруг нее. [Служители же ее] занялись собою, [отвлекаясь] от царицы своей, ибо проглотили [помыслы] их враг их и пришествие его в обитель царства их.

[Царица] же поднесла руку свою к стеклянному сосуду, в котором находилась змея, приблизила руку свою ко рту ее. Тут извергла²⁸ змея [яд] на [руку], и [царица] тотчас же застыла²⁹. А змея отпрянула и выползла из сосуда. Не нашла она ни пространства, ни пути, куда отправиться, ибо покои те были всецело покрыты мрамором белым³⁰, а также мрамором [других цветов]³¹ и [окрашены различными] красками. Так что проникла [змея] в те душистые растения.

Вошел [во дворец] Угустус и достиг [того] покоя. Взглянул он на восседавшую [Клеопатру], а на главе ее корона, и не усомнился, что она способна держать речь. Приблизился [ромейский царь] к [Клеопатре], и тут стало ему ясно, что она мертва. Восхитился он теми душистыми растениями, протянул руку ко всем видам их, трогая [каждый из них] и рассматривая его³². Этим же восхищались и [сопровождавшие] его вельможи. Не ведал [Угустус] причины смерти [Калабаты] и печалился, что упустил ее, [и не довелось ему ею обладать].

И пока рассматривал и обонял [Угустус] те душистые растения, внезапно прыгнула на него та змея и извергла на него яд свой. Тут же иссохла правая половина [тела] его, покинуло

22 Хан Мардавайх — караванная стоянка в Хузистане, недалеко от Даурака (см. ниже) [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 300].

23 Даурак (Даурак ал-Фурс) — город в южной части Хузистана, недалеко от побережья Персидского залива [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 323].

24 Ал-Басйан — селение в Хузистане, недалеко от побережья Персидского залива [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 184].

25 Ал-Фандам — небольшой город с округой в южной части Хузистана [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 561].

26 В оригинале *шибриййа*.

27 В каирском издании приводится также вариант *ал-кабриййа* («могильная») [Мурдж... 1973, т. 1, с. 305, примеч. 5]. Возможно, *ал-фитриййа* означает «помещающаяся между распростертыми большим и указательным пальцами». См. [Ма'луф, 1956, с. 567].

28 В каирском издании: *нафалат* — «дала», «даровала», что мы переводим как «извергла»; в парижском издании: *накалат* — «перенесла».

29 В оригинале: *джаффат* — «засохла».

30 В оригинале: ... *би-рухам ва-л-мармар*. Парижские издатели переводят *ар-рухам* как белый мрамор [Maçoudi, 1861–1877, vol. II, p. 289].

31 В оригинале: *ал-мармар*.

32 В парижском издании: ... *ва йташаммамаху* — «... и вдыхая его аромат».

его зрение в правом [глазе], а также слух его [в правом ухе]. Тогда поразился [Угустус] деянию [Калабаты], тому, что убила она самое себя и что предпочла она смерть жизни в унижении, а также тому, что устроила она ему западню, посадив змею в душистые растения. Сказал он о том стихи по-ромейски, упоминая об обстоятельствах своих, о том, что постигло его и [рассказывая] повесть [Калабаты]. Пребывал он [живым] после того, что постигло его и о чем упомянули мы, [один] день и сгинул. И если бы змея [первоначально] не излила яд свой на невольницу, [а] после на Калабатру-Царицу, то сгинул бы Угустус тотчас же и не получил бы такой отсрочки. Стихи же те известны среди ромеев до нынешних времен. Произносят они [стихи, сочиненные Угустусом], когда оплакивают [умерших] и выражают [этими стихами] печаль свою по [скончавшимся] царям своим и [прочим] покойным своим. Порой приводят [ромей стихи эти] в песнях своих; [стихи Угустуса] знамениты, известны среди них.

Упомянули мы в предшествующих наших книгах жития тех царей, известия о них, войны, [которые] они [вели], странствования их по [различным] странам, известия о мудрецах их и о выработанных [этими мудрецами] суждениях и учениях, а [также] об убиении философов их, [равно как] и прочие их тайны и удивительные истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ [ЖИТИЕ УГУСТУС]

Потом царствовал после него³³ Угустус Кайсар, и он второй из царей [ромеев], пятьдесят шесть лет. Этот царь — первый из царей ромеев, который был назван Кайсаром, и он второй из царей их. Разъяснение [слова] *кайсар* — «он извлечен, то есть, вырезан из чего-либо». Дело в том, что мать его умерла, будучи беременна им, и разрезали чрево ее³⁴. Гордился царь этот во время свое, что не родили его женщины. Также и появлявшиеся после него ромейские цари, что происходили от детей его, гордились деянием этим и тем, что случилось с матерью их. Сделалось это [слово] прозванием приходивших к власти³⁵ после него ромейских царей. А Аллах лучше осведомлен.

Совершил царь этот военные походы³⁶ в Сирию, Египет и ал-Искандарийю и сверг оставшихся [там] царей ал-Искандарийи и Макдавании, и это Египет. Сообщали мы выше, что всякий царь, что правил Макдаванией и ал-Искандарийей, именуется Батлимус³⁷. Захватил этот царь (я имею в виду Угустуса³⁸) казнохранилища царей ал-Искандарийи и Макдавании и переправил их в Румию.

Были у него многочисленные войны по [всей] земле. Привели мы упоминание о них в предшествовавших наших книгах.

Поклонялся [Угустус] идолам. Построил он в Земле Ромейской города и устроил области.

33 Имеется в виду крупнейший римский военачальник, писатель и политический деятель, диктатор, Гай Юлий Цезарь (100–44 до н. э.). См.: [Словарь античности, 1989, с. 628–629]. В каирском издании *Мурудж аз-захаб...* его имя передано следующим образом: *Галус б. Кулийус Кайсар*.

34 Такое объяснение происхождения прозвания Цезарь (арабск. *Кайсар*) возникло еще в античную эпоху и было связано с одним из предков Гая Юлия Цезаря. См. [Транквилл Гай Светоний, 2000, с. 363]. Октавиан (впоследствии Август (Угустус у ал-Мас'уди) (63 до н. э. – 14 н. э.; единолично правил Римским государством с 31 до н. э.)) приходился Гаю Юлию Цезарю внучатым племянником, был им усыновлен и стал именоваться Гаем Юлием Цезарем Октавианом Августом. С тех пор прозвание Цезарь сделалось одним из элементов титулатуры римских императоров). См. [Словарь античности, 1989, с. 8–9; 628–629; 629–630].

35 В оригинале: *тара'*.

36 В оригинале: *газа*.

37 Имеется в виду династия Птолемеев, царей эллинистического Египта (IV–I вв. до н. э.). [Словарь античности, 1989, с. 469–470].

38 Таким образом ал-Мас'уди обозначает самого себя.

Были названы те города в его честь³⁹. Среди них — Кайсарийя⁴⁰. Также в Сирии, на побережье Палестины, [имеется] город Кайсарийя⁴¹.

Было рождество ал-Масиха 'Исы б. Марйам⁴², [да пребудет] с ним мир, и он — Йасу' ан-Насири⁴³, <...> на сорок втором году, прошедшем из [срока] царствования Кайсара Угустуса <...>.

Пребывал Угустус, и он — Кайсар, царем после рождества ал-Масиха четырнадцать с половиной лет. Была продолжительность царствования его над ромеями в Румии и во [время] всех его странствий пятьдесят шесть лет, согласно тому, что предпослали мы о смерти его и [о том, как] ужалила его змея в Макдавании, о [том, как] иссохла половина его [тела], и [как] покинули его слух и зрение, когда упомянули мы о деянии Калабатры с самой собою в главе, что прежде этой главы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бейлис В. М. Сочинения ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы X века. *Абу-л-Хасан ал-Мас'уди. Книга предупреждения и пересмотра*. Часть I. Перевод с арабского В. М. Бейлиса. Издание подготовили по материалам В. М. Бейлиса Т. М. Калинина, О. Б. Бубенок. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 7–172 [Beylis V. M. The Works by al-Mas'udi as a Source on the History of Eastern Europe of the 10th Century. In: *The Book of Admonition and Revision*. Part I. Translation from the Arabic by V. M. Beylis. The Edition Prepared on the Basis of Materials by V. M. Beylis by T. M. Kalinina and O. B. Bubenok. Second

Edition Revised and Complemented. Moscow: Dmitri Pozharski University, 2021. Pp. 7–172 (in Russian)].

Любкер Ф. *Иллюстрированный словарь античности*. Исправленное и дополненное издание. М.: ЭКСМО, 2005. — 1344 с. [Lübker Fr. *Illustrated Encyclopedical Dictionary of the Antiquity*. A Revised and Complemented Edition. Moscow: EKSMO. 2005. — 1344 p. (in Russian)].

Ма'луф Л. *Ал-Мунджид фи-л-луга ва-л-адаб ва-л-'улум*. Ат-Таб'а ал-джадида. Бейрут: Ал-Матба'а ал-касуликийя, 1956. — 567 с. [Ma'luf L. *Vocabulary al-Mundjid in Language, Literature and Sciences*. A New Edition. Beirut: Al-Matba'a al-Kathulikiyya, 1956. — 567 p. (in Arabic)].

Миккульский Д. В. *Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар»)*. X век. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. — 175 с. [Mikulsky D. V. *The Arab-Muslim Culture in the Work of al-Mas'udi "The Meadows of Gold and the Mines of Germs"* ("Murudj al-Dhabab wa Ma'adin al-Djawhar"). 10th Century. Moscow: Publishing House "Vostochnaya Literatura" of the RAS, 2006. — 175 p. (in Russian)].

Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар. Тасниф ар-раххала ал-кабир ва-л-му'аррих ал-джадилл Аби-л-Хасан 'Али б. ал-Хусайн б. 'Али ал-Мас'уди ал-мутаваффи фи 'ам 346 мин ал-хиджра. Би-тахкик Мухаммад Мухий-д-Дин 'Абд ал-Хамид 'аф-л-Лаху Та'ала 'анх. Дж. 1. Бейрут: Дар ал-фикр, 1973. (Репринт каирского издания 1958 г.). — 390 с. [Meadows of Gold and the Mines of Germs by al-Mas'udi. Edited by Muhammad Muhyi l'Din 'Abd al-Hamid. Vol. 1. Beirut. Dar al-Fikr (Reprint of the edition of Cairo 1958), 1973. — 390 p. (in Arabic)].

39 В оригинале: *нусибат тилка-л-мудуну илайхи*.

40 По мнению Ш. Пелла, имеется в виду Табарийя Табарийя (ат-Табарийя; Тивериада) — город в Палестине, на юго-западном берегу Тивериадского (Генисаретского) озера. Основан в 16 г. н. э. и назван в честь римского ипсатора Тиберия (Тиверия; 42 до н. э. — 37 н. э.). [Mas'udi, 1979, vol. VI, p. 588]. Об истории этого города, ныне находящегося на территории Израиля (носит название Теверь), см. [Lavergne, 2000].

41 Имеется в виду античный город Цезаря (арабск. *Кайсарийя*), развалины которого располагаются в 40 км к югу от Хайфы [Sharon, 1997].

42 Т. е. Иисус Христос. О понимании природы Спасителя мусульманами см. [Пиотровский, 1991].

43 Иными словами, Иисус Назарянин. Так именуют Спасителя арабские христиане.

Пиотровский М.Б. 'Иса. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 102–103. [Piotrovsky M. B. 'Isa. Islam. An Encyclopaedical Dictionary. Moscow: Nauka. Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury, 1991. Pp. 102–103. (in Russian)].

Словарь античности. Перевод с немецкого. М.: Прогресс, 1989. — 704 с. [An Encyclopaedical Dictionary on Antiquity. Translated from the German. Moscow: Progress, 1989. — 704 p. (in Russian)].

Транквилл Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима. М.: Научно-издательский центр «Ладомир» – АСТ, 2000. — 944 с. [Tranquillus Gaius Suetonius. The Lives of the Twelve Caesars. The Soverains of Rome. Moscow: Lodomir Publishing House – AST, 2000. — 944 p. (in Russian)].

ElCheich N. Rum. 1. In Arabic literature. *EI2* (The Encyclopaedia of Islam. New Edition). Vol. VIII. Leiden: Brill, 1995. Pp. 601–602.

Labib S. Al-Iskandariyya. *EI2*. Vol. IV. Leiden: Brill, 1997. Pp. 132–137.

Lavergne M. Tabariyya. *EI2*. Vol. X. Leiden: Brill, 2000. Pp. 18–19.

Lockhart L. Al-Ahwaz. *EI2*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: Brill, 1986. P. 305.

Lockhart L. Fars. *EI2*. Vol. II. Fourth Impression. Leiden: Brill, 1991. Pp. 811–812.

Maçoudi. *Les praires d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Vol. II. Paris: Societé Asiatique, 1861–1877. — 467 p.

Mas'udi. *Les praires d'or*. Édition Barbier de Meynard et Pavet de Courteille revue et corrigée par Charles Pellat. Vol. I–V. Publications de l'Université Libanaise. Section des études historiques. XI, 1966–1974. — 328+421+381+384+303 p.

Mas'udi. *Les praires d'or*. Édition Barbier de Meynard et Pavet de Courteille revue et corrigée par Charles Pellat. Publications de l'Université Libanaise. Section des études historiques. XI. Vol. VI–VII. Index généraux. Beyrouth, 1979. — 814 p.

Paret R. Kaysar (I). *EI2*. Vol. IV. Leiden: Brill, 1997. P. 839.

Rentz G. Al-Hidjaz. *EI2*. Vol. III. Leiden: Brill, 1986. Pp. 362–364.

Savory R. M. Khuzistan. *EI2*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: Brill, 1986. Pp. 80–81.

Sharon M. Kaysariyya, Kaysariyya. *EI2*. Vol. IV. Leiden: Brill, 1997. P. 841.

Shboul Ahmad M. H. *Al-Mas'udi and his World: a Muslim Humanist and his Interest in Non-Muslims*. London: Ithaca Press, 1979. — 368 p.

Traini R. Rumiya. *EI2*. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1995. Pp. 612–613.

Yver G. Al-Basra. *EI2*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: Brill, 1986. Pp. 1085–1088.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИМПЕРИИ Лю-Сун (420-479 гг.)

HISTORIOGRAPHY OF THE LIU SONG EMPIRE (420-479 AD)

© 2022 **Владислав Дмитриевич Прасс**

Студент 4-го курса бакалавриата ИСАА МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; vprass@icloud.com
ORCID ID: 0000-0002-9715-0341

Vladislav D. Prass

Forth-Year Student, Institute of Asian and African Studies
(IAAS), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
vprass@icloud.com; ORCID ID: 0000-0002-9715-0341

Империя Лю-Сун — первое из южнокитайских государств эпохи Южных и Северных династий. Несмотря на свою недолговечность (она просуществовала всего 59 лет), Лю-Сун ознаменовала собой начало новой эпохи в развитии Китая, отмеченной переходом к военно-авторитарной диктатуре и возвышением «новой знати». Однако, несмотря на важность, история Лю-Сун, как и всего «смутного времени» III–VI вв., остается сравнительно мало изученной в синологии. В настоящей статье рассматриваются основные источники по истории государства Лю-Сун и даётся краткая характеристика каждому из них.

Ключевые слова: Китай, Шесть династий, Южные и Северные династии, Лю-Сун, Сун шу
Для цитирования: Прасс В. Д. Историография империи Лю-Сун (420-479 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 113–122. DOI: 10.18254/S268684310023722-2

The Liu Song empire was the first South Chinese state during the Northern and Southern Dynasties period. Although it existed for just 59 years, the Liu Song, with a shift to authoritarian military rule and a rise to power of the “new nobility”, marked the beginning of a new era in Chinese history. Nevertheless, despite its importance, the Liu Song, as well as the period of 3rd to 6th centuries in general,

remains relatively unstudied by sinologists. This article is an attempt to consider and briefly describe the main sources about the Liu Song.

Keywords: China, Six Dynasties, Northern and Southern dynasties, Liu Song, Song shu

For citation: Prass Vladislav D. Historiography of the Liu Song Empire (420-479 AD). *Oriental Courier*. 2022. No. 3 Pp. 113–122. DOI: 10.18254/S268684310023722-2

Период III–VI вв. — от падения империи Хань (漢) до нового объединения Китая империей Суй (隋), — в китайской историографии получивший название эпохи Шести династий (六朝 *лючао*), относится к наименее изученным в истории Китая. На это указывали еще авторы монографии «Китайский этнос на пороге средних веков» (1979), предполагая, что причиной тому может быть традиционное отношение к этой эпохе как к «смутному времени», периоду распада государства и упадка культуры. М. В. Крюков, В. В. Малявин и М. В. Софронов, однако, полемизируют с традиционным взглядом, указывая, что III–VI вв. — «эпоха всестороннего подъема интеллектуальной жизни древних китайцев», отмеченная многочисленными достижениями в самых разных сферах [Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 6–7].

Империя Лю-Сун (劉宋)¹, существовавшая в 420–479 гг., — первое из южнокитайских государств эпохи Южных и Северных династий (南北朝 *Нань-бэй чао*, 420–589 гг.). Просуществовав чуть более полувека (за свою недолговечность южнокитайские государства этого периода, история которых во многом схожа, даже получили название «карликовых династий» [*История Китая*, 2014, с. 143]), она, тем не менее, ознаменовала начало «качественно новой стадии развития общественно-политической системы китайского общества», когда на смену традиционному монархическому устройству фактически пришли «военно-авторитарные диктатуры». В социальной сфере это проявилось в беспрецедентной мобильности и возвышении

«новой знати», пришедшей на смену утратившей влияние старой аристократии [*История Китая*, 2014, с. 143–144]. Все эти обстоятельства определяют важность империи Лю-Сун в средневековой истории Китая и, соответственно, важность ее исследования.

Основными источниками по истории империи Лю-Сун являются «Сун шу» (宋書 — «Книга Сун») и «Нань ши» (南史 — «История Юга» или «История Южных [династий]»). Кроме того, сведения о Лю-Сун можно найти в «Цзы чжи тун цзянь» (資治通鑑 — «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее», также сокр. 通鑑 *Тун цзянь* — «Всепроницающее зеркало») — обобщающем труде по китайской истории с V в. до н. э. по X в. н. э., а также его краткой версии «Цзы чжи тун цзянь ган му» (資治通鑑綱目 — «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» в сжатом изложении и с комментариями, сокр. 通鑑綱目 *Тун цзянь ган му*). Далее все эти источники будут рассмотрены подробнее.

«Сун шу» была составлена выдающимся китайским государственным деятелем и литератором Шэнь Юэ (沈約, 441–513; *Илл. 1*) всего за шесть с небольшим лет — с 487 по 492–493 гг. [Алимов, Кравцова, 2014, с. 67]; американский синолог Ричард Матер (Richard Burroughs Mather, 1913–2014), автор книги «Поэт Шэнь Юэ» (*The Poet Shen Yüeh (441–513): The Reticent Marquis*, 1988), впрочем, отмечает, что идея написания истории Сун, скорее всего, возникла у Шэнь Юэ еще до 487 г., когда он получил соответствующий императорский указ, так что к тому времени у него уже могли быть какие-то черновики [Mather, 1988, p. 26].

1 По-китайски также называется «Нань чао Сун» (南朝宋 — «Сун из Южных династий») и «Цянь Сун» (前宋 — «Ранняя Сун»).

Илл. 1. Шэнь Юэ (沈約)

По: URL: <https://baike.baidu.com/item/沈約/2188999?fr=aladdin> (accessed 08.11.2022)

Fig. 1 Shen Yue (沈約)

Source: URL: <https://baike.baidu.com/item/沈約/2188999?fr=aladdin> (accessed 08.11.2022)

Несмотря на то, что в «Сун шу» описываются события, охватывающие менее века — с начала постепенного возвышения полководца Лю Юя (劉裕, 363-422; будущий первый император Лю-Сун — У-ди 宋武帝; Илл. 2) в 405 г. до падения Лю-Сун в 479 г. [Сухов, 2009, с. 602], — «Сун шу», как отмечено в томе 3 «Истории Китая» «Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907)» (2014), по объему, масштабности замысла и фактологической насыщенности практически не уступает «стандартным историям» о Хань — «Хань шу» (漢書) и «Хоу Хань шу» (後漢書) [История Китая, 2014, с. 20].

Хотя «История Китая» называет «Сун шу» «авторским сочинением Шэнь Юэ» [История Китая, 2014, с. 20], было бы неверно считать ее результатом труда одного лишь Шэня: как пишет Р. Матер, сбор материала для будущей династийной истории начался еще при Лю-Сун. Соратник первого государя Лю-Сун, государст-

Илл. 2. Лю Юй (劉裕)

По: [История Китая, 2014, с. 122]

Fig 2. Liu Yu (劉裕)

Source: [History of China, 2014, p. 122]

венный деятель и ученый Хэ Чэнтянь (何承天, 370-447), с 433 г. до своей смерти написал черновые версии первых глав «Основных записей», а также биографии добродетельных чиновников, служивших при императоре У-ди. Кроме того, Хэ Чэнтяню приписывается авторство трактатов «Об астрономии» и «О музыкальных канонах и календаре». После смерти Хэ его дело продолжил Шань Цяньчжи (山謙之, ??~454), а после его смерти — Су Баошэн (蘇寶生), который довел записи до конца эры Юаньцзя (元嘉, 424-453 гг.), прежде, чем пал жертвой репрессий, развернутых императором Сяоу-ди (孝武帝, правил в 454-464 гг.). В конце концов, в 462 г. задача по сведению воедино всех разрозненных и запутанных записей была поручена Сюй Юаню (徐愛, 394-475), который сумел до своей смерти в 475 г. составить единую историю до 464 г. Смута, связанная с падением Сун и возвышением новой империи Ци, временно остановила работу по составлению династийной истории,

пока в 487 г. император У-ди не поручил это Шэнь Юэ [Mather, 1988, p. 26-27].

По структуре «Сун шу» состоит из 100 *цзюаней* (卷), объединенных в 3 раздела: «Основные записи» (или «Анналы»; 本紀 *бэньцзи*) — *цзюани* 1-10, «Трактаты» (志 *чжи*) — *цзюани* 11-40 и «Жизнеописания» (или «Биографии»; 列傳 *лечжуань*) — *цзюани* 41-100 [Сун шу, 2018].

В «Основных записях» описываются главные события и деяния императоров, а также «приводятся докладные и объяснительные записки (*цзоуи*) того времени, описаны порядок приглашения чиновников на должность и атрибуты ритуала (*шу ли*)» [Сухов, 2009, с. 602].

Второй раздел составляют восемь трактатов, представляющих особую ценность и «полнокровно освещающих религиозно-идеологическую и творческую жизнь Китая не только времени правления Лю-Сун, но и предшествующих времен» [Алимов, Кравцова, 2014, с. 67]: «О музыкальных канонах и календаре» (или «О музыкальных звуках и календаре»; 律曆 *люй ли*), «О ритуале» (禮 *ли*), «О музыке» (樂 *юэ*), «Об астрономии» (天文 *тяньвэнь*), «О благих знамениях» (符瑞 *фу жуй*), «О пяти первоэлементах» (五行 *у син*), «Об округах и областях» (州郡 *чжоу цзюнь*) и «О чиновниках» (百官 *бай гуань*) [Сун шу, 2018]. Как отмечено в «Истории Китая», «особый интерес представляют трактаты (восемь сочинений), в первую очередь “Люй ли чжи” (“Трактат о музыкальных звуках и календаре”), “Трактат о музыке” и “Фу жуй чжи” (“Трактат о благих знамениях”). В первом кратко изложена история китайской календарной традиции и полностью приведены три календаря, составленные в 237, 433 и 462 гг. Основная часть “Трактата о музыке” посвящена не культовым произведениям, а песенно-поэтическому творчеству (так называемые *юэфу*), включая древние, эпохи Хань, анонимные образцы песенного фольклора, а также авторские подражания им. В трактате не только собрана самая полная для того времени коллекция текстов, но и предложена авторская типология данной поэтической традиции, оказавшая

большое влияние на последующие китайские литературные теории. Все это делает указанную главу одним из важнейших литературно-теоретических сочинений. “Фу жуй чжи” тоже принадлежит к числу по-своему уникальных сочинений, в нем подробно говорится о знамениях, но исключительно благих (*жуи*), притом относящихся не к астрономическим явлениям, а приуроченных к событиям в природе и обществе. Этот трактат, равно как и другие сочинения из “Сун шу” на религиозно-ритуальные темы, по хронологическим параметрам немногим выходит за рамки существования династии Лю-Сун. В них говорится о соответствующих событиях начиная с древних времен, делается попытка проследить истоки многих ритуалов и обрядовых практик, поясняются их общие символические значения и особенности сценария» [История Китая, 2014, с. 20-21].

М. В. Сухов, автор статьи о «Сун шу» в энциклопедии «Духовная культура Китая», отмечает отсутствие в тексте памятника «обычных для династийных историй трактатов о продовольствии и товарах (*ши хо*) и литературно-библиографического трактата (*и вэнь чжи*)» [Сухов, 2009, с. 603].

В третьем разделе “Жизнеописания” представлены биографии более 420 исторических лиц. Завершают его главы о чужеземных народностях и царствах, включая эпизоды взаимоотношений южнокитайских династий с государством племени тоба — Северное Вэй. Используя работы предшествующих ученых, Шэнь Юэ не просто должным образом использовал имевшиеся материалы, но и самостоятельно воссоздавал политические события 464-479 гг., которым он был свидетелем, а порой и участвовал в них. Его переживания придают повествованию определенный психологизм, который, в свою очередь, обусловил художественные достоинства “Сун шу”. Многие жизнеописания обладают признаками повествовательной прозы: в них отчетливо прослеживается сюжетная линия, развивающаяся по принципу зачин-экспозиция-кульминация-развязка. Нередко присутствуют

“детективные” элементы, которые придают повествованию дополнительную интригу. Для того чтобы полнее и достовернее раскрыть облик главного героя, использованы различные приемы, включая изложение эпизодов его отношений с второстепенными персонажами, насыщение текста монологами, диалогами, цитатами из авторских сочинений — писем, докладов трону и пр. В результате читатель может лучше понять отношение историка к данному лицу» [История Китая, 2014, с. 21]. Завершаются этот раздел и вся «Сун шу» описанием истории рода Шэнь и автобиографией Шэнь Юэ [Сун шу, 2018, с. 2681-2711].

Как отмечают современные отечественные китаисты И. А. Алимов и М. Е. Кравцова, «использовав многочисленные предшествующие источники... Шэнь Юэ избежал их компиляции и создал целостное, объединенное авторской концепцией, повествование. Принципиально важно, что он был свидетелем (в детские и юношеские годы) и непосредственным участником многих историко-политических коллизий второй половины периода властвования Лю-Сун. Личные впечатления и переживания придают повествованию определенный психологизм, особенно заметный в жизнеописаниях, достойных считаться полноценными литературно-художественными произведениями...» [Алимов, Кравцова, 2014, с. 67].

Вскоре, однако, именно сильное авторское эмоциональное начало, нехарактерное для жанра *чжэньши* (正史 — «стандартной истории»), и стилистические изыски стали считать недостатками труда Шэнь Юэ [История Китая, 2014, с. 21]. Так, Р. Матер приводит мнение танского историка, автора трактата «Общие положения истории» (史通 *Шитун*) Лю Чжицзи (劉知幾, 661-721), который критиковал Шэнь Юэ наряду с другими авторами исторических сочинений, которые «уделяли меньше внимания содержанию, нежели литературному стилю» [Mather, 1988, p. 28].

Завершая описание «Сун шу», стоит сказать о важности памятника как исторического источ-

ника. М. В. Сухов пишет: «“Сун шу” является ценным источником информации о периоде III—V вв., когда на фоне сложной политической обстановки наблюдался кризис в культурной сфере, и, в частности, в историографической науке. Составителем была предпринята попытка отразить положение дел в общественно-политической, экономической и культурной жизни того времени. Однако ввиду того, что Шэнь Юэ служил историографом при трех династиях (Сун, Ци и Лян), его описание политических явлений, сопутствующих смене династий, отражающее их официальные трактовки, зачастую не является достоверным» [Сухов, 2009, с. 603].

По мнению авторов «Истории Китая», «какие бы претензии ни предъявляли к “Сун шу” она, безусловно, остается первоочередным источником по политической и духовной жизни Китая V в. и одновременно выдающимся историографическим памятником, который оказал определенное влияние на дальнейшее развитие китайской историографии. Показательны ее явные содержательные и композиционные совпадения с “Цзинь шу”» [История Китая, 2014, с. 21].

В связи с этим представляется, что перевод «Сун шу» на русский язык (в данный момент такой перевод отсутствует, как и полный английский перевод) мог бы внести немалый вклад в изучение раннесредневековой истории Китая.

Второй источник по истории империи Лю-Сун — «Нань ши», написанная, как и «Бэй ши» (北史 — «История Севера» или «История Северных [династий]»), в VII в. танским придворным и ученым Ли Яньшоу (李延壽, 618?–678?; *Илл.* 3) «для компенсации лакун, имевшихся, по мнению историков того времени, в остальных образцовых историях о Лючао...» [Алимов, Кравцова, 2014, с. 65].

Хотя «Нань ши» традиционно считается сочинением Ли Яньшоу, работу по составлению сводной истории всех Южных и Северных династий начал еще его отец Ли Даши (李大師, 570–628). После смерти последнего в 628 г. труд продолжил его сын Ли Яньшоу. Он завершил

Илл. 3. Ли Яньшоу (李延壽)

По: [История Китая, 2014, с. 24]

Fig. 3. Li Yanshou (李延壽)

Source: [History of China, 2014, p. 24]

работу отца и разделил ее на два сочинения (собственно, «Нань ши» и «Бэй ши»). В 659 г., после редакции Линху Дэфэня (令狐德棻, 583–666), обе истории были представлены императору [Strange, Hruby, 2015, p. 209–210].

«Нань ши» уступает по объему «Сун шу» (80 *цзюаней* против 100), кроме того, в отличие от последней, она состоит только из 2 разделов: «Основные записи» (10 *цзюаней*) и «Жизнеописание» (70 *цзюаней*) [Нань ши, 1975]. В отличие от «Сун шу» и династийных историй о других южнокитайских империях, «Нань ши» описывает все государства, существовавшие в Южном Китае с 420 по 589 гг., в число которых, помимо Лю-Сун, также входят Южная Ци (南齊, 479–502 гг.), Южная Лян (南梁, 502–557 гг.) и Чэнь (陳, 557–589 гг.). Империи Сун и ее выдающимся деятелям посвящены *цзюани* 1–3 (раздел «Основные записи»), 13–40 («Жизнеописания»), а также частично *цзюань* 11, повествующий об императрицах и наложницах двух первых южных империй — Сун и Ци [Strange, Hruby, 2015, p. 209].

По содержанию, как пишут И. А. Алимов и М. Е. Кравцова, ««Нань ши» и «Бэй ши» во многом повторяют разделы жизнеописаний из *чжэньши* о каждой из Южных и Северных династий... но в них более четко, чем там, выделен круг «южной» и «северной» знати, и их жизнео-

писания распределены так, что вырисовывается история и политическая роль каждого клана» [Алимов, Кравцова, 2014, с. 65]. Кроме того, современные исследователи Марк Стрейндж (Mark Strange) и Якуб Грубый (Jakub Hruby) отмечают, что Ли Яньшоу опирался не только на официальные истории, но и на частные (семейные) истории — *цзаши* (雜史), чем объясняется, в частности, присутствие в его труде жизнеописаний, которых нет в официальных историях [Strange, Hruby, 2015, p. 211].

Как пишут М. Стрейндж и Я. Грубый, «несмотря на заявленное Ли Даши стремление уделить равное внимание исследованию северо- и южнокитайских государств...» северное происхождение рода Ли дает о себе знать и в «Нань ши», и в «Бэй ши». Показательна длина каждой из историй: 80 *цзюаней* в «Нань ши» против 100 в «Бэй ши». Отчасти это объясняется хронологическими рамками: «Нань ши» покрывает 170 лет, а «Бэй ши» — 233 года. Однако есть и различия в деталях... Чжан Жуюй (章如愚, получил степень *цзиньши* в 1196) привел различие между четким фокусом на Северных династиях в записях Ли Яньшоу и более поверхностным освещением истории Юга... Кроме того, в тексте «Нань ши» время от времени возникает отрицательный образ южнокитайских государств» [Strange, Hruby, 2015, p. 210–211].

Илл. 4. **Сыма Гуан** (司馬光)

По: [История Китая, 2014, с. 28]

Fig. 4. **Sima Guang** (司馬光)

Source: [History of China, 2014, p. 28]

«Нань ши» неоднократно переводилась на современный китайский и японский языки. На европейские языки переводились лишь отдельные краткие фрагменты, все из которых меньше одного *цзюаня* [Strange, Hruby, 2015, p. 216].

Помимо «Сун шу» и «Нань ши», другим важнейшим источником является «Цзы чжи тун цзянь» — труд, созданный в 1066–1085 гг. коллективом авторов под руководством выдающегося ученого и государственного деятеля эпохи Сун Сыма Гуана (司馬光, 1019–1086; Илл. 4) [История Китая, 2014, с. 28]. Сочинение, насчитывающее 294 *цзюаня* и более 3 млн. иероглифов, охватывает почти 14 веков китайской истории: с 403 г. до н. э. по январь 960 г. [Смолин, 2009 (а), с. 706]. В отличие от *чжэньши*, авторы «Тун цзянь» решили вести повествование в своем труде исключительно по хронологическому принципу, что, как отмечают авторы «Истории Китая», позволило им «объединить исторические события в единую систему и определить магистральные историко-политические процессы» [История Китая, 2014, с. 29]. При этом трактовки тех или иных событий нередко расходятся с представленными в «стандартных историях» [История Китая, 2014, с. 29].

При создании «Тун цзянь» авторы использовали в качестве источников более 300 (по различным версиям, от 301 до 359) рукописных и

ксилографических книг общим объемом около 7 тыс. *цзюаней* (более 50 млн. иероглифов). Беспрецедентно и многообразие источников — от государственной документации, биографических и генеалогических материалов, собственно исторической литературы, трудов по исторической и астрономической хронологии до произведений древних и средневековых мыслителей, а также художественной прозы и поэзии. Примечательно также, что по численности преобладают источники неофициальные [Смолин, 2009 (а), с. 706–707].

Из 294 *цзюаней* памятника «смутному времени» III–VI вв. посвящены 111 [История Китая, 2014, с. 29], 16 из которых (со 119 по 134) описывают историю Лю-Сун [Цзы чжи тун цзянь, 2006].

В Китае «Цзы чжи тун цзянь» многократно переиздавалась, в том числе в переводе на *байхуа* [Смолин, 2009 (а), с. 708]. Полного русского перевода «Тун цзянь» нет, как и полного английского перевода. Переводы на английский язык нескольких глав были выполнены Рейфом де Креспиньи (Richard Rafe Champion de Crespigny) и Фан Чжитунем (方志淵, 1910–1995).

С «Цзы чжи тун цзянь» связан и последний источник, «Цзы чжи тун цзянь ган му» — законченное в 1172 г. сочинение основоположни-

Илл. 5. Чжу Си (朱熹)

По: [История Китая, 2016, с. 462]

Fig. 5. Zhu Xi (朱熹)

Source: [History of China, 2016, p. 462]

ка сунского неоконфуцианства Чжу Си (朱熹, 1130–1200; Илл. 5) и его учеников. Хотя «Тун цзянь ган му» основано на созданном почти веком ранее «Цзы чжи тун цзянь», было бы неверно считать его просто сокращенной (59 цзюаней с предисловием) версией труда Сыма Гуана и его коллег: главная особенность «Тун цзянь ган му» в том, что оценки всем историческим событиям даны в соответствии с учением Чжу Си, которому и принадлежит авторство предисловия [Смолин, 2009 (b), с. 709].

История империи Лю-Сун в «Тун цзянь ган му» описывается в цзюанях 24–27².

Г. Я. Смолин, автор статей о «Цзы чжи тун цзянь» и «Цзы чжи тун цзянь ган му» в «Духовной культуре Китая» отмечает, что, хотя последнее намного уступает «Тун цзянь» «по уровню познавательно-исторической информативности», идеологическая ценность «Тун цзянь ган му» определила популярность, которую оно приобрело после обретения чжусианством официального статуса [Смолин, 2009 (b), с. 709].

Кроме того, в XIII–XVII вв. повествование «Тун цзянь ган му» было удревнено до времен мифического первопредка Пань-гу (盤古) и

продлено до начала эпохи Мин (明). Расширенный таким образом свод насчитывал уже 104 цзюаня, объединенных в 3 раздела. В 1692 г. труд был издан в маньчжурском переводе [Смолин, 2009 (b), с. 709–710].

В отличие от всех описанных выше источников, «Цзы чжи тун цзянь ган му» неоднократно переводилась на европейские языки. В 1714–1736 гг. труд был переведен с маньчжурского на французский язык миссионером-иезуитом Жозефом де Майя (Joseph-Anne-Marie de Moyriac de Mailla, 1669–1748), который на его основе написал 13-томную «Сводную историю Китая» (*Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet empire*, 1777–1785). На русский язык «Тун цзянь ган му» было частично переведено И. К. Россохиным (1717–1761) и полностью — архимандритом Иакинфом (Бичуриным, 1777–1853), однако оба перевода остались неопубликованными [Смолин, 2009 (b), с. 710].

В заключение можно сказать, что перевод на русский язык и введение в научный оборот источников по истории государства Лю-Сун (в первую очередь, «Сун шу») представляется важ-

2 Юй пи Цзы чжи тун цзянь ган му (Сыку цюаньшу бэнь) (Высочайше утвержденное „Всепроницающее зеркало, управлению помогающее“ в сжатом изложении и с комментариями. Издание «Полного собрания книг по четырем разделам»). Госюэ (Изучение традиционной идеологии и культуры Китая). Ханьчэн ван. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQTBABZ/UYCQTBABAZ.shtml> (accessed: 22.07.2022).

ной задачей в исследовании ранних Средних веков в истории Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Сун шу (Книга Сун): в 8 т., Пекин: Чжунхуа, 2018. — 2772 с. [*Song shu (The Book of Song): in Eight Vol.* Beijing: Zhonghua, 2018. — 2772 p. (in Chinese)].

Нань ши (История Юга): в 6 т., Пекин: Чжунхуа, 1975. — 2098 с. [*Nan shi (The History of the Southern Dynasties): in Six Vol.*, Beijing, Zhonghua, 1975. — 2098 p. (in Chinese)].

Цзы чжи тун цзянь (Всепроницающее зеркало, управлению помогающее): в 20 т. Пекин, 2006. — 9691 с. [*Zizhi Tongjian (A Comprehensive Mirror in Aid of Governance): in Twenty Vol.* Beijing, 2006. — 9691 p. (in Chinese)].

Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. — 1408 с. [Alimov I. A., Kravtsova M. E. *A History of the Chinese Literature from Ancient Times to the 13th Century: Poetry, Prose: In Two Parts.* Saint Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2014. — 1408 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907). Отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. М.: Наука, 2014. — 991 с. [*A History of China from Ancient Times to the Early 21st Century: In Ten Vol.* Vol. 3. *Three Kingdoms, Jin, Northern and Southern Dynasties, Sui, Tang (220-907).* Ed. by I. F. Popova, M. E. Kravtsova. Moscow: Nauka, 2014. — 991 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 4. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907-1279). Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука, 2016. — 942 с. [*A History of China from Ancient Times to the Early 21st Century: In Ten Vol.* Vol. 4. *Five Dynasties Period, Song, Liao, Jin, Xi Xia*

(907-1279). Ed. by I. F. Popova. Moscow: Nauka, 2016. — 942 p. (in Russian)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. — 338 с. [Kryukov M. V., Malayvin V. V., Sofronov M. V. *The Chinese Ethnicity on the Threshold of the Middle Ages.* Moscow: Nauka, 1979. — 338 p. (in Russian)].

Смолин Г. Я. Цзы чжи тун цзянь. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2009(а). С. 706-709. [Smolin G. Y. *Zizhi tongjian. The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in Five Vol.* Vol. 4. *Historical Thought, Political Culture and Legal Culture.* Ed. by M. L. Titarenko et al. Moscow: Oriental literature, 2009(а). Pp. 706-709 (in Russian)].

Смолин Г. Я. Цзы чжи тун цзянь ган му. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2009(б). С. 709-710. [Smolin G. Y. *Zizhi tongjian gangmu. The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in Five Vol.* Vol. 4. *Historical Thought, Political Culture and Legal Culture.* Ed. by M. L. Titarenko et al. Moscow: Oriental literature, 2009(б). Pp. 709-710 (in Russian)].

Сухов М. В. Сун шу. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2009. С. 602-603. [Sukhov M. V. *Song shu. The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in Five Vol.* Vol. 4. *Historical Thought, Political Culture and Legal Culture.* Ed. by M. L. Titarenko et al. Moscow: Oriental literature, 2009. Pp. 602-603 (in Russian)].

Mather R.B. *The Poet Shen Yüeh (441-513): The Reticent Marquis.* Princeton: Princeton University Press, 1988. — 269 p.

Strange M., Hruby J. *Nan shi. Early Medieval Chinese Texts: A Bibliographical Guide.* Ed. by A. E. Dian, C. L. Chennault, K. N. Knapp et al. Berkeley, CA: Institute of East Asian Studies, 2015. — Pp. 209-216.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ /
ELECTRONIC SOURCES

Шэнь Юэ. *Байду байкэ* (Энциклопедия Байду) [Shen Yue. *Baidu Baike* (*Baidu Encyclopedia*) (in Chinese)]. URL: <https://baike.baidu.com/item/沈约/2188999?fr=aladdin> (accessed 08.11.2022).

Юй пи Цзы чжи тун цзянь ган му (Сыку цюаньшу бэнь) (Высочайше утвержденное „Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» в сжатом изложении и с комментариями.

Издание «Полного собрания книг по четырем разделам». *Госюэ* (Изучение традиционной идеологии и культуры Китая). Ханьчэн ван [Yui Bi Zizhi tongjian gan mu (The Siku Quanshu) “Comprehensive Mirror to Aid in Government” in a concise statement with commentaries (in edition of “Complete Library in Four Sections”. *Guoxue* (*Studying Traditional Ideology and Culture of China*). Wang Hancheng (in Chinese)]. URL: <http://guoxue.httpcn.com/html/book/CQTBAZ/UYCQTBAZAZ.shtml> (accessed 08.11.2022).

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

SPEECH ETIQUETTE IN KOREAN SOCIETY

© 2022 **Сомиа Сон**

Ассистент Кафедры алтаистики и китаеведения,
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Казань, Россия; sson@kpfu.ru
ORCID: 0000-0003-3929-8636

Somia Son

Assistant, Department of Altaic and Sinology, Kazan
Federal University; Kazan, Russia; sson@kpfu.ru
ORCID ID: 0000-0003-3929-8636

Речевой этикет, или порядок вербального поведения, выражает уважение или вежливость в группе и реализуется через лексику, форму, стиль, интонацию, произношение и дискурс. Корейская культура вежливости — одна из уникальных традиционных особенностей Кореи и важная характеристика корейского общества. В корейском речевом этикете много обобщений и манер, сформированных конфуцианством, так как конфуцианское общество воспринимало смирение и внимание к другим как важную ценность при построении социальных контактов.

Однако изменения в семейном укладе в Корею после 1960-х годов повлияли на бытовую культуру речи. В нуклеарной семье дети не проводят много времени с бабушками и дедушками, а разговоры между родителями и детьми становятся редкими из-за чрезвычайной занятости, что сокращает изучение языкового этикета в естественной социальной среде. С проникновением западной индивидуалистической культуры и с стремительным экономическим развитием меняются ценности и речевая этика подрастающего поколения Кореи.

В статье автор стремится определить особенности традиционного речевого этикета в Корею, а также найти пути для поддержания и развития речевого этикета в будущем.

Ключевые слова: корейский язык, корейское общество, речевой этикет, культура вежливости в Корею, языковая культура Кореи

Для цитирования: Сон Сомиа. Речевой этикет в корейском обществе. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. No. 3. С. 123–129. DOI: 10.18254/S268684310023723-3

Speech etiquette, or the order of verbal behavior, expresses respect or politeness in a group and is realized through vocabulary, form, style, intonation, pronunciation, and discourse. The Korean culture of politeness is one of the unique traditional features of Korea and an important characteristic of Korean society. Korean speech etiquette has many generalizations and manners shaped by Confucianism, as Confucian society perceived humility and consideration for others as important values in building social contacts.

However, changes in family life in Korea after the 1960s affected the everyday culture of speech. In the nuclear family, children do not spend much time with grandparents, and conversations between parents and children become less frequent due to extreme busyness, reducing the learning of language etiquette in the natural social environment. With the penetration of Western individualistic culture and with the rapid economic development, the values and speech ethics of the younger generation in Korea are changing.

In this article, the author seeks to identify the characteristics of traditional speech etiquette in Korea as well as to find ways to maintain and develop speech etiquette in the future.

Keywords: Korean language, Korean society, speech etiquette, polite culture in Korea, Korean language culture

For citation: Son Somia. Speech Etiquette in Korean Society. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 123–129. DOI: 10.18254/S268684310023723-3

Язык является не только средством передачи информации, но и раскрывает мысли говорящего, объединяет членов социальной группы, сохраняет культурную идентичность в рамках одной языковой группы и эмоциональную принадлежность социальной группы [Son, 2021, p. 64]. Речь и письмо играют важную роль в формировании, поддержании и наследовании культуры. Поскольку языковая культура содержит мысли и выражения нации, она позволяет наследовать обычаи.

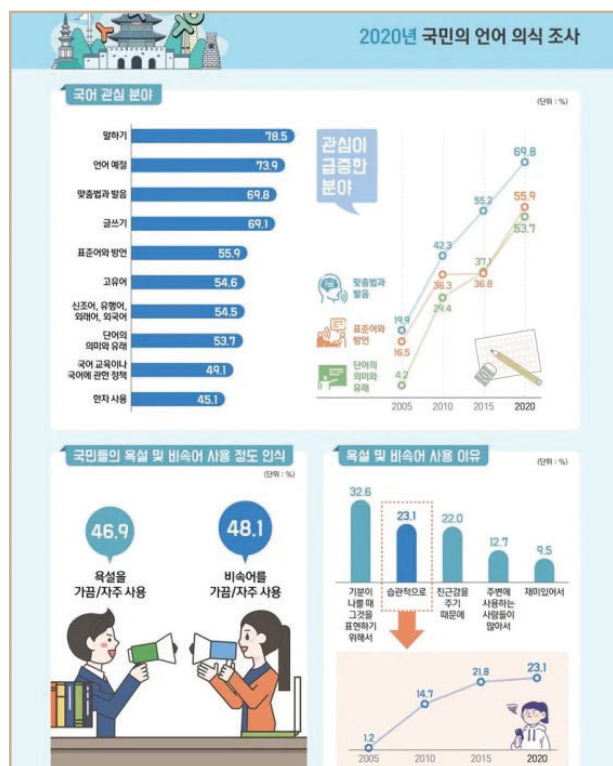
В 2020 г. Национальный институт корейского языка и Министерство культуры, спорта и туризма Кореи объявили результаты опроса о языковой осведомленности населения. В ходе этого опроса, проводимого каждые пять лет с 2005 г., обнаружено, что более 70 % корейцев проявляют высокий интерес к этикету устной речи и языковому этикету¹. Причина, по которой люди интересуются речевым этикетом, заключается в том, что это необходимый навык при непосредственном общении, который полезен во взаимоотношениях с людьми и в социальной жизни (Илл. 1).

Корейское общество достигло значительно-го развития под влиянием индустриализации, науки и информационных технологий, а влияние западной культуры сильно изменило образ жизни корейцев, повлияв не только на уклад, традиционные ритуалы, но и речь. В результате возникает множество конфликтов между старшим и младшим поколением, ведь последние не соблюдают языковой этикет.

Многие корейцы понимают значение слова «современный» как ведение более западноевропейского образа жизни. В прошлом домашнее обучение и обучение языковому этикету для корейских детей проводилось естественным образом дома, а не преднамеренно в школе. Воспитательная функция и обучение языковому этикету в корейских семьях играло важную роль в формировании взаимоотношений с людьми разного возраста и разных социальных ролей.

Изменения в современном семейном укладе, ориентированном на нуклеарность, относительно ослабили воспитательную функцию и изучение этикета в семьях. Соответственно, мо-

1 Cho Yong-cheol. What is the current state of our people's language consciousness? *Financial news*. March 10. 2021. URL: <https://news.nate.com/view/20210310n10310?mid=n0408> (accessed 10.03.2021)

Илл. 1. Опрос 2020 г. В Корее на знание общедоступного языка

По: URL: <https://news.nate.com/view/20210310n10310?mid=n0408> (accessed 10.03.2021)

Fig. 1 2020 Korea Common Language Proficiency Survey

Source: URL: <https://news.nate.com/view/20210310n10310?mid=n0408> (accessed 10.03.2021)

лодое поколение не знает ценностей языкового этикета, прежде всего из-за родителей, которые не имели возможность подать им пример.

На корейцев большое влияние оказала конфуцианская культура, источник их мироощущения и поведения. Корею даже называют «вежливой» страной, так как считается, что в обществе распространена культура вежливости. Несмотря на то, что культура вежливости в корейском обществе постепенно ослабевает из-за модернизации по западному образцу, культ вежливости все еще проявляется в повседневной жизни корейцев, образе мышления и их ценностях.

Языковой этикет в Корее: историческая справка

Языковой этикет — правило, распространенное в обществе, и в то же время — исторически

изменяемый элемент культуры и поведения. Это — часть национальной культуры, и может проявляться по-разному в силу национальных особенностей [Cho, 2018, p. 150].

В отличие от кочевых народов, Корея была земледельческой страной. Для сплочения и поддержания порядка большое значение имел поведенческий этикет. Внутри семьи необходимо было сохранять иерархию, в результате чего старшие члены семьи обучали речевому этикету младших, что и сохранило традицию на долгое время.

Также речевой этикет формировался под влиянием религий: шаманизма, буддизма, конфуцианства и христианства. Шаманизм был распространен в древности, до IV в. В IV-V вв. после шаманизма в Корею пришел буддизм через буддийских монахов Индии и Китая, а

Илл. 2. *Сингандэджа Мёнсимбогам* — буклет, напечатанный крупным шрифтом в виде новой гравюры на дереве в Чхонджу в 1454 г., через 62 года после публикации *Мёнсимбогам*, написанной Бомрипбоном

По: URL: <https://bit.ly/3wssd91> (accessed 08.11.2022)

Fig. 2 *Singandaeja Myeongsimbogam* Is a Booklet Printed in Large Print as a New Woodcut in Cheongju in 1454, 62 Years After the Publication of Beomripbong's *Myeongsimbogam*

Source: URL: <https://bit.ly/3wssd91> (accessed 08.11.2022)

короли Силла² следовали конфуцианской системе господства и установили Гукхак — институциональное устройство для расширения и воспроизводства конфуцианской этики. Исходя из этого, можно ожидать, что конфуцианство было распространено уже в период Троецарствия. В период Троецарствия и Корё³ буддизм оказал большое влияние на культурную систему корейцев как государственная религия. Однако по мере того, как конфуцианство стало государственной религией во времена династии Чосон, буддизм пришел в упадок, и конфуцианство прочно укоренилось в жизни корейцев. После Нового времени развились католицизм и христианство, и их идеи также повлияли на этикет корейского языка [Lee, 2009, p. 11].

Конфуцианство было первой иностранной культурой на Корейском полуострове и оказало наибольшее влияние на речевую этику в корейском обществе. Конфуцианское общество представляет собой иерархичную структуру, в

которой низшие сословия покорны дворянам, а дети — родителям. Корейцы считали смирение заботу о других, а не далеко не самовыражение важной социальной ценностью.

Традиционные нормы конфуцианства, проявляющиеся в языке, часто упоминаются в таких книгах, как «Луньюй» (*Noneo, 논어*), «Конфуцианские учебники для детей» (*Sohak, 소학*), «Мэнцзы» (*Mengja, 맹자*) и «Драгоценное зеркало, освещающее сердце» (*Myeongsimbogam, 명심보감*). «Драгоценное зеркало, освещающее сердце» — это книга, которая использовалась в качестве руководства для повседневной жизни в конфуцианской культуре и оказала глубокое влияние на всю Восточную Азию, объединив запрещенные слова и знаменитые слова предков в китайских классиках для обучения детей (Илл. 2). В этих книгах, поскольку слова представляют характер человека, «практиковать то, что проповедовать» (*Eonhaengilchi, 언행일치*) рассматривается как важнейшая добродетель.

2 Одно из Трех корейских государств. Правители носили титул «кан». Годом основания признают 57 год до н. э., хотя первый подтвержденный правитель Нэмуль относится к IV веку. Силла последовательно захватило Кая в 562 г. и два других корейских государства — Пэкче в 660 г. и Когурё в 668 (прим. ред.).

3 Государство на Корейском полуострове, появившееся после падения государства Силла в 935 году и существовавшее до воцарения династии Чосон в 1392 году (прим. ред.).

Также утверждалось, что язык необходимо контролировать, потому что это важная человеческая деятельность. Таковы ориентиры языковой жизни корейцев, и вежливое отношение всегда осуществляется наряду с языковым этикетом корейцев.

Во время индустриализации 1960-х гг. произошли изменения в составе корейской семьи. По мере уменьшения числа членов семьи сокращается состав поколений бабушек и дедушек и внуков, а из-за занятости ограничивается общение между родителями и детьми, что сокращает возможности изучения детьми речевой этики.

Кроме того, поскольку молодые люди, говорят на языке сверстников, а также смотрят телевизионные программы, частота использования сленга и ненормативной лексики молодежью увеличилась.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА МЕЖДУ СТАРШИМ И МЛАДШИМ ПОКОЛЕНИЕМ КОРЕЙЦЕВ

В Корее есть пословица «찬 물도 위 아래가 있다», которая гласит, что старшие должны идти перед младшими. Хотя установить происхождение этого термина непросто, считается, что он возник во время строгой классовой системы династии Чосон (1392-1897 гг.). В Корее очень важен иерархический порядок, поэтому в семьях словам и мыслям старшего человека уделяют особое внимание. Младшему поколению зачастую нужно получить совет или разрешение от старшего. Так как подчиняться человеку более высокого положения также считается добродетелью, разговоры между родителями и детьми, между начальством и подчиненными часто бывают односторонними.

Также при разговоре со старшими нужно быть осторожным в использовании жестов. Не следует смотреть прямо в лицо собеседнику, следует быть особенно услужливым и не торопится. Не следует идти впереди старшего. Также младший сначала здоровается со старшим и больше кланяется. При первой встрече необходимо пред-

ставить подчиненных начальству, а если речь идет о семье, то сначала необходимо представить семью посторонним, а наоборот.

Когда корейцы начинают разговор, они сразу же задают вопросы о возрасте и месте рождения собеседника, чтобы определить, насколько он старше или младше, это считается вполне естественным. Из-за такого рода речевой этики корейцы неохотно заговаривают друг с другом первыми на собраниях, где нет иерархии.

Даже на собрании, если начальство высказывает свое мнение, подчиненным нелегко привести другой аргумент. Однако в наши дни усиливается тенденция молодежи активно выражать свое мнение.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ УВАЖЕНИЯ

Важной частью речевого этикета является уважительное общение друг с другом. Считается грубым и высокомерным перебивать во время разговора, особенно, когда говорит старший.

Необходимо уважительно относиться к просьбам и отказам. О просьбе принято просить в конце разговора. Иначе создается впечатление, что говорящему нужна только выгода от собеседника. Когда мы отвергаем, не следует использовать слово «нет» (*aniyo*, 아니요), лучше подобрать другое выражение, так как может почувствовать себя некомфортно. Например, «Давайте узнаем больше» (*jomde alabodolok hajjio*, 좀 더 알아보도록 하지요), «Давайте постараемся» (*ximsseo bojio*, 힘써 보지요). Когда человек слышит эти слова, он уже может понять намерения говорящего [Lee, 2009, p. 13].

СКРОМНОСТЬ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Уважение в речи корейского языка варьируется в зависимости от возраста, пола, статуса, иерархии, степени формальности и близости. Выражение смирения — выражать более пренебрежительная отношение к себе и возвышать других — важная речевая этика для корейцев. Так человек смиряет себя, скрывает способности и приписывает другим хорошие результа-

ты. Если человек будет хвастаться, его будут критиковать за грубость, что социально неприемлемо. Поскольку корейское выражение скромности предназначено для того, чтобы смирять себя, оно связано с местоимением «я». Поэтому выражение смирения показывает смирение себя или того, что принадлежит тебе. Они представлены в виде морфем, слов, фраз или предложений.

Большинство корейцев, когда дарят подарок, говорят «Ничего особенного» (*byeol geo anibnida*, 별 거 아닙니다). А, когда их хвалят, повторяют — «Мне неловко» (*byggeuleobseubnida*, 부끄럽습니다), «Все благодаря хорошему обучению» (*joxeun gareuchim deokbyunibnida*, 좋은 가르침 덕분입니다). Даже после того, как хозяева дома накроют стол, ломаящийся от деликатесов, будут говорить «Мне особо нечего предложить» (*byeollo chalin geusi eubseubnida*, 별로 차린 것이 없습니다).

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ МНЕНИЯ

Независимо от возраста слушателя, корейцы обычно выражают намерения не напористо, проявляя вежливость по отношению к другим. Даже если есть расхождения во мнениях, корейцы предпочитают не выражать несогласие прямо [Ju, 2010, p. 261]. Эвфемистическое выражение намерения можно выразить с помощью «кажется» (*geus gatda*, 것 같다) или «может быть» (*su isgenisda*, 수 있겠다).

На корейском языке даже отвечать на вопросы следует вежливо. Положительные ответы — это *eung* (응) и *ye* (예). *Eung* используется, когда люди одного возраста, а *ye* — когда младшие проявляет уважение и вежливость по отношению к старшему поколению. Что касается отрицания, то, когда нужно быть вежливыми, следует изменить *ani* на *aniyo* (아니요).

Сегодня есть тенденция часто использовать *ne* (네) в качестве ответа «да», чтобы показать уважение. Младшее поколение часто отвечает старшим «да, я Вас понимаю» (*ne algeoisseubnida*, 네, 알겠습니다).

Традиционный речевой этикет в корейском языке постепенно меняется — под влиянием Запада усиливается тенденция личностного самовыражения в речи, гордости за свои достоинства. Молодые люди уже придерживаются мнения, что излишняя скромность не дает им полностью реализоваться, хотя чрезмерно самоуверенный настрой до сих пор кажется дерзким или грубым старшему поколению. Однако, противоречия между поколениями еще не означают, что корейский речевой этикет полностью исчезает. Корейская культура вежливости остается одной из уникальных традиционных культур и важной характеристикой корейского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Джо Тэ Рин (조태린). Критический обзор вмешательства языковой политики в языковые манеры (언어예절에 대한 언어 정책적 개입에 관한 비판적 고찰). *The Society of Korean Linguistics*. Series 87. 2018. Pp. 145-184 [Cho T. R. A Critical Review on Language Policy Intervention for Language Manners. *The Society of Korean Linguistics*. Series 87. 2018. Pp. 145-184 (in Korean)].

Ли Сок Чжу (이석주). Исследование традиционного корейского общества и манеры речи (한국 전통사회와 언어 예절). *Korean Speech and Discourse Analysis*. 2009. No. 14. Pp. 9-28 [Lee S. J. Study on Traditional Korean Society and Speech Manners. *Korean Speech and Discourse Analysis*. 2009. No. 14. Pp. 9-28 (in Korean)].

Чжу Мен (주명애). Особенности корейской вежливой культуры и корейского образования (한국어의 예의문화 특징과 한국어 교육). *Journal of Korean Language Education and Research*. Series 7. 2010. Pp. 251-265 [Ju M. A. Characteristics of Korean Polite Culture and Korean Education. *Journal of Korean Language Education and Research*. Series 7. 2010. Pp. 251-265 (in Korean)].

Сон Хва Хи (손화희). Исследование корейской традиционной образовательной мысли

и вежливых выражений (한국의 전통교육사상과 공손 표현에 관한 연구). *Catholic University of Daegu Humanity Sciences Institute*. Series 42. 2021. Pp. 55-73 [Son. H. H. A Study of the Korean Traditional Education Thought and the Politeness Expressions. *Catholic University of Daegu Humanity Sciences Institute*. Series 42. 2021. Pp. 55-73 (in Korean)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ /
ELECTRONIC SOURCES

Cho Yong-cheol. What is the current state of our people's language consciousness? *Financial news*. March 10. 2021. URL: <https://news.nate.com/view/20210310n10310?mid=n0408> (accessed 10.03.2021).

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ КАРТИНА И ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА

THE CHINESE FOLK WOODCUT AND COURT CULTURE

© 2022 **Константин Михайлович Писцов**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
pistsov-gmv@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7594-4466

Konstantin M. Pistsov

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, RAS, Moscow, Russia; pistsov-gmv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7594-4466

В статье на примере народной картины рассмотрены связи народной и придворной культуры в позднесредневековом Китае. Отмечено, что в праздничном оформлении императорского дворца использовались те же сюжеты, что на народных картинах, украшавших дома горожан и крестьян. Приведены примеры взаимного влияния народной и придворной культур. В качестве одного из основных источников привлечены записки придворного евнуха Лю Жоюя (1584–?). Автор проанализировал ряд опубликованных изобразительных источников из китайских коллекций. Подтверждена тесная связь народной и придворной культуры в позднесредневековом Китае в рамках общего культурного контекста. Высказаны предположения относительно конкретных путей взаимопроникновения народной и придворной культур.

Ключевые слова: китайская народная картина, эпоха Мин, эпоха Цин, Лю Жоюй, придворная культура, народная культура, боги дверей

Для цитирования: Писцов К. М. Китайская народная картина и придворная культура. *Восточный курьер* / *Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 130–144. DOI: 10.18254/S268684310023724-4

In this article on the example of a folk woodcut the connections between folk and court culture in Later Medieval China are considered. It is noted, that the same plots were used in the festive decoration of the imperial palace as in the folk woodcuts that adorned the houses of the townspeople and peasants. The examples of the mutual influence of folk and court cultures are given. As one of the main sources, the notes of the court eunuch Liu Ruoyu (1584–?) are involved. The author analyzed a number of published pictorial sources from Chinese collections. The close connection between folk and court culture in later medieval China within the framework of the general cultural context is confirmed. Assumptions are made regarding specific ways of interpenetration between folk and court culture.

Keywords: Chinese folk woodcuts, Ming dynasty, Qing dynasty, Liu Ruoyu, court culture, folk culture, door gods

For citation: Pistsov Konstantin M. The Chinese Folk Woodcut and Court Culture. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 130–144. DOI: 10.18254/S268684310023724-4

Народную и придворную культуру традиционно противопоставляют, хотя в последнее время такая точка зрения подверглась определенной корректировке. Цель данной работы — на примере народной картины проследить взаимоотношение придворной и народной культур в Китае эпохи Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912)¹.

В работах исследователей китайской народной картины неоднократно отмечалось пренебрежительное отношение представителей высших классов Старого Китая к этому виду искусства, эстетика которого была им чужда, а символика не всегда понятна [Рифтин, 1991, с. 1–3]. Искусство народной картины аргументированно противопоставлялось живописи Императорской Академии и ученых-эстетов [Ван Шуцунь, 1991, с. 21].

Однако, из мемуаров придворного евнуха Лю Жоюя (刘若愚; 1584–?)² можно узнать, что в императорском дворце в конце периода Мин (1368–1644) в соответствии с сезонными праздниками вывешивался целый ряд изобра-

жений, по содержанию и функциональному назначению аналогичных народным картинам, которые в те же периоды года украшали дома крестьян и горожан [Лю Жоюй, 2018, с. 177, 180, 183]. Мемуарист не заостряет специально внимания на технике исполнения каждой из дворцовых картинок, но из текста можно понять, что среди них были и нарисованные, и отпечатанные с досок³.

Изображения, перечисленные в записках Лю, находят прямые аналогии в искусстве китайской народной картины. В первом месяце на створки ворот и дверей различных помещений на территории дворцового комплекса наклеивали картины с изображением духов дверей (*мэнь-шэнь*; 门神)⁴. Насколько можно судить по дошедшим до наших дней единичным образцам, в эпоху Мин уже существовало несколько типов картин с духами дверей. Наиболее известный представлял грозных воинов в доспехах — такие картины крепились на внешних воротах усадьбы. Изображения, на которых духи дверей были пред-

1 Автор считает приятным долгом выразить благодарность Генеральному директору Государственного Музея Востока д. и. н. А. В. Седову за разрешение опубликовать в качестве иллюстраций к статье народные картины из коллекции Музея, заместителю Генерального директора В. Р. Аветисяну и сотрудникам ГМВ А. Н. Маковецкому и К. Т. Саркисову — за оказанное содействие.

2 Информацию о биографии Лю Жоюя и его сочинении см. в специальной статье [Писцов, 2020].

3 Лю Жоюй использует (применительно к различным картинам) термины «рисовать» и «печатать» [Лю Жоюй, 2018, с. 183]. В то же время сохранилось небольшое число подлинных картин-оберегов из минского дворца, которые нарисованы на хлопчатобумажной ткани [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 30].

4 Возможны различные варианты перевода — «духи дверей», «духи ворот», «боги дверей», «боги ворот»; в контексте данной статьи автору показался наиболее удачным первый из перечисленных.

ставлены в образе гражданских чиновников, предназначались для внутренних ворот, а в виде божественных отроков — для дверей внутренних комнат [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 19]. Об этих картинах будет подробнее сказано ниже.

В это же время в комнатах вешали картинки с изображениями Духа Счастья (福神), Судьи бесов (鬼判), Чжун Куя (钟馗) «и другие» [Лю Жоюй, 2018, с. 177]. Под Духом Счастья, по всей видимости, подразумевается Фу-син (福星) — «Звезда Счастья», а под Судьей бесов — Пань-гуань (判官) [Духовная культура... 2007, с. 543, 648]. Народные картины с изображением всех перечисленных персонажей носили характер благопожеланий и оберегов, поэтому в новогодний период украшали дома едва ли не всех жителей Поднебесной [Духовная культура... 2007, с. 528, 543, 717, 727; Календарные обычаи... 1985, с. 101].

В 5 месяце во дворце, по сообщению Лю Жоюя, «...на воротах вывешивают экраны, на которых нарисован Небесный Наставник или история о том, как бессмертный отрок или бессмертная дева укрощают ядовитых тварей. [Это] вроде изображений духов дверей в праздник Нового Года. Лишь после того, как [эти изображения] провисят месяц, их снимают» [Лю Жоюй, 2018, с. 180]. Небесный Наставник (天师) — это, вне всяких сомнений, Небесный наставник Чжан (张天师) — в даосской и поздней народной мифологии борец с нечистью, одной из «специализаций» которого являлась борьба с ядовитыми тварями [Духовная культура... 2007, с. 717]. Пятый месяц считался временем активизации ядовитых насекомых и пресмыкающихся, для защиты от которых использовали народные картины-обереги. Советские исследователи писали об амулетах, использовавшихся в пятом месяце: «Как и в период празднования Нового года, в дни летнего праздника на помощь людям призывались самые могущественные заклинатели демонов. Редкий дом в старом Китае не был украшен в это время года листом желтой бумаги или бронзовым медальоном с изображением

верховного даосского владыки и повелителя всех духов Чжан-Тяньши (Чжана-Небесного наставника). Нередко картинка скреплялась печатью, имитировавшей императорскую» [Календарные обычаи... 1989, с. 54]. Любопытно, что в исследовании, написанном в конце XX в., в полном согласии с мнением Лю Жоюя проведена прямая аналогия между картинами-оберегами, предназначенными для новогоднего периода и для летнего праздника. Такие заклинательные изображения в настоящее время представлены во многих музейных и частных собраниях.

Из упомянутых Лю Жоюем картинок особый интерес, на наш взгляд, представляет картина «Девять девяток зимних холодов», которую дворцовое Управление по делам церемониала традиционно печатало в одиннадцатом месяце каждого года. Лю Жоюй уточняет, что помещенные на ней стихи — это «разновидности метких словечек и народных пословиц», а не произведения сановников или императоров, и что истоки этой старой традиции ему неизвестны [Лю Жоюй, 2018, с. 183]. На основании такого комментария можно предположить, что в данном случае имело место непосредственное влияние народной культуры на придворный быт, отчасти даже задевавшее эстетические чувства некоторых обитателей дворца. Относительно изображения на картинке Лю Жоюй не приводит никакой информации. Известный исследователь и коллекционер китайского лубка, профессор Ван Шуцунь (王树村; 1923–2009) отождествлял с картиной «Девять девяток зимних холодов» ксилографию, датированную 1488 г., в центре которой представлена ваза с веткой цветущей сливы-мэйхуа, причем общее число лепестков в цветах на ветке — ровно 81 [Алексеев, 1966, с. 234].

Народные картины с тем же названием были широко распространены в Китае еще на рубеже XIX–XX вв. Правда, изображали они уже не ветку сливы, а играющих детей, но на их одежде по-прежнему имелся 81 белый кружок [Алексеев, 1966, с. 27–28, 234]. На другом варианте народной картины «Девять девяток зимних холодов»,

который автору данных строк довелось видеть в частной коллекции, помещены незакрашенные контуры девяти иероглифов — каждый из девяти черт. Предполагалось, что, повесив картину дома, владелец будет ежедневно закрашивать по одному кружку либо по одной черте иероглифа, пока (через 81 день) не закончится сезон зимних холодов. На картине с веткой сливы функцию контуров для закрашивания выполняли лепестки. Типологическая связь народных картин и описанной Лю Жоюем картины представляется достаточно очевидной, совпадает и техника исполнения — ксилографическая печать.

Интересно, что в эпоху Цин (1644–1912), несмотря на воцарение чужеземной маньчжурской династии, традиция использования во дворце изображений, аналогичных народным картинам, не только не пресеклась, но в ее соблюдении, похоже, даже не возникло сколько-нибудь продолжительного перерыва. Известно, что, когда во время новогодних праздников 18 года Шуньчжи (1661 г.) первый царствовавший в Китае маньчжурский император Ши-цзу (世祖, 1638–1661) заболел оспой, во дворце в связи с отменой праздничных мероприятий сняли все картины с духами дверей [Гунли го данянь, 2017, с. 214]. Следовательно, спустя неполных 17 лет после гибели империи Мин и смены династии декорирование дверей такими картинами уже вновь практиковалось при дворе.

Сохранилось множество более поздних свидетельств об активном использовании во время встречи Нового Года в императорском дворце изображений духов дверей. Например, в официальном отношении от 7 года Цзяцин (1802 г.) указано, что для резиденции одной из принцесс требуется 104 полотнища с духами дверей [Гунли го данянь, 2017, с. 170].

Сохранившиеся дворцовые изображения духов дверей периода Цин полностью идентичны народным картинам на тот же сюжет [Гунли го данянь, 2017, с. 171–181]. С большой долей вероятности можно видеть в этом прямое влияние

народной культуры на придворный быт, поскольку известно, что часть использовавшихся во дворце картин — гигантские изображения *мэнь-шэнь* для парадных ворот императорского дворца — заказывалась в знаменитой печатне народных картин Дай Ляньцзэна. Отличие картин с духами дверей, изготовлявшихся в мастерских на территории дворца, от народных картин сводилось преимущественно к технике исполнения (живопись, а не ксилография) и к использованию в процессе производства более дорогих материалов. Нормативная инструкция, высочайше утвержденная в период Цяньлун (1736–1796), предусматривала применение для каждой картины нескольких сортов бумаги, холщовой материи, тонкого шелка-*цзюань*, узорчатого шелка-*лин* золотисто-желтого и красного цветов. Еще одним расходным материалом было натуральное золото в виде тонкой фольги или истертое в порошок [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 31]. Косвенным свидетельством высокой стоимости этих произведений является распоряжение от 30 года Цяньлун (1765 г.) о значительном сокращении количества изображений духов дверей и декоративных парных надписей во дворце, обоснованное соображениями экономии [Гунли го данянь, 2017, с. 178–179].

Следует отметить и другую специфическую особенность использования картин с духами дверей во дворце, восходившую, по-видимому, еще к эпохе Мин. В домах крестьян и горожан напечатанные на тонкой бумаге картинки приклеивали прямо к створкам ворот. Покрытые красным лаком створки величественных дворцовых ворот мало подходили для того, чтобы клеить картины непосредственно на их поверхность, и материал большей части картин, изготовленных в дворцовых мастерских, для этого не годился. Поэтому во дворце картины оформляли при помощи деревянной основы в виде декоративных экранов, которые и подвешивали к створкам ворот⁵. Разумеется, такие дорогостоящие и долговечные произведения не

5 Упоминание об «экранах» и термин «вешать» наряду с термином «наклеивать» встречаются в книге Лю Жоюя [Лю Жоюй, 2018, с. 180]. В записках Фуча Дуньчуна, относящихся к концу эпохи Цин, использован тот же тер-

подлежали регулярному уничтожению, как это происходило с народными картинами. По истечении первого месяца наступившего года экраны с изображением *мэнь-шэнь* снимали с ворот и затем бережно хранили на специальном складе при Ведомстве Работ до следующих новогодних праздников [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 20; *Гунли го данянь*, 2017, с. 210].

Можно предположить, что в сознании населения позднесредневекового Китая шел процесс некоторого смешения мифологических и исторических образов, послуживших прототипами духов дверей [Алексеев, 1966, с. 211–212]. На сегодняшний день принято считать, что их прообразами явились духи Шэньшу (神荼) и Юйлюй (郁垒), первое письменное упоминание о которых относится к эпохе Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Однако к периоду позднего средневековья они были в значительной степени вытеснены образами двух танских полководцев — Цинь Шубао (秦叔宝, первое имя Цюн Цюнь, 571?–638) и Юйчи Цзиндэ (尉迟敬德, первое имя Гун Гун или Жун Рун, 585–658)⁶ [*Духовная культура...* 2007, с. 528; Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 6, 24–25]. Впрочем, судя по запискам известного цинского литератора и государственного деятеля Цзи Юня (纪昀; 1724–1805), воспоминание о Шэньшу и Юйлюе тоже сохранилось. Цзи Юнь рассказывает относящуюся к 1640-м годам историю о споре, возникшем между братьями его прадеда и их стариком-соседом, по поводу того, кого изобра-

жают духи дверей. Сосед считал, что это танские полководцы Юйчи Цзиндэ (尉迟敬德) и Цинь Цюн (秦琼), а его оппоненты настаивали, что эти картины изображают Юйлэя (郁垒)⁷ — бога счастья. Обе стороны апеллировали к письменным источникам. Сосед предложил посмотреть «Путешествие на Запад» Цю Чуцзи (丘处机)⁸, но у его противников этот источник не вызвал доверия, они отвечали, что «уличные рассказы не являются доказательством» и обратились за подтверждением к «Книге о духах и чудесах» Дунфан Шо (东方朔)⁹ [Цзи Юнь, 1974, с. 437–438]. Данный эпизод показывает, что в конце эпохи Мин, как, вероятно, и во время жизни самого Цзи Юня, могли высказываться различные мнения о прообразах духов дверей. Вероятно, подобное сосуществование альтернативных версий сохранялось и позже. В написанной на рубеже XIX–XX вв. Фуча Дуньчуном (富察敦崇) книге «Записки о календарных обычаях в Яньской столице» отмечена та же разногласия мнений относительно духов дверей, которых одни жители Пекина считали Шэньшу и Юйлюем, а другие — Цинь Цюном и Юйчи Цзиндэ, причем сам автор полагал обе точки зрения неверными и, апеллируя к древней практике пяти домашних жертвоприношений, считал наиболее корректным безличное наименование «духи ворот» [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 22].

Профессор Ван Шуцунь из всего многообразия дошедших до наших дней народных картин с парными изображениями духов дверей вы-

мин «вешать», на что специально обращает внимание профессор Ван Шуцунь, давая необходимые пояснения [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 19–20].

- 6 Биографические данные исторических Цинь Шубао и Юйчи Цзиндэ см.: Цинь Цюн (秦琼). *Wikipedia*. URL: <https://zh.m.wikipedia.org/wiki/秦琼> (accessed 28.06.2022); Юйчи Цзиндэ (尉迟敬德). *Wikipedia*. URL: <https://zh.m.wikipedia.org/wiki/尉迟敬德> (accessed 28.06.2022).
- 7 Второй иероглиф данного имени может читаться как *лэй*, так и *люй*, в настоящее время правильным считается чтение Юйлюй [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 2; *Духовная культура...* 2007, с. 528].
- 8 Цю Чуцзи (1148–1227) — даосский патриарх, по приглашению Чингисхана посетивший в 1219 г. Центральную Азию и оставивший записки о своем путешествии [Цзи Юнь, 1974, с. 529]. Не совсем ясно, почему Цзи Юнь упоминает здесь это сочинение. Возможно, сосед имел в виду одноименный роман У Чэнъэня (吳承恩, XVI в.), тогда было бы понятно, почему его противники приравнивали этот источник к «уличным рассказам», которые не являются доказательством, — ведь речь шла о популярной художественной литературе.
- 9 Дунфан Шо (II–I вв. до н. э.) — сановник эпохи Хань, прославившийся как истолкователь чудес, затем обожествленный в народной мифологии [*Духовная культура...* 2007, с. 451–452].

Илл. 1. Дух дверей (на булаве в руках духа надпись: «Шэньшу»)

Народная картина. Китай, 1920-е гг.; бумага, печать, раскраска от руки. Государственный Музей Востока, Москва. Инв. № 14657 I. © Государственный музей Востока

Fig. 1. Door gods (note the inscription: "Shenshu" on the mace)

Folk Woodcut. China, 1920s; paper, hand-colored woodcut. © The State Museum of Oriental Art

Илл. 2. Дух дверей (на булаве в руках духа надпись: «Юлю») Народная картина. Китай, 1920-е гг.; бумага, печать, раскраска от руки. Государственный Музей Востока, Москва. Инв. № 14658 I. © Государственный музей Востока
Fig. 2. Door Gods (note the inscription "Yulu" on the mace) Folk Woodcut. China, 1920s; paper, hand-colored woodcut. © The State Museum of Oriental Art

Илл. 3. Духи дверей (вооружены кистенями и боевыми плетью)

Народная картина. Китай, 1920-е гг.; бумага, печать. Государственный Музей Востока, Москва. Инв. № 559 I
© Государственный Музей Востока

Fig. 3. Door Gods (armed with flails and fighting whips)

Folk Woodcut. China, 1920s; paper, woodcut. © The State Museum of Oriental Art

деляет как Шэньшу и Юйлюя, так и Цинь Шубао и Юйчи Цзиндэ. Персонажи каждой пары представлены стоящими друг напротив друга с оружием в руках. Иконографической особенностью изображений Шэньшу и Юйлюя является использование в качестве оружия закрепленной на длинном древке булавы в форме «золотой тыквы» (*цзиньгуа*; 金瓜), на которой написано имя персонажа (Илл. 1, 2).

На крупных изображениях имена персонажей могут быть написаны также на нагрудных зеркалах их доспехов. Что касается военачальников

Циня и Юйчи, то первый вооружен парой похожих на мечи четырехгранных кистеней-*цзянь* (铜), а второй сжимает в каждой руке стальную боевую плетью-*бянь* (鞭) [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 23–25]. Та же закономерность прослеживается и на материалах коллекции Государственного Музея Востока: булавы «золотая тыква» в руках духов дверей маркированы именами Шэньшу и Юйлюя, а изображения духов с кистенями и боевыми плетью подобных подписей не имеют (Илл. 3).

Подобное разделение, являющееся лишь частью предложенной профессором Ваном об-

ширной систематизации народных картин с изображением *мэнь-шэнь*, носит, на наш взгляд, скорее искусствоведческий, чем этнографический характер. Трудно сказать, в какой степени оно отражает точку зрения многочисленных малограмотных (и вовсе безграмотных) покупателей и даже изготовителей китайского лубка прошлых веков. Один из первых русских исследователей и коллекционеров китайской народной картины академик В. М. Алексеев собирал свою коллекцию в Китае в начале XX в. В ходе путешествия Алексеев не только постоянно тесно общался с носителями традиционной культуры из самых различных слоев общества, но и специально знакомился с художниками – авторами народных картин. При этом в опубликованных позже работах В. М. Алексеев называет прототипами духов дверей только танских полководцев [Алексеев, 1966, с. 42, 211]. Благодаря исследованиям академика Алексеева и свидетельствам других путешественников, известно, что имена Шэньшу и Юйлюя могли использоваться и вне всякой связи с антропоморфными изображениями духов дверей. Их упоминали в заклинательных стихах, а также писали на листах белой бумаги, которые наклеивали на створки ворот в домах, где недавно кто-то умер [Алексеев, 1966, с. 212, 223]. Поэтому присутствие имен Шэньшу и Юйлюя рядом с изображениями духов дверей скорее можно расценивать как рудимент — смутное воспоминание о древних прототипах. Нельзя быть уверенным, что глядя на народные картинки с духами дверей, украшенные именами Шэньшу и Юйлюя, их владелец не мог в то же время воспринимать представленные на них изображения воинов как «портреты» танских полководцев. Скорее всего, — вне зависимости от иконографии и подписей, — все подобные

картины сливались в массовом сознании в один синтетический по форме и синкретический по сути образ духа дверей. Подобное восприятие отразилось и в обезличенно-обобщенном наименовании духов дверей на специфических лубочных картинах малого формата — «Хранитель дверей и Страж входа» (门丞户尉) либо «Дух дверей и Страж входа» (门神户尉) [Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 20-21, Илл. 13–14]¹⁰ (Илл. 4).

При подобном восприятии имена древних духов соединялись на бытовом уровне в одно неразрывное целое с изображениями средневековых полководцев¹¹. Примером подобного смешения этих персонажей также и в сознании определенной части представителей высшей аристократии является творчество Гобуло Жуньци (郭布罗 润麒, 1912–2007) — шурина последнего китайского императора¹². Известно, что последний император Китая Айсиньгиоро Пуи (爱新觉罗 溥仪, 1906–1967) после окончания Второй Мировой Войны провел пять лет в плену в Советском Союзе. Среди родственников и приближенных, разделявших с бывшим монархом пребывание в лагере, находился и его шурин. В 2011 г. в Хабаровске была издана книга Г. Д. Константинова «Последний император Китая в СССР», содержащая много интересных свидетельств об этом периоде жизни бывшего императора и его окружения. В главе, специально посвященной Жуньци, приведена, в частности, следующая информация: «Одним из увлечений Жунь Ци в молодости было рисование. Чтобы занять членов императорской семьи, находящихся в 45 спецлагере города Хабаровска, где заключенных на работы не водили, переводчик Георгий Пермяков предложил составить наглядный словарь в картинках для студентов, изучающих китайский язык. Рисовал и делал

10 Такие маленькие картинки с изображением сразу обоих духов дверей, стоящих плечом к плечу на фоне дворцовой постройки, предназначались не для крепления на створки ворот, а для поклонения во дворе накануне Нового Года, которое завершалось сожжением этих изображений вместе с бумажными имитациями денег, предназначенных в жертву божествам.

11 Об аморфности образов духов дверей свидетельствует и целая череда легендарных и литературных персонажей, иногда выступающих в роли хранителей дверей на народных картинах.

12 Краткую биографию Гобуло Жуньци см.: Gobulo Runqi (郭布罗润麒). Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Runqi> (accessed 29.04.2022).

Илл. 4. Хранитель дверей и страж входа

Народная картина. Китай, 1920-е гг.; бумага, печать. Государственный Музей Востока, Москва
Инв. № 3776 I. © Государственный Музей Востока

Fig. 4. Door Keeper and Entrance Guard

Folk Woodcut. China, 1920s; paper, woodcut. © The State Museum of Oriental Art

Илл. 5. **Полная гармония**

Народная картина. Китай, XX в. Сучжоу; бумага, печать. Государственный Музей Востока, Москва
Инв. № 11553 I. © Государственный Музей Востока

Fig. 5. **Yituanheqi (Full Harmony)**

Folk Woodcut. China, 20th century, Suzhou; paper, woodcut. © The State Museum of Oriental Art

надписи Жунь Ци, в чем ему немало помогал Пу И» [Константинов, 2011, с. 390]. Некоторые из этих работ воспроизведены в книге.

Среди выполненных Жуньци рисунков, снабженных иероглифическими подписями, имеются и два изображения духов дверей в виде воинов. Их позы и вооружение соответствуют описанной Ван Шуцунем традиции изображения танских полководцев, а иероглифический текст в верхней части листа гласит: «Юйлюй Танский Юйчи Гун» и «Шэньшу Танский Цинь Цюн» [Константинов, 2011, с. 102]. Имена древних духов и средневековых военачальников, по-видимому, являлись для художника синонимами. Показательно, что Пуи не внес в подпись каких-либо изменений: вероятно, подобное механическое соединение имен различных персонажей в рамках одного образа не показалось странным и ему. Таким образом, точка зрения придворной элиты в данном случае довольно тесно сходилась со взглядами широких слоев населения.

Свидетельством взаимного проникновения придворной и народной культур можно считать народные картины-обереги с изображением Чжун Куя, воспроизводящие якобы рисунок, выполненный вдовствующей императрицей Цыси (慈禧, 1835–1908). Такие картины продавались в Пекине в начале XX в. Академик В. М. Алексеев приобрел такую картину и писал по этому поводу: «Эстампаж с деревянного клише изображает Чжун-куя одетым в костюм ученого чиновника, но в позе, угрожающей дьяволам, желающим напасть на дом. Сверху спускается летучая мышь... Как видно из печати, стоящей сверху, картина приписывается вдовствующей императрице Цыси (помечена даже дата этого «собственноручного» рисунка: 19 число 2 луны 1888 г.). Подобные рисунки в Пекине не редкость. Покойная государыня очень любила дарить разнообразными изображения с благопожелательными символами своим любимцам, так что и этот символ, как наиболее популярный, был бы для нее приемлем. Оригинал, с которого они ско-

пированы и вырезаны на досках мне видеть не удалось. Ничего не будет удивительного даже в том, что такого оригинала и вовсе не существовало. Подделки такого рода никогда не преследовались» [Алексеев, 1966, с. 222–223].

Как видим, в данном случае исследователь ставит под сомнение опосредованное авторство вдовствующей императрицы, но, в принципе, влияние творчества высочайшей особы на искусство народной картины не являлось чем-то невозможным. Достоверным примером такого влияния является картина минского императора Сянь-цзуна (憲宗, 1447–1487) «Полная гармония», послужившая прототипом для последующих народных картин¹³. На вертикальном свитке представлено вписанное в круг изображение обнявшихся представителей Трех Учений (конфуцианства, даосизма и буддизма), которые совместно изучают некий документ. Три фигуры, благодаря оптической иллюзии, могут восприниматься зрением и как изображение анфас одного тучного человека с округлыми формами тела. Картина, восходящая к синкретической идее о принципиальном единстве трех религиозно-философских учений традиционного Китая, в то же время использует популярную форму круга в качестве символа полноты гармонии. Именно такая форма, исполненная благопожелательного смысла, была взята на вооружение народными художниками, породив в народном искусстве образ шарообразного улыбающегося мальчика [Алексеев, 1966, с. 179, илл. 85; Ван Шуцунь, Лю Ин, 2009, с. 119, илл. 62]. На некоторых народных картинах мальчик для большей ясности держит двумя руками развернутый свиток с надписью «Полная гармония» (Илл. 5).

Что же можно сказать о конкретных путях, по которым осуществлялись контакты народной и придворной культуры? Подобный вопрос уже рассматривался в отечественной исследовательской литературе применительно к европейским средневековым и ренессансным дворам. Про-

13 Итуань хэци (一团和气; Полная гармония). Wikipedia. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/一团和气> (accessed 18.03.2022).

фессор Н. А. Хачатурян (1931–2020) называет среди факторов, потенциально способствовавших «демократизации» придворной культуры, расширение и обновление состава придворных за счет провинциального дворянства, бюргерства и выходцев из неоднородного по социальной природе чиновничества, а также присутствие при дворе (благодаря широкой практике меценатства) представителей «неблагородных» сословий [Хачатурян, 2014, с. 11–12].

В средневековом Китае функцию посредника могло выполнять чиновничество, благодаря системе государственных экзаменов и регулярному служебному перемещению являвшееся наиболее мобильной социальной группой. Чиновники традиционно играли большую роль в формировании общекитайской (прежде всего элитарной) культуры, к тому же представители высшего чиновничества часто выполняли художественные заказы двора. Но даже чиновники высокого ранга, с одной стороны, обычно не имели доступа во внутренние покои императорского дворца, а с другой — довольно сдержанно относились к народной культуре. Влияние с их стороны неизбежно носило лишь опосредованный и ограниченный характер.

Другим каналом для «вертикальных» культурных контактов являлись периодически проводившиеся наборы евнухов и служанок для императорского дворца. И те, и другие происходили из семей простолюдинов. Правда, статус дворцовых служанок (особенно в эпоху Мин) был невысок, а сфера их деятельности весьма ограничена. Зато евнухи исполняли множество разнообразных функций и порой достигали весьма высокого положения в дворцовой и даже государственной иерархии.

Еще одним фактором, способствовавшим проникновению народной культуры во дворец, являлась брачная практика императоров эпохи Мин. Известны случаи, когда супруги императоров приносили в пекинский дворец региональные моды [Чжао Чжунънань, 2010, с. 779], вероятно, тем же путем во дворец могли проникать «простонародные» традиции.

В цинскую эпоху, когда императорские жены и даже дворцовые служанки набирались преимущественно из маньчжурских семейств, двор частично наследовал бытовые традиции, уже сформировавшиеся в минскую эпоху, а частично сохранял определенную связь с народной культурой при посредничестве чиновников и дворцовых евнухов. Уже упоминавшийся выше последний император Китая, вступивший на трон еще ребенком, спустя десятилетия вспоминал в мемуарах о том, какое значительное влияние на формирование его личности оказали истории со сверхъестественным сюжетом, которые рассказывали ему евнухи. Причем Пуи высказывает уверенность, что евнухи и сами не сомневались в достоверности этих легенд и преданий [Пу И, 1968, с. 98–100].

Предпринятое сопоставление позволяет на материале китайской народной картины вновь поставить под сомнение тезис о сугубой «элитарности» придворной культуры, ранее уже подвергавшийся критике применительно к изучению Средневековой и Ренессансной европейской культуры [Хачатурян, 2014, с. 6, 11]. На наш взгляд, не отрицая очевидной специфики придворной культуры (о подобной специфике, в частности, прямо говорит в своих записках Лю Жоюй), следует рассматривать ее как субкультурное выражение общей культурной доминанты.

В одной из работ, посвященных китайской народной картине, В. М. Алексеев писал, что «границы “большого” и “малого” искусства зыбки, ибо их связывает общая традиция» [Алексеев, 1966, с. 24]. Предпринятый анализ материала позволяет, на наш взгляд, распространить данное наблюдение В. М. Алексеева на частный случай взаимоотношений китайской народной картины с придворной культурой и констатировать их относительно тесную двустороннюю связь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев В. М. *Китайская народная картина*. М.: Главная Редакция Восточной литера-

туры, 1966. — 260 с. [Alekseyev V. M. *Chinese Folk Imagery*. Moscow: Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury, 1966. — 260 p. (in Russian)].

Ван Шуцунь. К истории китайской народной картины. *Редкие китайские народные картины из советских собраний*. Ленинград–Пекин, 1991. С. 21–37 [Wang Shucun. On the History of Chinese Folk Painting. *Rare Chinese Folk Woodcuts from Soviet Collections*. Leningrad–Beijing, 1991. Pp. 21–37 (in Russian)].

Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 2. Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература РАН, 2007. — 869 с. [*Spiritual Culture of China*. Vol. 2. Ed. by M. L. Titarenko. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. — 869 p. (in Russian)].

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый Год. М.: Восточная литература, 1985. — 264 с. [*Calendar Customs and Rituals of the Peoples of East Asia*. New Year. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1985. — 264 p. (in Russian)].

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Восточная литература, 1989. — 360 с. [*Calendar Customs and Rituals of the Peoples of East Asia. Yearly Cycle*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1989. — 360 p. (in Russian)].

Константинов Г. Д. *Последний император Китая в СССР*. Хабаровск: Экспресс Полиграфия, 2011. — 403 с. [Konstantinov G. D. *The Last Emperor of China in the USSR*. Khabarovsk: Express Polygraphia, 2011. — 403 p. (in Russian)].

Писцов К. М. Сочинение Лю Жоюя — уникальный источник сведений по истории и культуре китайского двора первой трети XVII века. *Историческая психология и социология истории*. 2020. Т. 13. № 1. С. 94–110. [Pistsov K. M. Liu Ruoyu's Composition as a Unique Source of Information about Chinese Imperial Court in the First Third of 17th Century. *Historical Psychology and Sociology*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 94–100 (in Russian)].

Пу И. *Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И, последнего императора Китая*. М.: Прогресс, 1968. — 424 с. [Aisin-Gioro, Puyi. *The First Half of My Life: The Autobiography of Aisin-Gioro Puyi*. Moscow: Progress, 1968. — 424p. (in Russian)].

Рифтин Б. Л. О китайском лубке и его русских собирателях. *Редкие китайские народные картины из советских собраний*. Ленинград – Пекин: Аврора – Жэньминь мэйшу, 1991. С. 1–20 [Riftin B. L. On Chinese Lubok and Its Russian Collectors. *Rare Chinese Folk Woodcuts from Soviet Collections*. Leningrad – Beijing: Aurora – Renmin meishu, 1991. Pp. 1–20 (in Russian)].

Хачатурян Н. А. Придворная культура: параметры явления. *Придворная культура эпохи Возрождения*. М.: РОССПЭН, 2014. С. 5–16. [Kchachaturan N. A. The Court Culture: Parameters of the Phenomenon. *The Court Culture in the Renaissance*. Moscow: ROSSPEN. 2014. Pp. 5–16. (in Russian)].

Цзи Юнь. *Заметки из хижины «Великое в малом»*. М.: Главная Редакция Восточной литературы, 1974. — 589 с. [Ji Yun. Notes from a Hut Named Great-in-Small. Moscow: Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury, 1974. — 589 p. (in Russian)].

Ван Шуцунь, Лю Ин (王树村, 刘莹) *Чжунго мэньшэнь хуа (中国门神画; Китайские картины с изображением духов дверей)*. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2009. — 194 с. [Wang Shucun, Liu Ying. *Chinese Door Gods Paintings*. Tianjin: Tianjin Renmin Chubanshe, 2009. — 194 p. (in Chinese)].

Гунли го данянь (宫里过大年; Встреча Нового Года во дворце). Пекин: Гугун чубаньшэ, 2017. — 228 с. [Gongli Guo Danian; *New Year's Eve in the Palace*. Beijing, Gugong Chubanshe, 2017. — 228 p. (in Chinese)].

Лю Жоюй (刘若愚). *Чжо чжун чжи (酌中志; Беспристрастные записи)*. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2018. — 221 с. [Liu Ruoyu. *Straight Records*. Beijing: Beijing Chubanshe, 2018. — 221 p. (in Chinese)].

Чжао Чжунънань (赵中男) *Миндай гунтин дяньчжи ши* (明代宫廷典制史; *История придворного церемониала эпохи Мин*). Пекин, Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2010. — 882 с. [Zhao Zhongn'an. *The History of the Court Ceremonial System in the Ming Dynasty*. Beijing: Zijincheng Chubanshe, 2010. — 882 p. (in Chinese)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ /
ELECTRONIC SOURCES

Итуань хэци (一团和气; Полная гармония). *Wikipedia*. [Yituan Heqi. *Wikipedia* (in Chinese)]

URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/一团和气> (accessed 18.03.2022).

Юйчи Цзиндэ (尉迟敬德). *Wikipedia* [Yuchi Jingde. *Wikipedia* (in Chinese)]. URL: <https://zh.m.wikipedia.org/wiki/尉迟敬德/> (accessed 28.06.2022).

Цинь Цюн (秦琼). *Wikipedia*. [Qin Qiong. *Wikipedia* (in Chinese)]. URL: <https://zh.m.wikipedia.org/wiki/秦琼> (accessed 28.06.2022).

Gobulo Runqi (郭布羅潤麒). *Wikipedia*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Runqi> (accessed 29.04.2022).

ОБРАЗЫ САРАЦИН В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ

IMAGES OF THE SARACENS IN THE MEDIEVAL ART

© 2022 **Татьяна Сергеевна Терещенко**

кандидат философских наук, независимый
исследователь, Москва, Россия
tatere@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-1786-5783

Tatiana S. Tereshchenko

PhD. (Philosophy), independent researcher, Moscow,
Russia; tatere@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1786-5783

Статья посвящена анализу изображений «сарацин» в средневековом искусстве Западной Европы (преимущественно Италии и Франции, а также Испании) и их ключевых характеристик в связи с историческими событиями (Крестовые походы, путешествия купцов и католических миссионеров). Автор рассматривает виды изобразительного искусства (книжные миниатюры, фрески и др.), сюжеты и роли (сцены битв с европейцами, обращение в христианство, слушатели христианских проповедей, свидетели событий из жизни Христа, и христианских святых и т. п.), в которых изображались сарацины. Отмечается неточность и флуктуальность понятия «сарацины» и их изображений. Анализируются характерные черты изображений сарацин, противопоставлявшихся характерным чертам изображений европейцев: внешность (правильные черты европейцев, неправильные — сарацин), мимика (спокойствие и бесстрастность — гримасы); жесты (смирненные — агрессивные), фас — профиль, цвет кожи (светлый — темный), бороды и волосы (светлый — темный цвет, более густые волосы у сарацин), вооружение (прямой меч — лук и стрелы / изогнутый меч). Эти черты, как и изображения сарацин в целом, были связаны с религиозно-этическими категориями: грех, язычество, варварство, лицемерие и др., приписываемые сарацинам, и им противоположными, приписываемые христианам. Таким образом, исторические события репрезентировались посредством религиозных сюжетов, а также (как, в первую очередь, Крестовые походы) осмыслились как противостояние правильной и неправиль-

ной религии, добра и зла. Изображения чернокожих сарацин в тюрбанах и восточной одежде были связаны с негативной семантикой черного цвета (он связывался со злом, грехом и т. п.) и, возможно, присутствием чернокожих в армиях сарацин и среди жителей городов Ближнего Востока. Темнокожие, изображавшиеся на гербах европейских аристократов, также отсылали к Крестовым походам, позиционируя своих хозяев как защитников правильной веры, победителей зла, врагов христианства и т. п. В книжных миниатюрах могли также найти отражение противостояния сарацин и монголов на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Другой, сарацины, мавры, Крестовые походы, книжные миниатюры, скульптура

Для цитирования: Терещенко Т. С. Образы сарацин в средневековом искусстве. *Восточный курьер* / *Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 145–158. DOI: 10.18254/S268684310023760-4

The article analyses the images of the “Saracens” in the medieval art of Western Europe (mostly Italy, France and also Spain) and their key characteristics in connection with the historical events (crusades, voyages of the merchants and Catholic missionaries). It analyses types of visual arts (miniatures, frescos etc.), subjects and roles (battles with Europeans, conversion to Christianity, listeners of the Christian preaching, witnesses of the events of the life of Christ and Christian saints etc.) where the Saracens were represented. The article points out impreciseness and fluctuality of the term “Saracens” and their images. Also, it analyses the characteristic traits of the images of the Saracens which were counterposed to those of the Europeans: appearance (regular facial features of Europeans and irregular ones — of the Saracens), mimics (calmness — grimaces), gestures (meek — aggressive), skin color (light — darker), beards and hair (light — dark color, thick), weapons (straight sword — bow or arrows and bent sword). These traits, as well as the images of the Saracens in general, were connected with the religious-ethical categories: sin, paganism, barbarism, cunning et. al. and similar. Thus, the historical events were represented as the religious subjects and (as, first, crusades) were perceived as confrontation between right and wrong religion, Good and Evil etc. Images of the Saracens wearing turbans and Oriental clothes related to the negative semantic of the Black color (it related to Evil, Sin etc.) and probable presence of the Blacks in the armies of the Saracens and among the inhabitants of the cities of the Near East. Black people depicted on the crests of the European aristocracy also referred to the crusades and represented their owners as the defenders of the right faith, defeaters of the Evil and the enemies of Christianity etc. The illuminated manuscripts might also represent confrontations between the Saracens and the Mongols in the Near East.

Keywords: The Other, Saracens, Moors, crusades, miniature, frescoes, sculpture

For citation: Tereshchenko Tatiana S. Images of the Saracens in the Medieval Art. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 145–158. DOI: 10.18254/S268684310023760-4

ПОНЯТИЕ «САРАЦИНЫ»

Противопоставление Востока Западу, а христианства — другим религиям: язычеству, иудаизму, исламу было одной из сущностных черт европейского самосознания эпохи средневековья. Это противопоставление воплотилось в фигурах сарацин. Термин «сарацины» происходит от арабского «шарк» (Восток) и впервые

упоминается в античных источниках первых веков нашей эры: под ним тогда понимались кочевые племена Ближнего Востока. В средние века этот термин стал довольно размытым и обозначал мусульман-жителей арабских стран, Ближнего Востока и Испании. В качестве синонима понятия «сарацины» мог использоваться термин «мавры», однако он был еще более размытым и скорее относился к жителям Северо-

Западной Африки и арабскому населению Пиренейского полуострова, а также к чернокожим. Подобного рода размытость и флуктуальность восприятия инакости в целом была характерна для Средневековья: аналогичным образом и под термином «монголы» могли пониматься и жители Дальнего Востока, и монголоиды или вообще собирательный образ народов Востока. В контексте данной работы под «сарацинами» понимается некое обобщенное, довольно расплывчатое понятие, обозначающее мусульман, жителей Ближнего Востока (реже — Северной Африки), в первую очередь, арабов.

Изображения «сарацин» появились в европейском искусстве благодаря ряду исторических событий (завоевание арабами Испании и Крестовые походы) и общекультурных сдвигов — в первую очередь, благодаря росту интереса к реальному миру и другим народам.

ОБРАЗЫ САРАЦИН В КОНТЕКСТЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Особую значимость для европейского менталитета образы сарацин приобрели в связи с Крестовыми походами (1095–1291): их идеологии провозгласили сарацин главными врагами христианской веры. Кроме того, эти походы расширили представления европейцев об окружающем мире, в том числе, и о других народах, и способствовали росту интереса изобразительного искусства к их изображению.

Условные изображения Крестовых походов

До XIV в. изображения, связанные с Крестовыми походами, были символическими и абстрактными. Крестовые походы репрезентировались либо посредством религиозных сюжетов, либо сюжетов (сцен битв) из старофранцузского эпоса. Такое осмысление событий настоящего посредством событий прошлого, причем, не обязательно реальных, а часто мифологизированных, было характерной чертой средневекового сознания. С другой стороны, реальные исторические события и события настоящего часто репрезен-

тировались посредством религиозных сюжетов и образов, сопоставлялись с ними, поскольку религиозные категории были ключевыми в средневековом мировоззрении, а библейская история — той призмой, сквозь которую осмысливались и последующие исторические события, и настоящее. В этой связи искусство того времени прежде всего было направлено на изображение религиозных сюжетов и идей посредством отвлеченных образов и в гораздо меньшей степени интересовалось реальным миром и реальными событиями [Лучицкая, 2001; Лучицкая, 2002].

Так, события Крестовых походов могли репрезентироваться посредством изображений св. Георгия. Это было связано с тем, что эти события, как и события легенды о св. Георгии, имели место в одном и том же регионе — Восточном Средиземноморье. Кроме того, согласно легенде, победа у Антиохии 18 июня 1098 г., ставшая поворотным пунктом в Первом Крестовом походе, произошла благодаря помощи ангелов, святых и душ предков под предводительством св. Георгия. В частности, рельеф портала церкви св. Георгия в Фордингтоне (Дорсет, Великобритания, нач. XII в.) изображает св. Георгия на коне, убивающего сарацина, слева от него стоят еще двое коленопреклоненных сарацин с воздетыми в мольбе руками.

Старофранцузский эпос, *шансон де жест* (песни о деяниях — в первую очередь, песнь о Роланде), повествовал главным образом о войнах (в основном о войнах с маврами (арабами) в Испании) правителей династии Каролингов — преимущественно короля франков Карла Великого (748–814). Соответственно, изображения этих сюжетов проводили параллель между ними и Крестовыми походами. Изображения на такие сюжеты получили распространение распространены главным образом в Юго-Западной Франции и Северной Испании в XII в. [Lejeune, Stiennon, 1966]. Это было связано с несколькими факторами. В первую очередь, эти территории были пограничными с землями мавров в Испании. Кроме того, они лежали на пути паломников из Франции в один из важней-

Илл. 1. Рельеф тимпана Ангулемского собора. Нач. XII в.

По: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Angoul%C3%Aame_-_Cath%C3%A9drale_-_Chanson_de_Roland_4.jpg (accessed 04.11.2022)

Fig. 1. Relief of the tympanum of Angoulême Cathedral. Beginning of the 12th century

Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Angoul%C3%Aame_-_Cath%C3%A9drale_-_Chanson_de_Roland_4.jpg (accessed 04.11.2022)

ших духовных центров средневековой Европы — монастырь Сантьяго-де-Компостела в Испании — и являлись своего рода предупреждением против опасности встречи с маврами, сарацинами — «язычниками», «Другими», противниками христианской веры. Неслучайно именно эти территории сыграли важную роль в организации Крестовых походов. При этом мавры (сарацины) — противники Роланда могли изображаться как обычные европейские рыцари — в доспехах, шлеме, вооруженные мечами (битва Роланда и короля Марсилия (рельеф тимпана Ангулемского собора, нач. XII в.; Илл. 1).

Кроме того, в то же время преимущественно на тех же территориях получили распространение и изображения т.н. «сражающихся воинов» — это могли быть парные (рельеф капители Пармского собора (1130-е гг.), изображающий битву между христианином и «неверным») или групповые (церковь Сан-Бевиньяте, Перуджа, сер. XIII в.) сцены, где сарацины (мавры) были представлены как европейские рыцари. Целью таких обобщенных изображений была не иллюстрация события во всех подробностях, а показ «существа конфликта» [Лучицкая, 2001, с. 325].

В росписях Капеллы тамплиеров в Крессак-Сен-Жени (регион Новая Аквитания, Франция; сер. – вт. пол. XII в.) изображение битвы группы европейцев и сарацин на одной стене сочетается с изображением битвы св. Георгия с драконом, а также воина на коне, попирающего (предположительно) сарацина — на другой; рядом с обоими стоит женщина, на женщине во второй сцене корона: возможно, первая сцена представляет Константина, защищающего Церковь, а вторая — французского короля Людовика VII и Алиенору Аквитанскую.

Опосредованным образом с сарацинами, маврами и Крестовыми походами была связана скульптурная программа церкви Св. Марии Магдалины аббатства Везле (Бургундия, Франция, XII в.). Эта программа имела двойственный характер. С одной стороны, в середине XI в. в это аббатство из Святой Земли привезли мощи, объявленные мощами Святой Марии Магдалины, что сделало его одним из важнейших в тогдней Франции центром паломничества. Кроме того, оно было отправным пунктом паломников в Сантьяго-де-Компостела, поэтому семантика его скульптурной программы может быть отчасти сходной с семантикой изображений мавров

и сарацин других соборов Пиренейского региона. Однако главное ее содержание было связано с Крестовыми походами. В связи с тем, что в те времена это место было одним из религиозных центров региона, оно сыграло очень важную роль в их организации. Там собирався выступить с призывом к Первому Крестовому походу папа Урбан II, Святой Бернар Клервосский выступал там с призывом ко Второму походу и там же объединились и совместно выступили оттуда в Третий Крестовый поход войска английского короля Ричарда Львиное Сердце и французского короля Филиппа Августа.

Вместо традиционного Страшного суда тимпан собора декорирует изображение Миссии апостолов. В его центре представлен Иисус Христос с раскинутыми руками, как бы благословляющий апостолов. Это иллюстрирует его слова из Евангелия от Матфея: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...» (Мф. 28:19–20); и Марка: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). «Вся тварь» изображена в верхней части по краям тимпана: там представлены народы в восточной одежде, а также фантастические народы — кинокефалы, люди с большими ушами и др. Фантастические народы также присутствуют среди скульптур ряда капителей внутри церкви. Тем самым, за религиозной формой здесь скрывается политическое содержание — Крестовым походам придается сходство с миссией апостолов, а крестоносцам — с апостолами [Лучицкая, 2002, с. 102–103].

Кроме того, уже в то время существовали и отдельные реалистичные изображения сарацин или мавров — в тюрбанах и с бородами: горельеф Кафедрального собора в Туделе (Наварра, Испания, нач. XIII в.), изображающий рыцаря на коне, замахивающегося мечом над колено-преклоненным персонажем в тюрбане; два согбенных персонажа в тюрбанах, служащие основанием колонны портала церкви Девы Марии в Олорон-Сент-Мари (Атлантические Пиренеи, Франция, нач. XII в.).

Изображения Крестовых походов в книжных миниатюрах

Наиболее развернутое визуальное осмысление события Крестовых походов нашли в книжных миниатюрах. В них присутствовали как символические, условные, так и реалистические тенденции. В целом, язык книжных миниатюр был схематичным и упрощенным: там присутствовало ограниченное число сюжетов и персонажей, наделенных ограниченными характеристиками, представленных в определенных конвенциональных позах и с соответствующими жестами. Вероятно, такая репрезентация связана с тем, что миниатюры были призваны всего лишь дополнять текст, подробно описывающий ход событий: по словам С. И. Лучицкой, «миниатюрист представляет рассказ... посредством того, что обедняет содержание текста хроники и схематизирует изложение событий» [Лучицкая, 2001, с. 324]. Однако при этом семиотическое содержание этих изображений было чрезвычайно насыщенным: как характеризует это Лучицкая, благодаря тому что «иллюстрация сокращает содержание, она выглядит как символ, но именно потому она богата всякого рода символическими коннотациями» [Лучицкая, 2001, с. 326]. Это были не просто иллюстрации текста, а по сути идеограммы — условные упрощенные изображения, репрезентирующие целый комплекс смыслов: само событие и его символический подтекст — в данном случае изображая исторические битвы, эти миниатюры символизировали победу христианства над язычеством, добра над злом и т.п. [Лучицкая, 2001, с. 345 и др.].

Большинство иллюстраций Крестовых походов представляют собой сцены битв между «сарацинами» и европейцами. Многие такие изображения отталкиваются от традиционной средневековой схемы сражений. Их композиция делится на две части — левую и правую — с двумя группами сражающихся воинов: как правило, всадников в доспехах с направленными друг на друга мечами или копьями, европейцы — в левой, сарацины — в правой части. Такое расположение связано с тем, что изображение в за-

падноевропейской культуре строится и читается как текст — слева направо. Иногда акцент делался на противоборстве двух воинов — по одному из каждой группы.

В иллюстрациях Крестовых походов европейцы и сарацины изображались с противоположными характеристиками. Эти характеристики имели определенное символическое содержание. Оно было связано с ключевыми для средневековой культуры и эстетики религиозно-этическими ценностями и категориями. К этим характеристикам относились:

- внешность. Она включала в себя черты лица: правильные у европейцев — неправильные (мясистые губы, крючковые крупные носы) у сарацин; и мимику: гримасы у сарацин (перекошенные лица, сжатые губы) — спокойное, умиротворенное выражение лица у европейцев;

- жесты: смиренные (скрещенные руки) у европейцев — агрессивные (воздетые в ударе руки) у сарацин;

- изображение европейцев анфас — профильное (или трехчетвертное) изображение сарацин. Эти характеристики обретали наиболее полный смысл в соположении, противопоставлении друг другу: изображения в фас могли означать такие качества, как покой, сакральное и трансцендентное, а в профиль или в три четверти такие качества, как конкретные действия, активность, а также более низкий статус. В соположении друг с другом эти характеристики могли означать такие качества, как покой, сакральное и трансцендентное (фас) в противоположность таким качествам, как конкретные действия, активность, а также более низкий статус (профиль, три четверти) [Лучицкая, 2001, с. 326]. Кроме того, «в средневековой культуре профильное отображение лица могло восприниматься как знак ущербности/неполноценности (фигура казалась “одноглазой”»». В этой связи в изображениях на религиозные сюжеты негативные персонажи чаще всего изображались в профиль, а главные святые в фас [Антонов, Майзульс, 2011, с. 32];

- цвет кожи: светлая кожа у европейцев — более темная (иногда даже черная иногда с негроид-

ным чертами) у сарацин. Темный цвет кожи сарацин был отчасти связан с существовавшей в средневековье его семиотикой, связанной с грехом, дьяволом и подобными негативными категориями (об этом ниже). Более того, в средневековой эстетике все эти характеристики — красота и правильность черт, спокойные жесты и мимика — были связаны с такими категориями, как праведность, правильная вера, прямота, честность и т. п., а их антиподы, соответственно, с такими противоположными качествами, как грех, язычество, коварство и лживость и т. п.;

- бороды и волосы. Европейцы могли изображаться с более редкими бородами и светлыми волосами, а сарацины с более густыми и темными бородами и прическами. Эти детали воплощали такие качества сарацин, как варварство, инакость и т. п., что было связано с тем, что у европеоидных народов с древнейших времен повышенная растительность воспринималась как знак повышенной агрессивности [Бутовская, 2004, с. 171–172, 175];

- головные уборы: шлемы у европейцев — повязки или тюрбаны у сарацин;

- вооружение: европейцы изображались вооруженными мечами и копьями, сарацины могли изображаться с кривыми мечами или с луками и стрелами. Эта деталь присутствовала в изображениях народов Востока еще в древнегреческом искусстве и будет присутствовать в европейском искусстве до XIX в. включительно (например, в изображениях арабов на картинах художников-ориенталистов). Она станет важнейшим символом Востока в европейской визуальной культуре.

В отдельных изображениях присутствовали не все эти черты, а только часть из них.

В изображениях Крестовых походов преобладало несколько сюжетов:

- 1) Главным сюжетом были битвы. Чаще всего они представляли собой сражение двух групп, реже — двух человек. В них использовалась стандартная для средневековых изображений битв схема. При этом важную роль в репрезентации битв и их хода играли жесты персона-

Илл. 2. Большие французские хроники. 1375–1380

© Национальная библиотека Франции, Париж
Ms. Fr. 2813, 114 v

Fig. 2. *Grandes Chroniques de France*. 1375–1380

© Bibliothèque nationale de France, Paris. Ms. Fr. 2813, 114 v

жей: воздетые и расположенные по диагонали мечи изображали само сражение — это был наиболее распространенный тип таких изображений; один из персонажей (европеец) мог изображаться держащим меч строго вертикально перед собой — так изображалась защита. Характерным примером таких изображений является миниатюра из «Романа о Годфриу Бульонском» (1337 г., Национальная библиотека, Париж; Ms. Fr. 22495, f. 154 v). Согласно стандартной схеме, ее композиция делится на две части — левую (европейцы) и правую (сарацины). Европейцы изображены сидящими на лошадях прямо и уверенно, их фигуры параллельны друг другу; сарацины — сидящими по направлению в разные стороны, падающими; в их образах их фигуры несколько меньше размером, в них больше мягких линий — это создает впечатление их большей слабости, его подчеркивают изображения отрубленных голов сарацин в нижней части миниатюры. Это противопоставление дополняется мимикой (бесстрастные лица европейцев — сжатые губы и перекошенные гримасы лица сарацин), одеждой и вооружением (на европейцах шлемы, в их руках мечи и щиты — на головах са-

рацин повязки или тюрбаны, они вооружены кривыми саблями).

Один из персонажей (тоже европеец) мог изображаться с опущенным на своего противника мечом — так репрезентировалась не столько сама битва, сколько ее завершающий этап, результат. Эта деталь могла дополняться рядом противоположных характеристик персонажей: на одной из миниатюр из «Больших французских хроник» (Илл. 2) герой (Карл V) изображен стоящим — сарацины согнувшимися и падающими; кроме того, они изображены безоружными: у них в руках только щиты, т. е., даже не орудие нападения, а орудие защиты; эти качественные характеристики дополняются количественными: король франков один, его фигура несколько крупнее остальных, а сарацин несколько.

2) Взятие (осада) крепости (города). В европейском искусстве, начиная с эпохи античности, этот сюжет появился впервые. Здесь используется схожая со сценами битв схема с делением на две группы, одна из которых защищает крепость, а другая атакует. Символический подтекст таких изображений состоит не столько в репрезентации борьбы добра со злом и т. п. категорий, а в репрезентации борьбы за обладание сим-

Илл. 3. Хетум Патмич. Цветник историй земель Востока. Нач. XIV в.

© Национальная библиотека Франции, Париж. Ms. fr. 886, fol. 18

Fig. 3. Hayton of Corycus. Flower of the Histories of the East. Beginning of the 14th century

© Bibliothèque nationale de France, Paris. Ms. fr. 886, fol. 18

волическим историко-культурным багажом — и именно в ней и состояла цель Крестовых походов — «освобождение» земель, где зародилось христианство и находились христианские святыни, а по сути, захват и грабеж более богатых, чем Западная Европа, территорий.

Эти изображения строятся по схожей схеме. Одни (это могут быть и европейцы, и сарацины) защищают крепость: стреляют из луков, бросают копья или мечут камни; другие атакуют: стреляют, взбираются по лестнице; особое значение имеет изображение взлома двери или замка крепости топором: оно символизирует победу, взятие крепости (История Утремера. Библиотека Медичи Лауренцина, Флоренция, ок. 1287; MS. Plu. L. XI.10, fol. 33r, Bk. 3. Ch. I).

В изображениях битв монголов и сарацин нашла отражение экспансия монголов на Ближнем Востоке в XIII в.: к середине XIII в. монголы

расширили свою империю на Ближнем Востоке почти до границ Утремера (государств крестоносцев) и завоевали Багдад, Алеппо, Дамаск и др. города, но к 1260 г. были остановлены войсками мамлюков — границей между ними стал Евфрат. Эти события представлены в миниатюрах к сочинению Хетума Патмича «Цветник историй земель Востока» (Илл. 3), созданных в Каталонии (нач. XIV в., Национальная библиотека Франции, Париж). Одна из них изображает битву между монголами и сарацинами при Кёсе-даге (1243 г.), а другая — битву при Хомсе (1281 г.). Эти миниатюры похожи: и там, и там изображены противостоящие группы монголов (слева) и сарацин (справа). Причем, здесь монголы представлены с характерными для изображений сарацин чертами: тюрбаны и темная кожа; у сарацин из традиционных деталей — луки, а также круглые шлемы — т. е., в большей степени «другими» выглядят монго-

лы. Однако на первой миниатюре бегущими с поля боя представлены «сарацины» (в данном случае сельджуки), а на второй — монголы, что отражает реальный исход этих битв. Такие изображения связаны с распространенными в то время представлениями о монголах как потенциальных союзниках христиан против сарацин; попытками пап обратить их в католичество; а также сведениями о том, что монголы являлись христианами.

ОБРАЗЫ САРАЦИН В КОНТЕКСТЕ БИОГРАФИИ И ПОЛИТИКИ ФРИДРИХА II ГОГЕНШТАУФЕНА (1220–1250)

Важный этап в формировании образа сарацин в искусстве средневековой Европы связан с правлением императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена (1220–1250). Это было связано с целым рядом моментов в его биографии и политике. Он родился на Сицилии и был королем обеих Сицилий (1212–1250) — там присутствовало мусульманское (сарацинское), в том числе, и темнокожее население. Вероятно, благодаря этому в дальнейшем Фридрих II владел несколькими, в том числе и восточными языками, и имел тесные контакты с Ближним Востоком и Византией. Он построил себе резиденцию в Южной Италии (г. Лючера, Апулия) и переселил туда ок. 20 тыс. сарацин-мусульман. Из части из них он создал войско, ставшее одной из его опор в противостоянии с папами и итальянскими феодалами, так как мусульмане не боялись папских интердиктов.

О контактах с арабскими странами свидетельствуют археологические находки керамики, украшенной арабской вязью и характерным декором, в Лючере. Причем, учитывая то, что арабы присутствовали на Сицилии и Юге Италии с IX в., эти контакты имели более долгую историю. С Востока Фридрих II заимствовал и темнокожих музыкантов, которые присутствовали при его дворе: такие персонажи были характерной деталью дворов мусульманских правителей, в том числе и Испании. Они присутствовали

и при дворе отца Фридриха II Генриха VI: на миниатюре «Въезд Генриха VI в Палермо» (Пьетро да Эболи. *Liber ad honorem augusti*, 1195–97. Городская библиотека, Берн, Cod. 120, fol. 134) представлены темнокожие музыканты в тюбанах.

Неслучайно Фридрих II такое внимание уделял экспансии на Ближний Восток и даже, лично возглавив Шестой Крестовый поход (1228–1229), заключил мирный договор с египетским султаном аль-Камилем (1229 г.) и получил титул правителя Иерусалимского королевства. Заключение договора с аль-Камилем иллюстрирует миниатюра из более поздней «Новой хроники» Джованни Виллани (1340-е гг., Ватиканская апостольская библиотека, ms. Chigiano L VIII 296, f. 75r). Два правителя, пожимающие друг другу руки, изображены очень похожими: у них похожая одежда, черты лица, даже одинаковые короны. Египетский султан отличается от европейского правителя более длинной и густой бородой и тюбаном под короной. Такое изображение восточных правителей — как идентичных европейским — характерно для искусства средневековья, особенно для книжных миниатюр с их скупым языком. Вероятно, это связано с тем, что средневековые художники, особенно миниатюристы ограничивались наиболее значимыми характеристиками: в данном случае это был социальный статус. При этом в изображениях приближенных султана больше характерных для сарацин деталей: неправильные черты лица, кривые кинжалы, лук.

В этой же хронике есть похожая миниатюра — «Карл I Анжуйский ведет переговоры с эмиром Туниса Мухаммадом I аль-Мустансиром об уходе армии крестоносцев» (f. 115v (I. VIII, 38)). Схожи между собой и их исторические контексты: после смерти Людовика IX и многих участников Крестового похода его брат Карл I Анжуйский заключил договор с тунисским эмиром и добился освобождения христианских пленных, возможности строить церкви и разрешения сарацинам свободно переходить в христианскую веру. Однако в данном случае

Илл. 4. Фреска башни аббатства Сан Дзено. Верона. Втор. пол. 1230-х гг.

По: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Affreschi_torre_San_Zeno_Verona.jpg (accessed 04.11.2022)

Fig. 4. *Fresco of the Tower of the Abbey of San Zeno. Verona. Second half of the 1230s*

Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Affreschi_torre_San_Zeno_Verona.jpg (accessed 04.11.2022)

позиция сарацин выглядит более сильной: они изображены на фоне своей крепости, в то время как европейцы — на фоне временной палатки с телами умерших от разразившейся в том походе эпидемии европейцев. Кроме того, если на первой миниатюре правителя представлены пожимающими руки, то здесь — их руки подняты и обращены друг к другу, что изображает переговоры.

Фридрих II уделял значительное внимание искусству как инструменту пропаганды: это во многом было связано с тем, что его правление было отмечено противостоянием с папами за доминирование в Западной Европе, а также

борьбой с итальянскими коммунами и немецкими феодалами. При нем, в частности, было создано некоторое количество скульптур, изображающих темнокожих [Devisse, Mollat 2010a, p. 108]. Неясно, однако, были ли они связаны с чернокожими африканцами или арабами: вероятно, часть из них была связана с теми, а часть — с другими. С этого времени изображения темнокожих стали часто ассоциироваться с императорами Священной Римской империи.

Особое место в политической образности эпохи Фридриха II принадлежит фреске башни аббатства Сан Дзено в Вероне (Илл. 4) (втор. пол. 1230-х гг.). Там изображен правитель, в

котором многие исследователи видят Фридриха II, принимающего процессию из разных народов. Идентифицировать этих персонажей сложно, но можно с уверенностью сказать, что здесь представлены и европейские народы, и народы Востока (возможно, евреи и арабы), а также чернокожие. Интерпретация этой фрески так же вызывает много споров, но большинство версий так или иначе связывают ее с восточной политикой Фридриха II. Так, Ф. Дзульяни интерпретирует это изображение как традиционный оммаж (церемонию заключения договора между вассалом и синьором), где Фридрих II в качестве правителя Иерусалимского королевства принимает представителей восточных народов [Zuliani, 1992, p. 33].

ОБРАЗЫ ЧЕРНОКОЖИХ САРАЦИН

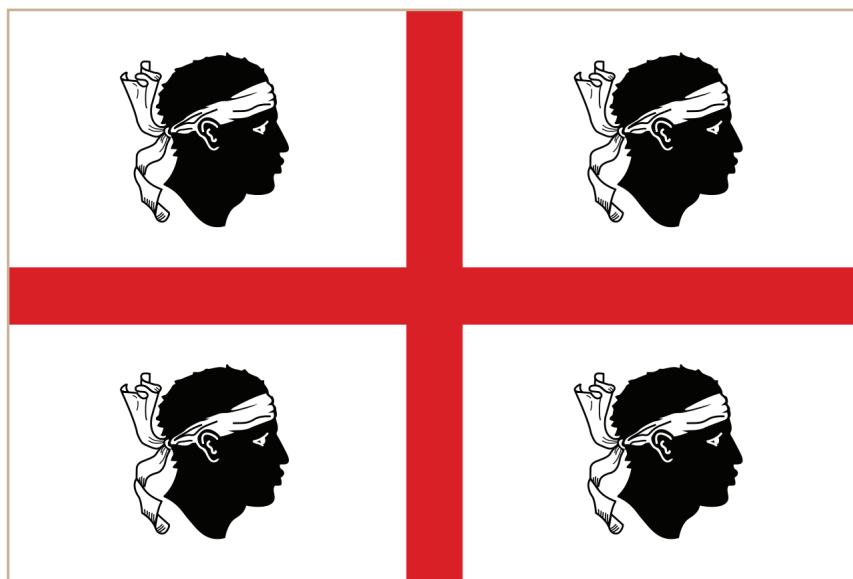
Сарацин нередко могли изображаться как чернокожие (или темнокожие — граница между ними так же зыбка). С темной кожей представлена часть сарацин на фресках Капеллы тамплиеров в Крессаке. Как чернокожие (с темной кожей и кудрявыми волосами) могли изображаться и фантастические персонажи старофранцузского эпоса: битва рыцаря Роланда и мавританского рыцаря Феррагуса (дворец королей Наваррских, Эстелла, нач. XII в.), битва Вильгельма Оранского с гигантом Изоре (башня Ферран, Пернле-Фонтен, кон. XIII в.). Такие изображения были связаны с целым комплексом факторов. С одной стороны, в те времена не было четкой границы между представителями разных рас и народов. Так, у Бокаччо мы читаем: «эфиопы иначе называются маврами» (цит. по: [Devisse, Mollat, 2010b, p. 167]), как пишут современные исследователи, «гигант, чернокожий, сарацин — все комбинации были возможны, смешивались друг с другом и накладывались друг на друга» (цит. по: [Devisse, Mollat, 2010a, p. 92]).

Но главная причина, почему сарацины изображались с темной кожей, была связана с негативной символикой черного цвета: он отождествлялся с грехом, дьяволом и подобными негативными категориями. При этом, поскольку

африканцы имели темную кожу (в средние века с африканцами отождествлялись эфиопы, а с африканским континентом — Эфиопия) они тоже могли связывать с грехом, дьяволом и схожими понятиями — об этом писали многие средневековые мыслители. Так, Тертуллиан (155–220) утверждал: «каждая грешная нация называется “Египет” или “Эфиопия”», а Флодоард (894–966) называл эфиопов черным «грехом и телом» [Devisse 2010c, p. 52–54]. Таким образом, изображения африканцев с характерными чертами являлись порождением цепочки ассоциаций «темный цвет — грех — Африка (Эфиопия) — негроидные черты».

В этой связи не только с темной кожей, но и с негроидными чертами, а также с гримасами злобы могли изображаться и сарацины: таких изображений немало среди миниатюр, иллюстрирующих события Крестовых походов. Темнокожие в тюрбанах присутствуют и на миниатюрах “*Liber Secretorum Fidelium Crucis*” Марино Канудо Ст. (1321 г., Ватиканская апостольская библиотека, II–113 fols., fol. 11 sup v.; fol. 14, fol. 15v.), иллюстрирующих Крестовые походы. Однако в данном случае семантика их изображений гораздо сложнее и связана со сложным национальным составом того региона и целым комплексом имевшихся там противоречий: там присутствует изображение льва (символ татар), волка (турок), леопарда (египетского султана). У некоторых (fol. 15v.) темнокожих персонажей в тюрбанах на щитах изображены кресты — вероятно, это изображения темнокожих христиан того региона: к тому же, они представлены сражающимися со светлокожими персонажами (сарацинами в тюрбанах).

Возможно (по крайней мере, отчасти), с Крестовыми походами и негативной семантикой черного цвета и связью с ней Африки связаны и изображения голов чернокожих, часто в белой повязке на фоне креста, украшающих гербы ряда аристократических родов Западной Европы. Они появились в кон. XIII в. и приобрели популярность в ряде стран Европы (в особенности в Северной и Центральной Италии) в XV в. Ве-

Илл. 5. Флаг Сардинии

ПО: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Flag_of_Sardinia.svg?uselang=ru (accessed 04.11.2022)

Fig. 5. Flag of Sardinia

Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Flag_of_Sardinia.svg?uselang=ru (accessed 04.11.2022)

роятно, эти головы скорее изображали сарацин, а не африканцев, а темная кожа и негроидные черты были призваны акцентировать их инаковость, а также символизировать зло, врагов веры и т.п. Так, изображения голов чернокожих на щитах стражей в сцене казни францисканцев в Сеуте (Таддео Гадди, фрагмент росписи шкафа; 1335–1340; Галерея Академии, Флоренция) подчеркивает их негативную роль палачей. Кроме того, изображения голов чернокожих репрезентировали силу своих хозяев (в этом отношении они были аналогами изображений медведей, львов и т. п.), позиционировали их как победителей врагов, защитников веры. С этим контекстом так же связаны имена итальянских аристократических родов-хозяев таких гербов, многие из которых были основаны крестоносцами: Сарачини (Сиена), Моранди (Генуя), Негри (Виченца) и др.

На гербе Миланского герцогства изображен человек с красной кожей в пасти змея: по одной из версий, он изображает сарацина. Изначально

этот герб принадлежал миланским аристократическим родам Висконти и Сфорца. По легенде, в 1187 г. Оттоне Висконти победил сарацинского принца, у которого на гербе был изображен змей, глотающий ребенка (символ Христа) — символ насмешки над христианством.

«Крест Алькораса» (головы четырех чернокожих в белых повязках на фоне т. н. «креста св. Георгия» (красный на белом фоне)) изображен в третьей четверти (левой нижней части) герба королевства Арагон. Этот символ связывается с битвой при Алькорасе (1096 г.), где, согласно легенде, арагонцы победили мавров, благодаря помощи св. Георгия. Аналогичное изображение, но с головами, смотрящими в противоположную, правую, сторону, находится на флаге Сардинии (Илл. 5): он называется «флаг четырех мавров». Изображение головы мавра находится и на флаге Корсики. В эпоху средневековья оба эти острова входили в состав Арагонского королевства и какое-то время все они находились под властью арабов.

Изображения голов чернокожих на гербах могли, по крайней мере отчасти, быть связаны с Фридрихом II и сарацинами и чернокожими в его окружении: они могли выражать идею близости к императору в контексте противостояния императоров и пап, гвельфов и гибеллинов. Так, изображение чернокожего на гербе сиенского рода Киджи-Сарачини в Сиене может быть связано как с фамилией Сарачини, так и с принадлежностью этого рода партии гибеллинов. В этой связи кажется неслучайным, что такие изображения приобрели наибольшую популярность на Севере и в Центре Италии, где борьба этих партий была наиболее острой.

САРАЦИНЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ СЮЖЕТАХ

Поскольку темная кожа могла иметь негативные коннотации, сарацины с темной кожей (или чернокожие в повязках или тюрбанах — граница между ними была крайне размытой) могли изображаться как палачи, враги Христа и христианских святых. Так, с повязками на головах представлены чернокожие палачи, избивающие св. Винсента на одной из миниатюр «Книги образов мадам Мари» (Национальная библиотека Франции, Париж, ок. 1300 г.; Ms. nouv. Acq. 16251, fol. 87).

Сарацины с темной кожей могли изображаться как свидетели христианских чудес (Сарацины, отступающие перед св. Кларой, держащей дароносицу. Алтарная панель. Втор. пол. XIV в., Кафедральный собор Сегорбе) — присутствие таких персонажей придавало таким изображениям больше убедительности. Двое чернокожих присутствуют среди свиты султана фрески Джотто «Св. Франциск и испытание огнем перед султаном» (ок. 1317–1318 гг., капелла Барди, церковь Санта-Кроче, Флоренция).

В образности францисканцев нередко встречались изображения персонажей, предметов и сюжетов, связанных с Востоком. Вероятно, это было связано с их активной миссионерской деятельностью на Востоке. Кроме того, выбор сюжета и изображение восточных пер-

сонажей в росписи капеллы Барди, вероятно, связаны с тем, что эта богатейшая во Флоренции того времени семья активно торговала с Востоком. По заказу семьи Барди был создан алтарный образ, в настоящее время приписываемый Коппо ди Марковальдо (1240-е гг., Галерея Академии, Флоренция), с изображением св. Франциска и клеймами с историями из его жизни. Одно из клейм изображает его проповедь перед мусульманами и султаном: многие его слушатели изображены в тюрбанах, слушатели, сидящие в первом ряду, в характерных длинных одеждах. Здесь даже делается попытка передать эмоции: большинство изображено внимательно слушающими; но часть настроена скептически: повернулась в противоположную сторону, сидят в закрытых позах: со скрещенными руками и поджатыми ногами; другие изображены с поднятыми руками (их жесты повторяют жест проповедующего св. Франциска), что в средневековой символике жестов изображает спор.

Таким образом, изображения сарацин имели две характерные черты. Во-первых, нечеткость и неточность: их характерные черты были представлены не на всех изображениях, не в полном объеме и неточно, их не всегда дифференцировали с африканцами. Второй их характерной чертой была синкретичность: будучи связаны с реальными историческими событиями и реальными народами, сарацины изображались в религиозных сюжетах или в связи с религиозно-этическими категориями. Эти две черты были характерны не только для изображений сарацин, но и для прочих Других, изображения которых присутствовали в средневековом искусстве, — монголов, евреев и чернокожих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антонов Д. И., Майзульс М. Р. *Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа*. М.: Индрик, 2011. — 375 с.
[Antonov D. I., Majzuls M. R. *Demons and Sinners in the Old Russian Iconography: Semeiotic*

of the Image. Moscow: Indrik, 2011. — 375 p. (in Russian)].

Бутовская М. Л. *Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции*. Фрязино: Век 2, 2004. — 367 с. [Butovskaja M. L. *The Secrets of the Gender. Man and Woman in the Mirror of the Evolution*. Fryazino: Vek 2, 2004. — 367 p. (in Russian)].

Лучицкая С. И. *Образ Другого. Мусульмане в хрониках Крестовых походов*. СПб.: Алетея, 2001. — 412 с. [Lutchizkaya S. I. *Image of the Other. Muslims in the Chronicles of the Crusades*. Saint Petersburg: Aleteja, 2001. — 412 p. (in Russian)].

Лучицкая С. И. Иконография Крестовых походов. *Одиссей. Человек в истории*. 2002. Вып. 14. С. 101–133 [Lutchizkaya S. I. Iconography of the Crusades. *Odysseus. Man in History*. 2002. Vol. 14. Pp. 101–133 (in Russian)].

Devisse J., Mollat M. The Appeal to the Ethiopian. *The Image of the Black in Western Art*. Vol. II. Pt. 2. Ed. Bindmann D. London: Harvard University Press, 2010. Pp. 83–152.

Devisse J., Mollat M. The Frontiers in 1460. *The Image of the Black in Western Art*. Vol. II. Pt. 2. Ed. Bindmann D. London: Harvard University Press, 2010. Pp. 153–184.

Devisse J. Christians and Blacks. *The Image of the Black in Western Art*. Vol. II. Pt. 1. Ed. Bindmann D. London: Harvard University Press, 2010. Pp. 31–72.

Lejeune R., Stiennon J. *La légende de Roland dans l'art du moyen âge*. Brussels: Arcade. 1966. — 411 p.

Zuliani F. Gli affreschi duecenteschi del palazzo abbaziale di San Zeno del palazzo abbaziale di San Zeno: un allestimento cerimoniale per Federico II. *La torre e il palazzo abbaziale di San Zeno. Il recupero degli spazi e degli affreschi*. Publ. Zangarini A. Verona, Banca Popolare di Verona. 1992. Pp. 11–42.

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОДОБРЯЕТ НАШУ РЕЛИГИЮ»: ЕЗИДИЗМ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ “THE SOVIET GOVERNMENT APPROVES OF OUR RELIGION”: YEZIDISM IN SOVIET CINEMA

© 2022 **Анжелика Олеговна Победоносцева-Кая**

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры истории стран Ближнего Востока, Восточный
факультет, Санкт-Петербургский государственный
университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия
apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6556-3950

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

PhD (History), Senior Lecturer, Faculty of Asian
and African Studies, Saint-Petersburg State University
St.-Petersburg, Russian Federation
apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6556-3950

Езидоведение в России и СССР было связано, в первую очередь, с общим развитием курдских исследований. Вследствие длительной социальной изоляции и религиозных гонений езиды представляли собой замкнутый социум, который из-за своего низкого социального «пролетарского» статуса рассматривался большевиками как социум, способный усвоить новую революционную идеологию. Одним из важнейших элементов национального строительства было формирование у этнических групп восточных и южных регионов СССР национальной идентичности путем пропаганды древнего наследия этих народов, а также трактовки их религиозных традиций как части их национальной идентичности. В отличие от европейской части страны, здесь речь шла о домодерных обществах и осложнялась племенными и религиозными аспектами. Национальные меньшинства в СССР зачастую закреплялись за той или иной республикой, в рамках которой они получали институты современной культуры и элементы собственной администрации. В Армении, где проживает самая крупная езидская община региона, курдская идентичность долгое время связывалась с принадлежностью к исламу, что потенциально могло означать и оп-

позицию современной армянской идентичности, делающей основной упор на христианстве. Армянская сторона делала отсылки к общему прошлому времен Первой мировой войны и искала дополнительные этнические группы в качестве потенциальных союзников. Монополия Армении на курдов и езидов нашла свое отражение в кинематографе. Картины межвоенного периода «Зарэ» (1926) и «Курды-езиды» (1932) интересны не только как одни из самых первых фильмов на курдскую тематику, но и как попытка репрезентации и интерпретации езидских обрядов в зависимости от задач советской национальной политики.

Ключевые слова: курды, езиды, кинематограф, культурное строительство, Арменкино, Амо Бек-Назаров, Амаси Мартиросян, Араб Шамилов

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. «Советская власть одобряет нашу религию»: езидизм в советском кинематографе. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 159–178. DOI: 10.18254/S268684310023761-5

Yezidi studies in Russia and the USSR were connected, first of all, with the general development of Kurdish studies. Due to long-term social isolation and religious persecution, the Yezidis were a closed society, which, due to its low social “proletarian” status, was considered by the Bolsheviks as a society capable of assimilating a new revolutionary ideology. One of the most important elements of nation-building was the formation of a national identity among the ethnic groups of the eastern and southern regions of the USSR through the promotion of the ancient heritage of these peoples, as well as the interpretation of their religious traditions as part of their national identity. Unlike the European part of the country, here it was about pre-modern societies and was complicated by tribal and religious aspects. National minorities in the USSR were often assigned to one or another republic, within the framework of which they received the institutions of modern culture and elements of their own administration. In Armenia, home to the largest Yezidi community in the region, Kurdish identity has long been linked to Islam, which could potentially also mean opposition to modern Armenian identity, which emphasizes Christianity. The Armenian side made references to the common past during the First World War and looked for additional ethnic groups as potential allies. Armenia’s monopoly on the Kurds and Yezidis is reflected in the cinema. There were few films dedicated to the Kurds during the entire existence of the SSR of Armenia. The main emphasis in the report is made on the films of the interwar period: “Zare” (1926) and “Yezidi Kurds” (1932). These paintings are interesting not only as one of the earliest depictions of Kurdish society, but also as an attempt to represent and interpret Yezidi rites and customs on film.

Keywords: Kurds, Yezidis, cinematography, cultural construction, Armenkino, Hamo Bek-Nazarov, Amasi Martirosyan, Arab Shamilov

For citation: Pobedonostseva-Kaya Angelika O. “The Soviet Government Approves of Our Religion”: Yezidism in Soviet Cinema. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 159–178. DOI: 10.18254/S268684310023761-5

Кинематограф соперничает не только с кабаком, но также и с церковью. И это соперничество может стать для церкви роковым, если отделение церкви от социалистического государства мы дополним соединением социалистического государства с кинематографом.

Л. Троцкий

ЕЗИДЫ ДО И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Согласно концепциям Дж. Кадио, Т. Мартина и Ф. Хирш, большевики ставили задачу построить государство, признающее национальные различия, которые должны были найти отражение в территориальной и институциональной организации [Кадио, 2010; Martin, 2011]. Выполнение этой задачи требовало установления контроля

над всеми народами бывшей Российской империи, включения этих народов в революционный процесс и обеспечение их активного участия в глобальном социалистическом проекте [Hirsch, 2005, p. 5]. Несмотря на огромное культурное, социальное и историческое разнообразие, во многих регионах бывшей Российской империи в начале XX в. национальные идентичности только начинали формироваться. Вследствие этого, достраивать с начала 1920-х гг. в спешном порядке эти идентичности, определять статус конкретных этносов в советском государстве, и соответственно размежевывать отдельные национальные общества, встраивая их в советскую систему приходилось в процессе построения самого советского государства.

Ликвидация неграмотности народов Советской России и антирелигиозная пропаганда считались важнейшими задачами культурного строительства. В 1920-е гг. одним из элементов национального строительства было создание новой национальной идентичности у восточных и южных нацменьшинств путем активной пропаганды древнего наследия этих народов, а также трактовка их религиозных традиций как неотъемлемой части их национальной идентичности [Тольц, 2013, с. 241]. В отличие от европейской части страны, здесь речь шла о домодерных обществах и дело осложнялось племенными и религиозными аспектами. Они остаются менее изученными в истории ранних этапов большевистской национальной политики. К таким народам относятся курды, которые в исследуемый период проживали в трех закавказских республиках (до 1936 г. объединенных в ЗСФСР) и Туркменской ССР. Курды Закавказья традиционно состояли из двух групп: мусульман и езидов. Длительная религиозная обособленность и враждебное отношение к езидам со стороны соседних народов привели к

формированию замкнутого социума, который в свою очередь рассматривался большевиками как социум, способный усвоить новую революционную идеологию [Юнге, Бонвеч, 2015, с. 292] в силу своего низкого социального, можно сказать, «суррогатно пролетарского»¹ статуса.

Езиды проживали в горных районах исторических регионов Курдистана и Западной Армении на пограничье современных Турции, Сирии и Ирака. Заметное число езидов жило также на территориях, входящих в настоящее время в состав Армении, Грузии и Ирана, но практически всюду они составляли меньшинство. Политические и социально-экономические процессы, развернувшиеся на Ближнем Востоке и в Закавказье, начиная с конца XIX в., привели к значительным демографическим изменениям в этих областях и вызвали массовую эмиграцию езидов, которая за последнее столетие привела к созданию крупных езидских диаспор за рубежом. Наиболее значительная из них сформировалась в Германии, меньшие — существуют в других государствах Западной Европы, США, Канаде и Австралии.

Возникновение и развитие езидизма происходило в региональном контексте Ближнего Востока, поэтому он разделяет ряд элементов в своем вероучении и практике с другими конфессиями региона: иудаизмом, зороастризмом, исламом. Его связь с курдской культурой подчеркивают и ряд езидских авторов, и многие академические исследователи. Изучение езидизма в России и СССР было связано, в первую очередь, с общим развитием курдских исследований, которые велись в дореволюционный период в основном силами членов Русского Географического Общества, корреспондентами различных газет, например, «Кавказ» и «Карс», а также русскими писателями [Пушкин, 1836], дипломатами [Карцов, 1886], путешественниками [Елисеев, 1888]

1 Эту концепцию предлагает Г. Масселл [Massell, 1974]. Попытка советского правительства модернизировать Центральную Азию в 1920-х гг. представлена стремлением подорвать традиционный общественный порядок путем разрушения существующих семейных структур путем мобилизации женщин. Так как в мусульманских обществах женщины подвергались сегрегации, эксплуатации и унижению, они являлись структурно слабым звеном традиционного порядка, т. е. суррогатным пролетариатом.

и немногими востоковедами [Березин, 1854; Егиазаров, 1891; Романов, 1898; Марр, 1912] с использованием переводных работ европейских исследователей [Гакстгаузен, 1857]. Так как большая часть курдов придерживается мусульманского вероисповедания, то изучение их в Российской империи мало отличалось от изучения других мусульманских сообществ Ближнего Востока и Передней Азии. Что касается езидов, то закрытость и оригинальность их вероучения с одной стороны вызвали особый интерес у любителей экзотики, с другой — обуславливали маргинальный статус среди тех народов, с которыми езиды соседствовали, а с третьей — порождали академические и политические споры о езидской идентичности.

КИНО И РЕВОЛЮЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ВОПРОСЫ И ИСТОЧНИКИ

Данное исследование подготовлено на основе анализа архивных источников, периодической печати того времени, монографий по национальному кинематографу, справочников и фильмов о курдах, снятых на киностудии Арменкино². Более сложно обстоит дело с самими фильмами, которые по ряду, вероятно, политических причин остаются недоступны. В отличие от нашумевшей «Зарэ»³, поделиться которой правительство Армении уговорили организаторы 4-го Курдского кинофестиваля в Лондоне в 2006 г. [Koçer, 2014, p. 478], фильм «Курды-езиды» и все остальные армянские фильмы о курдах практически недоступны, как и упоминание о них. О том, что эти ленты существуют, можно узнать, например, из работ Арцви Бахчиняна [Bakhchinyan, 2003, s. 38], опиравшегося на материалы курдской газеты «Рйа Таза», и Т. Кеннеди, работавшего в фондах Киноархива Армении [Kennedy, 2007, p. vii].

Что касается исследований фильмов по езидской тематике, то этот вопрос затронут в некоторых работах по армянскому и курдскому кино. Среди материалов по киноискусству Советской Армении, можно выделить две группы информативных публикаций: вышедшие в 1920–1930 гг. книги С. Вельтмана из серии «Мастера киноискусства» [Вельтман, 1927; Вельтман, 1937], С. Вена [Вен, 1927], мемуары А. Бек-Назарова [Бек-Назаров, 1965] и опубликованные после 1960-х гг. очерки, монографии и статьи Гарегина Закояна [Закоян, 1976; Закоян, 1989(а); Закоян, 1989(б)], К. Л. Калантара [Калантар, 1973], С. А. Ризаева [Ризаев, 1963; Ризаев, 1968], Д. М. Дзнуни и Г. Чахирьяна [Кинематография Армении, 1962]. Среди современных работ, посвященных курдскому кинематографу исследуемого периода, следует выделить работы курдского историка Р. Алакома [Alakom, 2003], армянских киноведов А. Гаспаряна [Кино Армении, 1994], А. Бахчиняна [Bakhchinyan, 2015], в том числе опубликованных на турецком языке [Bakhchinyan, 2003; Bakhchinyan, 2020], С. Галстян [Галстян, 2020].

АРМЕНИЯ И «ЕЕ КУРДЫ»

Советская Армения, где проживала крупнейшая езидская община Закавказья, неизбежно унаследовала что-то и от времен Российской Империи, и от эпохи существования Армянской Республики, управлявшейся дашнаками. В первом случае парадоксальным образом были унаследованы некоторые институты и методы управления, например некоторые разработки в области учета населения, а во втором — серьезные территориальные амбиции вкупе с попытками сокращения неармянского, прежде всего мусульманского, населения в соответствующих областях [А. Н., 1920–1921, с. 2543]. Курдская идентичность ассоциировалась с принадлежностью к исламу, что потенциально означало оппо-

2 «Зарэ» (1926). URL: https://youtu.be/4HV841y_fm0 (accessed: 13.08.2022); «Курды-езиды» (1933). URL: <https://t.me/kurdbookreview/239> (accessed: 13.08.2022).

3 Рекламные кадры из картин А. Бек-Назарова «Хаз-Пуш», «Злой дух» и «Зарэ» и производственные моменты были отобраны для выставки фотографии за десять лет Советской Власти [Выставка... 1928, с. 116].

зицию современной армянской идентичности, делающей упор на христианстве. В этой связи армянская сторона делала отсылки к общему с езидами прошлому — репрессивной политике Турции в годы Первой мировой войны. Столкнувшись в 1915 г. с жесточайшими преследованиями, армяне непосредственно страдали от рук, в том числе, и курдских мусульманских племен, соучаствовавших в репрессивной политике османских властей, от которой наряду с армянами претерпели и ассирийцы, и езиды. Для армянского советского руководства все это было недавним прошлым, а последствия 1915 г. — живым настоящим, и, стремясь, подобно антисоветским армянским националистам, к увеличению территории своей республики, они искали дополнительные этнические группы, имевшие близкие к армянам интересы в отношенииживания в регионе.

Консолидация национальных советских республик и иных территориальных единиц неизбежно требовала определения границ. В рамках Всесоюзной переписи населения 1926 г. ставилась важнейшая задача демаркировать и распределить среди союзных республик районы, населенных национальными меньшинствами. Национальные меньшинства в СССР зачастую закреплялись за той или иной республикой, в рамках которой они и получали институты современной культуры и элементы собственной администрации. С одной стороны такая ситуация способствовала и накоплению знаний по меньшинствам, оказавшимся под «опекой» большинства, и формированию представлений о том, как эту «опеку» обеспечивать, а с другой — это знание было недоступно за пределами региона, в котором эта «опека» осуществлялась. Как указывает Закоян, роль централизации была пагубной, так как национальные культуры были лишены возможности непосредственного взаимодействия друг с другом, и мало кто помимо специалистов разбирался в культуре, языке, вере и обычаях курдов-езидов, которые на протяжении веков соседствовали с армянами [Закоян, 1989(а), с. 166]. «Опека» сформировала мнение

о существовании малоразвитых народов и желание повысить уровень их развития, что привело к возникновению советской разновидности европоцентризма, так как высокий уровень неизменно отождествлялся с европейским типом культуры, а развитие «отсталых народов» осуществлялось не иначе, как путем уподобления их культур европейской [Закоян, 1989(б), с. 15]. В Армении появилась своя версия национального эгоцентризма, связанная с представлением о том, что среди всех народностей, населяющих Армению, самыми отсталыми являются курды вообще и, курды-езиды в частности [Марогулов, 1928, с. 43].

Примерами кинопропаганды, демонстрирующими и отсталый быт, и отсталую культуру, стали киноленты «Зарэ» (1926) и «Курды-езиды» (1932), представляющие интерес не только как одни из самых ранних картин, запечатлевших курдское общество, но и как первая попытка фиксации на киноплёнке езидских обрядов и обычаев. На примере этих фильмов межвоенного периода можно увидеть, как реконструировались и интерпретировались особенности езидского вероучения в раннем советском кинематографе.

«Зарэ» снимали в разгар переписи 1926 г., составители списка национальностей для которой были убеждены в необходимости различать религию и этническое происхождение, а потому отличия в вероисповедании стали основанием для выделения ряда субэтносов (народностей) [Большевистский порядок... 2015, с. 108]. В отношении езидов мнения специалистов разделялись: одни считали их не народностью, а конфессиональной группой, т. н. «курдской сектой», другие — отделяли езидов от курдов, апеллируя к отличию их языка от курдского, а также к развитому самосознанию и особенностям быта и нравов, сближавшим их с армянами. Это привело к тому, что езиды вошли в перечень и словарь народностей Армении в качестве отличной от курдов народности [Кадио, 2010, с. 213].

Опираясь на самоидентификацию респондентов, перепись 1926 г. отразила также и ин-

тересы различных политических инстанций регионального уровня. Например, в четвертом выпуске справочника по переписи населения «Народность и родной язык населения СССР» в таблице «Половой состав населения С.С.С.Р. Число женщин на 1000 мужчин» в графе «Индоевропейцы. Иранцы» указаны только «иезиды» без «курдов» [Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926, 1928, с. XXXII-XXXIII], и, учитывая обстоятельства, это могло быть не просто технической ошибкой (тем более что замечаний о необходимости исправления на вкладыше нет). Возможно, чтобы не раздражать вышестоящее начальство этнический контингент фильма «Зарэ» назван все-таки курдами, хотя в переписи того же 1926 г. мнение Армении насчет идентичности курдов и езидов выглядело вполне определено. По статистическим данным 1931 г. сообщалось, что курды и езиды составляют 8,8 % от общего населения Советской Армении, в то время, как 90 % армянских езидов живет на горных склонах Алагеза-Арагаца. Но если численность объединенной группы курдов и езидов, проживающих в 4 районах на Алагезе-Арагаце, и составила 13 126 чел., то в перечне населенных пунктов были обозначены только армяне, езиды и турки [Коркотян, 1935, с. 43–44, 53–57].

АРМЕНКИНО И ФИЛЬМЫ О ЕЗИДАХ

В ходе непростой политической борьбы, историю которой еще предстоит написать, Армения смогла закрепить за собой в рамках общесоюзной системы особые права на курдов и езидов. Эта фактическая монополия нашла свое отражение в кинематографе 1920-х–1930-х гг. Лишь ереванские кинематографисты выпускали материал на курдскую тематику, единственным исключением стала 5-минутная кино-заметка

«В Курдистане» на азербайджанском и русском языках, вышедшая в Выпуске № 7 Хроники Бакинской киностудии за 1938 г. Такая ситуация возникла не на пустом месте, так как еще до революции курдская тематика рассматривалась (пусть и в другом ключе) в контексте армянской проблематики, игравшей на тот момент важное значение и в международной политике вообще, и во внешней политике Российской Империи.

Вопреки утверждению, что «Зарэ» — первый фильм о курдах [Alakom, 2003, s. 35; Koçer, 2014, p. 474; Öztaş, 2016, s. 35; Вертяев, 2018, с. 365], на самом деле первой была дореволюционная лента «Во власти курдов», впрочем, уже она была тесно связана с армянским контекстом в самых разных отношениях⁴. Объявление Османской Империей войны России придало особую важность трагическим событиям в Турецкой Армении и получило свое отражение в кинематографе. Фильм «Во власти курдов» был снят товариществом «Минерва» и увидел свет 25 октября (9 ноября) 1915 г. в Екатеринодаре при участии артистов балета Павла Амираго [Сине-фоно, 1915(а), с. 17–20, 53; Летопись... 2004, с. 183]. Успех картины «без обычных диких сцен» способствовал ее повторному показу [Сине-фоно, 1915(б), с. 76]. Н. Л. Минервин⁵ самостоятельно искал средства на постановку художественных фильмов, писал киносценарии, исполнял обязанности режиссера и оператора, был в достаточной мере знаком с событиями, которые воспроизводил на экране. В создании фильма ему помогали армянские актеры-любители [Чахирьян, 1962, с. 7–8]. После революции и установления Советской власти в Армении за курдскую тематику взялся будущий выдающийся режиссер А. Бек-Назаров⁶, и уже 9 ноября 1926 г. на экраны Еревана, а 31 января 1927 г. —

4 Фильм известен под названиями «Под властью курдов», «Трагедия турецкой Армении», «Турецкие зверства в Армении». см. 1915. Проект научно-учебной группы «Ранняя русская кинопроза». URL: <https://hum.hse.ru/ditl/filmprose/1915/> (accessed: 13.08.2022).

5 Николай Львович Минервин (1888–1959) — режиссер, оператор, основатель товариществ «Эльбрус» и «Минерва», выпускавших документальные и художественные фильмы (1911).

6 Амо (Амбарцум) Иванович Бек-Назаров (1892–1965) — актер, режиссер, автор и соавтор сценариев многих своих фильмов. В 1966 г. имя А. Бек-Назарова присвоено киностудии «Арменфильм» [Режиссеры... 1982, с. 50–51].

Илл. 1. Афиша «Во власти курдовъ»

По: Сине-Фоно. 1915. № 2. С. 17

Fig. 1. *Under the Yoke of the Kurds* movie poster

Source: Sine-fono. 1915. No 2. P. 17

Москвы вышел снятый им фильм «Зарэ» [Летопись... 2004, с. 564]. В «Зарэ» вновь присутствует тема 1915 г., но показаны в нем уже совершенно «другие курды».

В ранний советский период художественная кинематография Армении шла по пути «Востока без прикрас», намеченному первой картиной А. Бек-Назарова «Намус». «Зарэ» (1926) стал вторым его фильмом, снятом на Арменкино. Сценарий для фильма Бек-Назаров написал по материалам известного знатока дореволюционного курдского быта и просветителя — Акопа Казаряна (Лазо) [Чахирьян, 1962, с. 19]. На его

примере просматривается преемственность с досоветской армянской политической сценой, поскольку он с дореволюционных времен и до перехода к сотрудничеству с советской властью в начале 1920-х был известным активистом партии «Гнчак» [Джалил, 1997, с. 44], также боровшейся за создание независимой Армении в максимально широких границах.

Лазо в течении десяти лет разрабатывал учебник курдского языка «Шамс» на основе армянской графики, который по заказу Наркомпроса Армении вышел в 1921 г. В 1922 г. Лазо писал в Союзный Совет Закавказских республик, что

«курды-езиды представляют собой массу нуждающихся во всех отношениях и влачивших жалкое существование». Лазо подбирал детей с тбилисских улиц, обучал и воспитывал их — им был разработан свой метод и принципы воспитательной работы. Он же передал Арменкино рукопись своего рассказа о жизни курдской девушки Зарэ до революции, который лег в основу сценария фильма «Зарэ» [Чатоев, 1979, с. 282–284].

Один из рецензентов «Зарэ» — Дзнуни, приводя отзыв московского критика Ермолинского о том, что «Арменкино показало нам реальный: нищий Восток. От «Зарэ» несет запахом навоза, а по спине зрителя ползают вши», считал эту характеристику высшей похвалой [Ризаев, 1963, с. 93–94]. Курды (так было указано в заставках — не езиды!) были показаны как некий «недovраг», как враг, которого не надо бояться, так как он смешон, а феодальные привычки курдского общества, дескать, скоро уйдут в прошлое [Ризаев, 1963, с. 97]. Т. е. это курды, но «другие»: «хорошие» и похожие на армян, как одновременно пытались доказать и в рамках переписи населения. Поэтому играть таких персонажей можно и нужно. Здесь уместно указать на некоторую аналогию с зарождением киноискусства в Средней Азии, где отчетливо выявилась дистанция между европейцами и туземцами. Первые фильмы, снятые в Средней Азии в 1925 г., из-за нехватки квалифицированных киноработников-среднеазиатов делались европейцами, играли в них европейцы и предназначались они в конечном счете для европейской аудитории [Халид, 2022, с. 314]. В «Зарэ» такими «европейцами» были армяне, а «азиатами» — их соседи-курды в условиях отсутствия собственных кинематографических кадров [Закоян, 1989(b), с. 19].

Так как курды в большинстве своем были неграмотны и их учителями в курдских школах, организованных при участии того же Лазо, тоже были армяне, за исключением преподавателя курда-езида А. Авдала, вполне вероятно, что подходящих актеров найти было сложно. Одной из причин отсутствия курдов в фильме

про курдов стало то, что в условиях жесткого патриархального уклада курдских общин женщины не только не могли играть в кино, но и даже получать образование могли лишь немногие. Только через десять лет в середине 1930-х гг. курдянки и езидки Куде Надирова, Мариам Сароян, Мария Чатоева и Телли Шамоева доехали в Ленинград на учебу на Курсах национальных меньшинств Советского Востока (КНСВ) [ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 372; ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 464; ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 556; ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 587], на которых готовились педагогические кадры для курдов, подготовленные для обучения детей и культурного строительства на курдском языке. Поэтому пока за них все это делали другие. Привлечение представителей кочевых племен в массовку [Бек-Назаров, 1962, с. 231] критики посчитали неудачным решением [Закоян, 1976, с. 34], а бесспорной удачей считалась демонстрация недалекости курдов, как туповатых и лишенных всяких признаков интеллектуальности [Ризаев, 1963, с. 95–96].

Еще до двухмесячного изучения жизни кочевых курдов Бек-Назаров знал, что целью будущего фильма «Зарэ» должен был стать показ их как непросвещенных, первобытных жителей Российской империи. Поэтому этнографические признаки нужны были скорее как фон для поиска контраста с «установлением Советской власти в горных районах». Для своего времени фильм был признан историко-этнографическим и историко-революционным произведением [Piskova, 2020, s. 147]. Ваганян открыто писал, что, по сути, от курдов, как от малоразвитого народа, и не требовалось ничего, кроме воинственных песен, боевых мотивов и бесконечно живописных танцев [Ваганян, 1927, с. 187]. В остальном курдское общество изображалось как социально неразвитое — по словам, С. Галстян, «Зарэ» был снят «среди курдских пастухов, живущих без какого-либо следа цивилизации» [Галстян, 2020, с. 355].

Если фабула «Зарэ» — лишь повод для этнографически детализированного показа курдско-

Илл. 2. Билет на фильм «Зарэ»

По: Российская государственная библиотека

Fig. 2. Zare movie ticket

Source: Russian State Library

го быта, то самый этот быт использовался режиссером для решения идеологической задачи фильма [Калантар, 1973, с. 44]. Для этого он детально изучал по имевшейся литературе нравы и обычаи курдских племен (бруки, зукри, гассани, джелали, джангири и др.) [Бек-Назаров, 1927, с. 3; Бек-Назаров, 1965, с. 128]. Материальную сторону удалось реализовать при участии консультанта С. Д. Лисициана⁷, который помогал изготовить и приобрести костюмы и реквизит [Дзнуни, 1962, с. 276]. Накануне съемок согласно заранее подготовленной анкете о верованиях, взаимоотношениях, занятиях, семье, общественных связях, религии и нравственности, обрядах, связи с природой, представлении о мире и

т. д. были опрошены жители курдских селений [Бек-Назаров, 1962, с. 228; Бек-Назаров, 1965, с. 129]. Впрочем, курды намеренно давали Бек-Назарову ложные объяснения о своих верованиях и решить этот вопрос режиссеру помогли 15 курдов-членов ВКП(б) [Бек-Назаров, 1927, с. 4; Бек-Назаров, 1962, с. 228–229], среди которых был езидский шейх Араб Шамилов⁸. Будучи инструктором по работе среди курдов Армении [Чатоев, 1965, с. 49], Шамилов имел определенное влияние в ЦИК ССР Армении и ЦК КП(б) Армении, представлялся как единственный член ВКП(б) среди курдов [ЦГАИПД СПб Ф. 1728 Оп. 1–34 Д. 268663 Л. 14об, 28об; Бек-Назаров, 1962, с. 229] и весьма активно участвовал в фор-

7 Степан Данилович Лисициан (1865–1947) — российский, советский педагог, ученый, этнограф, историк, филолог, географ. Заведующий этнографическим отделом Государственного Исторического музея Армении (1928–1947).

8 Шамилов Араб Шамоевич (1897–1978) — езидский шейх из племени Гасани, инструктор по работе с курдами, советский курдовед, писатель.

Илл. 3. На съемках «Зарэ»

По: Журнал «Советский экран». 1927. № 3. С. 10

Fig. 3. On the set of *Zare*

Source: Soviet screen. 1927. No. 3. P. 10

мировании положительного облика курдов у гостей республики [Шагинян, 1927, с. 21].

Видный советский деятель Н. Нариманов настаивал, что на Востоке, где люди привыкли мыслить не логическими рассуждениями, а образами, кино являлось единственным возможным средством пропаганды, не требующим предварительной постепенной подготовки масс. Таким образом, восточный крестьянин воспринимал то, что он видел на экране, как самую подлинную реальную действительность [Вельтман, 1927, с. 4–5], а правдивое и выразительное повествование о прошлом народов Востока через фильмы А. Бек-Назарова, П. Бархударяна и А. Мартиросяна. Поэтому было уместно обращать внимание на соблюдение точности в этнографических деталях. Например, с теми же

целями гору Арагац для курдско-езидской аудитории именовали все-таки Алагезом [Чахирьян, 1962, с. 19].

Если «Зарэ» снимали накануне десятилетия Октябрьской революции, а сюжет его отсылал зрителей к дореволюционному времени и демонстрировал реальность родовых пережитков, то кинолента «Курды-езиды», снятая к завершению первой пятилетки, в менторском тоне показывала силу прогрессивных и положительных изменений после Октября на фоне ретроградной ущербности застарелых привычек и «до жути неприкрашенной жизни» [Вен, 1927, с. 14]. Снятый А. П. Мартиросяном⁹ фильм вышел 3 января 1933 г. в Ереване, а 29 сентября 1934 г. в Москве был выпущен перемонтированный вариант немого фильма [Летопись... 2017, с. 213, 290].

⁹ Амаси Петрович Мартиросян (1897–1971) — актер, реквизитор, администратор, режиссер Арменкино [Режиссеры... 1985, с. 16].

Картина начинается оптимистичным утверждением, что только при советской власти в 1928 г. курды получили свою письменность. При этом не упоминается, что эта попытка была не единственной¹⁰ в общем процессе культурного строительства «отсталых» народностей. Картина стала своеобразным продолжением задумок Бек-Назарова, и Мартиросян заимствовал у него из «Зарэ» не только этнографическое отображение обрядов, но и армянских актеров, чтобы те снова сыграли курдов в главных ролях. Актерского и режиссерского состава все еще не хватало, курды остались в массовке, как и в «Зарэ» [Бек-Назаров, 1962, с. 231]. Таким «курдом» из «Зарэ» был сам режиссер Мартиросян, а фильм «Курды-езиды» стал незаменимым документом о временах, когда решалась судьба курдов — быть или не быть им в семье культурных народов [Ризаев, 1963, с. 131–132]. Медлительные движения главных героев¹¹, их музейно-этнографические одеяния и отсутствие желания изменить свой быт формировали и у критиков, и у зрителей сомнения в том, что эти люди способны на нечто действительно новое [Ризаев, 1963, с. 129].

Если в «Зарэ» были показаны просто «реальные» курды, то в «Курдах-езидах» стояла задача показать ущербность пережитков этих «реальных» курдов в целях антирелигиозной пропаганды. Помимо игровых сцен, в фильме происходит постоянное сравнение: механизированное производство продуктов питания против традиционной техники с сомнительной санитарией в деревенских условиях; приезжий доктор, благодаря современной медицине, вылечивает старика, в то время как шейх с его традиционными методами не справляется, и ребенок не выживает, но в этом, конечно, виновата приезжая учительница, как принесшая с собой зло и грех.

Такие фильмы как «Курды-езиды» в рамках агитации за новые формы общественной жизни

в деревне помогали коммунистической партии вести идеологическую борьбу с беками и шейхами, а также осуществлять развернувшуюся в те годы коллективизацию сельского хозяйства, так как в основе их лежали конфликты, отсылавшие зрителей к реальной жизни. Эти фильмы не считались высокохудожественными произведениями из-за плакатных образов и схематичных сюжетов, а потому сыграв положительную роль в момент своего появления, они не оставили сколько-нибудь заметного следа в армянском киноискусстве [Чахирьян, 1962, с. 41].

Сама киностудия Советской Армении еще только создавалась. Даже в конце 1930-х гг. ее результативность все еще не устраивала Москву, и Арменкино критиковалось не только как выпустившее *«очень мало фильмов»*, но и как *«не сумевшее воспитать сколько-нибудь значительного количества новых мастеров»* [Трауберг, 1938, с. 44]. Это находило порой и символическое отражение — занимая площадь 950 кв. м при высоте павильона в 25 м, среди киноателье Закавказских республик Арменкино было на третьем месте после Госкинопрома Грузии и Бакинской фабрики Азгоскино [Анощенко, 1930, с. 398]. Впрочем, все национальные киноорганизации Востока (Арменкино, Госкинопром Грузии, Азгоскино, Узбекгоскино) сравнительно слабо справлялись с возложенными на них задачами. Это привело к созданию объединенного Востокино, которое должно было реализовать предполагаемые потребности народностей Востока СССР с учетом особенностей их быта и культуры [Кино-справочник, 1929, с. 96].

КИНО И РЕЛИГИЯ

Несмотря на то, что каждый фильм создавался в соответствии с определенными задачами для отображения конкретных процессов, они дополняют друг друга и являются первой по-

10 Даже проекты Лазо в 1921 г. и Марогулова и Шаилова в 1928 г. не были первыми. Еще в 1872 г. С. Егиазаров в студенческие годы в Тифлисе разработал алфавит и грамматику для курдского языка [Bakhchinyan, 2003, S. 41].

11 Традиция демонстрировать курдскую медлительность продолжила свое существование и 30 лет спустя. Например, в фильме Ф. Довлатяна «Здравствуй, это я» (1964) [Сергеева, 1994, с. 218].

становочной фиксацией езидских традиций в кинематографе, не лишенной, безусловно, некоторых интерпретаций. Это позволяет проследить особенности советской национальной политики в визуальном, зачастую внетекстовом формате.

В Советском Союзе 1930-х гг. под национальной консолидацией и слиянием народов подразумевалась ассимиляция, поощряемая властями [Кадио, 2010, с. 244]. Местные администрации интересовались изучением конфессиональных групп, часто подозревая их в контрреволюционной деятельности. «Живучесть» культур этих групп формировала ряд проблем. «Живучесть» конкретно езидизма была обусловлена отсутствием необходимых экспертов по езидам и данных об их вероучении. Проведение антирелигиозной пропаганды либо сводилось к абстрактным рассуждениям об общем вреде религии, либо проводилось совершенно «не по адресу».

В случае езидов неспособность властей понять особенности езидской веры, религии и общества была более чем очевидной. О. Вильчевский приводил пример визита такого эксперта с антихристианским и антимусульманским посылами, которые присутствовавшие на собрании представители езидского духовенства слушали с удовлетворением, а после говорили, что «*умного человека послали нам из города. Совсем езид, он правильно говорил, что ислам и христианство ложные религии и духовенство этих религий обманщики, когда они называют Христа богом. Мы вам правильно говорили, что Христос пророк. И икон у нас нет, и церкви нам не нужны. Они есть у христиан и у мусульман, которых сама советская власть признала вредной религией. Ничего этого нет у езидов. Советская власть одобряет нашу религию*» [СПбФ АРАН Ф. 77 Оп. 2 Д. 5 Л. 80].

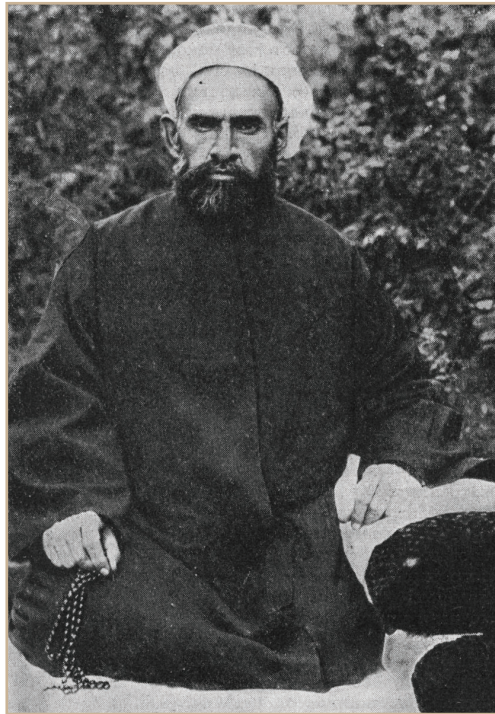
Принадлежность к одной из каст езидского духовенства помогала упомянутому Шамилову

поддерживать авторитет среди единомышленников. При проверке партийных документов в 1935 г. выяснилось, что у отца Шамилова — крупного и влиятельного духовного лица закавказских езидов, Шейха Шамо, в 1908–1910 гг. скрывался в Карсе езидский эмир Саид-бен Али-бек-Езиди, который получил власть после долгой борьбы со своим братом [ЦГАИПД СПб Ф. 1728 Оп. 1-34 Д. 268663 Л. 28; Вильчевский, 1930, с. 99]. Шейх Шамилов-младший не всегда охотно делился своими знаниями по езидизму с коллегами [СПбФ АРАН Ф. 77 Оп. 2 Д. 5 Л. 16, 79], а в дальнейшем во время следствия по обвинению в контрреволюционной деятельности Шамилов признавался в своем шейхстве, но отрицал, что этот титул передается по наследству [ЦГАИПД СПб Ф. 1728 Оп. 1-34 Д. 268663 Л. 29], что противоречит езидской доктрине.

Проблемы с пониманием езидизма и езидов заметны на примере исследуемых фильмов. В рецензиях к фильму «Зарэ» встречается упоминание о «*мрачных заповедях всекарающего шариата*» [Вен, 1927, с. 14], и в самой киноленте не акцентируется, что речь идет о «пережитках» именно езидов, хотя это явствует из антуража и отсутствия мусульманской символики, демонстрации ряда обрядов, понятен отображенный в картине контингент, сцены обращения с мольбой и духовное лицо — шейх в характерном для езидов головном уборе. О том, что фильм был снят о езидях, признают сами езиды¹². Таким образом режиссеры Бек-Назаров и Мартиросян успешно справились с задачей показать курдов-езидов и езидизм так, чтобы сами езиды признали соответствующие образы как имеющие к ним отношение.

В обоих фильмах присутствует только один шейх [Бек-Назаров, 1962, с. 231], как высшая точка жесткой духовно-социальной иерархии, которой придерживается езидское общество. Высший уровень-касту этой иерархии дей-

12 Пирбари Д. «Зарэ» — первый фильм о езидях. *Nêrîna Nû*. 2011. № 3–4. С. 10. URL: http://ontwikkel2.mvanlaar.net/Portals/0/adam/Blog%20App/i282fKOkmEqFC6ZD2LzOaQ/File/Nêrîna%20Nû_03-04%20-%202011.pdf (accessed: 13.08.2022).

Илл. 4. **Шейх езидов**

По: Шагинян М. Курды-езиды.

Прожектор. 1927. № 4. С. 21

Fig. 4. **Yezidi Sheikh**

Source: Shahinyan M. Yezidi Kurds.

Spotlight. 1927. No. 4. P. 21

ствительно образуют *шейхи*, второй уровень — *пиры*, и ниже находятся миряне-*мриды*¹³. Вне- и между- кастовые отношения регулируются рядом заповедей и системой запретов, которым подчиняются все езиды и которые играют важнейшую роль в сохранении вероучения, обрядов и структуры общества [Kreyenbroek, 2009, p. 27].

Езидизм являет собой уникальный образец существования религии, опирающейся на устную традицию, которой также заведуют духовные лица. Преследования, которым на протяжении веков подвергались езиды, делали письменную фиксацию и распространение варианта вероучения среди мирян рискованным делом. Такое влияние обязательной устной традиции и запрета на грамотность среди большинства приверженцев езидизма [Шапилов, 1909, с. 70] на фоне отсутствия фиксации основных постулатов даже на уровне хранителей традиций привело к разнообразию интерпретаций отдельных обрядов

самими езидами, в том числе из каст духовенства. По словам Закояна, езиды старались не допускать письменной фиксации, так как «*записанный текст искажается и теряет всю свою силу...*» [Закоян, 1989(b), с. 17]. В силу того, что рядовой езид не должен уметь читать и писать, деятельность учительницы из фильма «Курды-езиды» воспринимается как большой грех, за который неизбежно последует наказание.

Утренняя молитва езидского шейха, с которой начинается фильм «Курды-езиды», также не была записана езидами. Тексты езидских молитв на момент съемки фильма были доступны в работах Егиазарова [Егиазаров, 1891, с. 221–227]. Молитва езидов ежедневна и пятикратна: выполняется четыре раза в день в направлении солнца, символизирующего присутствие верховного ангела Малак-Тауса [Мейлах, 1992, с. 335–336] на земле, и один раз в полдень по направлению к храму в долине Лалеш. Особое значение имеют

13 *Шейхи* отправляют духовные потребности семей подопечных мирян и отвечают за организацию религиозных праздников. Функции и духовный авторитет *пиров* сопоставимы с положением шейхов, но пиры уступают им по степени общественного авторитета и политического влияния.

ритуалы на восходе, когда испрашивается Божье благословение для езидов и 72 народов, и закате солнца [Базиленко, 2017, с. 59].

Шейх в силу своего происхождения и наследуемой харизмы выполняет задачи целителя, к талантам которого прибегают в обоих фильмах. Некоторые шейхи славятся своей властью над джиннами, и именно к ним обращаются за заклинаниями и талисманами [Bois, 1966, p. 99–100].

Также никто, кроме шейха не может провести ряд обрядов (бракосочетание, погребение и т. д.), за которые он получает соответствующее вознаграждение. Центральная роль в похоронном обряде у езидов отведена шейху, являющимся т. наз. «братом по загробной жизни», который с момента предсмертной агонии или смерти и до окончания обряда захоронения находится в доме у своего мрида. Сразу после фиксации смерти присутствующие должны плакать и кричать, но не в ночное время, чтобы не привлечь злых духов [Kreyenbroek, 2009, p. 31]. «Брат по загробной жизни» принимает на себя обязательство свидетельствовать в пользу своего мрида, чтобы тот мог беспрепятственно проследовать в рай.

Несмотря на ряд противоречий с более поздними описаниями (например, сцена в «Зарэ»: шейх получает одежду и кинжал сразу после фиксации смерти покойного, а не после поминок в знак признательности за духовное заступничество [Руденко, 1982, с. 65]), создатели фильма пытались максимально точно зафиксировать на пленке езидские ритуалы. Примером может служить представленный в фильме «Зарэ» погребальный обряд, пусть и признанной критиком очередной неудачей фильма [Закоян, 1976, с. 40]. Во главе процессии следует человек с тазом, покрытым тканью. Усопшего несут на кладбище на носилках, опускают на землю и в изголовье ставят таз. Шейх читает молитву, родные стенают. Покойника опускают в могилу,

с груди усопшего забирают платок, а лицо прикрывают светлой тканью уже в могиле и засыпают землей. После этого всем присутствующим раздаются лепешки из таза. Езиды верят, что трапеза на кладбище является способом почтить душу умершего, так как мертвые тоже получают пищу [Lindqvist 2021, p. 56]. Кладбищу отведено особое место в обоих фильмах в первую очередь за экзотику. На кладбище располагался дом шейха [Шагинян, 1928, с. 20], как имеющего отношение к связи с потусторонним миром, а на езидских могилах присутствовали приметные надгробия: каменные фигуры льва (символ храбрости и щедрости), коня (символ искусного наездника) и барана (олицетворение достатка)¹⁴.

В целях интеграции в новую советскую действительность всех народностей, проживавших на огромной территории, советское правительство стремилось обеспечить развитие массовой культуры каждой из них по меньшей мере до определенного уровня (ликвидация неграмотности и малограмотности, выработка и распространение набора культурных норм, характерных для развитого общества, наличие элит и «собственных» территорий). Особое внимание в рамках национально-культурного строительства было направлено на ликвидацию отставания культурных показателей многих особо «культурно отсталых» этнических групп, к которым причисляли и курдов.

Для нужд политики культурного строительства требовалось определить состав тех или иных народностей, идентичность которых не всегда вписывалась в рамки, очерченные этнографами и политиками. Как следствие, при необходимости учета критерия вероисповедания, понятия «езид» и «курд» стали амбивалентными: «курдами» по национальности стали считать и курдов-мусульман, и курдов-езидов, а понятие «езид» включало в себя и националь-

14 Пирбари Д. «Рожа Мазала» или День поминовения усопших. *Nêrîna Nû*. 2012. № 5 (10). С. 6. URL: http://ontwikkel2.mvanlaar.net/Portals/0/adam/Blog%20App/ZzHNIEoAhk-rFUoGaCCgzw/File/Nêrîna%20Nû_10%20-%202012.pdf (accessed: 13.08.2022).

ность, и вероисповедание. В отличие от курдов-мусульман, езиды, которые признавались национальностью, близкой к армянам по культуре, вписывались в армянский национальный проект. Путаница, противоречия и политические конфликты в определении идентичности курдов-езидов привело к «чересполосице» в статистике, которая не смогла отразить реальную картину.

В силу ряда причин курдские и езидские проекты в рамках советской политики были, как правило, связаны с Арменией, и это нашло отражение в кинематографе как важнейшем инструменте всех советских национальных проектов. Что касается Армении, то ее монополия на курдов и езидов в кинематографе 1920–1930-х гг. столкнулась с объективно существовавшими ограничениями — прежде всего отсутствием кадров. За рубежом фильмы о курдах и других народах региона могли рассчитывать на перспективную огромную аудиторию, но за этот период в Армении было снято всего два фильма о курдах и один из жизни персов. Когда «Зарэ» вышла на широкий экран, армянская диаспора в США даже включила эту ленту в раздел достижений советского и, в частности, армянского кинематографа¹⁵.

Киновед Г. Закоян признает, что эти фильмы являются не фактом армянской культуры, а ярким проявлением армянского национального сознания, выражающимся не во внешней форме или в формально-конструктивных признаках, а в интонации [Закоян, 1989(а), с. 19]. Иными словами, в Ереване успешно смогли «освоить» курдскую тему вне зависимости от ее потенциальной роли для советской внешней политики, в т. ч. ее культурной составляющей. Национальный вопрос в течение всего периода после Октябрьской революции имел колоссальное международное значение в первую очередь как козырь в антиимпериалистическом противостоянии [Левин, 1937, с. 94].

Со свертыванием политики развития национальных культур и «коренизации» внутри СССР,

а также политики продвижения мировой революции за рубежом, интерес к курдской тематике снижается не только в советской политике или науке. После немого фильма «Курды-езиды» и вплоть до 1939 г. армянские кинематографисты не обращались к событиям современной жизни республики [Ризаев, 1963, с. 227]. Ко Второй мировой войне курдов окончательно отделили от езидов и даже критики и киноведы принялись разделять эти понятия в фильмографии — «Курды и езиды» [Ризаев, 1968, с. 189].

Вообще фильмов, посвященных курдам, за остальное время существования СССР Армении было немного, практически по одной ленте каждый десять лет. В отличие от полнометражных фильмов межвоенного периода, которые были связаны с политикой интенсивного развития культуры советских нацменьшинств, теперь выпускались лишь короткометражные, хотя к работе над ними наконец стали привлекать специалистов не только из армянской среды.

Если совместить годы появления этих лент с историческими событиями, происходившие в то время, имеет смысл говорить о связи кинематографической продукции с политической ситуацией и изменившимися к тому времени государственными интересами. Например, в 1947 г. после падения первого курдского современного государства — Мехабадской республики — отряды Мустафы Барзани находят убежище в СССР. Их знакомят с местными курдами и/или езидами, оставшимися после волн репрессий, и снимают документальный фильм про курдов Армении — двенадцатиминутной ленты «Курды Советской Армении» (1947, режиссер Я. Кочарян, сценарист курдский писатель А. Джинди) [Кинематография, 1962, с. 311–314; Kennedy, 2007, pp. 286–291] было достаточно, чтобы барзанцы увидели на экране соплеменников и осознали свою значимость для советских властей.

В 1959 г. Барзани и его соратники только что вернулись в Ирак после двенадцатилетнего отсутствия, и советские руководители понимают

15 Показ в США был отмечен в газете местной армянской диаспоры «Baikar Daily» 13 февраля 1931 [Bakhchinyan, 2015, p. 108].

необходимость деидеологизированного подхода — идей коммунизма лидер иракских курдов не усвоил. Ответом стала адаптированная продукция кинопропаганды. И вновь в Ереване выпускается документальная 22-минутная лента «Армянские курды» (1959, режиссер Дж. Жамгрян, сценарист А. Шамилов) [Кинематография, 1962, с. 311–314; Kennedy, 2007, pp. 286–291]. К тому времени бывший инструктор ЦК КП(б) Армении по работе среди курдов А. Шамилов как раз вернулся в республику из многолетней ссылки.

1964 г., в разгар Сентябрьского восстания иракских курдов, выходит киноочерк «На склонах Арагаца» (1964, сценарист А. Бабаян) [Аристова, 1966, с. 183]. Барзани на тот момент уже устанавливает контакты с США и Израилем, противостоявшими СССР, хотя к нему вереницей едут советские дипломаты и журналисты. Отношения с иракскими и прочими зарубежными курдами перестают входить в число важных направлений советской внешней политики вплоть до конца 1980-х гг. Последний советский фильм о курдах «Мой старый друг» (1988, режиссер и сценарист Л. Григорян), тоже короткометражный, выходит в начале Карабахского конфликта. С одной стороны, можно увидеть желание обрести союзника, так как курды присутствовали в этом конфликте с обеих сторон, а с другой — благодаря политике гласности в конце 1980-х гг. под развал СССР можно было снимать практически на любую тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- А. Н. Коммунизм в Армении. *Коммунистический интернационал*. 1920–1921. № 13. С. 2543–2550 [A. N. Communism in Armenia. *Communist International*. 1920–1921. No. 13. Pp. 2543–2550 (in Russian)].
- Анощенко Н. Д. *Общий курс кинематографии: руководство кинолюбителя*. Т. 3. М.: Tea-кино-печать, 1930 [Anoshchenko N. D. *General Course in Cinematography: A Film Lover's Guide*. Vol. 3. Moscow: Tea-kino-pechat, 1930 (in Russian)].
- Аристова Т. Ф. *Курды Закавказья. Историко-этнографический очерк*. М.: Наука, 1966. — 211 с. [Aristova T. F. *Kurds of Transcaucasia. Historical and ethnographic essay*. Moscow: Nauka, 1966. — 211 p. (in Russian)].
- Базиленко И. В. Езидизм. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2017. № 1. С. 53–65 [Bazilenko I. V. *Yezidism. Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. 2017. No. 2. Pp. 53–65 (in Russian)].
- Бек-Назаров А. И. *Записки актера и кинорежиссера*. М.: Искусство, 1965. — 270 с. [Bek-Nazarov A. I. *Notes of an actor and film director*. Moscow: Iskusstvo, 1965. — 270 p. (in Russian)].
- Бек-Назаров А. И. *Как я снимал «Зарэ»*. Кинопроспект. М.: Кинопечать, 1927 [Bek-Nazarov A. *How I filmed Zare*. Cinema prospect. Moscow: Kinopechat, 1927 (in Russian)].
- Бек-Назаров А. И. *Путь к реализму. Кинематография Армении*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 215–257 [Bek-Nazarov A. *Way to realism. Cinematography of Armenia*. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury, 1962. Pp. 215–257 (in Russian)].
- Березин И. Н. Езиды. *Магазин земледелия и путешествий*. 1854. Т. III. С. 428–454 [Berezin I. N. *Yezidis. Earth Science and Travel Magazin*. 1854. Vol. 3. Pp. 428–454 (in Russian)].
- Большевистский порядок в Грузии. *Большевистский порядок в Грузии*. В 2-х томах. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Юнге М., Бонвеч Б. М.: АИРО-XXI, 2015. — 640 с. [Bolshevik order in Georgia. *Bolshevik order in Georgia*. In 2 volumes. Vol. 1. Great terror in a small Caucasian republic; compiled by Junge M., Bonwetsch B. Moscow: AIRO-XXI, 2015. — 640 p. (in Russian)].
- Ваганян В. *О национальной культуре*. М.: Л.: Государственное издательство, 1927. — 192 с. [Vaganyan V. *About national culture*. Moscow: Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1927. — 192 p. (in Russian)].
- Вельтман С. Л. *А. Бек-Назаров*. М.: Л.: Искусство, 1937. — 104 с. [Veltman S. L. *A. Bek-*

Nazarov. Moscow: Leningrad: Iskusstvo, 1937. — 104 p. (in Russian)].

Вельтман С. Л. *Задачи кино на Востоке. Правда и неправда о Востоке*. М.: Науч. ассоциация востоковедения при президиуме ЦИК СССР, 1927 [Veltman S.L. *The tasks of cinema in the East. Truth and False about the East*. Moscow: Nauch. Association of Oriental Studies under the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR, 1927 (in Russian)].

Вен С. Амо Бек-Назаров. *Очерк-характеристика*. М.: Л.: Кинопечать, 1927. — 16 с. [Ven S. Amo Bek-Nazarov. *Essay-characteristic*. Moscow: Leningrad: Kinopечат, 1927. — 16 p. (in Russian)].

Вен С. Кавказ в «Зарэ». *Советский экран*. 1927. № 5. С. 14 [Ven S. Caucasus in “Zare”. *Soviet screen*. 1927. No. 5. P. 14 (in Russian)].

Вертяев К. В. Феномен курдского кино. *Курды. Легенда Востока*. М.: 2018. С. 364–373 [Vertuyayev K. Kurdish cinema phenomenon. *Kurds. Legend of the East*. Moscow: 2018. Pp. 364–373 (in Russian)].

Вильчевский О. Очерки по истории езидства. *Атеист*. 1930. № 51. С. 81–113 [Vilchevsky O. Essays on the history of Yezidism. *Ateist*. 1930. No. 51. Pp. 81–113 (in Russian)].

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М.: 1927–1929. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 1928 [All-Union population census on December 17, 1926: brief summaries / ed. CSU of the USSR. Moscow, 1927–1929. Vol. 4: Nationality and native language of the population of the USSR. 1928 (in Russian)].

Выставка фотографии за десять лет Советской Власти. М.: 1928 [Exhibition of photography for ten years of Soviet power. Moscow: 1928 (in Russian)].

Гакстаузен А. *Закавказский край: Заметки о семейной и обществ. жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийскими морями*. Ч. 1. СПб.: 1857 [Haxthausen A. *Transcaucasian region: Notes on family and society. life and relations of peoples living between the Black and Caspian Seas*. Part 1. Saint Petersburg: 1857 (in Russian)].

Галстян С. Кинематографическое искусство Армении. Прошлое и настоящее. *История национальных кинематографий. Советский и постсоветский периоды*. М.: Академический Проект, 2020. С. 351–383 [Galstyan S. Cinematographic Art of Armenia. Past and present. *History of national cinematographies. Soviet and post-Soviet periods*. Moscow: Academic Project, 2020. Pp. 351–383 (in Russian)].

Джалил Дж. *Из истории общественно-политической жизни курдов в конце XIX — в начале XX вв.* СПб: Наука, 1997. — 1632 с. [Jalil J. *From the history of the social and political life of the Kurds in the late XIX — early XX centuries*. Saint Petersburg: Nauka, 1997. — 1632 p. (in Russian)].

Дзнуни Д. Зарождение армянской кинематографии (из воспоминаний). *Кинематография Армении*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 264–292 [Dznuni D. The origin of Armenian cinematography (from memoirs). *Cinematography of Armenia*. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury, 1962. Pp. 264–292 (in Russian)].

Егиазаров С. А. Вариант главной езидской молитвы. *Записки Кавказского Отделения Императорского Русского Географического Общества*. 1891. Книжка XIII. Выпуск 2. С. 221–227 [Egiazarov S. A. Variant of the main Yezidi prayer. *Notes of the Caucasian Branch of the Imperial Russian Geographical Society*. 1891. Book 8. Vol. 2. Pp. 221–227 (in Russian)].

Елисеев А. В. Среди поклонников дьявола: (очерки верований езидов). *Северный Вестник*. 1888. № 1. Отд. 1. С. 55–92 [Eliseev A. V. Among Devil Worshipers: (Essays on Yezidi Beliefs). *Northern Bulletin*. 1888. No. 1. Vol. 1. Pp. 55–92 (in Russian)].

Закоян Г. В. *Армянское немое кино*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. — 191 с. [Zakoyan G. V. *Armenian Silent Cinema*. Yerevan: Academy of Sciences of the ArmSSR, 1976. — 191 p. (in Russian)].

Закоян Г. В. Национальность и культура. *Киносценарии*. 1989. № 4. С. 162–168 [Zakoyan G. V. Nationality and culture. *Screenplays*. 1989. No. 4. Pp. 162–168 (in Russian)].

Закоян Г. В. Национальные культуры — национальные миры. *Киноведческие записки*. 1989. № 2. С. 13–27 [Zakoyan G. V. National cultures — national worlds. *Film Studies Notes*. 1989. No. 2. Pp. 13–27 (in Russian)].

Кадио Дж. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940*. М.: НЛО, 2010. — 336 с. [Cadiot J. *Le laboratoire impérial: Russie-URSS, 1870–1940*. Moscow: NLO, 2010. — 336 p. (in Russian)].

Калантар К. Л. *Амо Бек-Назаров: Искусство кинорежиссера*. Ереван: Айастан, 1973. — 184 с. [Kalantar K. L. *Amo Bek-Nazarov: The Art of a Filmmaker*. Yerevan: Hayastan, 1973. — 184 p. (in Russian)].

Карцов Ю. С. *Заметки о турецких езидах*. Тифлис, 1886. — 29 с. [Kartsov Yu. S. *Notes on Turkish Yezidis*. Tiflis, 1886. — 29 p. (in Russian)].

Кинематография Армении. Отв. ред. Г. Чахирьян. Фильмография. Сост. Д. М. Дзнуни. М.: Изд-во вост. лит., 1962 [Cinematography of Armenia. Ed. G. Chakhiryan. Filmography. Comp. D. M. Dznuni. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury, 1962 (in Russian)].

Кино Армении. Сост. Альберт Гаспарян. М.: Крон-пресс, 1994. — 416 с. [Cinema of Armenia. Comp. Albert Gasparyan. Moscow: Kron-press, 1994. — 416 p. (in Russian)].

Кино-справочник. Сост. и ред. Г. М. Болтянским. М.: Кинопечать, 1926. — 223 с. [Film reference book. Comp. and ed. G. M. Boltyansky. Moscow: Kinopechat, 1926. — 223 p. (in Russian)].

Коркотян З. *Арагац (Гора Алагез) для туристов*. Эривань: Гос. изд-во, 1936. — 59 с. [Korkotyan Z. *Aragats (Mount Alagez) for tourists*. Erivan: Gos. Izd-vo, 1936. — 59 p. (in Russian)].

Левин И. Международное значение ленинско-сталинской национальной политики. *Революция и национальности*. 1937. № 11 (93). С. 94–105 [Levin I. The international significance of the Leninist-Stalinist national policy. *Revolution and nationalities*. 1937. No. 11(93). Pp. 94–105 (in Russian)].

Летопись российского кино, 1863–1929. М.: Материк, 2004. — 698 с. [Chronicle of Russian cinema,

1863–1929. Moscow: Materik, 2004. — 698 p. (in Russian)].

Летопись российского кино, 1930–1945. М.: Канон + Реабилитация, 2017. — 960 с. [Chronicle of Russian cinema, 1930–1945. Moscow: Kanon + Reabilitatsia, 2017. — 960 p. (in Russian)].

Марогулов И. Курдский алфавит. *Культура и письменность Востока*. Книга 2. Баку: Издание ВЦК НТА, 1928. С. 43–57 [Kurdish alphabet. Culture and writing of the East. Book 2. Baku: Edition of the All-Russian Central Committee of the NTA, 1928. Pp. 43–57 (in Russian)].

Марр Н. Я. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). *Записки Восточного отдела Российского археологического общества*. 1912. Т. XX, Вып. 3. СПб., 1912. С. 99–151 [Marr N. Ya. More about the word “chelebi” (On the question of the cultural significance of the Kurdish people in the history of Western Asia). *Notes of the Eastern Department of the Russian Archaeological Society*. 1912. Vol. XX. Issue. 3. Saint Petersburg, 1912, Pp. 99–151 (in Russian)].

Мейлах М. Б. Малаки-Тауз. *Мифологический словарь*. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 335–336 [Meylah M. B. Malaki-Tauz. *Mythological dictionary*. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. 1992. Pp. 335–336 (in Russian)].

Пушкин А. С. Путешествие в Арзурум во время похода в 1829 г. *Современник*. 1836. Т. 1. С. 17–84 [Pushkin A. S. Journey to Arzurum during a campaign in 1829. *Contemporary*. 1836. Vol. 1. Pp. 17–84 (in Russian)].

Режиссеры советского художественного кино. Биофильмографический справочник. Т. 1. А–Д. М.: Госфильмофонд СССР, 1982. — 157 с. [Directors of Soviet art cinema. Biofilmographic guide. Vol. 1. A–D. Moscow: Gosfilmofond, 1982. — 157 p. (in Russian)].

Режиссеры советского художественного кино. Биофильмографический справочник. Т. 3. М–С. М.: Госфильмофонд СССР, 1985. — 188 с. [Directors of Soviet art cinema. Biofilmographic guide. Vol. 3. M–S. Moscow: Gosfilmofond, 1985. — 188 p. (in Russian)].

Ризаев С. А. *Армянская художественная кинематография*. Ереван: Изд-во Акад. наук АрмССР, 1963. — 381 с. [Rizaev S. A. *Armenian artistic cinematography*. Yerevan: Acad. Sciences ArmSSR, 1963. — 381 p. (in Russian)].

Ризаев С. А. *Рачия Нерсисян*. М.: Искусство, 1968. — 192 с. [Rizaev S. A. *Rachiya Nersesian*. Moscow: Iskusstvo, 1968. — 192 p. (in Russian)].

Романов В. А. Поклонники дьявола: Очерк. *Природа и люди*. СПб., 1898. № 46. С. 739–740; № 47. С. 751–753 [Romanov V. A. Devil Worshipers: An Essay. *Nature and people*. Saint Petersburg, 1898. No. 46. Pp 739–740; No. 47. Pp. 751–753 (in Russian)].

Руденко М. Б. *Курдская обрядовая поэзия (похоронные причитания)*. М.: Наука, 1982. — 152 с. [Rudenko M. B. *Kurdish ritual poetry (Funeral lamentations)*. Moscow: Nauka, 1982. — 152 p. (in Russian)].

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) Ф. 77 Оп. 2 Д. 5 [St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (SPbF ARAN) F. 77 Op. 2 D. 5 (in Russian)].

СПбФ АРАН Ф. 77 Оп. 2 Д. 6 [SPbF ARAN F. 77 Op. 2 D. 6 (in Russian)].

Сергеева Т. Штрихи к портретам. *Кино Армении*. Сост. Альберт Гаспарян. М.: Крон-пресс, 1994. С. 213–226 [Sergeeva T. Strokes for portraits. *Cinema of Armenia*. Moscow: Kron-press, 1994. Pp. 213–226 (in Russian)].

Сине-фоно. 1915. № 2. [Sine-fono. 1915. No 2. (in Russian)].

Сине-фоно. 1915. № 3. [Sine-fono. 1915. No 3. (in Russian)].

Тольц В. «Собственный Восток России». *Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период*. М.: НЛО, 2013. — 332 с. [Tolz V. *Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods*. Moscow: NLO, 2013. — 332 p. (in Russian)].

Трауберг И. Молодые мастера кинорежиссуры. *Молодежь советского кино*. М.: Госкиноиздат, 1938. С. 28–45 [Trauberg I. Young Masters of Film Directing. *The youth of Soviet cinema*. Moscow:

Goskinoizdat, 1938. Pp. 28–45 (in Russian)].

Халид А. *Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период*. Academic Studies Press, 2022. — 623 с. [Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Academic Studies Press, 2022. — 623 p. (in Russian)].

Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. 4363 Оп. 1 Д. 372 [Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb) F. 4363 Op. 1 D. 372 (in Russian)].

ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 464 [TsGA SPb F. 4363 Op. 1 D. 464 (in Russian)].

ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 556 [TsGA SPb F. 4363 Op. 1 D. 556 (in Russian)].

ЦГА СПб Ф. 4363 Оп. 1 Д. 587 [TsGA SPb F. 4363 Op. 1 D. 587 (in Russian)].

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Ф. 1728 Оп. 1–34 Д. 268663 [Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb) F. 1728 Op. 1–34 D. 268663 (in Russian)].

Чатоев Х. М. Из истории армяно-курдской дружбы. *Историко-филологический журнал*. 1979. № 4. С. 282–285 [Chatoev H. M. From the history of the Armenian-Kurdish friendship. *Historical and Philological Journal*. 1979. No. 4. Pp. 282–285 (in Russian)].

Чатоев Х. М. *Курды Советской Армении. Исторический очерк (1920–1940)*. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1965 [Chatoev Kh. M. *Kurds of Soviet Armenia. Historical sketch (1920–1940)*. Yerevan: Izd-vo Acad. Sciences Arm. SSR, 1965 (in Russian)].

Хахирьян Г. Очерк истории кино Армении. *Кинематография Армении*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 5–72 [Chahiryan G. Essay on the history of cinema in Armenia. *Cinematography of Armenia*. Moscow: Izd-vo vostochnoy literature, 1962. Pp. 5–72 (in Russian)].

Шагинян М. Курды-езиды. *Прожектор*. 1927. № 4. С. 20–21 [Shahinyan M. Yezidi Kurds. *Spotlight*. 1927. No. 4. Pp. 20–21 (in Russian)].

Шапиров Б. *Наши пограничные окраины на Кавказе*. СПб, 1909. — 222 с. [Shapiro B. *Our*

border outskirts in the Caucasus. Saint Petersburg, 1909. — 222 p. (in Russian)].

Alakom R. Kürtleri anlatan ilk film: Zare. *Kürt Sineması. Yurtsuzluk, Sınır ve Ölüm*. İstanbul, Agora Kitaplığı, 2003. S. 35–39 [Alakom R. The first film about Kurds: Zare. *Kurdish Cinema. Homelessness, Frontier and Death*. İstanbul, Agora Library, 2003. Pp. 35–39 (in Turkish)].

Bakhchinyan A. Ermenistan Sinemasında Kürt Renkleri. *Kürt Sineması. Yurtsuzluk, Sınır ve Ölüm*. İstanbul, Agora Kitaplığı, 2003. S. 40–55 [Bakhchinyan A. Kurdish Colors in Armenian Cinema. *Kurdish Cinema. Homelessness, Frontier and Death*. İstanbul, Agora Library, 2003. Pp. 40–55 (in Turkish)].

Bakhchinyan A. Sovyet Ermeni Filmlerinde Kürtler. *Kürt Tarihi dergisi*. 2020. No 40. S. 16–19 [Bakhchinyan A. Kurds in Soviet Armenian Films. *Kurdish History magazine*. 2020. No 40. Pp. 16–19 (in Turkish)].

Bakhchinyan A. Zaré and Kurds-Yezids. The representation of the Kurds in two Soviet Armenian films. *Cinergie uscita*. 2015. No 7. Pp. 106–111.

Bois T. *The Kurds*. Beirut, Khayats. 1966. — 159 p.
Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press, 2005. — 392 p.

Kennedy T. *Cinema Regarding Nations. Re-imagining Armenian, Kurdish, and Palestinian national identity in film*. PhD thesis, University of Reading, 2007. — 291 p.

Koçer S. Kurdish Cinema as a Transnational Discourse Genre: Cinematic Visibility, Cultural Resilience, and Political Agency. *International Journal of Middle East Studies*. 2014. № 46. Pp. 473–488.

Kreyenbroek P. G. *Yezidism in Europe: Different Generations Speak about their Religion*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2009. — 246 p.

Lindqvist M. *Promised soils. Senses of Place Among Yezidis in Dalarna and Sheikhan*. Huddinge: Södertörns högskola, 2021. — 398 p.

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press, 2001. — 498 p.

Massell G. J. *The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton University Press, 1974. — 492 p.

Öztaş Ö. *Sovyetler Birliği'nde Kürt Sanatı*. İstanbul, Kayhan Matbaacılık, 2016. — 128 s. [Oztas O. *Kurdish Art in the Soviet Union*. İstanbul, Kayhan Matbaacılık, 2016. — 128 p. (in Turkish)].

Piskova M. За(д)кавказкото кино от 20-те — 30-те години на XX век. *Balkanistic Forum*. 2020. Vol. 3. С. 130–158 [Piskova M. The Cinema of Transcaucasia in the 1920s and 1930s. *Balkanistic Forum*. 2020. No 3. Pp. 130–158 (In Bulgarian)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

“Zare” (1926). URL: https://youtu.be/4HV841-y_fm0 (accessed: 13.08.2022)

«Курды-езиды» (1933) [“Kurds-Yezids” (1933) (in Russian)]. URL: <https://t.me/kurdbookreview/239> (accessed: 13.08.2022).

1915. Проект научно-учебной группы «Ранняя русская кинопроза» [1915. The project of the scientific and educational group “Early Russian film prose” (in Russian)]. URL: <https://hum.hse.ru/ditl/filmprose/1915/> (accessed: 13.08.2022).

Пирбари Д. «Зарэ» — первый фильм о езидах. *Nêrîna Nû / Новый взгляд*. 2011. № 3–4. С. 10. [Pirbari D. “Zare” — the first movie about the Yezidis. *Nêrîna Nû*. 2011. No. 3–4. P. 10 (in Russian)]. URL: http://ontwikkel2.mvanlaar.net/Portals/0/adam/Blog%20App/i282fKOkmEqFC6ZD2LzOaQ/File/Nêrîna%20Nû_03-04%20-%202011.pdf (accessed: 13.08.2022).

Пирбари Д. «Рожа Мазала» или День поминовения усопших. *Nêrîna Nû / Новый взгляд*. 2012. № 5 (10). С. 6 [Pirbari D. Roja Mezala or Remembrance Day. *Nêrîna Nû*. 2012. No. 5 (10). P. 6 (in Russian)]. URL: http://ontwikkel2.mvanlaar.net/Portals/0/adam/Blog%20App/ZzHNIEoAhk-rFUoGaCCgzw/File/Nêrîna%20Nû_10%20-%202012.pdf (accessed: 13.08.2022).

Технология NFT в Южной Корее: история и тенденции

NFT TECHNOLOGY IN SOUTH KOREA: HISTORY AND TRENDS

© 2022 **Ирина Вадимовна Голованова**

студентка Института Стран Востока, факультет
Международных отношений, кафедра корейского
языка. Москва, Россия; i107177@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0386-6067

Irina V. Golovanova

Student of the Oriental Countries University, Faculty of
International Relations, Korean language department
Moscow, Russia; i107177@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0386-6067

В 2017 г. была создана технология уникальных криптографических токенов NFT (Non-Fungible Token), чтобы помочь художникам монетизировать творчество в диджитал-среде. Однако сегодня мир NFT — огромный сегмент рынка в интернет-пространстве: миллионы пользователей по всему миру выставляют на рынок NFT-работы. Номинальный объем рынка составлял 22 млрд. долларов в 2020 г. и 50 млрд. долларов в 2021 г., и объем продаж лишь продолжает расти: уже в январе нынешнего 2022 г. еженедельно совершалось сделок минимум на полмиллиарда долларов. Автор представляет исследование корейского сегмента NFT-рынка на базе платформ продажи и перепродажи NFT-токенов OpenSea и Rarible, выделяя основные направления работ и главные имена NFT-художников, исследует корейский сегмент рынка криптовалют, используемых для реализации криптографических токенов, анализируя, как технология NFT впервые появилась и распространялась в Южной Корее и представляя данные о крупнейших транзакциях, проводит сравнение NFT-токенов художников из Южной Кореи с токенами других иностранных художников. Автор отмечает, что технология NFT активно развивается не только частными пользователями, но и государством — и даже попала под его регулирование в силу стремительного роста интереса к блокчейну.

Ключевые слова: блокчейн, NFT, токены, коины, Ethereum, Bitcoin, метавселенная, актуальное искусство

Для цитирования: Голованова И. В. Технология NFT (Non-Fungible Token) в Южной Корее: история, распространение и тенденции. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 179–187. DOI: 10.18254/S268684310023725-5

In 2017, the technology of unique cryptographic tokens NFT (Non-Fungible Token) was created to help artists to monetize their creativity in the digital environment. But today the NFT world is a huge market segment in the internet space: millions of users all over the world, including famous artists, exhibit NFT works and buy and sell them. The nominal size of the market, according to various estimates, was \$22 billion in 2020 and \$50 billion in 2021; and the volume of sales only continues to grow: already in January of this year 2022, at least half a billion transactions were made weekly. In this article, the author presents a study of the Korean segment of the NFT market based on the NFT token sale and resale platforms OpenSea and Rarible, highlights the main directions of works and the main names of NFT artists, and examines the Korean segment of the cryptocurrency market used for selling cryptocurrency tokens. The author also analyzes how NFT technology first appeared in South Korea and was spread to individuals and organizations, and presents data on the largest transactions, comparing NFT tokens of artists from South Korea with tokens of other foreign artists. Over the past few years, NFT technology has not only become popular among individuals but has also gained credibility and spread to large companies in South Korea. The author notes that NFT technology has been actively developed not only by private users but also by the government — and has even come under its regulation due to the rapid growth of interest in blockchain.

Keywords: blockchain, NFT, token, coin, Ethereum, Bitcoin, metaverse, contemporary art

For citation: Golovanova Irina V. Technology of Non-Fungible Token in South Korea: History, Expansion, and Trends. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 179–187. DOI: 10.18254/S268684310023725-5

За 60 лет Южная Корея совершила невероятный скачок, превратившись из аграрной страны в постиндустриальную. Векторы производства динамично сменялись: акцент на легкой промышленности был со временем смещен на тяжелую, а сегодня Корея уже стала страной-экспортером высоких технологий¹ — в 2018 г. Южная Корея в пятый раз подряд заняла первую строчку в *Bloomberg Innovation Index*². Рост высоких технологий в Корее и спровоцировал и развитие в стране блокчейн-технологий, в том числе NFT.

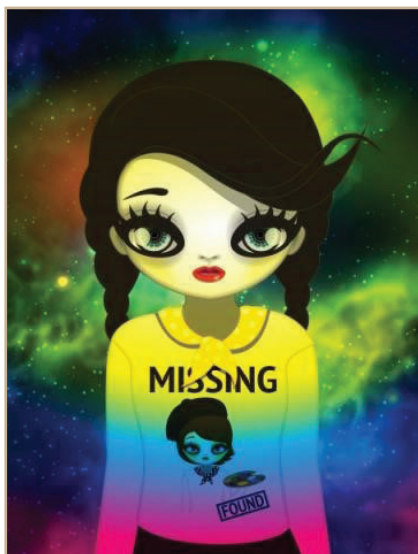
Что скрывается за модным термином NFT? «NFT, или невзаимозаменяемый токен, — это единица учета, с помощью которой можно создать цифровой слепок любого уникально-

го предмета. Ему присваивается оригинальный код, являющийся знаком отличия подлинного цифрового объекта от его копий. В число таких единиц могут входить картины, фотографии, видео, музыка, GIF-файлы — любой контент, претендующий на уникальность»³. Именно за счет невозможности подделки оригинального кода NFT-токены ценятся среди коллекционеров, геймеров и любителей искусства. Хранятся токены в блокчейне — это децентрализованная, т. е. не имеющая одного главного сервера, и открытая для участников база данных, предназначенная для хранения последовательных блоков деперсонализованной информации о пользователях, их действиях, передвижениях цифровых

1 2019 International Trade Statistics Yearbook. *United Nations Publication*. (accessed 10.04.22).

2 Самые инновационные экономики мира – 2018. *iFinance* [The Most Innovative Economics in the World. *iFinance* (in Russian)]. URL: <http://global-finances.ru/bloomberg-innovation-index-2018/> (accessed 10.04.22).

3 Инструкция по NFT-токенам — как создать и выставить NFT-токен. *Blockchain24* [Instruction to NFT-Tokens – How to Create and Put Up an NFT-token on Sale. *Blockchain24* (in Russian)]. URL: <https://blockchain24.pro/instruktsiya-po-nft-tokenam-kak-sozdat-nft-token-i-kolleksionirovat-tsifrovye-aktivy-novoj-volny> (accessed 12.04.22).

Илл. 1. Пропавшая и найденная.
Мари Ким

По: URL: <http://marikim.net> (accessed 09.11.22)

Fig. 1. *Missing and Found*. Mari Kim
URL: <http://marikim.net> (accessed 09.11.22)

активов и так далее. Цепочку блокчейна можно представить как книгу, в которую можно добавлять страницы лишь в конце. Новая информация появляется сразу у всех пользователей, а записи, сделанные ранее, нельзя отредактировать или удалить без повреждения остальных блоков информации и, следовательно, без обнаружения неправомерных действий. Этот способ организации и является причиной использования блокчейна в качестве базы для криптовалютных операций.

Криптовалюта — это электронное платежное средство, не имеющее физического эквивалента. Она не поддерживается золотом или другими ресурсами, однако имеет определенную ценность в мире блокчейн-технологий. Основной единицей измерения в блокчейне являются *коины*. Их используют как обычные деньги: для хранения, обмена, передачи третьим лицам, оплаты реальных и цифровых товаров (например, NFT) или услуг. Существует огромное количество криптовалют, самые известные из

которых — **Bitcoin** и **Ethereum** (далее — **ETH**). Все действия с коинами в блокчейне, включая эмиссию и обработку транзакций, выполняются коллективно участниками сети — *майнерами*.

Южная Корея занимает 17-е место из 154 стран⁴ в глобальном индексе принятия криптовалют. Первая продажа NFT в Южной Корее состоялась 17 марта 2021 года⁵. На аукционе, проведенном в этот день на площадке DeFineArt, было продано множество токенов. Самой дорогой стала работа художницы Мари Ким (Mari Kim) “Missing and Found” (Илл. 1) — она была продана за 288 ETH (\$525,033).

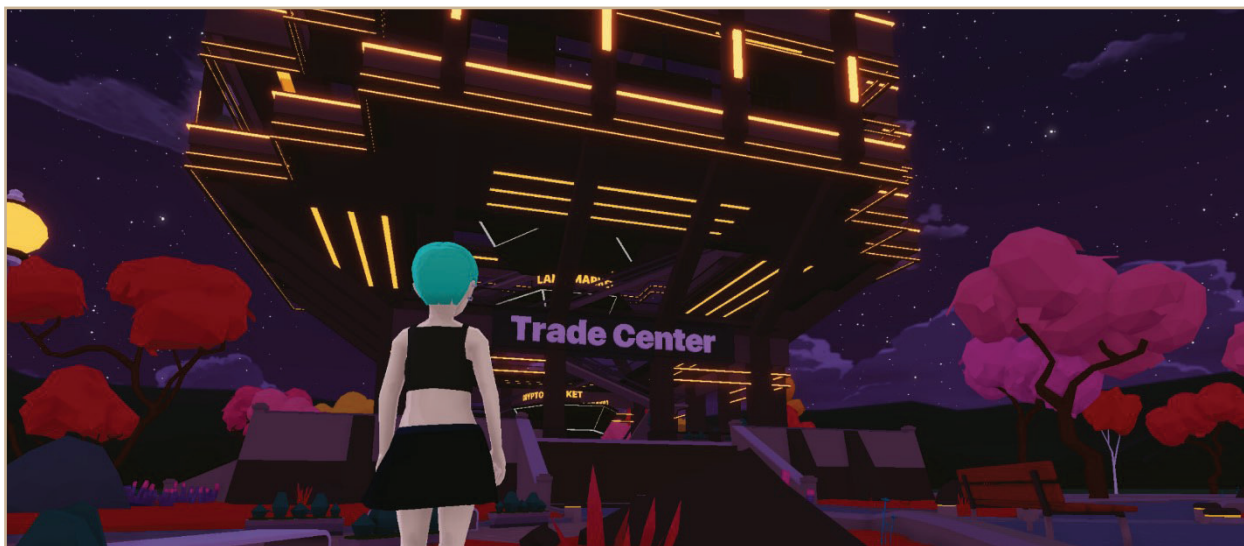
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР И NFT В КОРЕЕ: А ПОЧЕМУ БЫ И... ДА?

В 2018 г. в Корее были приняты поправки к Закону об электронных финансовых операциях, а также в июне того же года Министерством науки и ИКТ Республики Корея была объявлена *Стратегия развития технологии блокчейн*⁶.

4 Обзор крипторынка Южной Кореи. *Xangle, Chainanalysis* [An Overview of Crypto Market in South Korea. *Xangle, Chainanalysis* (in Russian)]. URL: [https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/\(Xangle\)+201118+\(RU\).pdf](https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/(Xangle)+201118+(RU).pdf) (accessed: 03.04.22).

5 Korea's First NFT Art Auction Sold Mari Kim's Artwork for KRW 600 Million. *Businesswire*. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20210419005314/en/Korea's-First-NFT-Art-Auction-Sold-Mari-Kim's-Artwork-for-KRW-600-Million> (accessed 13.04.22).

6 Обзор крипторынка Южной Кореи. *Xangle, Chainanalysis* [An Overview of Crypto Market in South Korea.

Илл. 2. **Внутри метавселенной Decentraland**
По: URL: play.decentraland.org (accessed 09.11.22)
Fig. 2. **Inside of the Metaverse Decentraland**
URL: play.decentraland.org (accessed 09.11.22)

В этом же году на рассмотрение Народного собрания Республики Корея был вынесен *Закон о продвижении блокчейна*⁷. В 2020 г. Министерство экономики и финансов классифицировало доход от торговли криптоактивами как «прочий доход», и предложило обложить его подоходным налогом в 20 % при прибыли на сумму более 50 млн вон (\$36000), полученную в течение одного года. В 2021 г. разрабатывалась система налогообложения, и она должна была вступить в силу с 2022 года⁸. Однако новоизбранный президент Южной Кореи **Юн Сокёль (Yoon**

Suk-yeol) объявил о переносе введения налога на криптовалюты в Южной Корее на 2023 г., а потом и вовсе перенес введение налога еще на два года⁹. Кроме того, министр финансов Хун Намки (Hong Nam-ki) в интервью 2021 г. заявил, что невзаимозаменяемые токены не входят в рамки разработанного законодательства, то есть NFT не получили статус виртуальных активов, а потому доход, полученный с NFT, не будет облагаться налогом¹⁰. Таким образом, сегодня корейское правительство неохотно продвигает регулятивные инициативы по отноше-

Xangle, Chainanalysis (in Russian)]. URL: [https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/\(Xangle\)+201118+\(RU\).pdf](https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/(Xangle)+201118+(RU).pdf) (accessed: 03.04.22).

- 7 Южная Корея представила блокчейн-стратегию до 2022 года. *Правда* [South Korea Has Presented a Blockchain Strategy Until 2022. *Pravda* (in Russian)]. URL: <https://www.pravda.ru/crypto/1387164-Korea/> (accessed 22.04.22).
- 8 В Южной Корее введут налог в 20 % на прибыль с криптовалютных транзакций. *РБК* [The Government Will Impose a 20 % Tax on a Profit by Cryptomoneretary Transactions. *RBK* (in Russian)] URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6093a85d9a794716cee83c21> (accessed 23.04.22)
- 9 Южная Корея отложила введение налога на криптовалюты на два года, теперь он вступит в силу в 2025 году. *Blockchain24* [South Korea Has Delayed an Imposition of Taxes on Cryptoactives for 2 Years, so It Will Be Enforced in 2025. *Blockchain24* (in Russian)]. URL: <https://blockchain24.pro/yuzhnaya-koreya-otlozhila-vvedenie-naloga-na-kriptovalyuty-na-dva-goda-teper-on-vstupit-v-silu-v-2025-godu> (accessed 13.04.22).
- 10 Profits From Stock Market to be Taxed in 2022. *Korea Joongang Daily*. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2020/06/25/business/economy/stock-investments-governmenttax-tax/20200625171200365.html> (accessed 03.05.22).

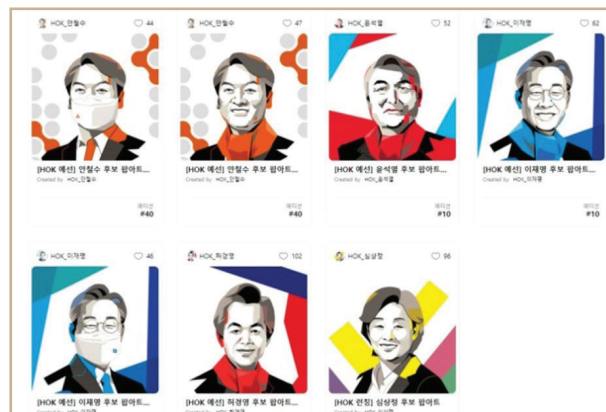

нию к блокчейну — но сохранится ли этот курс на либерализацию альтернативных способов денежного обращения в Корее?

Государственный сектор в Корее не только не стремится закрепощать блокчейн в стране, но и активно поддерживает его развитие — в конце февраля 2022 г. правительство Южной Кореи сообщило о выделении \$187 млн на реализацию проекта *метавселенной Expanded Virtual World*¹¹. Метавселенные — это несуществующие в реальности миры, земля в которых представляет собой NFT-токен, который можно приобрести точно так же, как и другие токены. По функционалу метавселенные копируют реальный мир: возможна торговля, общение, строительство зданий (Илл. 2).

Проект метавселенной, как рассчитывают власти Южной Кореи, будет способствовать привлечению новых пользователей и стремительному развитию сферы блокчейна в государстве. Уже с 2021 г. повсеместно проводятся *хакатоны*¹², где молодые таланты: дизайнеры, программисты, архитекторы, художники и администраторы демонстрируют навыки работы с блокчейн-технологией.

Представители правительства в Южной Корее даже используют NFT в политическом пиаре. На выборах президента Республики Корея в 2022 г. оба ведущих кандидата Юн Сокёль и его оппонент Ли Чжэмён (Lee Jae-myung) выпустили сувенирные коллекции NFT, связанные с предвыборной кампанией (Илл 3, 4)¹³.

Илл. 3. NFT-токены Юн Сокёля

По: URL: <https://jmagazine.join.com/monthly/view/335443> (accessed 29.03.22)

Fig. 3. Yoon Suk-yeol's NFT Tokens

URL: <https://jmagazine.join.com/monthly/view/335443> (accessed 29.03.22)

Илл. 4. NFT-токены Ли Чжемёна

По: URL: <https://jmagazine.join.com/monthly/view/335443> (accessed 29.03.22)

Fig. 4. Lee Jae-myung's NFT Tokens

URL: <https://jmagazine.join.com/monthly/view/335443> (accessed 29.03.22)

11 Expanded Virtual World; South Korea's National Metaverse 021. *NFT News Today*. URL: <https://nftnewstoday.com/2022/02/28/expanded-virtual-world-south-koreas-national-metaverse/> (accessed 18.04.22).

12 Форумы, где разработчики решают определенную задачу за ограниченное время.

13 На президентских выборах в Южной Корее NFT используются в кампаниях 2021. *Bitcoin Ethereum News* [NFT is Being Used During 2021 Elections Campaigns in South Korea. *Bitcoin Ethereum News* (in Russian)]. URL: <https://ru.bitcoinethereumnews.com/technology/south-korea-presidential-election-sees-nfts-in-campaigns/> (accessed 29.03.22).

Это позволило кандидатам привлечь внимание не только избирателей, давно поддерживающих политиков, но и молодую часть населения, менее заинтересованную в политической жизни¹⁴. Политики показали, что, в отличие от предыдущего президента Мун Чжеина (Moon Jae-in), они более благосклонны к блокчейн-технологиям и не собираются препятствовать их развитию. «Чтобы реализовать неограниченный потенциал рынка виртуальных активов, мы должны пересмотреть правила, которые далеки от реальности и неразумны»¹⁵ — заявил Юн Сокёль.

КОРЕЙСКИЙ БИЗНЕС И NFT

В Южной Корее криптовалютным бизнесом занимаются и крупные корпорации. В финансовом секторе к ним относятся компании *KB Kookmin Bank*, *KEB Hana Bank*, *Shinhan Bank*, *NH Investment & Securities*, *Hanwha Investment & Securities*, *SK Securities* и *GS*. В сфере развития технологий — *Samsung*, *LG Electronics*, *Kakao*, *Naver*, *SK* и *KT*¹⁶, одновременно повышающие интерес пользователей к новым коллекциям и выходящие на перспективный крипторынок.

Активнее всех на рынке проявляет себя компания *Samsung*. *Samsung Electronics Co.* — самая дорогая компания Южной Кореи, она стабильно входит в топ-10 компаний в мире по капитализации. Основная продукция *Samsung* — полупроводники, занимающие 13 % экспорта Южной Кореи, смартфоны и другая электроника. По данным международной исследовательской и консалтинговой компании IDC, *Samsung* — крупнейший продавец смартфонов в мире: каждое пятое устройство произведено на заводе компании. Недавно *Samsung* заявил

о разработках собственной платформы NFT, поддерживаемой запусками смарт-телевизоров. По словам представителей *Samsung*, пользователи могут просматривать и обменивать NFT через свои модели *MicroLed*, *Neo QLED* и *The Frame*. Платформа будет работать как агрегатор, отображая NFT-токены с нескольких торговых площадок на экране пользователей, позволяя пользователям взаимодействовать друг с другом.

Кроме запуска собственной платформы NFT, *Samsung* активно использует уже существующие метaprостранства: презентация новых смартфонов в 2022 г. прошла в метавселенной *Decentraland*, где присутствовали более 1500 пользователей. В 2020 г. *Samsung* добавила в приложение *Samsung Blockchain Wallet* поддержку операций на базе пространства *Decentraland*.

NFT: ЧТО В ОБРАЗЕ ТЕБЕ МОЕМ?

NFT — это не просто предметы купли-продажи, а самостоятельные произведения искусства, высказывания авторов. Среди NFT-токенов есть и абстракции, и изображения существ, схожих с самыми знаменитыми западными аналогами — *Bored Ape Yacht Club* и *CryptoPunks*, а также аллюзии на современную массовую культуру. В силу глобальности NFT покупка и распространение токенов лишь в единичных случаях происходит в рамках одной страны. Операции обычно происходят на международных платформах *OpenSea* и *Rarible*, и потому контент должен быть понятен пользователям в любом уголке планеты.

Корейское самосознание, любовь к своей культуре проявляется и тут — о чем говорят произведения корейских авторов, отражающие особенности корейской жизни. Например, изо-

14 Пак Санхёк (박상혁). Перспективы рынка NFT, где соревнуются кандидаты в президенты (대선후보들도 앞다투어 뛰어드는 NFT 시장 전망) [Park Sang-Hyuk: Prospects for the NFT Market, Where the Presidential Candidates are Also Competing. *J-Magazine* (in Korean)]. URL: <https://jmagazine.joins.com/monthly/view/335443> (accessed 29.03.22).

15 Предвыборная речь Юн Сокёля о политике в отношении стартапов (윤석열 대선후보 초청 스타트업 정책 토크). [Yoon Seok Yeol's Campaign Speech on Startups' Policy. *CRAFT* (in Korean)]. *CRAFT*. URL: <https://craft.network/nft/cx82c8c091b41413423579445032281bca5ac14fc0:6559171> (accessed: 16.04.22).

16 Обзор крипто рынка Южной Кореи. *Xangle, Chainanalysis* [An Overview of Crypto Market in South Korea. *Xangle, Chainanalysis* (in Russian)]. URL: [https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/\(Xangle\)+201118+\(RU\).pdf](https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/(Xangle)+201118+(RU).pdf) (accessed: 03.04.22).

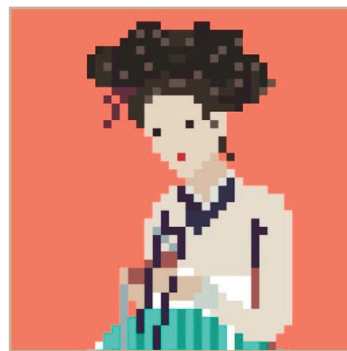

Илл. 5. Картина художника EH2

По: URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

Fig. 5. Image by the Artist EH2

URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

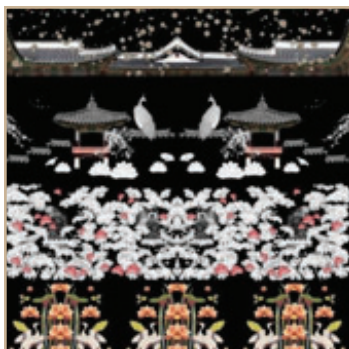

Илл 6. Картина художника Grida

По: URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

Fig. 6. Image by the Artist Grida

URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

Илл. 7. Картина художника HyeGyung Kim

URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

Fig. 7. Image by the Artist HyeGyung Kim

URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

Илл. 8. Картина художника moonduck_

По: URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

Fig. 8. Image by the Artist moonduck_

URL: KoreaNFT.com (accessed 29.03.22)

бражения фигур в традиционной одежде ханбок (Илл. 5), пиксельная версия картины Шин Юн-бока «Красавица» (Илл. 6), стилизованные под традиционную живопись токены (Илл. 7, 8). Можно также заметить изображения главных буддийских и даосских символов, традиционных узоров.

Цифровые копии существующих в реальности работ также продаются в форме NFT. Торговля антиквариатом корейского производства в стране запрещена, однако в законах нет ни слова про его цифровые копии, что и стало основной идеей для создания платформы MYART AUCTION. Первой проданной на аукционе

работой стала картина в жанре щипчансэndo (십장생도, изображение 10 живых существ и предметов, обладающих долголетием: солнце, горы, вода, камни, облака, сосна, трава бессмертия, черепаха, журавль, олень) из коллекции бывшего председателя Samsung Ли Конхи (Lee Kun-hee).

Выводы

Технология NFT в Корее активно интегрируется в сферу технологий не только крупными компаниями, но и правительственными инициативами, которые поддерживают разработку и продвижение блокчейн-проектов. Кriptoактивы набирают популярность благодаря почти

нулевому порогу вхождения и открытости системы, сочетаемой с безопасностью и удобством. Можно сформулировать гипотезу, что вследствие общемировой тенденции к глобальной цифровизации и современных инициатив корейского правительства, блокчейн-технологии в течение последующих десяти лет получат в Корее еще большее распространение. NFT-токены, в свою очередь, либо будут признаны арт-сообществом как произведения искусства, либо как еще одно средство денежного обращения в мире, где криптовалюты и блокчейн становятся обыденностью.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

В Южной Корее введут налог в 20% на прибыль с криптовалютных транзакций. *РБК* [The Government Will Impose a 20% Tax on a Profit by Cryptomoneretary Transactions. *RBK* (in Russian)]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6093a85d9a794716cee83c21> (accessed 23.04.22)

Инструкция по NFT-токенам — как создать и выставить NFT-токен. *Blockchain24* [Instruction to NFT-Tokens — How to Create and Put Up an NFT-token on Sale. *Blockchain24* (in Russian)]. URL: <https://blockchain24.pro/instruktsiya-po-nft-tokenam-kak-sozdat-nft-token-i-kollektsionirovatsifrovye-aktivny-novoj-volny> (accessed 12.04.22).

На президентских выборах в Южной Корее NFT используются в кампаниях 2021. *Bitcoin Ethereum News* [NFT is Being Used During 2021 Elections Campaigns in South Korea. *Bitcoin Ethereum News* (in Russian)]. URL: <https://ru.bitcoinethereumnews.com/technology/south-korea-presidential-election-sees-nfts-in-campaigns/> (accessed 29.03.22).

Самые инновационные экономики мира — 2018. *iFinance* [The Most Innovative Economics in the World. *iFinance* (in Russian)]. URL: <http://global-finances.ru/bloomberg-innovation-index-2018/> (accessed 10.04.22).

Обзор крипто рынка Южной Кореи. *Xangle, Chainanalysis* [An Overview of Cryp-

to Market in South Korea. *Xangle, Chainanalysis* (in Russian)]. URL: [https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/\(Xangle\)+201118+\(RU\).pdf](https://s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/upload.xangle.io/files/weekly+just+the+facts/201118/(Xangle)+201118+(RU).pdf) (accessed 03.04.22).

Южная Корея представила блокчейн-стратегию до 2022 года. *Правда* [South Korea Has Presented a Blockchain Strategy Until 2022. *Pravda* (in Russian)]. URL: <https://www.pravda.ru/crypto/1387164-Korea/> (accessed 22.04.22).

Южная Корея отложила введение налога на криптовалюты на два года, теперь он вступит в силу в 2025 году. *Blockchain24* [South Korea Has Delayed an Imposition of Taxes on Cryptoactives for 2 Years, so It Will Be Enforced in 2025. *Blockchain24* (in Russian)]. URL: <https://blockchain24.pro/yuzhnaya-koreya-otlozhilavvedenie-naloga-na-kriptovalyuty-na-dva-goda-teper-on-vstupit-v-silu-v-2025-godu> (accessed 13.04.22).

2019 International Trade Statistics Yearbook. *United Nations Publication*.

Expanded Virtual World; South Kores's National Metaverse 021. *NFT News Today*. URL: <https://nftnewstoday.com/2022/02/28/expanded-virtual-world-south-koreas-national-metaverse/> (accessed 18.04.22).

Export Volume of Semiconductor Manufacturers in South Korea from 2006 to 2021. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/648452/south-korea-semiconductor-export/> (accessed 23.04.22).

Korea's First NFT Art Auction Sold Mari Kim's Artwork for KRW 600 Million. *Businesswire*. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20210419005314/en/Korea's-First-NFT-Art-Auction-Sold-Mari-Kim's-Artwork-for-KRW-600-Million> (accessed 13.04.22).

MY ART AUCTION. URL: <https://myartauction.com> (accessed 22.03.22).

NFTs ballooned to a \$41 billion market in 2021 and are catching up to the total size of the global fine art market. *Markets Insider*. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/currencies/nft-market-41-billion-nearing-fine-art-market-size-2022-1> (accessed 09.11.2022).

Profits From Stock Market to be Taxed in 2022. *Korea Joongang Daily*. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2020/06/25/business/economy/stock-investments-governmenttax-tax/20200625171200365.html> (accessed 03.05.22).

Samsung Still Top Phone Seller: IDC. *GadgetsNow*. URL: <https://www.gadgetsnow.com/tech-news/samsung-still-top-smartphone-seller-idc/articleshow/48198363.cms> (accessed 16.04.22).

Samsung Promises 'Groundbreaking' New TV Feature: NFT Support. *The Verge*. URL: <https://www.theverge.com/2022/1/2/22858698/samsung-2022-tvs-nft-support-announced-cryptocurrency> (accessed 18.04.22).

The World's Most Valuable Brands. *Forbes*. URL:

<https://www.forbes.com/the-worlds-most-valuable-brands/#73c9a11d119c> (accessed 07.11.22).

Пак Санхёк (박상혁). Перспективы рынка NFT, где соревнуются кандидаты в президенты (대선후보들도 앞다퉀 뛰어드는 NFT 시장 전망) [Park Sang-Hyuk: Prospects for the NFT Market, Where the Presidential Candidates are Also Competing. *J-Magazine* (in Korean)]. URL: <https://jmagazine.joins.com/monthly/view/335443> (accessed 29.03.22).

Предвыборная речь Юн Сокёля о политике относительно стартапов (윤석열 대선후보 초청 스타트업 정책 토크). [Yoon Seok Yeol's Campaign Speech on Startups' Policy. *CRAFT* (in Korean)]. *CRAFT*. URL: <https://craft.network/nft/cx82c8c091b41413423579445032281bca5ac14fc0:6559171> (accessed 16.04.22).

НОВЫЕ ФОРМЫ КОРЕЙСКОЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ: ШТРИХ-КОДИРОВАННЫЙ ПЕЙЗАЖ О ХЁНЁН

NEW FORMS OF KOREAN LANDSCAPE PAINTING: BARCODED LANDSCAPE BY OH HYUN-YONG

© 2022 **Юлия Ивановна Гутарёва**

кандидат искусствоведения, Филиал Российской академии художеств в Красноярске «Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств в г. Красноярске», Красноярск, Россия
gutayule@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0210-6541

Yulia I. Gutareva

PhD (Art History), Russian Academy of Arts in Krasnoyarsk
“Regional Department of the Urals, Siberia and the Far East of the Russian Academy of Arts in Krasnoyarsk”
Krasnoyarsk, Russia; gutayule@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0210-6541

Статья посвящена пейзажному творчеству южнокорейской художницы О Хёнён (오현영, род. 1949), в котором применяется оригинальный подход в адаптации художественных традиций корейской пейзажной живописи *сансухва* («горы-воды») путем использования технологий нашего времени — визуальный символ штрих-кода. Целью статьи является изучение отличительных особенностей творческого метода мастера, в котором при использовании новых выразительных средств наблюдается сохранение высокой духовной идейности, присущей традиционному корейскому пейзажу, что, бесспорно, составляет важнейшую специфическую особенность корейской живописи *сансухва* — повышенное внимание к философско-эстетическому аспекту пейзажного искусства, считавшемуся неотъемлемой и во многом определяющей частью художественного процесса.

В основу исследования положен принцип комплексного подхода к проблеме; наряду с системным анализом используется искусствоведческий, совмещающий элементы типологических сопоставлений различных открытий О Хёнён с образно-стилистическим и сравнительным анализом отдельно взятых пейзажных произведений известных корейских художников прошлых эпох: Чон Сона (Кёмчжэ) (1676–1759), Ким Хондо (1745–1806?), Ким Гюжина (1868–1933) и др. Анализируя пейзажные произведения О Хёнён, названные южнокорейскими критиками «штрих-кодированным пейзажем» (*бакходы сансухва*) и представляющие собой творческое переосмысление художественных традиций в русле новаций нашего времени, автор статьи определяет их роль и значимость в современном искусстве Республики Корея. В статье делается вывод об оригинальности пейзажного творчества О Хёнён, которое базируется на художественных принципах, присущих традиционной живописи *сансухва*, что способствует возрождению эстетики корейского пейзажа в новых формах искусства современности.

Ключевые слова: О Хёнён, штрих-кодированный пейзаж, корейская пейзажная живопись, *сансухва*, «горы-воды», современное искусство Республики Корея

Для цитирования: Гутарева Ю. И. Новые формы корейской пейзажной живописи: штрих-кодированный пейзаж О Хёнён. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 188–209. DOI: 10.18254/S268684310023762-6

The article focuses on the landscape art of the South Korean artist Oh Hyun-yong (b. 1949) proposing an original approach to adapting the artistic traditions of Korean landscape painting *sansuhwa* (“mountain-water”) by using the technology of our time — the visual symbol of the bar code. The purpose of the article is to study the distinctive features of the master’s creative method, in which, while using new expressive means, one can observe the preservation of high spiritual ideality inherent in the traditional Korean landscape, which undoubtedly constitutes the most important specific feature of Korean *sansuhwa* painting — increased attention to the philosophical and aesthetic aspect of landscape art which was considered as an integral and largely determining part of the artistic process.

The research is based on the principle of an integrated approach to the problem stated in the theme of the report. In addition to a systematic analysis, an art history approach is used which combines elements of typological comparisons of various discoveries of Oh Hyun-yong with stylistic and comparative analysis of selected landscape paintings of famous Korean artists of the past era, such as Jeong Seon (1676–1759), Kim Hongdo (1745–1806?), Kim Gyujin (1868–1933) and others. Analyzing Oh Hyun-yong’s landscape works, called “bar-coded landscape” by South Korean critics, which represent a creative reinterpretation of artistic traditions while following the innovations of our time, their role and significance in the contemporary art of the Republic of Korea is determined. The author makes a conclusion about the originality of Oh Hyun-yong’s landscape art that represents the aspiration to technology and the reflection of the problems of the modern world, based on the artistic principles inherent in the traditional painting of *sansuhwa* which contributes to the revival of the aesthetics of the Korean landscape in the new art forms of modernity.

Keywords: Oh Hyun-yong, bar-coded landscape, Korean landscape painting, *sansuhwa*, “mountain-water”, contemporary art of the Republic of Korea

For citation: Gutareva Yulia I. New Forms of Korean Landscape Painting: Barcoded Landscape by Oh Hyun-Yong. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. Pp. 188–209. DOI: 10.18254/S268684310023762-6

В наше время творческие инициативы стран Дальнего Востока нередко становятся ярким явлением в мире современного искусства. Одно из ведущих мест в этом процессе принадлежит Республике Корея, мастера которой на рубеже прошлого и настоящего столетий смогли заявить о себе как полноправные члены глобального арт-процесса.

Корейское искусство стремительно развивалось и, достигнув к настоящему моменту высокого уровня новаторства, неизменно вызывает стойкий интерес мирового зрителя. По мнению исследователей, мастеров Республики Корея отличается «желание экспериментировать», художники «верят в силу идеи, стремятся донести ее до зрителя» [Хохлова, 2015, с. 218], зачастую «задавая новые тенденции и векторы развития творческой мысли» [Ячник, Беглова, 2016, с. 124]. В контексте развития современных технологий ими были переосмыслены традиционные жанры, в числе которых оказался пейзажный — *сансухва* (산수화). В корейском культурном и художественном наследии данный жанр издревле занимал одно из центральных мест и всегда воспринимался как выразитель и хранитель художественно-ценностных традиций общества.

Среди мастеров, пытающихся переосмыслить эстетику традиционного пейзажа в современных формах искусства, обращают на себя внимание творческие поиски О Хёнён (오현영, р. 1949), характеризующиеся своей оригинальностью в использовании технологий нашего времени, а именно, визуальный символ штрих-кода. Уникальный посыл творчества мастера заключается в том, что «новаторства в ее смелых решениях с продуктом современности не мешают выразить глубину эстетической красоты и философской идеи традиционного корейского пейзажа»¹, что представляется особенно актуальным.

Статья представляет собой попытку осмысления пейзажей О Хёнён путем изучения отличительных особенностей художественного метода мастера, выделяющегося современным подходом в творческой переработке различных открытий известных корейских мастеров прошлых эпох в этом жанре для выражения картины современного мира.

По заявлению южнокорейского искусствоведа Ким Чжонгына, О Хёнён — это мастер, который «выстраивает новую траекторию в развитии современного искусства Республики Кореи»², что во многом объясняется ее неумолимой творческой жадностью ко всему новому, использованием инновационных техник и повышенной работоспособностью, особенно в течение последних двадцати лет. Заслуживает внимания и тот факт, что даже отметив свой 70-летний юбилей, художница находится на пике творческой активности: не останавливается на достигнутом, постоянно находится в поиске новых форм и путей их выражения.

Если обратиться к более раннему периоду творчества мастера, очевидна художественная эволюция автора в сторону расширения идейного замысла и углубления идеи: от частных сюжетов художница устремляется к темам всеобъемлющего космического масштаба.

О Хёнён получила диплом Университета Хонник (факультет декоративно-прикладного искусства) в 1972 г., но постоянным участником групповых художественных выставок она становится с конца XX века. Ее первые персональные выставки, состоявшиеся в Сеуле и Нью-Йорке в 2004 г. ознаменовали начало ее широкой творческой деятельности. Работы О Хёнён начала 2000-х гг. в основном представляют собой серии работ, где основным мотивом выступают семейные сцены (Илл. 1). Обращаясь к теме семьи,

- 1 Ким Сонхо (김성호). Штрих-кодированный пейзаж О Хёнён (오현영: 바코드 산수화전). *Исследования и отчеты арт-центра Ким Дальчжин* (김달진미술연구소). URL: <http://www.daljin.com/display/D068071> (accessed 29.08.2022).
- 2 Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신 풍경화). *Корейская ассоциация художников* (한국예술가협회). URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

Илл. 1. О Хёнён. Полотно из серии РЕЦЕПТ II. 2008. Холст, смешанная техника. 80 × 60 см

По: URL: http://www.daljin.com/2004/_main/exhibition/monthly/monthly.detail.php?code=E25794 (accessed 30.08.2022)

Fig. 1. Oh Hyun-Yong. The work from the series RECIPT II. 2008. Canvas, mixed media. 80 × 60 cm

URL: http://www.daljin.com/2004/_main/exhibition/monthly/monthly.detail.php?code=E25794 (accessed 30.08.2022)

автор опирается прежде всего на личный опыт воспитания пяти детей. Перерабатывая личные впечатления, она стремится отразить в работах видение жизни большой семьи, ее особенного уклада: «В то время мне хотелось выразить множество мыслей, которые возникали потоком в повседневном ритме жизни, через незначительные детали отобразить Бытие в простой обыденности»³, — так описывает свой творческий процесс при работе над данной серией О Хёнён.

Для выражения чувств и мыслей художница пыталась использовать широкий спектр визуаль-

ных средств, применять разнообразные приемы в сфере как дизайна, так и живописи. На основе листов ее серий можно проследить как формировался творческий метод мастера, как она пыталась найти собственный отличительный стиль. Она неудержимо экспериментирует, работая в смешанной технике, используя различные материалы, смело применяет приемы коллажа для выражения замысла на полотне, где фигуративные образы синтезируются с абстрактными элементами композиции, образованными формообразующими пятнами и плоскостями разной структурности. Метод коллажа и при-

3 Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신 풍경화). *Корейская ассоциация художников (한국예술가협회)*. URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

Илл. 2. О Хёнён. Полотно из серии
РЕЦЕПТ III. 2011. Холст, смешанная
техника

По: URL: [http://www.artmail.com/
db/2011/20111012-ohhyunyoung.htm](http://www.artmail.com/db/2011/20111012-ohhyunyoung.htm)
(accessed 30.08.2022)

Fig. 2. Oh Hyun-Yong. The work from the
series **RECEIPT III**. 2011. Canvas, mixed
media

URL: [http://www.artmail.com/
db/2011/20111012-ohhyunyoung.htm](http://www.artmail.com/db/2011/20111012-ohhyunyoung.htm)
(accessed 30.08.2022)

емы монтажа, дающие свободу в выборе различных материалов, вероятнее всего и привлекли художницу неограниченными возможностями в использовании как художественных средств: бумага, карандаш, краски, так и бытовых вещей: квитанции, чеки из магазинов и др.

Следующая серия работ О Хёнён («РЕЦЕПТ III», 2011) посвящена видам городского современного ландшафта, где появляется тот самый визуальный образ штрих-кода, который составит в дальнейшем основу ее отличительного творческого стиля (Илл. 2). Однако в этой серии ему еще не принадлежит главная роль основного формообразующего элемента композиции. Также можно заметить, что произведения лишены цельности, отличающей последующие циклы штрих-кодированных пейзажей О Хёнён.

Не удовлетворившись творческими поисками в раскрытии выбранных тем, автор продвигается далее в разработке своего отличительного художественного почерка, в основе которого содержится штрих-код, и начинает выстраивать новый стиль пейзажной живописи, перерабатывая открытия в этом жанре признанных корейских мастеров предыдущих столетий. О Хёнён прибегает к возможностям шелкографии и, не отказываясь от приемов коллажа, переходит к созданию уникальных композиций, выстроен-

ных с помощью штрих-кодов, тщательно отобранных из квитанций, чеков и различных документов, содержащих данный знак. Увеличенные до необходимых размеров штрих-коды складываются по принципу монтажа-коллажа в композиции, наследующие структуру традиционных пейзажных картин. Применив смелую технику для пробуждения новых возможностей традиционной пейзажной живописи, О Хёнён сгенерировала собственный творческий метод, взяв за образец пейзажные свитки известных корейских художников-традиционалистов позднего периода династии Чосон (1700–1910).

Важно отметить, что в дальневосточном искусстве подражанию изначально присущ особый характер. Непрерывность традиции и устойчивость философско-эстетических принципов в корейской пейзажной живописи *сансхва* обеспечивались рядом стилистических признаков, закрепленных не только символическими миропредставлениями, но и каноническими правилами, сформулированными в древних трактатах китайских мыслителей, легших в основу формирования стиля корейской пейзажной живописи.

Изложенные известным китайским художником и теоретиком живописи V века Се Хэ «Шесть законов» (*юкбоб*; *육법*, кит. *люфа*; *绘画六法*) стали классической формулой основных

Илл. 3. Чон Сон (Кёмчжэ). Обзорный вид гор Кымган. 1734. Бумага, тушь, пигменты на минеральной основе. 130,8 × 94 см. Музей искусства Хоам, Сеул

По: URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/0/05/Jeong_Seon-Geumgangjeondo.jpg/645px-Jeong_Seon-Geumgangjeondo.jpg (accessed 30.08.2022)

Fig. 3. Jeong Seon (Kyomjae). Overview view of the Kumgang mountains. 1734. Paper, ink, mineral-based pigments. 130.8 × 94 cm. Hoam Museum of Art, Seoul

URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/0/05/Jeong_Seon-Geumgangjeondo.jpg/645px-Jeong_Seon-Geumgangjeondo.jpg (accessed 30.08.2022)

эстетических норм дальневосточной живописи, где последний из шести принципов полагал обязательным «подражание и копирование старых образцов» (чонъимоса; 전이모사), основываясь на методе копирования шедевра (иммо; 임모) [Lee Dongji, 2004, p. 16–17].

Древность не воспринимается дальневосточными мастерами как что-то далекое и отжившее; напротив, она все время присутствует как образец для настоящего, не препятствуя и поискам нового, что со всей очевидностью демонстри-

руют творческие искания О Хёнён, направленные на основной постулат — «найти созвучие с мастерами древности» [Киреева, 2010, с. 145]. Как известно, существовало несколько способов копирования пейзажей: точное повторение оригинала; свободная копия, когда копиист, повторяя находящийся перед ним оригинал, остается верным композиции и манере, но может варьировать детали; копия-имитация, свободное подражание по памяти; и вариации на тему оригинала, когда художник имеет в виду не какое-то

конкретное произведение предшественника, а вообще его стиль [Самосюк, 1978, с. 7].

Стоит отметить, что О Хёнён довольно успешно удается воплотить в в разной мере все описанные варианты, что со всей очевидностью демонстрируют ее работы из серии 2016 года «Штрих-код», посвященные горе Кымган, образ, увековеченный в корейской традиционной пейзажной живописи эпохи Поздний Чосон. Именно в этот период корейская пейзажная живопись достигает подлинного расцвета в пейзажах нового типа — «подлинного вида» — *чингён сансухва* (진경산수화), посвященных изображению конкретных природных ландшафтов Корейского полуострова.

Открытия мастеров, и прежде всего Чон Сона (Кёмчжэ) (정선 (겸재), 1676–1759) — знаковой фигуры в корейском искусстве — тесно связаны с горами Кымган, за свою красоту издревле считающимися «жемчужиной Кореи». Именно они становятся центральным образом в корейском изобразительном искусстве с приходом XVIII столетия, а также не утрачивают своего значения и в наше время, осмысленные художниками в новом контексте и в новых формах. Знаменитый свиток Чон Сона «Кымган чондо» (금강전도) 1734 г. (Илл. 3) стал примером для подражания и у его современников, последователей мастера, и у художников нашего времени, использующих как традиционную технику, так и новые технологии. Поэтому неудивительно, что именно он привлек внимание О Хёнён.

Чон Сон разработал уникальный живописный язык для изображения корейской природы, синтезировав техники южной и северной школ китайской живописи и наполнив традиционный пейзаж новым для того времени содержанием. Художник сформировал собственную манеру в передаче особенностей корейской природы, эстетику которой ему удалось блестяще воплотить в своих пейзажах. Его открытия оставили глубокий след в истории корейской живописи

и вызвали многочисленные подражания у современников, в творчестве которых новое направление получило дальнейшее блистательное развитие, возвысив корейский пейзаж на значительную высоту.

Оригинальность работ О Хёнён по мнению южнокорейских исследователей заключается в том, что она создала и развила собственный уникальный стиль пейзажной живописи, где «знаковый образ Кымгансан представлен способом фьюжн, в которой визуальные формы современного мира приправлены традиционной живописью методом заимствования»⁴.

Важно отметить, что корейская философско-эстетическая мысль, сложившаяся на базе китайской философии и живописно-теоретической традиции, характеризуется преемственностью и непрерывностью линии развития, наличием четко выделяемого набора центральных вопросов, концентрирующихся вокруг фундаментальных для дальневосточной эстетики и теории искусства проблем, касающихся природы, сущности и функций художественного творчества и оценки художественного произведения. Положенные в основу формирования стиля корейской пейзажной живописи, философско-эстетические идеи обеспечили формирование художественно-эстетического канона и устойчивость традиций, формирующих ряд незыблемых принципов в сложении изобразительных канонов: «условность и обобщенность форм, емкость символических понятий, способных вмещать в себя сложные представления, отсутствие трехмерности и светотени, заменяемой гибкостью, динамичностью и выразительностью линейного штриха» [Виноградова, 2020, с. 57].

И здесь нельзя не заметить, что особые методы передачи природной структуры гор в классической дальневосточной пейзажной традиции были тесно связаны с традиционной техникой «морщин» (или «борозд горы») — «цунь» (皺). В ранний период становления пейзажа как жанра

4 Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신 풍경화). *Корейская ассоциация художников* (한국예술가협회). URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

Илл. 4. О Хёнён. Полотна из серии «Штрих-код». 2016. (Штрих-код 2016114. Лето; Штрих-код 2016115. Осень; Штрих-код 2016116. Зима; Штрих-код 2016117. Весна). Холст, смешанная техника. 115 × 70 см (каждое произведение). По: URL: <https://neolook.com/archives/20170216a> (accessed 30.08.2022)
 Fig. 4. Oh Hyun-Yong. The work from the series 'Barcode'. 2016. (Barcode 2016114. Summer; Barcode 2016115. Autumn; Barcode 2016116. Winter; Barcode 2016117. Spring). Canvas, mixed media. 115 × 70 cm (each piece). URL: <https://neolook.com/archives/20170216a> (accessed 30.08.2022)

названные штрихи создавались известными китайскими мастерами. Позднее, в период Мин и Цин, все типы штрихов были уже зафиксированы в руководствах по живописи. В этом смысле типична «Книга о горах и камнях» из «Слово о живописи из сада с горчичное зерно», характеризующая все типы «борозд», демонстрирующая разнообразие манер многих великих мастеров прошлого [Завадская, 1978, с. 142–144], выступающая образцом для корейских художников.

Чон Сон, создавая пейзажи, использовал богатый арсенал данных приемов традиционной живописи. Чтобы передать поверхность скальной породы горной цепи Кымган мастер использует тушевое размытие, штрихи «растрепанная конопля» (*пхимачжун*; 피마준) и штрихи «сложенная лента» (*чольтэчжун*; 절대준), но держит кисть почти вертикально. Примечательно, что в освоении и модернизации последнего приема Чон Сон со временем добился удивительной виртуозности, и в южнокорейском искусствоведении этот штрих получил название «вертикальный штрих Кёмчжэ» (*Кёмчжэ сучикчжун*; 겸재수직준) [Yi Song-me, 2006, p. 103]. Чон

Сон создал особый изобразительный язык для передачи характерных особенностей ландшафта Корейского полуострова, а О Хёнён, творчески перерабатывая традиционные штрихи, создала свой отличительный моделирующий штрих — штрих-код (*бакходьчжун*; 바코드준) для более полного выражения эмоций и передачи чувств.

С помощью «бакходьчжун» О Хёнён создает полотна, представляющие панорамный вид горы Кымган во все времена года, что также отражает тесную связь с художественной пейзажной традицией *сансухва* (Илл. 4). Корейский пейзаж зародился и долгое время эволюционировал под сильным влиянием китайской живописи, наследуя основные художественные принципы, где сложился определенный набор сюжетов, в котором был довольно популярен цикл пейзажей, посвященных четырем сезонам года. На эту тему, получившую распространение и в корейской живописи эпохи Средний Чосон (сер. XVI–XVII вв.), создаются произведения подобного плана, как, например, свитки, приписываемые кисти знаменитого придворного художника этого периода Ан Гёна (안견), тво-

Илл. 5. **О Хёнён. Штрих-код 2015101.** 2015. Холст, смешанная техника. 110 × 62 см
По: URL: <https://www.artkoreatv.com/news/articleView.html?idxno=35524> (accessed 30.08.2022)
Fig. 5. Oh Hyun-Yong. Barcode 2015101. 2015. Canvas, mixed media. 110 × 62 cm
URL: <https://www.artkoreatv.com/news/articleView.html?idxno=35524> (accessed 30.08.2022)

рившего во время правления короля Сечжона (1418–1450) — «Восемь видов в период четырех времен года».

В корейской пейзажной живописи, много почерпнувшей в китайской живописной традиции в эстетическом и философском планах, порой проявляются самобытные черты глубокой древности. В связи с этим интерес представляет работа О Хёнён, где появляется гора Кымган в антропоморфном образе (Илл. 5), в которой обнажается важнейшее качество традиционной корейской пейзажной живописи — ее нерасторжимость и органичное слияние с природой, прежде всего с горным рельефом. Истоки этого слияния прослеживаются в древних национальных верованиях, тесно связанных с шаманизмом — народной религией корейцев, основу которого составляет вера в «десять тысяч духов» *мансин* (만신). Согласно корейской традиции, одухотворенная видимая природа была населена бесчисленным множеством духов, и их символами и воплощением считались природные объекты — деревья, камни, земля и, конечно же, горы [Марков, 1999, с. 86–87].

Такая тенденция рассматривать окружающий ландшафт как нечто живое отобразилась в *пхунсу* (풍수; кит. *фэншуй*) — науке, основан-

ной на народном опыте и древнейшем памятнике философской мысли Китая «Книге перемен» («Ицзин» 易經), в которой ученые видят начало эстетики пейзажной живописи [Симбирцева, 2012, с. 324]. В результате влияния натурфилософии на образную систему корейского художественного творчества сформировалось дуальное восприятие, закрепленное образным видом, передающим «женское» космическое начало *ым* (인ь), ассоциирующееся с водой, и «мужское» *ян*, ассоциирующееся с горой, олицетворяющие космическую вертикаль, прочность мира и вечность природы. И эти главные географические реалии — «горы» и «воды», осмысленные корейцами в древних верованиях и мифологических представлениях, заняв центральное место в корейском искусстве Средневековья и получив наивысшее воплощение в пейзажной живописи, *сансхва*, продолжают творческое развитие в новых формах штрих-кода в творчестве О Хёнён, где отображаются и шаманистские воззрения, продолжающиеся в даосизме (*тогё*; 도교), возникшем в результате синтеза классической натурфилософии с народными верованиями, в конфуцианских взглядах и сонбуддистских устремлениях.

Илл. 6. **О Хёнён. Штрих-кодированный пейзаж No. 39369.** 2017. Холст, смешанная техника
По: URL: <https://blog.artmusee.com/ohhyunyoung>
(accessed 30.08.2022)

Fig. 6. **Oh Hyun-Yong. Barcode of sansu No. 39369**
2017. Canvas, mixed media
URL: <https://blog.artmusee.com/ohhyunyoung>
(accessed 30.08.2022)

Выстраивая композиции пейзажей, О Хёнён вдохновляется позднечосонскими свитками, посвященными не только обзорному виду *чондо* (전도), но и знаменитым своей природной красотой отдельным видам этой горной цепи — водопадам и ущельям, запечатленным в творчестве мастеров прошлого. Так, ее полотно с видом водопада Курёнпхок наследует композиционную схему свитка великого художника позднечосонского периода Ким Хондо (김홍도, 1745–1806?) — общепризнанного авторитета в разных жанрах живописи, особенно в бытовом. Однако к высшим достижениям художника можно отнести и пейзажные композиции, посвященные живописнейшим уголкам Кымган — горным ущельям с водопадами, где вода становится главным, преобладающим элементом композиции.

Нельзя не отметить, что в дальневосточной эстетике живописи образ воды наделен возвышенным этическим смыслом и значимость традиционного жанра «горы-воды» predetermined

Илл. 7. **Ким Хондо. Курёнён.** XVIII в.
Шелк, тушь. 91.4 × 41 см. Музей Кансон, Республика Корея. По: URL: <https://t1.daumcdn.net/cfile/blog/25095040526E0A8B18?original> (accessed 30.08.2022)

Fig. 7. **Kim Hongdo. Kuryongyeon.** 18th century
Silk, ink. 91.4 × 41 cm. Kansong Museum, Republic of Korea. URL: <https://t1.daumcdn.net/cfile/blog/25095040526E0A8B18?original> (accessed 30.08.2022)

пониманием воды как символа неисчерпаемого Дао: «Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного» [Дао дэ цзин, 2012, с. 94]. Водопад воспринимался как символ встречи Неба и Земли, считалось, что он «подобно дракону, выражает единство Неба и Земли, бытия и небытия, реального и сказочного» [Мещерина, 2017, с. 117].

Водопад «Девяти драконов» («Курёнпхок»; 구룡폭), называемой в КНДР «кульминацией красоты гор Кымган» [Пак Гиль Нам, 2021, с. 63], запечатлен многими выдающимися корейскими художниками, посвященные ему свитки входят в сокровищницу пейзажной живописи Кореи. По легенде, именно в этих местах обитали девять Великих драконов, и сегодня это место более всех в горах Кымган привлекает к себе редкой красотой природных видов. Потоки воды стремятся с вершин гор Кымган и собираются в извилистый широкий поток, достигающий

точки падения на высоте сорока семи метров, и с отвесного утеса срывающийся вниз в пропасть, где находится Курёнён, или «Озеро Девяти драконов» глубиной в тринадцать метров [Вострикова, 2019, с. 115].

«Штрих-кодированный пейзаж. No. 39369» (Илл. 6), смоделированный О Хёнён штрих-кодами, как и свиток «Курёнён» (구룡연) Ким Хондо (Илл. 7), созданный уверенными штрихами туши, убедительно передают стремительную энергию падающей воды, заключенную в мощном потоке, прорезающем монолитную толщу скал и придающем пейзажу предельное прочувствование атмосферы места, восторженность от данного вида. Это именно те ощущения, что дошли до нас в поэтических строках поэмы «Водопад Девяти драконов» Ли Хагона (Тамхона, 1677–1724): «Побывав в горах Кымган и не увидев Водопад “Девяти драконов” значит совсем не быть там», и далее, когда автор сравнивает поток водопада со звездами Млечного пути, от которых просыпается восторг в душе [Choe Wan-su, 2005, p. 118].

Важно заметить, что в данной работе, как и в некоторых других в штрих-кодированных пейзажах О Хёнён, цифровые или буквенные знаки, располагающиеся вертикальными рядами на пейзажном фоне, своим композиционным построением выдают сходство со строками колофонов — поэтических надписей на традиционных свитках. Еще одним моментом, во многом сближающим ее пейзажи с традиционными чосонскими свитками, выступает акцентированный композиционный элемент, представляющий собой круг, овал или квадрат с заключенными в них графическими, цифровыми или буквенными знаками, который О Хёнён зачастую включает в композиционную схему пейзажей в целях достижения баланса, постановки акцента и усиления декоративного эффекта. Данный элемент вызывает стойкие ассоциации с печатями дальневосточных мастеров (точжан; 도장), вносимыми в ту или иную часть картины (традиционно это квадрат с вписанными в него иероглифами красного цвета), кото-

рые, являясь последним завершающим штрихом произведения, играют важную семантическую и декоративную роль, иногда заменяя подпись художника [Киреева, 2006, с. 100]. В штрих-кодированных пейзажах О Хёнён эти знаки воспринимаются и как традиционные печати — «они усиливают насыщенность художественного языка произведения, приносят в него доверительное авторское начало, интонируют, порой очень активно, его образный строй» [Соколов-Ремизов, 2009, с. 41].

Стоит отметить, что корейская пейзажная живопись, отличаясь устойчивыми стилистическими признаками, к ряду которых в первую очередь следует отнести своеобразие художественной формы произведения, оказывается неразрывно связанной с каллиграфией. Материал каллиграфии, ее история, смена почерков и стилей во многом влияли на развитие живописи, что подтверждает ее генетическое родство с живописью. Иероглифическая письменность, заимствованная из Китая, «обслуживающая на протяжении полутора тысяч лет корейскую культуру и корейскую государственность» [Курбанов, 2002, с. 49], оказала на станковую живопись весьма глубинное морфологическое воздействие: «графическая структура иероглифа обусловила общие семиотические нормы живописного произведения, тип и характер составляющих его морфем и порядок их исполнения» [Симбирцева, 2012, с. 564]. Подобно написанию иероглифа происходит и исполнение живописного произведения: если оно имеет вертикальное сечение, то пишется слева направо, если горизонтальное — последовательно сверху вниз. Подобным образом воспринимаются зрителем и пейзажные свитки.

Трудно не согласиться со специалистами, полагающими, что древний иероглиф был неотделим от изобразительной функции и, следовательно, имел не только символически смысловое, но и изобразительно-орнаментальное значение. Заимствованное у соседей искусство написания иероглифов с течением времени «стало для корейцев не просто письменностью,

Илл. 8. **О Хёнён. Штрих-код 2016151. 2016**
Холст, смешанная техника. 130 × 65 см
По: URL: <https://neolook.com/archives/20170216a> (accessed 30.08.2022)
Fig. 8. **Oh Hyun-Yong. Barcode 2016151. 2016**
Canvas, mixed media. 130 × 65 cm
URL: <https://neolook.com/archives/20170216a> (accessed 30.08.2022)

а подлинным выражением национального духа» [Марков, 1999, с. 236], играющим большое значение в развитии корейского живописного искусства и поэзии. Являясь частью традиционной культуры корейцев и издавна почитаясь как одно из высших проявлений творчества, каллиграфия обеспечивала синтез искусств, способствуя созданию художественного целого в пейзажном произведении. В изображениях на свитках или альбомных листах искусно включенные образцы каллиграфии, органично входящие в ритмическую основу живописного произведения в виде стихотворных надписей и считавшиеся необходимым эстетическим компонентом традиционного корейского пейзажа, обеспечивающим слияние «трех талантов» — живописи, поэзии и каллиграфии, обозначаемым понятием *сисохва* (시서화).

О Хёнён мастерски использует цифровые значения штрих-кода для достижения подобного эстетического эффекта, на ее полотнах изобразительно-орнаментальное значение передается не с помощью иероглифических включений в канву пейзажа, а вертикальных и горизонтальных штрих-кодированных значений, имеющих символическое значение.

В отдельных горных пейзажах О Хёнён заметны фигурки людей, в чем проявляется ее следова-

ние каноническому сюжету — путники в горах, идущие по тропинке, или застывшие в раздумье на фоне величественных вершин (Илл. 8). Этот традиционный мотив довольно популярен и присутствует как в искусстве эпохи Чосон, так и не утрачен в современном искусстве Кореи, которое, несмотря на временную дистанцию, отделяющую нас от тех времен, все еще способно выразить идею *ваюсансу* (와유산수; «горы-воды», посещаемые, возлежа дома при помощи мысли, т. е., не покидая жилища). Согласно ей, «пейзажи служили источником душевного спокойствия, способом отвлечься от повседневного мирского к высшим устремлениям о принципах устройства мироздания и месте человека в нем» [Хохлова, 2018, с. 61]. Подобным образом интеллектуалы эпохи Чосон, рассматривая свитки и проникаясь запечатленным пейзажным видом, мысленно переносились в изображенное место для обретения возвышенного состояния и нравственного совершенствования.

Ведущий исследователь корейского искусства О. Н. Глухарева писала, что корейская традиционная пейзажная живопись выражает идею о «подчинении природных явлений порядку ли» [Глухарева, 1982, с. 139]. Понятие *ли* (理), являясь свойством первопринципа и важнейшей категорией эстетики дальневосточной

Илл. 9. Ким Гючжин. Прекрасные виды на павильон Чхонсокчжон (вверху). Необыкновенные виды Манмульсан, горы Кымган (внизу). 1920. Шелк, тушь, краски. 195 × 880 см. Национальный дворец-музей Кореи Чхандоккун. По: URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20171212051700005> (accessed 30.08.2022)
Fig. 9. Kim Gyu-jin. Wonderful Views of Chongseokjeong Pavilion (above). Extraordinary Views of Manmulsang, Geumgangsan Mountain (below). 1920. Silk, ink, paints. 195 × 880 cm. National Palace (Changdeok Palace) Museum of Korea. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20171212051700005> (accessed 30.08.2022)

Илл. 10. О Хёнён. Штрих-код 202025. 2020. Холст, смешанная техника. 200 × 800 см
По: URL: <https://www.hankyung.com/life/article/2020082547681> (accessed 30.08.2022)
Fig. 10. Oh Hyun-Yong. Barcode 202025. 2020. Canvas, mixed media. 200 × 800 cm
URL: <https://www.hankyung.com/life/article/2020082547681> (accessed 30.08.2022)

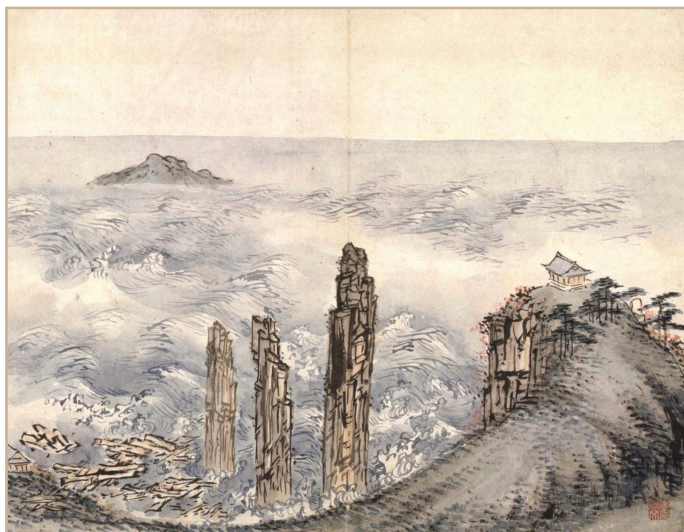
живописи, оперируя своими главными атрибутами, — вечностью и покоем — помогает прочувствовать в пейзажном свитке тот вечный, вневременной характер, ощутить постоянство как знак причастности к *ли* [Завадская, 1975, с. 106–107]. Это справедливо и в отношении штрих-кодированных пейзажей О Хёнён, которые как и чосонские свитки, передают энергию природной субстанции, приближают к тому уровню космического сознания, в котором «зри-

телю не просто открывается картина конкретного пейзажного вида, а раскрывается истинная суть мироздания как идеальной организации мира, где царит вечный порядок» [Ко Ёнхи, 2007, с. 103].

Еще одним мастером, чье творчество вдохновляет О Хёнён, является придворный художник Ким Гючжин (김규진, 1868–1933). Его монументальные росписи, выполненные в 1920 г. для дворца Чхандокун, посвящены видам гор

Илл. 11. **Чон Сон (Кёмчжэ). Чхонсокчжон.** 1711
Шелк, тушь, пигменты на минеральной
основе. 38,5 × 37,5 см. Национальный музей
Кореи. По: URL: [https://ncms.nculture.org/
pavilion/story/2368](https://ncms.nculture.org/pavilion/story/2368) (accessed 30.08.2022)
Fig. 11. **Jeong Seon (Kjomjae). Chongseokjeong**
1711. Paper, ink, mineral-based pigments
38,5 × 37,5 cm. National Museum of Korea
URL: [https://ncms.nculture.org/pavilion/
story/2368](https://ncms.nculture.org/pavilion/
story/2368) (accessed 30.08.2022)

Илл. 12. **Ли Инмун. Чхонсокчжон.** Кон. XVIII – нач. XIX в.
Бумага, тушь, краски на минеральной основе. Музей
Кансон, Республика Корея. По: URL: [https://ncms.nculture.org/
pavilion/story/2368](https://ncms.nculture.org/pavilion/story/2368) (accessed 30.08.2022)
Fig. 12. **Yi Inmun. Chongseokjeong.** Late 18th–early 19th century
Paper, ink, mineral-based paints. 28.2×34.0 cm. Kansong
Museum, Republic of Korea. URL: [https://ncms.nculture.org/
pavilion/story/2368](https://ncms.nculture.org/pavilion/story/2368) (accessed 30.08.2022)

Кымган и Чхонсокчжона поражают своей масштабностью — их длина около восьми метров (Илл. 9). С помощью шелкографии и использования изображений штрих-кодов О Хёнён воссоздала эти грандиозные по масштабу произведения почти в подлинную величину, чем обратила на себя внимание специалистов и широкой общественности не только благодаря художественным качествам произведений, но также и благодаря их масштабам (Илл. 10). Так, арт-критик Ким Сонхо отмечает, что «поражающие своей масштабностью пейзажи О Хёнён, являясь результатом тяжелого творческого труда и современных технологий, не лишены той эстетической красоты, которая присуща традиционной живописи»⁵.

Чхонсокчжон — довольно известное место восточного побережья Корейского полуострова, славящееся уникальными скальными возвышениями, выступающими в морском прибое недалеко от береговой линии, и часто вдохновлявшее своим видом чосонских придворных живописцев и художников интеллектуалов. Этому пейзажу посвящены свитки Чон Сона, Ким Хондо, Ли Инмуна (이인문, 1745–1824) и др. (Илл. 11, 12).

Согласно «Истории Хайдуна» (海東繹史, *Хайдун иши*), название «Чхонсокчжон» означает павильон, построенный на каменных столбах, плотно возвышающихся над морем: «Десятки каменных столбов лежат посреди моря. Все каменные столбы шестиугольные, квадратные и прямые, как будто вырезаны из нефрита, вы-

5 Ким Сонхо (김성호). Штрих-кодированный пейзаж О Хёнён (오현영: 바코드 산수화전). Исследования и отчеты арт-центра Ким Дальчжин (김달진미술연구소). URL: <http://www.daljin.com/display/D068071> (accessed 29.08.2022).

глядят так, словно их очертили чернильной линией. На самом деле базальтовая лава, поднимающаяся из моря, в течение длительного времени сталкивается с дождем, ветром и волнами, и грани раскалываются и падают, образуя шестиугольные или восьмиугольные каменные столбы. Скалы вокруг павильона Чхонсокчжон загадочны и красивы, а беспокойное море и утренний восход солнца великолепны. Поэтому с древних времен этот чарующий вид считался одним из лучших живописных мест, которым наслаждались божества, а посетители оставили множество произведений. Как известно, поэты династии Корё и династии Чосон возвысили данный вид в своих стихах»⁶. Вот строки известного поэта Чон Чхоля (1536–1593) из поэмы «Путешествие в Квандон»:

*Восхождение на Чхонсокчжон,
Только четыре столба из белого нефрита все
еще стоят.
Было ли это вдохновение мастера,
Или их разрубили демонические топоры?
Откуда взялась эта шестигранная форма?»⁷*

Вслед за известными мастерами О Хёнён создает многочисленные серии пейзажей, изображающих Чхонсокчжон в разной колористической гамме и конфигурациях (Илл. 13). Вероятно, удивительная по форме горная порода этих скал, представляющая почти параллельное и строго вертикальное устремление вверх, как нельзя лучше соответствует ее творческим задачам в адаптации художественных традиций в свете современности путем использования в качестве инструмента визуального символа па-

раллельных вертикалей штрих-кода. Эти работы мастера отличает присутствие острохарактерных деталей, безошибочно являющих маркер географического места и эмоционально-чувственной окраски: пейзажи характеризуются эпическим или лирическим настроением.

В дальнейшем творчестве О Хёнён плодотворно развивает тему горного и морского пейзажа, уходя в композиционном решении от строгого следования живописным образцам прошлого. Так, помимо произведений, посвященных конкретной местности, появляются произведения обобщающего плана. Важным фактором выступает и то, что автору удается оторваться от подражания общепризнанным шедеврам корейской живописи, и в процессе творческой переработки открытий известных мастеров и обобщения своих личных впечатлений создать синтезированный пейзаж, отличающийся и новизной современного видения, и возвышенными устремлениями.

В переосмыслении художественных традиций живописи сансухва О Хёнён предлагает собственные решения для создания пейзажа нового времени. На фоне горных массивов возвышаются небоскребы с масштабными уличными рекламными щитами, бурные воды с поднимающимися на гребнях волн цифровыми знаками образуют единую и органичную художественную ткань в построении штрих-кодированного пейзажного произведения «горы-воды» XXI столетия (Илл. 14).

В подобной синтетизации современных знаков и традиционных образов искусствовед Ким Чонгын видит стремление художницы «выйти за рамки художественного канона к собственной

6 Чан Хёнхи (장현희). Лучший из Восьми видов Квандона павильон Чхонсокчжон. (관동팔경 중 으뜸인, 통천 충석정). Ассоциация культурных центров Кореи (한국문화원연합회). URL: <https://ncms.nculture.org/pavilion/story/2368> (accessed 20.06.2022).

7 Перевод с английского языка выполнен автором по изданию: Choe Wan-su. *Korean True-View Landscape: Paintings by Chong Son (1676—1759)*. London: Saffron, 2005. — 382 p.
*Climbing Chongsokjong,
Only four pillars of white jade still stand.
Was is the inspiration of the craftsman,
Or was it cut by demon axes?
Whence came this hexagonal form?*

Илл. 13. **О Хёнён. Полотна из серии «Штрих-код».** 2016. (Штрих-код 2016156; Штрих-код 2016157), 2016. Холст, смешанная техника. 130 × 65 см (оба произведения). По: URL: <https://neolook.com/archives/20170216a>
 Fig. 13. **Oh Hyun-Yong. The work from the series “Barcode”.** 2016 (Barcode 2016156; Barcode 2016157). 2016. Canvas, mixed media. 130 × 65 cm. URL: <https://neolook.com/archives/20170216a>

Илл. 14. **О Хёнён. Штрих-код 2019125.** 2019. Холст, смешанная техника. 100 × 200 см
 По: URL: http://artnmap.cafe24.com/gnuboard4/bbs/board.php?bo_table=00&wr_id=643 (accessed 30.08.2022)
 Fig. 14. **Oh Hyun-Yong. Barcode 2019125.** 2019. Canvas, mixed media. 100 × 200 cm
 URL: http://artnmap.cafe24.com/gnuboard4/bbs/board.php?bo_table=00&wr_id=643 (accessed 30.08.2022)

визуальной записи и интерпретации картины современного мира»⁸, отмечая при этом главное, что важным для нее остается творческий поиск новых выразительных средств, который направлен прежде всего на сохранение философско-эстетических идей, присущих традиционному корейскому пейзажу.

В недавнем творчестве О Хёнён появляются пейзажи с символическим значением (Илл. 15). Она успешно перерабатывает традиционный сюжет «десять символов долголетия», являющийся одним из популярных мотивов корейской народной живописи *минхва* (Илл. 16).

8 Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신흥경화). *Корейская ассоциация художников (한국예술가협회)*. URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

Илл. 15. **О Хёнён. Перекодирование надежд 2021-03**, 2021. Холст, смешанная техника. 91 × 116 см
По: URL: <https://www.artmail.com/db/2021/20210824-ohhyunyoung.htm> (accessed 30.08.2022)
Fig. 15. **Oh Hyun-Yong. Recoding of hopes 2021-03**, 2021. Canvas, mixed media. 91 × 116 cm
URL: <https://www.artmail.com/db/2021/20210824-ohhyunyoung.htm> (accessed 30.08.2022)

Илл. 16. **Неизвестный художник. Десять символов долголетия**. Восьмипанельная ширма кон. XIX–нач. XX в. Шелк, краски на минеральной основе. 132,8 × 329,4 см. Национальный дворцовый музей, Республика Корея
По: URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0034032#modal> (accessed 30.08.2022)
Fig. 16. **Unknown artist. Ten Symbols of Longevity**. Eight-panel screen late 19th–early 20th century. Silk, mineral-based paints. 132.8 × 329.4 cm. National Palace Museum, Republic of Korea
URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0034032#modal> (accessed 30.08.2022)

Стоит отметить, что для культуры Кореи как страны, почитающей конфуцианство, важное значение имели символы долголетия, которые также согласуются и по различным даосским принципам. Их насчитывалось большое количество, но десять из них почитались более всего, что отражено и в самом названии — «сибчжан-

сэн» (십장생). Это солнце, горы, камень, вода, сосна, облака, журавль, олень, черепаха и трава долголетия пуллочо, с присущими им символическими характеристиками долгой продолжительности жизни. Картины с такими изображениями выражают людские надежды и мечты зачастую посредством невысокого (в отличие от

Илл. 17. О Хёнён. Полотна из серии «Перекодирование надежд». 2021. Холст, смешанная техника 60.5 × 60.5 см.
По: URL: <https://www.artmusee.com/view/a40481> (accessed 30.08.2022)

Fig. 17. Oh Hyun-Yong. Canvases from the series “Recoding of hopes”. 2021. Canvas, mixed media. 60.5 × 60.5 cm
URL: <https://www.artmusee.com/view/a40481> (accessed 30.08.2022)

придворной живописи) художественного уровня исполнения. В XIX в., на который пришелся расцвет *минхва*, картинки с подобным сюжетом были довольно популярны и создавались многими неизвестными художниками для украшения дома или для особенных семейных событий. Но и в наше время живопись *минхва* не утратила своего значения и переживает свой расцвет в южнокорейском современном искусстве, где, по словам исследователя Чон Бонмё, «живет душа корейского народа» [Чон Бёнмо, Ан Хёнчжон, Ю Чонсо, 2021, с. 47].

О Хёнён создает также ряд работ на данную тему, где происходит упрощение форм до лаконичного символа, что кажется вполне закономерным процессом, так как это, по сути, и составляет сущностную основу штрих-кода, с которым автор работает продолжительное время и который нерасторжимыми связями связан с творческим замыслом произведений, становясь основным ключом и кодом для для понимания ее творчества (Илл. 17).

В них также наблюдается введение новых знаковых образов современности. Как и в традиционных картинах «десяти символов долголетия», здесь присутствуют, как фигуративные, изображения, например, журавля — одного из ведущих героев даосской мифологии,

прошедшего через череду трансформаций и достигнувшего возраста 10 000 лет, который считался спутником бессмертных и выступал почти обязательным атрибутом иконографии многих даосских персонажей [Кравцова, 2004, с. 409]. Так, можно заметить и стилизованные формы, символизирующие бессмертие, такие как солнце, облака и др. Однако, если присмотреться, они состоят из QR-кодов. QR-код, созданный компьютером черно-белый узор сетки, представляет собой цифровой символ, который стал обычным явлением после пандемии Covid-19. В отличие от штрих-кода, состоящего из одномерных прямых линий и ограниченного количества чисел, QR-коды могут более точно считывать информацию с помощью пикселей на двумерной поверхности. Но это тоже цифровой знак, кодирующий реальность по принципам пропускания и отражения света. В стилизованном изображении угадывается персик, который символизирует долголетие в даосизме, однако в работе О Хёнён он отмечен знаком криптовалюты биткойн. Заменяв персик, символ долголетия, на биткойн, созданный с помощью технологии блокчейн, автор высмеивает искаженное желание современных людей, когда все ценности оцениваются деньгами. По мнению искус-

Илл. 18. **О Хёнён. Штрих-кодированный пейзаж 20222.** 2020. 116 × 91 см. По: URL: http://www.sejonggallery.co.kr/sub/exhibition_pass.php?board_code=view&no=217&page=6 (accessed 30.08.2022)

Fig. 18. **Oh Hyun-Yong. Barcode of sansu 20222.** 2020. Canvas, mixed media. 116 × 91 cm. По: URL: http://www.sejonggallery.co.kr/sub/exhibition_pass.php?board_code=view&no=217&page=6 (accessed 30.08.2022)

ствоведа Чхве Кванчжина (Choi Kwang Jin), данные работы О Хёнён раскрывают мечты и желания человека в сегодняшнем все более опустошенном обществе через традиционные «десять символов долголетия», символизирующих бессмертие, благодаря которым предки корейского народа желали жить долго, как бессмертные, познавшие тайну вечной жизни. Новая серия «Цифровые десять символов долголетия» иллюстрирует человеческие мечты современного мира, обнажая печальную реальность нынешней капиталистической эпохи, преобразованную из невинного желания наших предков, мечтающих о бессмертии, к устремленности к материальным благам. О Хёнён «использует эти образы, отражающие желания современных людей, как инструмент для игры, и, свободно перекодируя их», она таким образом «ностальгирует по аналоговым человеческим мечтам до закодированной циф-

ровой эпохи»⁹, — утверждает искусствовед Чхве Кванчжин.

Интересно отметить новую линию и в пейзажном творчестве автора, когда, начиная с 2020 года визуальный образ QR-кода вплавляется в художественное поле штрих-кодированных пейзажей и при его помощи моделируется композиционная схема произведений, что обуславливает немаловажный момент — он начинает играть наряду с *бакходычжун* (바코드준; «штрих-кодированный прием») роль нового формообразующего штриха, который аналогичным образом можно назвать «QR-код чжун» (Илл. 18).

По словам самой художницы, каждый новый штрих-код символизирует современную цивилизацию, в которой все ценности механизированы и закодированы. «Мои картины — результат борьбы с самой собой, с сознательным и бессознательным, когда погружение в среду отражает

9 Чхве Кванчжин (최광진). Оцифрованные десять символов долголетия. Мечтая о победе из закодированного мира. (코드화된 사회에서 탈주를 꿈꾸는. 디지털 심장생도). *Неолук* (네오룩). URL: <https://neolook.com/archives/20210824b> (accessed 28.08.2022).

тоску по предкам, жившим умиротворенной жизнью в гармонии с природой»¹⁰.

Как отмечают исследователи, творческий метод художника О Хёнён — идеальный инструмент для возвращения и реставрации искусства к гуманизму в современном обществе. По мнению Чхве Кванчжина, «в истории корейской пейзажной живописи еще не было художника, который выражал бы природу таким современным способом, и который так уникален в экспериментах с художественными формами, призывающими к восстановлению духовной сути в современном пейзаже, и прививающими ее в пейзажную живопись новым языком искусства»¹¹.

Таким образом, на основе анализа штрих-кодированных пейзажных произведений О Хёнён, небезосновательно названных южнокорейскими критиками «метафорическим выражением как внутренней сути, так и внешней стороны быстро изменяющейся картины мира современного корейского общества»¹², можно определить ее немаловажную роль в развитии современного искусства Республики Корея и сделать вывод об оригинальности творческого метода О Хёнён, который, репрезентируя стремление к технологичности, способствует возрождению эстетики традиционного корейского пейзажа в новых формах искусства современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Виноградова Н. А. *Китай. Корея. Япония: образ мира в искусстве*. М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 288 с. [Vinogradova N. A. *China. Korea. Japan: The Image of the World in Art*. Moscow: Progress-Tradition, 2010. — 288 p. (in Russian)].

Вострикова Е. А. Шедевры традиционной корейской живописи: взгляд из КНДР. *Вестник российского корееведения*. 2019. № 12. С. 107–118 [Vostrikova E. A. Masterpieces of Traditional Korean Painting: a View from the DPRK. *Proceedings of Korean Studies in Russia*. 2019. No. 12. Pp. 107–118 (in Russian)].

Глухарева О. Н. *Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века*. М.: Искусство, 1982. — 255 с. [Glukhareva O. N. *The Art of Korea from Ancient Times to the End of the 19th Century*. Moscow: Art, 1982. — 255 p. (in Russian)].

Дао дэ цзин. Пер. и прим. Ян Хин-Шуна. СПб.: Азбука, 2012. — 144 с. [Tao Te Ching. Transl. and comm. by Yang Hing-Shong. St. Petersburg: Azbuka, 2012. — 144 p. (in Russian)].

Завадская Е. В. «Беседы о живописи» Ши-Тао. М.: Наука, 1978. — 207 с. [Zavadskaya E. V. *Shi-Tao's "Conversations on Painting"*. Moscow: Nauka, 1978. — 207 p. (in Russian)].

Завадская Е. В. *Эстетические проблемы живописи старого Китая*. М.: Искусство, 1975. — 439 с. [Zavadskaya E. V. *Aesthetic Problems of Painting in Old China*. Moscow: Iskusstvo, 1975. — 439 p. (in Russian)].

Киреева Л. Падающая вода и сосны на горных склонах. *Восточная коллекция*. 2010. № 3 (42). С. 142–151 [Kireeva L. Falling Water and Pines on Mountain Slopes. *Eastern Collection*. 2010. No. 3 (42). Pp. 142–151 (in Russian)].

Киреева Л. И. *Статьи по искусству Кореи. Сборник избранных статей и заметок*. Магнитогорск: МАГУ, 2006. — 204 с. [Kireeva L. I. *Articles on the Art of Korea. Collection of Selected Articles and Notes*. Magnitogorsk: MAGU, 2006. — 204 p. (in Russian)].

Ко Ёнхи (고연희). *Пейзаж сансукхва времен династии Чосон (조선시대 산수화)*. Сеул:

10 Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신 풍경화). *Корейская ассоциация художников (한국예술가협회)*. URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

11 Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신 풍경화). *Корейская ассоциация художников (한국예술가협회)*. URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

12 Чхве Кванчжин (최광진). Самоидентификация с помощью квитанций (영수증을 통한 자기 정체성 탐구). *Артмэйл (전시메일에)*. URL: <https://www.artmail.com/db/2021/20210602-ohhyunyoung.htm> (accessed 28.08.2022).

Тосочхульпхан дольбегэ (도서출판 돌베개), 2007. — 383 с. [Ko Yonghee. *Sansubwa Landscape in the Joseon Dynasty*. Seoul: Tosochulphan dolbege, 2007. — 383 p. (in Korean)].

Кравцова М. Е. *История искусства Китая*. СПб.: Лань; ТРИАДА, 2004. — 960 с. [Kravtsova M. E. *History of Chinese Art*. St. Petersburg: Lan'; TRIADA, 2004. — 960 p. (in Russian)].

Курбанов С. О. *Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX века*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. — 626 с. [Kurbanov S. O. *A Course of Lectures on the History of Asia: From Antiquity to the End of the 20th Century*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing, 2002. — 626 p. (in Russian)].

Марков В. М. *Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — 445 с. [Markov V. M. *Republic of Korea. Traditions and Modernity in the Culture of the Second Half of the 19th Century. View from Russia*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 1999. — 445 p. (in Russian)].

Мещерина Е. Г. *Эстетика Древнего Востока. Китай. Индия. Япония. Буддизм и искусство XX века*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. — 352 с. [Meshcherina E. G. *Aesthetics of the Ancient East. China. India. Japan. Buddhism and Art of the 20th Century*. Moscow: Canon+ROOI Rehabilitation, 2017. — 352 p. (in Russian)].

Пак Гиль Нам. *Достопримечательности Кореи и происхождение их названий*. Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 2021. — 70 с. [Park Gil Nam. *Landmarks of Korea and the Origin of Their Names*. Pyongyang: Foreign Languages Literature Publ., 2021. — 70 p. (in Russian)].

Самосюк К. Ф. *Го Си. Л.: Искусство*, 1978. — 102 с. [Samosyuk K. F. *Guo Xi*. Leningrad: Iskustvo, 1978. — 102 p. (in Russian)].

Симбирцева Т. М. *Владыки старой Кореи*. М.: РГГУ, 2012. — 646 с. [Simbirtseva T. M. *Lords of Old Korea*. Moscow: RGGU, 2012. — 646 p. (in Russian)].

Соколов-Ремизов С. Н. *Живопись и каллиграфия Китая и Японии на стыке тысячелетий в аспекте футурологических предположений*. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с. [Sokolov-Remizov S. N. *Painting and Calligraphy of China and Japan at the Turn of the Millennium in the Aspect of Futurological Assumptions*. Moscow: LIBROKOM, 2009. — 256 p. (in Russian)].

Хохлова Е. А. *Корейский панорамный пейзаж XV–XVII вв. Артикульт*. 2018. № 4 (32). С. 56–70 [Khokhlova E. A. *Korean Panoramic Landscape of the 15th–17th Centuries*. *Artikult*. 2018. No. 4 (32). Pp. 56–70 (in Russian)].

Хохлова Е. А. Современное южнокорейское искусство: попытка систематизации. *Корея: 70 лет после освобождения*. М.: Институт Дальнего Востока РАН; Центр корейских исследований, 2015. С. 211–219 [Khokhlova E. A. *Contemporary South Korean Art: An Attempt at Systematization. Korea: 70 Years after Liberation*. Moscow: Institute of the Far East, RAS; Center for Korean Studies, 2015. Pp. 211–219 (in Russian)].

Чон Бёнмо, Ан Хёнчжон, Ю Чонсо (정병모, 안현정, 유정서). Третья тематическая выставка «Минхва сегодня» (화제의 기획전 ‘민화 Today’ 세 번째 테마). *Ежемесячник корейского народного искусства (월간민화)*. 2021. № 1. С. 46–53. [Byeong-mo Jeong, Hyeon-jeong Ahn, Jeong-seo Yoo *The Third Theme of the Topical Exhibition ‘Minhwa Today’ Monthly Korean Folk Art*. 2021. No. 1. Pp. 46–53 (in Korean)].

Ячник М. М., Беглова Е. А. Чхве Урам как родоначальник течения “Electric animism” в современном южнокорейском искусстве. *Вестник российского корееведения*. 2016. № 8. С. 124–131 [Yachnik M. M., Beglova E. A. *Choi Uram as the Founder of the “Electric Animism” Trend in Contemporary South Korean Art. Proceedings of Korean Studies in Russia*. 2016. No. 8. Pp. 124–131 (in Russian)].

Choe Wan-su. *Korean True-View Landscape: Paintings by Chong Son (1676–1759)*. London: Saffron, 2005. — 382 p.

Lee Dongji. *The Beauty of Old Korean Paintings: A History and an Appreciation*. Seoul: Saffron books, Eastern Art publishing, 2004. — 208 p.

Yi Song-me. *Korean Landscape Painting. Continuity and Innovation through the Ages*. New Jersey: Hollum, 2006. — 221 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Ким Сонхо (김성호). Штрих-кодированный пейзаж О Хёнён (오현영: 바코드 산수화전). *Исследования и отчеты арт-центра Ким Дальчжин* (김달진미술연구소) [Kim Seonho. Oh Hyun-Young: Barcoded Landscape. *Kim Daljin Art Center Research and Reports* (in Korean)]. URL: <http://www.daljin.com/display/D068071> (accessed 29.08.2022).

Ким Чжонгын (김종근). Новая пейзажная живопись О Хёнён в слиянии штрих-кодов (오현영의 바코드 퓨전 신 풍경화). *Корейская ассоциация художников* (한국예술가협회). URL: <http://www.koreaart21.com/news/articleView.html?idxno=34> (accessed 28.08.2022).

Чан Хёнхи (장현희). Лучший из Восьми видов Квандона павильон Чхонсокчжон (관

동팔경 중 으뜸인, 통천 충석정). *Ассоциация культурных центров Кореи* (한국문화원연합회) [Jang Hyunhee. Tongcheon Chongseokjeong Pavilion, the Best Among the Eight Views of Kwandong. *Association of Korean Cultural Centers* (in Korean)]. URL: <https://ncms.nculture.org/pavilion/story/2368> (accessed 20.06.2022).

Чхве Кванчжин (최광진). Оцифрованные десять символов долголетия. Мечтая о побеге из закодированного мира (코드화된 사회에서 탈주를 꿈꾸는. 디지털 십장생도). *Неолук* (네오룩) [Kwangjin Choi. Digital Ten Symbols of Longevity. Dreaming of Escape from Coded Society. *Neolook* (in Korean)]. URL: <https://neolook.com/archives/20210824b> (accessed 28.08.2022).

Чхве Кванчжин. Самоидентификация с помощью квитанций (영수증을 통한 자기 정체성 탐구). *Артмэйл* (전시메일에) [Kwangjin Choi. Exploring self-identity through receipts. *Artmail* (in Korean)]. URL: <https://www.artmail.com/db/2021/20210602-ohhyunyoung.htm> (accessed 28.08.2022).

К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА: ХУДОЖНИКИ В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ON SOME ASPECTS OF CONTEMPORARY ART IN DAGESTAN: IDENTITY SEARCH OF MODERN ARTISTS

© 2022 **Наталья Вячеславовна Сафонова**

Младший научный сотрудник, Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия; safonovanat@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

Natalia V. Safonova

Junior research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
safonovanat@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

Поиск собственной национальной идентичности — одна из наиболее значительных тем для современных художников кавказского региона. Определением традиционных этнических черт, характерных для искусства Кавказа, занимаются не только художники, но искусствоведы, культурологи и музеологи. Их диалог или его отсутствие характеризует сложный и многомерный процесс художественного осмысления реальности. В статье будут рассмотрены некоторые особенности и тенденции современной искусствоведческой историографии, посвященной описанию творческого наследия советских художников Дагестана, а также аспекты творчества современных художников, связанных с поиском и артикулированием своей этнической идентичности.

Ключевые слова: современное искусство Дагестана, проблемы идентичности, историография, Современное Кавказское Биеннале

Для цитирования: Сафонова Н. В. К некоторым аспектам современного искусства Дагестана: художники в поисках собственной идентичности. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 3. С. 210–219. DOI: 10.18254/S268684310023763-7

The process of defining national identity is one of the most significant for contemporary artists in the Caucasus region. Not only the artists, but art critics, culturologists and museum workers are engaged in determining the traditional ethnic features of the Caucasian art. Their dialogue or its absence characterizes the complex and multidimensional process of artistic comprehension of reality. In this article the author considers some trends of modern art historiography on history of Dagestan Soviet artists and their works, as well as some aspects of contemporary artists' activities related to the search and articulation of their ethnic identity.

Keywords: modern Dagestan art, identity problem, historiography, International Biennale of Contemporary Art of the Caucasus

For citation: Safonova Natalia. V. On Some Aspects of Contemporary Art in Dagestan: Identity Search of Modern Artists. *Oriental Courier*. 2022. No. 3. С. 210–219. DOI: 10.18254/S268684310023763-7

Современные дагестанские и шире — кавказские художники получают все больше признания не только в России, но и за рубежом. Несмотря на то, что они работают в различных жанрах, объединяющей чертой для большинства из них, является поиск собственной идентичности. Этому же аспекту их творчества уделяют большое внимание и кураторы современного искусства, делая данную тему основообразующей при организации выставок. Особую актуальность она приобрела после распада СССР, когда советская идеология ушла в прошлое для всех россиян. Тогда же начался активный поиск и способы формирования того, что исследовательница-этнограф Кавказа Ирина Бабич называет «горской идеологией». Этот процесс был характерен для всех республик кавказского региона и, анализируя его, И. Бабич выделяет на опыте Кабардино-Балкарии несколько тенденций, к которым прибегали местные идеологи с начала 1990-х гг. для вы-

страивания такого понятия, как национальная культура [Бабич, 2006, с. 155–156]. В качестве маркера собственной идентичности она выделяет использование символов и знаков исламской религии, этнические / национальные традиции, характерные как для целого региона, так и для небольших горных аулов и сел¹.

Часть художников, сосредоточившаяся на «мифологизации и идеализации горской морали и норм поведения», обращается к иллюстрации литературных произведений значимых авторов (например, А. П. Теппеева в работе «Мост Сийрат», З. Х. Толгурова в работе «Голубой типчак»), к пейзажам и портретам местных жителей, к важным историческим — зачастую, трагическим — событиям, например, к Кавказской войне и депортации народов Кавказа в советское время. Кроме того, отдельно можно выделить группу художников, творчество которых посвящено специфике и своеобразию малых народов республик и которые таким образом под-

1 Другим маркером идентичности выступает исламская культура: однако там, где ислам становится основным объединяющим фактором, происходит ревизия традиционных культур и обычаев. Национальные костюмы, танцевальная культура и изобразительное искусство малых народов теряют свое значение, а мусульмане-представители различных этносов становятся частью единой уммы. Кроме того, запрещается соблюдение местных обычаев, если они противоречат исламским. Безусловно, есть и примеры влияния ислама на современных художников, использующих в своих работах мусульманские символы (полумесяц, зеленый цвет) или обыгрывают исламскую тему (к примеру, «Мусульманка» И. Х. Занкишева).

черкивают собственную идентичность из всего многообразия кавказских этносов (Х. М. Курбанов, Ю. Ханмагомедов, А. Арслангереева и Ю. Карасов). К этой тенденции примыкает и такое явление, как формирование «генеалогической памяти», что включает в себя «объединение однофамильцев» (самое крупное в Кабардино-Балкарии насчитывает около 800 семей), интерес к традиционной родовой общине, который выливается в создание современной клановой структуры и «новой этнической идентичности» [Бабич, 2006, с. 156].

Другая исследовательница изобразительного искусства Кабардино-Балкарии Г. Д. Базиева прямо выделяет в качестве одной из основных целей современных художников сохранение этнических традиций. Более того, этнические традиции выделяются как основообразующие в процессе формирования и развития всего изобразительного искусства республики. Даже в советское время, несмотря на господство социалистического реализма, художники применяли в графике и иллюстрации этническую стилизацию. «В современных же художественных поисках очевидно тяготение к сложно-составленным метафорам, в которых этнические традиции играют роль идентификационного маркера» [Базиева, 2019, с. 187]. В связи с этим доктор искусствоведения Л. И. Нехвядович прямо говорит о необходимости расширения границ традиционной классификации искусства и введения в научный оборот таких понятий, как «этноживопись», «этнографика» и «этностиль» [Нехвядович, 2011, с. 186].

О роли традиции в искусстве Дагестана свидетельствует обзор, прошедшей в 2019 г. научно-практической конференции «Современное искусство Дагестана: актуальные проблемы исследования»², где центральными темами выступлений искусствоведов, культурологов и музееведов были специфика национальных художественных школ, проблемы сохранения и возрождения народных промыслов, тема исто-

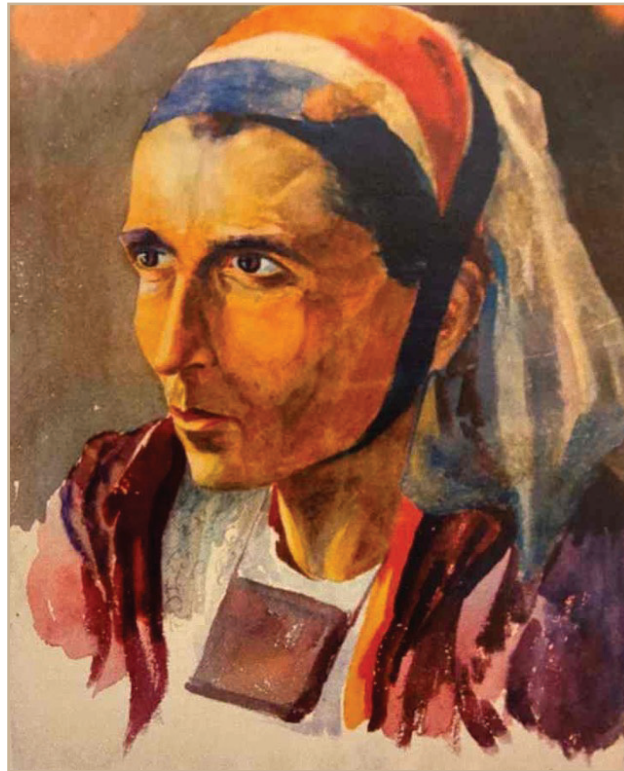
рической памяти в современном изобразительном искусстве и исследование творчества современных художников. Последние, как правило, представляют собой советских художников, в том числе работавших в довоенный период. Это такие художники, как: Н. Лаков, М.-А. Джемал, С. Салаватов, К. А. Мурзабеков, М. К.-М. Юнусилау, Дм. Капаницын, ставшие уже классиками дагестанского искусства. Некоторые из них продолжают работать до сих пор или окончили свой творческий путь в начале XXI века.

Работы этих мастеров в силу современной им советской реальности не были отмечены активным поиском собственной этнической идентичности, но представляют интерес как исследовательский объект искусствоведов, которые зачастую рассматривают их в контексте национальной специфики. Например, М. М. Байрамбеков посвятил статью трем крупным фигурам, стоявшим у истоков профессионального искусства Дагестана, — композитору Г. А. Гасанову, художнику М.-А. Джемалу и скульптору Х. Н. Аскар-Сарыджи, представляя их как деятелей, для которых «народное творчество, история, культура и быт родного края... стали источником вдохновения и проникновения в мир духовных ценностей народа» [Байрамбеков, 2020, с. 62].

Еще один известный художник и график, также стоявший у истоков дагестанского профессионального искусства, — это М. К. Юнусилау. Благодаря этой плеяде творцов мы можем сегодня изучать культуру горских народов, их традиционный быт: «эти верные искусству сына Дагестана оказывают благотворное влияние на художественное развитие и эстетическое воспитание подрастающего поколения» [Байрамбеков, 2020, с. 70].

Безусловно, в творчестве перечисленных художников имеется и галерея портретов современников и сельских жителей (*Илл. 1*), но большинство их работ выполнены в стиле социалистического реализма, отражают черты

2 Обзор конференции вышел в статье [Абдуллаева, 2019].

Илл. 1. **Д. А. Капаницын. Горянка из Ахты.** 1925 г.
 По: [Каймаразов, Каймаразова, Ахмедова, 2021, с. 2499]
 Fig. 1. **D. A. Kapanitsyn. Goryanka from Akhta.** 1925
 Source: [Kaimarazov, Kaimarazova, Akhmedova, 2021, p. 2499]

нового советского быта и полны образов крестьянок и рабочих в одеждах с национальными элементами.

Более того, поскольку в настоящее время их творческое наследие используется для конструирования национальной идентичности, некоторые аспекты творческого пути художников просто замалчиваются.

Так, М. К. Юнусилау проиллюстрировал сборник стихов «Метла адатов» Г. Цадасы, посвященный борьбе с «религиозными» и «традиционными» пережитками. Отрывки, приведенные ниже, демонстрируют скептическое отношение автора к традиционному женскому костюму (чохто) и горским обычаям:

*Гостя приехала, — в дом не влезает.
 Дети бегут врассыпную.
 Конь удирает, узду разрывает,
 Женщину эту завидев чудную.
 ...
 Гостя-красотка застыла в смущенье
 В черном чохто — словно ящик почтовый.
 Длинный платок — таково мое мнение —
 Придал ей сходство с палаткой торговой.
 ...
 «Слушай, Пати: нет к былому возврата.
 Видишь ты нового мира сиянье?
 Освободи же себя от адата:
 Наши законы — свобода и знанье»³.*

3 Отрывок из сатирического сборника стихов «Метла адатов», вышедшего в 1934 г. см: Мудрость. *Кадаса Гамзат*. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ц/cadasa-gamzat/mudrostj/5> (accessed: 10.11.2022).

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

بۆتون جہان فقرای کاسبہسی توپلاشاک!

РАБОТНИЦЫ-МУСУЛЬМАНКИ!

Царь, беки и ханы ЛИШЛИ ТЕБЯ ПРАВ. Ты была рабой в государстве, рабой на фабрике, рабой в семье. Советская власть дала тебе РАВНЫЕ СО ВСЕМИ ПРАВА. Она разбила цепи, которая тебя сковывали. БЕРЕГИ ЖЕ ВЛАСТЬ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН: ЭТО И ТВОЯ ВЛАСТЬ, РАБОТНИЦА!

Советская власть вывела тебя на широкую дорогу к свету и знанию. Она открыла перед тобой двери школы для взрослых.

ИДИ ЖЕ УЧИТЬСЯ, РАБОТНИЦА!

Советская власть заботится о тебе, когда ты готовишься стать матерью. Она бережет твои силы, она хочет, чтоб твои дети рождались сильными и здоровыми.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ-ЭТО ЗАЩИТНИЦА ТВОИХ ДЕТЕЙ, РАБОТНИЦА! Советская власть создает ясли, детские дома, школы для твоих детей. Она стремится освободить тебя от домашнего рабства, она хочет, чтобы материнство было для тебя светлой радостью.

ПОМОГИ ЖЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЕЕ НАЧИНАНИЯХ, РАБОТНИЦА! При Советской власти твои дети вырастут свободными гражданами великой коммунистической республики.

ПОМНИ, РАБОТНИЦА ТОЛЬКО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НЕСЕТ СВОБОДУ ТРУДЯЩИМСЯ!

Буржуазия, мусависты беки и ханы стремятся вернуть тебя к прежней рабской жизни. НО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НЕ ДОПУСТИТ ЭТОГО РАБОТНИЦА!

Советская власть создала доблестную Красную армию твою верную защитницу, которая несет смерть капиталистам, бекам, ханам и мир твою же защиту. СДЕЛАЙ ЖЕ ВСЕ, ЧТО МОЖЕШЬ, РАБОТНИЦА, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ КРАСНОЙ АРМИИ!

Капиталисты всего мира беки, ханы и мусависты направляют все силы, чтобы вернуть власть из рук востановившейся рабочей. ВМЕСТЕ С РАБОЧИМИ ВЫСОКО ДЕРЖИ КРАСНОЕ ЗНАМЯ, РАБОТНИЦА, ЗНАМЯ ТРУДА И КОММУНИЗМА!

Ты - мать рабочего класса. Ты делишь с ним горе и радость. Его победа - это твоя победа. ШАГЛЫ ЖЕ В НОГУ С РАБОЧИМ. НЕ ОСТАВАЙ, РАБОТНИЦА!

Да Здравствует Советская Власть!
Да Здравствует Всемирная Коммунистическая Революция!

فادين عملها!

خالد بك و خاتون سنی حوٲون مرموم ایندیرا هم حکومتده، هم قاپربا و عاتلده اسیرالدگ. شورال حکومتی بون حقوق و اختیار لری گری و زیگرموریدی سنی نداین اسارت لری بری میزدی. کدیلر و سله حکومتی محافظه ایست. بوسنک سنی زحمتکش فادینک حکومتدیر. شورال حکومتی سته علم و قورق طریقی گومتیر. سنی رشده ششاره مکتبلر آچمشدر. آرش ایلری ای اینشی فادین اوداده سنک ایپون تحصیل علم و معرفت ایچسگه میدان دار. شورال حکومتی ایولارک هرؤ دنیا به کلهدن یه اولنک فیدنه قایلر اولنرک سحتو ملانلری ایپون چارولر دوشونیر.

شورال حکومتی سنک ایولارک محافظه ای اینشی فادین! شورال حکومتی سنک ایولارک سلفمک ایپون متزل عاملر و مکتبلر تمیرایدیر. اوسنی خانه اسارتدن آز آده و اللهک و طبعه سنک سنک ایپون پارلا و نوروش برجات اوله سنی آردو ایدیر. بوسونل سنی شورال حکومتک تشکیلاتی گری ایشاده براردیسی اولورسک شورال حکومتک زمانده ایولارک مکتب قومونست جمهوریتک سرست و مکتبلر اوله چتیرده. خطرنگه آلی فادین ماله بون دنیا یوزدهم زحمتکش و سر زحمتکش و سنی شورال حکومتی میدان وریور. خاتون سنی سواستاپار سنی اسکی اسارت قاپربا سنی شورال حکومتی میدان وریور. شورال حکومتی شجاعتی قریزی اوردو تشکیلاتی ایشاده کتونر و تدار خاطر و بیکره قارش مده و آتاری محاربتک و سنک ورجانه راختور بوسون. یوزوارونگه شورال حکومتی ایپون چالیش و موافقتیه ای زحمتکش فادین! بون دنیاک و آتاریبانت بون خاطر بکر و ژوندلر امداد ایدرک عامی زحمتکش و مصلحت اندزن حکومتی آلمی ایپون بون قورق مده گتیرل. مصلحت ایلر ایولورمک یوزدن یازی کلبه سنک آلی ایلر ایلر و کتک دوتا سنی سله و زحمتکشلر بر فردینک آتارک کدیلمک و سرست و مکتبلر اوله چتیرده. آتارک مکتب سنی مکتبک اوزار به آرش ایلری مکتبک گری قالا ای اینشی فادین! باشون شورال حکومتی و بون دنیا قومونست ایلای!

Илл. 2. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

По: [Бобровников, Филатова, Хабутдинов, Слесарев, 2013, с. 130]

Fig. 2. Proletarians of All Countries Unite!

Source: [Bobrovnikov, Filatova, Habutdinov, Slesarev, 2013, p. 130]

Кроме того, большое место в творчестве вышеупомянутых художников и скульпторов занимали фигуры вождей. Например, у того же М. К. Юнусилау есть целый цикл Ленинианы, где на одной из картин он «мастерски передал чувства, которые испытывают его герои, впервые увидевшие портрет вождя советского государства» [Каймаразов, Каймаразова, Ахмедова, 2021, с. 2496].

М.-А. Джемал написал ряд картин, посвященных советским праздникам, Международному женскому дню и Первому мая (1933 г.). На последней изображены горянки с красными флагами и противопоставлены два образа: представителей старого и нового уклада. Первый, как отрицательный персонаж, представлен с «растрепанной косматой бородой, выпученными глазами, зажатой в руке и поднятой как будто для нанесения удара палкой», другой образ — молодой горянки, чье «лицо светится от радости, а она сама, не обращая внимания на грозного мужчину, держит за руку маленького сына, увлекающего ее туда, где под звуки зурны, барабана и музыки из громкоговорителя происходит праздничное действо» [Минаева, 2017, с. 189]. Использованный здесь прием встречается на советских плакатах, предназначенных для пропаганды нового режима на Востоке. Поскольку олицетворением нового мира часто выступала «раскрепощенная» и сбросившая чадру женщина, то ее часто изображали в противовес традиционному и косному миру, представленному в виде пожилых родителей и муллы. На одном из плакатов «**освобожденную женщину Востока**» даже изображают, как символ Великой Французской революции, с обнаженной грудью и развевающимся флагом, но в шароварах и покрытой головой (Илл. 2).

Кроме того, М.-А. Джемал, хотя и преподносится в современной историографии как основоположник и новатор дагестанского искусства, в сюжетах, напрямую не связанных с новыми реалиями социалистической жизни, следует академической традиции в изображении жиз-

ни сельских аулов. Любопытно описание его «жанрово-тематических картин», выполненных на «тему праздника и народных промыслов», где по словам исследовательницы его творчества З. А. Ахмедовой, М.-А. Джемал «первый создал в дагестанской живописи масштабные живописные полотна, отражающие жизнь и быт горцев» [Ахмедова, 2020, с. 111].

Его масштабная работа «Август. Сбор персиков» была написана в 1959 г. и изображает колхозников, собирающих в саду урожай персиков (Илл. 3). «Несложный реалистический сюжет... представляет стройную девушку, которая срывает с ветки золотистые плоды и складывает их в высокие плетеные корзины» [Ахмедова, 2020, с. 110]. Вдали стоит грузовик, куда их загружают, а весь процесс изображен на фоне романтического горного пейзажа с расположенным у подножья гор аулом и новым зданием консервного завода. Вся картина наполнена «светом, радостью труда и эмоционального звучания темы счастья народа».

Однако, использовать подобные полотна для «понимания жизни и быта горцев» нельзя. Если бы не грузовая машина, изображенная сцена вполне могла бы быть частью французского академического пейзажа. Так, композиция построена по типу театральной сцены с раздвигающимися кулисами, романтический фон с горами крайне условен, а виднеющийся вдалеке аул напоминает средневековую крепость. «Новое здание завода» похоже на итальянскую деревушку, как и один из персонажей, кокетливо смотрящий на зрителя, — на итальянского статиста. Одежда сборщиц фруктов вполне удовлетворяет ориенталистским представлениям о том, как должны выглядеть костюмы восточных девушек. Таким образом, несмотря на такие маркеры современности, как завод и грузовик, эту сцену трудно назвать полотном бытописания жизни дагестанского колхоза.

Изображение женщин также занимает большое место в творчестве современных молодых художников. Как и в советское время, они выступают неким символом и образом республики —

Илл. 3. М.-А. Джемал. Август. Сбор персиков. 1959

По: URL: <http://artdag.blogspot.com/2016/05/07.html> (accessed 30.11.2022)

Fig. 3. M.-A. Jemal. August. Picking Peaches. 1959

Source: URL: <http://artdag.blogspot.com/2016/05/07.html> (accessed 30.11.2022)

Илл. 4.1. Аль-Хала. По: [Биеннале Современного Искусства Кавказа... 2019, с. 294]

Fig. 4.1. Al-Khala. Source: [The Caucasian Contemporary Art Biennale, 2019, p. 294]

Илл. 4.2. Асият Арслангереева. Акуша. 2015

По: [Биеннале Современного Искусства Кавказа... 2019, с. 61]

Fig. 4.2. Asiyat Arslangereeva. Akusha, 2015

Source: [The Caucasian Contemporary Art Biennale, 2019, p. 61]

Илл. 5.1. **Е. Лансерэ. Аул Тидиб в Дагестане.** 1925
По: URL: <https://www.tg-m.ru/catalog/en/artists/2695> (accessed 10.11.2022).
Fig. 5.1. **Eug. Lanceray. Tidib Village in Dagestan.** 1925
Source: Gallery. The Tretyakov Gallery Magazine
URL: <https://www.tg-m.ru/catalog/en/artists/2695> (accessed 10.11.2022).

Илл. 5.2. **Артур Абдуллаев. Возвращение.** 2013
По: [Биеннале Современного Искусства Кавказа... 2019, с. 51]
Fig. 5.2. **Artur Abdullaev. The Return.** 2013.
Source: [The Caucasian Contemporary Art Biennale, 2019, p. 51]

уже по большей части мусульманской. Изображение мусульманок в платках и переосмысление опыта реисламизации Кавказа стало своеобразным брендом регионального искусства (Илл. 4.1; 4.2).

Другим, унаследованным с советского прошлого образом, отражающим местную специфику, являются суровые горные пейзажи с крепостью и всадником (Илл. 5.1; 5.2).

Безусловно, в Дагестане работают разнообразные художники, многие из которых сегодня творят в жанре инсталляций, мультимедиа и переосмысливают опыт советского / имперского прошлого по-своему (наиболее яркие представители: Закарья Закарьяев, Анна Зайидова, Алладин Гарунов, Таус Махачева). Об актуальности занимающей их темы поиска собственной национальной идентичности и ее важности не только для Кавказа, но и для других регионов, свидетельствуют такие масштабные международные проекты, как биеннале Современного Искусства Кавказа, первая из которых прошла в Москве в 2019 г. и так и называлась — «В поисках идентичности».

На второй биеннале 2022 г., прошедшей в Москве, Грозном и Махачкале, организаторы вывели в заглавие «унижительное клише» — «Спустившиеся с гор», которое было предложено художникам для переосмысления. Куратор проекта Заира Астемирова отметила, что с этим клише сталкивается почти каждый кавказец за пределами малой родины: «проблемы кавказской идентичности в России настолько масштабны... что российское общество по-прежнему не может отказаться от устоявшегося представления о кавказцах как темпераментных туземцах, спустившихся с гор, с дикими нравами и обычаями». Так, тема поиска идентичности переросла в диалог с остальным обществом, сложившимися стереотипами и проблемой принятия самих себя.

В заключение отметим, что несмотря на злободневность и значительность обозначенной темы, художники и искусствоведы зачастую пытаются определить маркеры национальной

идентичности по-разному. Если молодые художники переосмысливают собственный опыт, то исследователи часто обращаются к наследию советских мастеров, из которого выделяют традиционные приемы в изображении различных этносов и черты так называемого «этностиля». Однако в описании и оценке современного художественного процесса следует избегать однозначных характеристик, учитывая его сложность и многомерность, чему в том числе поможет рассмотрение всех аспектов творческого пути художников прошлого и настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абдуллаева Э. Б. Республиканская научно-практическая конференция: Современное искусство Дагестана. Актуальные проблемы исследования. *Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы*. 2019. С. 123–125. [Abdullaeva E. B. Republican Academic-Practical Conference: Modern Art of Dagestan. Current Research Problems. *Bulletin of G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*. 2019. Pp. 123–125 (in Russian)].

Ахмедова З. А. Жанровая картина в творчестве Муэтдина-Араби Джемала. *Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы*. 2020. С. 108–111 [Akhmedova Z. A. Genre Painting in the Works of Muetdin-Arabi Dzhemal. *Bulletin of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*. 2020. Pp. 108–111 (in Russian)].

Бабич И. Поиски современной «горской идеологии» на Северном Кавказе. *Кавказ и глобализация*. Т. 1. 2006. С. 155–156 [Babich I. The Search for a Modern “Highland Ideology” in the North Caucasus. *The Caucasus and Globalization*. Vol. 1. 2006. Pp. 155 – 156 (in Russian)].

Базиева Г. Д. Этнические традиции в изобразительном искусстве Кабардино-Балкарии. *Манускрипт*. Т. 12. №. 5, 2019. С. 184–187 [Bazieva G. D. Ethnic Traditions in the Kabardino-Balkarian Visual Arts. *Manuscript*. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 184–187 (in Russian)].

Байрамбеков М. М. Основатели профессионального искусства Дагестана. *Искусство — Диалог Культур. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции.* 2020. С. 62–70 [Bayrambekov M. M. Founders of Professional Art of Dagestan. *Art — Dialogue of Cultures*, 2020. Pp. 62–70 (in Russian)].

Бобровников В. О., Филатова М., Хабутдинов А. Ю., Слесарев А. *Плакат советского Востока, 1918–1940. Альбом-каталог.* М.: Изд. дом Марджани, 2013. — 320 с. [Bobrovnikov V. O., Filatova M., Habutdinov A. Yu., Slesarev A. *Soviet East Posters; 1918–1940. Catalogue of the Exhibition in the State Central Museum of Contemporary History of Russia.* Moscow: Mardjani Foundation, 2013. — 320 p. (in Russian)].

Биеннале Современного Искусства Кавказа: в поисках идентичности. Каталог. М.: ArtPlay, 2019. — 345 с. [The Caucasian Contemporary Art Biennale. Catalogue. Moscow: Artplay, 2019. — 345 p. (in Russian)].

Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г., Ахмедова З. А. Трансформация образа женщины-горянки в произведениях дагестанских художников 1920–1930-х гг.: исторический и социокультурный аспекты. *Manuscript.* 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 2490–2501 [Kaimarazov G. S., Kaimarazova L. G., Akhmedova Z. A. Transformation of Mountain Woman's Image in Works of Dagestan Artists in the 1920–1930s: Historical and

Sociocultural Aspects. *Manuscript.* 2021. Vol. 14. Iss. 12. Pp. 2490–2501 (in Russian)].

Минаева О. Д. Журнал «Работница» в 1920–1930-е гг.: оформление и специфика применения визуальных жанров. *Коммуникации. Медиа. Дизайн.* 2017. Т. 2. No. 1. С. 166–197 [Minaeva O. D. The Soviet Magazine “Rabotnitsa” in 1920–1930: Design and the Specific Practice of Visual Genres. *Communications. Media. Design.* 2017. Vol. 2. No. 1. Pp. 166–197 (in Russian)].

Нехвядович Л. И. Этнические традиции как источник формообразования в искусстве. *Известия Алтайского государственного университета.* 2011. № 1–2. С. 183–187 [Nekhvyadovich L. I. Ethnic Traditions as Source of Form-Building in the Art. *Izvestiya Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2011. No. 1–2. Pp. 183–187 (in Russian)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

Галерея. Журнал «Третьяковская галерея» [Gallery. Tretyakov Gallery Magazine]. URL: <https://www.tg-m.ru/catalog/en/artists/2695> (accessed 30.11.2022).

Мудрость. Кадаса Гамзат [Wisdom. Cadasa Gamzat]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ц/cadasa-gamzat/mudrostj/5> (accessed: 10.11.2022).

Подписано в печать 21.12.2022
Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21.71. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
119049, г. Москва, Мароновский пер., 26

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Департамент научных изданий
Научно-инновационного управления
Государственного академического
университета гуманитарных наук
e-mail: dsp@gaugn.ru
<https://gaugn.ru/science/dni/>

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, офис 1